

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия); Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (адрес: д.71, пр. Октября, 450054 Уфа, Республика Башкортостан, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© КалмНЦ РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record ПИ No. ФС77-76487

Published six times a year

Co-Founding Institutions: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation),
Federal State Budgetary Institution of Science Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022

© Authors, 2022

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);

проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);

акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);

проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);

чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);

д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);

д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);

д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);

канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *А. Г. Ситдигов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);

д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);

д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);

акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,

Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);

д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);

акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);

д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);

канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
- Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
- Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
- Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
- Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
- Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryaeva*

Translator: *Sanal V. Dzhagrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

Executive Secretary: *Saglara V. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история	Батмаев М. М. Калмыцкая повседневность XVII–XIX вв.: постановка проблемы и история изучения	8
	Цюрюмов А. В. Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: вопросы организации и обеспечения	19
	Азаматова Г. Б. Между российской правовой системой и нормами шариата: судьба закона 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман»	28
	Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Революционная деятельность первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека (по данным отечественных и зарубежных архивов)	37
	Карчаева Т. Г., Доржу З. Ю., Северьянов М. Д., Седен А. В. История нотариального дела на территории Тувы: от нойонов и старших выборных до Первой Кызылской нотариальной конторы (1914–1940-е гг.)	51
	Белоусов С. С. Поселения крестьян-единоличников в Калмыкии (1930–1991 гг.)	63
Источниковедение	Бабенко В. А., Колесникова М. Е. В. Н. Татищев и золотоордынские памятники Северного Кавказа	74
	Митруев Б. Л. Комментарий к коренной мантре Ваджракилаи.	86
Археология	Очир-Горяева М. А. Изучение цоколя северной стены городища Башанта-I эпохи Хазарского каганата	105
Языкознание	Мазарчук А. В. Частотность употребления показателей множественного числа существительных в калмыцком языке (в сравнении с монгольским и бурятским)	122
	Норманская Ю. В., Легусина У. Н. Долгие гласные в якутских книгах середины XIX в.: ошибки или отражение тонких просодических противопоставлений, которые ранее не привлекали внимание ученых?	132
	Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А. Поговорки башкирского языка (проблема разграничения, анализ структуры)	144
	Люлина А. Г. Этимология иероглифа 佛 и рецепция буддизма в Китае	158
Фольклористика	Степанова О. Б. Мотив родственной вражды в фольклоре северных селькупов	169

CONTENTS

National History	<i>Batmaev M. M.</i> Everyday Life of Kalmyks, 17 th –19 th Centuries: Defining the Problem and Its Background	8
	<i>Tsyuryumov A. V.</i> Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1768–1774: Tactical Structure and Organizational Supply Revisited	19
	<i>Azamatova G. B.</i> Between Russia’s Legal System and Sharia Norms: The Fate of the Law of 13 May 1830 On Prohibition of Any Deviations for Mohammedans from General Burial Regulations	28
	<i>Kuras L. V., Tsybenov B. D.</i> Revolutionary Activity of O. I. Makstenek — The First Representative of RSFSR People’s Foreign Affairs Commissariat to Mongolia: Exploring Russian and Foreign Archives	37
	<i>Karchaeva T. G., Dorzhu Z. Yu., Severyanov M. D., Seden A. V.</i> History of Notarial Affairs in Tuva: From Noyons and Senior Electives to the First Notarial Office of Kyzyl, 1914 to 1940s.	51
	<i>Belousov S. S.</i> Settlements of Individual Peasants in Kalmykia, 1930–1991	63
Sources Studies	<i>Babenko V. A., Kolesnikova M. E.</i> Vasily N. Tatishchev and Golden Horde Monuments of the North Caucasus	74
	<i>Mitruiev B. L.</i> One Commentary to the Vajrakīlaya Root Mantra Revisited	86
Archaeology	<i>Ochir-Goryaeva M. A.</i> Hillfort of Bashanta-I from the Khazar Era: Exploring the Northern Wall Base Hillfort of Bashanta-I from the Khazar Era: Exploring the Northern Wall Base	105
Linguistics	<i>Mazarchuk A. V.</i> Frequency Use of Plurality Markers in Kalmyk Nouns (With Comparative Insights into Mongolian and Buryat)	122
	<i>Normanskaja J. V., Legusina U. N.</i> Long Vowels in Mid-19 th Century Yakut Books: Errors or Reflections of Minor Prosodic Oppositions Overlooked by Researchers?	132
	<i>Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A.</i> Bashkir Proverbs and Sayings: The Problem of Differentiation, Analysis of Structural Patterns	144
	<i>Lyulina A. G.</i> Etymology of the Character 佛 and Reception of Buddhism in China	158
Folklore studies	<i>Stepanova O. B.</i> Folklore of Northern Selkups: The Motif of Familial Hostility Analyzed	169

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 1, pp. 8–18, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-8-18

Калмыцкая повседневность XVII–XIX вв.: постановка проблемы и история изучения

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: kigiran@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Батмаев М. М., 2022

Аннотация. *Введение.* Большинство работ в отечественной историографии посвящено политической истории: классовой борьбе, войнам, социально-политическому и социально-экономическому развитию, выдающимся деятелям и т. п. Между тем понятно, что основой исторического развития любого народа, в конечном счете, его существования, является повседневный труд народных масс. Статья прослеживает появление и развитие в исторической науке направления, изучающего повседневность, в том числе и в отечественной историографии. *Цель* статьи — показать плодотворность разработки и освещения повседневной жизни калмыцкого народа, т. е. всех его сословий и сословных групп на протяжении трех веков: XVII–XIX вв. *Результаты.* В статье освещается деятельность французской школы «Анналов», а точнее их основателей: М. Блока и Л. Февра. Рассмотрено появление работ о повседневности в отечественной историографии. Что касается калмыцкой повседневности в прошлом, то сделан *вывод* о том, что к настоящему времени нет опубликованных специальных работ по этой теме. Имеются работы по этнографии, где говорится о быте калмыков в прошлом, об их обычаях, об их хозяйственных занятиях и т. п., которые входят составной частью и в тематику повседневности.

Ключевые слова: повседневность, российская повседневность, калмыцкая этнография, калмыцкая повседневность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Калмыцкая повседневность XVII–XIX вв.: постановка проблемы и история изучения // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 1. С. 8–18. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-8-18

Everyday Life of Kalmyks, 17th–19th Centuries: Defining the Problem and Its Background

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2233-0647. E-mail: kigiran@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Batmaev M. M., 2022

Abstract. *Introduction.* The majority of Russian historiographic works deal with political history, namely: class struggle, wars, sociopolitical and socioeconomic development, prominent figures, etc. Meanwhile, it is evident enough that an ultimate basis for historical development and existence of any ethnos is everyday labor of the masses. The article reviews the emergence and development — in historical science as such and Russian historiography proper — of the research trend exploring everyday life. The paper notes virtually no such works have been published in Kalmykia, nor can one find any essential scholarly narratives on everyday life of Kalmyks. *Goals.* The study aims at delineating long-term benefits of academic insights into Kalmyk routine life, all estates and social groups throughout the 17th to 19th centuries. *Results.* The paper revisits activities by founders of the Annales school (France) — Marc Bloch and Lucien Febvre. Special attention is paid to similar works on everyday life in Russian historiography. *Conclusions.* The available ethnographic narratives examine the past household life of Kalmyks, their rites, economic affairs and other aspects integral to the subject area ‘mundane life’. However, the article concludes no special works to have covered Kalmyk routine life of the past have been published yet.

Keywords: everyday life, Russian everyday life, Kalmyk ethnography, Kalmyk everyday life

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Batmaev M. M. Everyday Life of Kalmyks, 17th–19th Centuries: Defining the Problem and Its Background. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 8–18. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-8-18

Введение

В 1986 г. было опубликовано второе издание (первое издание — в 1949 г.) работы известного французского историка Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка» в переводе Е. М. Лысенко. Издание сопровождалось примечаниями и рецензией также известного отечественного историка А. Я. Гуревича «Марк Блок и „Апология истории“». Марк Блок вместе с Люсьеном Февром был основателем направления во французской историографии «Новая историческая наука» или, как оно еще называется, Школы «Анналов». Более подробно о нем можно узнать при прочтении работы А. Я. Гуревича под названием «Исторический синтез и Школа „Анналов“» [Гуревич 1993]. В своей большой статье-рецензии А. Я. Гуревич анализирует выда-

ющийся вклад Марка Блока совместно с коллегой-товарищем Люсьеном Февром в развитие исторической науки не только во Франции, но и во многих других странах, в первую очередь в западноевропейских. А. Я. Гуревич отметил, что среди многочисленных работ М. Блока нет ни одной работы по политической истории или посвященных выдающимся историческим лицам. Его, по мнению выдающегося отечественного медиевиста, привлекает коллективная психология, типические массовидные явления, в которых можно обнаружить определенную повторяемость [Блок 1986: 195–196].

М. Блок и Л. Февр стояли у истоков нового исторического направления. Они выступили за ввод в предмет исторической науки жизнь и деятельность широких народных масс. Содержание книги М. Блока, его

неудовлетворенность существующим положением истории во Франции его времени, прямо перекликается с не совсем уж дальним состоянием истории как науки в нашей стране. Перестройка всколыхнула отечественных историков: показала, что когда распевали во время маевки и октябрин «Я такой другой страны не знаю, где так вольно дышит человек», на деле дыхание советского человека порою бывало стесненным.

Развитие темы повседневности в российской историографии

Перестройка, которая началась и происходила в наше с вами время и результаты которой мы видим сегодня (анализ их не входит в задачи нашей работы), не могла не коснуться и отечественной исторической науки. Процесс оздоровления идеологической атмосферы был извилист и труден. Бывший член Политбюро и председатель Идеологической комиссии в период между XIX конференцией и XXVIII съездом КПСС В. А. Медведев вспоминал, что он в начале октября 1989 г. пригласил в ЦК КПСС на совещание сравнительно узкую группу ведущих ученых-историков для обмена мнениями по проблемам развития исторической науки и повышения ее роли в формировании общественного сознания. Он говорил «узкой группе», которая, очевидно, должна была соглашаться со сказанным, что, к сожалению, отечественные обществоведение и историческая наука оказались не на должной высоте и не готовыми к работе, требуемой от них. Первенство в новых исторических исследованиях оказалось не в руках ученых историков-специалистов, а его захватили публицисты, журналисты и писатели. Далее В. А. Медведев утверждал, что в целом сдвиги идут в правильном направлении, но все-таки не ученые-историки задают тон [Медведев 1998: 299]. Партийный функционер, как и прежде, пытался указывать, что освобождающиеся от жесткого (если не сказать более) идеологического диктата историки уже не хотят иметь над собой непрошенных контролеров.

К счастью, ученым, и не только историкам, постепенно удавалось освобождаться от идеологического диктата. Тот же А. Я. Гуревич сообщает, что книгу «Исторический синтез и Школа „Анналов“» в основном написал во время пребывания в США в период с конца 1988 г. по первую половину 1989 г. Сама возможность осуществления данной научной командировки была обе-

спечена ему Центром Гетти по изучению истории искусств и гуманитарных знаний (г. Санта-Моника, Калифорния). Очевидно, для того времени воздух Америки был для автора благоприятным: книга удалась [Гуревич 1993: 8].

Нет никакого сомнения, что А. Я. Гуревич задолго до командировки в США хорошо представлял себе истинное положение в отечественной исторической науке. Теперь же он имел возможность — благодаря не поездке в США, а начавшейся перестройке — открыто и публично высказать свои взгляды. В 1990 г., в 11-м номере журнала «Вопросы философии» он опубликовал статью «Теория формаций и реальность истории». В ней он прямо заявил, что теория общественных формаций не выдержала испытания временем [Гуревич 1990: 31].

От себя добавлю, что теория марксизма-ленинизма, как ее с пиететом именовали, доказывала свою ограниченность на наших с вами глазах. Она, как и все теории подобного характера, какими-то гранями отвечала идеологическим потребностям определенного периода времени общественного развития. Эта теория правильно истолковывала определенные состояния и процессы, присущие тому или иному периоду в развитии того или иного человеческого общества. Однако возводить ее в истину в последней инстанции было не только ошибочным, но и вредным.

Как представляется, наиболее ошибочным в теории марксизма-ленинизма было упование на насилие в решении задач общественного развития. История нашего Отечества дает массу примеров того, во что оборачиваются благие намерения, если их достигают путем насилия. Повседневность времен революций, гражданской войны, раскулачивания, культа личности тому доказательство. Прав был А. Я. Гуревич, когда писал, что «эксперименты по практическому воплощению идеи социализма... не увенчались успехом... Эти эксперименты, проводившиеся в странах с различными социально-экономическими укладами, преимущественно некапиталистическими или при относительно слабой развитости капитализма, приводили к использованию идеи социализма в качестве псевдонима тоталитарных режимов» [Гуревич 1990: 31].

А. Я. Гуревич немало сделал для популяризации — по крайней мере, среди отечественных историков — идей и творчества

ученых авторов Школы «Анналов». Историки же этого направления не в последнюю очередь интересовались и разрабатывали историю повседневности в ту или иную эпоху, преимущественно во Франции. Можно с большим основанием предположить, что работы А. Я. Гуревича вызвали интерес к данной тематике у отечественных историков, и этим обстоятельством объясняется появление на рубеже второго и третьего тысячелетий ряда работ по истории российской повседневности, а также теоретического характера [Бутенко 1987; Кнабе 1989; Лелеко 2002; Людтке 1999: 77–100].

Необходимо отметить, что, будучи для российской историографии сравнительно новым направлением, тема повседневности нуждалась в выработке соответствующей терминологической базы и определения содержания терминов. Например, Т. С. Георгиева считала, что подобно тому «как повседневность — это жизнь в целом, все жизненные реалии, так и культура повседневности — это культура в ее синкретичности. Это то, во что погружен человек, где он живет, как живет, мыслит, ведет себя и т. п. Обыденная культура — это специфический, только человеку свойственный способ его бытия. Это бытие человека в различных жизненных реалиях, в различных областях действительности; это сфера, созданная самим человеком. Или иначе культуру повседневности можно понимать как универсальный способ человеческого существования, имеющего свои пространственно-временные границы, как форму организации повседневной жизни и деятельности человека, так как только труд, деятельность как таковая являются неперенным условием его бытия» [Георгиева 2005: 17].

По мнению Т. С. Георгиевой «повседневная культура человека проявляется через особенности его деятельности, сознания и поведения, а также через вещи, предметы, произведения искусства и художественного ремесла, окружающие его орудия труда, языковые особенности речи, характеризующие этого человека или группу людей, общество в целом» [Георгиева 2005: 17].

Сказанное в целом, конечно, верно, но возникает вопрос: могут ли быть для отдельного человека, а может быть, и для группы людей две повседневности? Ведь человек — разумное, мыслящее существо, и поэтому каждый из людей по-разному воспринимает окружающую повседневность,

домысливает или по-разному осмысливает ее. Например, шпион живет двойной жизнью, и для каждой из этих жизней повседневность воспринимается, проживается по-разному. Вызывает сомнение и следующее утверждение уважаемого автора: «Мир культуры — это мир человека, от начала и до конца создаваемый им» [Георгиева 2006: 9]. И далее: «История культуры — это прежде всего история становления человека, выделения его из мира природы и формирования человека как существа социального» [Георгиева 2006: 9].

Напрашивается вопрос: бесчисленные войны человека с человеком, инквизиция, гекатомбы, фашизм, угроза ядерной войны и т. д. и т. п. — что это? Почему они сопровождают мир культуры? Единственное, что верно, это то, что человек становился культурным (к сожалению, и бескультурным) в процессе многотысячелетнего труда.

Проблемы изучения вопросов повседневности стали настолько значимыми, что в Государственный образовательный стандарт по специальности «Культурология» была введена дисциплина «Культура повседневности». В 2008 г. Л. В. Беловинский опубликовал учебное пособие «Культура русской повседневности» [Беловинский 2008]. В аннотации говорится, что книга является учебным пособием, повествующим об истории таких сторон жизни городов и сельской местности России, как обыденность, праздники и верования, быт и национальный характер. В целом автор показывает обширную картину русской повседневности XIX–XX вв., включая туда ее особый предметный мир и жизненный уклад, имевший место, как у правящих верхов, так и среди разнообразных маргиналов. При этом он не забывает осветить и вопросы, связанные с их трудом и отдыхом, моральными и эстетическими ценностями. Посетовав на то, что, как и во всяком новом направлении, в изучении истории повседневности «еще далеко до формирования определенного единства» [Беловинский 2008: 4], и даже нет общепринятой дефиниции понятия «повседневность». Л. В. Беловинский дает свое определение понятия «повседневность», рассматривая ее как практическую реализацию «в процессе общественного бытия существующих и выработку новых культурных норм и стандартов человеческой жизнедеятельности, формируемых жизненным опытом индивида и социума. Она

выступает как сочетание различных видов специализированной и обыденной деятельности, детерминированных ценностными ориентациями человека, переживающего здесь и сейчас как настоящее, так и неотъемлемое от него прошлое, переживаемое как субъективно, в живом восприятии людей, так и объективно, как данность, налагающая отпечаток на настоящее» (курсив автора. — Л. В.) [Беловинский 2008: 4].

Далее Л. В. Беловинский утверждает, что повседневность может быть использована как инструмент исследования и описания культуры ввиду того, что она обычно выступает местом реализации последней. Из этого можно понять, что ученый придерживается понятия о культуре как «о совокупности исторически складывающихся и постоянно видоизменяющихся социально актуальных норм и стандартов человеческой жизнедеятельности, порожденной потребностями воспроизводства человека» [Беловинский 2008: 4].

Л. В. Беловинский считает, что «повседневность выражается в „правилах игры“ коллективной жизни социума: мотивациях, социальной стратегии, нормах и правилах, стандартах адаптивной деятельности, взаимоотношениях людей, в организации, коммуникации, в нравах, обычаях, ритуалах, стереотипах восприятия и поведения, вкусах, оценках, творчестве, труде, формах отдыха и других регуляторах общественного поведения этносов, страт, социокультурных микрогрупп и индивидуумов в процессе общественного бытия в каждый исторический момент» [Беловинский 2008: 6].

Л. В. Беловинский считает, что основная задача исторической науки должна заключаться в изучении и описании истории нации. «А история нации выражается в её повседневной жизни. Таким образом, изучая историю повседневности, мы изучаем подлинную национальную историю» [Беловинский 2008: 12]. Чем же занимались историки раньше? По его мнению, они уже несколько веков создают труды по истории государства.

С этим взглядом можно не согласиться, а вот согласиться с Л. В. Беловинским можно тогда, когда он говорит о трудностях изучения повседневности, даже при изучении лишь одного этноса. Здесь исследователь может столкнуться с трудностями, обусловленными наличием в обществе крайне сложной и многоуровневой социокультурной стратификации [Беловинский 2008: 12].

Проблемы и вопросы в изучении калмыцкой повседневности

Сложность исследования многоуровневой социокультурной стратификации как нельзя лучше демонстрируется на калмыцком материале, особенно XVII–XIX вв. Калмыки были известны в России со второй половины XVI в., а с начала XVII в. отдельные калмыцкие улусы стали кочевать по российской территории. Подобная «многовековость» связана, в конечном счете, со следующими обстоятельствами: 1) существованием медленно изменяющегося хозяйства — кочевого скотоводства; 2) устойчивостью идеологических установок; 3) приверженностью народа морально-этическим установкам, выработанным предками; 4) религиозной особенностью; 5) сравнительной изолированностью от соседних народов.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что изменения в повседневности калмыков происходили. Исходя из сказанного, формируются задачи исследования. Во-первых, были ли, по крайней мере, в верхних социальных слоях народа, мировоззренческие взгляды? Известно, что «в различных формах мировоззрений по-разному представлены интеллектуальный и эмоциональный опыт людей. Эмоционально-психологическую сторону мировоззрения на уровне настроений, чувств составляет мироощущение. Опыт формирования познавательных образов мира с использованием наглядных представлений относят к мировосприятию. Познавательно-интеллектуальную сторону мировоззрения составляет миропонимание» [Введение в философию 1989: 25]. Несомненно одно: эти мировоззренческие состояния были в той или иной мере присущи всему калмыцкому народу.

Во-вторых, какова была «классическая», если так можно выразиться, калмыцкая повседневность? В-третьих, какие изменения происходили в калмыцкой повседневности в рассматриваемый период?

Под повседневностью в данном исследовании понимается материальная и духовная реальность со всеми присущими ей атрибутами, в которой живут и действуют конкретные человеческие сообщества (народы, социальные группы и т. д.) и которые застает человек после своего рождения. Как рождение, так и существующая в том или ином человеческом сообществе повседневность не зависят от отдельного человека.

Данную повседневность историк получает по эстафете от своих предшественников. Однако место его в окружающей жизненной реальности, т. е. все в той же повседневности, зависит уже от его собственных врожденных задатков, волевых решений, ситуационного выбора и продуманных поступков.

История изучения

Зарождение научно-исследовательского, познавательного интереса к калмыкам относится к первой четверти XVIII в., что было вызвано, в том числе и планами российского правительства по христианизации калмыков. Так, монах Киево-Печерской лавры Никодим Линкевич (Линкеевич) выучился у крещеных калмыков их языку и письменности. По указу Петра I от 19 апреля 1724 г. он в начале 1725 г. был направлен в Ставрополь-на-Волге (ныне — г. Тольятти), где были поселены крещеные калмыки. В течение нескольких лет он обучал детей русскому языку, переводил на калмыцкий язык духовную литературу, интересовался калмыцкой историей. Ему помогали три выпускника московской Славяно-Греко-Латинской академии (Андрей Чубовский, Яков Бестужев, Иван Ляхов), осваивавшие калмыцкий язык и письменность [*История отечественного* 1990: 43].

Известный государственный деятель и историк В. Н. Татищев, будучи управляющим Оренбургским краем, основал в Самаре татаро-калмыцкую школу (1737–1739 гг.). В 1741–1745 гг. он был астраханским губернатором и продолжал заниматься историей калмыков, приобретал калмыцкие книги, в том числе калмыцкую историю «Бодимир имяннованная» [*Исторические судьбы* 2004: 63–64].

Участниками второй академической экспедиции (П. С. Паллас, С. Г. Георги и И. И. Лепехин), проходившей в 1768–1774 гг., была собрана и опубликована разнообразная информация этнографического характера [*Гмелин 1777; Георги 1799; Лепехин 1771; Паллас 1809*].

В фондах Национального архива Республики Калмыкия имеются письма С. Г. Гмелина и П. С. Палласа, адресованные астраханским губернским властям. В них авторы просили оказать помощь своим экспедиционным группам в деле сбора различной информации о калмыках, причем ими учитывался и вариант непосредственного опроса калмыков в их улусах [*НА РК. Ф. 35. Оп. 1.*

Д. 29. Л. 200; НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 70. Л. 18; НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 72. Л. 99–101].

Начавшееся со второй половины XVIII в., уже можно сказать, планомерное изучение истории калмыков, было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, именно в этот период начинает оформляться стремление российского правительства к административно-хозяйственному освоению калмыцкой степи, и, во-вторых, появляются планы по установлению среди калмыков таких правоотношений, которые входили бы в сферу действия общероссийских законов и постановлений. Говоря устами Екатерины II, надо было узнать, «с кем дело имеем и о ком пещись должно?» [*История России 2009: 339*].

В этой связи неудивительным представляется новый подъем в деле написания и опубликования историко-этнографических работ о калмыках, пришедшийся на 1830–1840-е гг. В это время происходили обширные нововведения в системе управления калмыцким народом и регулирования социальных отношений между отдельными его сословиями. И в дальнейшем, вплоть до конца XIX в., появление работ о калмыках, кроме научно-познавательных интересов, вызывались и прикладными целями. Из публикаций XIX в. представляют большую ценность прежде всего работы Н. А. Нефедьева, П. И. Небольсина, И. В. Бентковского, И. А. Житецкого и Я. П. Дубровы [*Нефедьев 1834; Небольсин 1852; Бентковский 1868; Бентковский 1869; Бентковский 1870; Житецкий 1893; Дуброва 1998*].

Остановимся вкратце на содержании указанных работ. Необходимо отметить, что большинство авторов были должностными лицами, но это обстоятельство не мешало им обращать внимание и на такие стороны бытия калмыцкого народа, которые не были связаны с их административными функциями. Например, П. С. Паллас начинает свое повествование о калмыках с описания их внешности.

Так, согласно ему, калмыки почти все были среднего роста, имея в своем составе больше людей с низким ростом, чем с высоким: «Воспитание детей, которое препоручено одной природе (т. е. природе. — М. Б.), не может производить иначе, как только здоровое и совершенное тело. Они все сухощавы, и я не видал ни одного толстого калмыка по крайней мере из простого народа... Телом и лицом калмыки с природы еще на-

рочито белы, а по крайней мере все таковы малые дети. Из сообщенного некоторыми предшественниками описания должно бы думать, что все калмыки лицом весьма безобразны и страшны; но многие из мужчин и женщин имеют круглое и приятное лицо, да и некоторые столь пригожи, что и европейских городах не стали бы ими гнушаться» [Паллас 1809: 456].

Почти все авторы в той или иной степени прослеживают жизненный цикл калмыков: рождение, воспитание детей, жизнь взрослых мужчин и женщин и т. д. Особенно большое внимание уделяется браку, свадебным обычаям калмыков. Достаточно подробно освещается их религиозная жизнь, в связи с чем описывается и деятельность хурулов (кочевых, а позже и стационарных). Особенно много (относительно) внимания семейно-брачным отношениям уделил П. И. Небольсин, а религиозной жизни — Н. А. Нефедьев.

О том, каково было положение в последней области, по крайней мере в первой половине XIX в., быть может, с долей преувеличения А. Попов отзывался следующим образом: «В последнее время духовенство калмыцкое размножилось до того, что в некоторых улусах на каждую кибитку простолюдина приходится по одному гелуну. Впрочем чернь старается увеличивать число духовных членов общества совсем не по чувству набожности, но по побуждению своекорыстия; потому что каждый посвященный в духовное звание освобождается от всех повинностей и живет при хуруле на счет своего улуса; следовательно через это слагается уже некоторая тяжесть с его семейства, часто нуждающегося в дневном пропитании» [Попов 1839: 40–41].

Большинство дореволюционных авторов писали о калмыках или по литературным данным, или что каждый из них знал и видел по личным наблюдениям, так как многие из них были чиновниками, занимавшимися калмыцкими делами по их управлению и т. п. Из названного ряда выделяется работа Я. П. Дубровы. Наиболее ценной в этом труде является третья часть, где автор очень эмоционально описывает хозяйственно-бытовое положение калмыков Большедербетского улуса в конце XIX в. По его мнению, к печальному состоянию данной сферы у них привели следующие факторы: политика центрального правительства, имевшая характер непродуманной и хао-

тичной; пороки местной администрации, выразившиеся в корыстолюбии, самодурстве и равнодушии ее чиновников; колонизация лучших земельных угодий улуса, осуществлявшаяся крестьянами-переселенцами; безудержная эксплуатация калмыцкими нойонами и зайсангами простого народа [Дуброва 1998: 63–79].

Я. П. Дуброва очень сочувственно описывает неприглядный и ухудшавшийся быт большедербетских калмыков (большая часть их собратьев в Астраханской губернии жила не лучше их). Хотя он довольно сурово отзывается о бестолковости прежних административных установлений правительства и справедливо пишет об их малой эффективности, тем не менее он и сам продолжает уповать на то же самое администрирование.

Важно отметить, что Я. П. Дуброва весь пафос своего труда направляет на доказательство того, чтобы «именно теперь пополнить пробел в деле изучения быта калмыков во всех его проявлениях и тем так или иначе прийти на помощь администрации, занятой в настоящее время вопросом о коренном переустройстве экономического и правового положения этого народа» [Дуброва 1998: 16]. Сказанное не умаляет общего значения его труда. Никто до него не писал так сочувственно о калмыках, никто с такой смелостью не раскрывал причин их бедственного положения, никто так настойчиво не призывал искать пути их материального и духовного возрождения [Дуброва 1998: 4–8].

Рассмотрев основную дореволюционную историко-этнографическую (более всего последнюю) литературу, мы можем констатировать, что она строилась условно по единому образцу. Вначале авторы кратко останавливались на освещении основных политических событий калмыцкой истории. Затем они переходили к описанию быта, разделяя его на рубрики, вытекающие или, лучше сказать, определяемые основными этапами жизненного пути человека: рождение, детство, семейно-брачные отношения, старение и смерть, т. е. все то, что составляет в основном быт.

Оценочно-пояснительные пассажи весьма редки. Разумеется, пытаться восстановить внутреннюю жизнь человека, его психологию, мировосприятие и т. п. трудно, но без этого, без учета идеологической, так сказать, стороны индивида, социальных групп, сообществ, без показа их поколенной

передачи картина повседневности будет обедненной.

В советский период тема калмыцкой повседневности напрямую не разрабатывалась. Вместе с тем время от времени публиковались книги и статьи по этнографии калмыков, где можно было найти сюжеты, касающиеся быта, хозяйства, устного народного творчества и т. п., которые входят составной частью в повседневность.

В 1976 г. был опубликован первый номер Этнографического сборника [[Этнографический сборник 1976](#)]. Особое внимание привлекает работа У. У. Душана «Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии». В редакционном вступлении, кроме биографических данных, сообщается, что вопросы обычаев и обрядов дореволюционной Калмыкии были освещены У. У. Душаном еще в 1920-х гг. и изданы в Астрахани в 1928 г. под заглавием «Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними» [[Душан 1976](#)].

В этом же сборнике привлекает внимание издание писем Э. Островского в переводе с польского Ф. И. Стекловой [[Островский 1976](#)]. Наконец, в этом же номере опубликовано сообщение Д. Д. Шалхакова «Основные традиционные черты семьи и брака по литературным данным» [[Шалхаков 1976](#)].

Особое значение имеют следующие работы: [[Бакаева 1994](#); [Бакаева, Сангаджиев 2005](#)], ряд сюжетов и описаний в которых перекликаются с тематикой калмыцкой повседневности.

Кроме того, полезны и интересны занимающемуся культурой повседневности калмыков следующие работы: «Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: исследование и материалы» [[Хабунова 1998](#)]; «Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы» [[Борджанова 1999](#)]; «Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв.» [[Батыров 2014](#)]; переиздание книги Пармена Смирнова «Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии» [[Смирнов 1999](#)].

В 2008 г. в издательском доме «Герел» вышла книга автора статьи «Семья и брак в традициях калмыков» [[Батмаев](#)

2008], в которой рассмотрены отдельные сюжеты, связанные с калмыцкой повседневностью.

Заключение

Зарождение изучения истории повседневности относится к XX в., хотя отдельные исследования, касающиеся этой тематики, появлялись и в предыдущий период. Большую роль в становлении этого направления сыграли работы М. Блока и Л. Февра, ратовавших за введение в предмет исторической науки жизни и деятельности широких народных масс. В российской историографии активная разработка темы повседневности началась в постперестроечный период: среди закономерных последствий общества демократизации общества были не только пересмотр устоявшихся догм, но и обращение исследователей к истории повседневной, обычной жизни человека. Вместе с тем понятийный аппарат исследований, связанных с повседневностью, остается недостаточно разработанным, ряд исследователей весьма различно рассматривают понятие повседневности.

В калмыцкой исторической науке отсутствуют специальные работы, посвященные истории повседневности. Но в историографии имеется ряд трудов, которые могут послужить основой для проведения таких исследований. Рассмотрение историографии дает основание выделить дореволюционный, советский и постсоветский этапы. В дореволюционный период создавалась историко-этнографическая литература, строившаяся, в основном, по единому образцу (основные события политической истории, описание быта калмыков, отражающее этапы жизненного цикла), оценочно-пояснительные тексты встречались весьма редко. В советской историографии тема повседневности не разрабатывалась, но публиковались книги, в которых можно обнаружить сюжеты, касающиеся сторон жизни народа, которые входят составной частью в изучение повседневности. В постперестроечный период появились работы, в которых такие сюжеты стали разрабатываться шире, они посвящены фольклору и этнографии калмыков.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.: ил.
- Бакаева, Сангаджиев 2005 — *Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Батмаев 2008 — *Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 256 с.
- Батыров 2014 — *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв. (по материалам фондов НА РК). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 250 с.
- Беловинский 2008 — *Беловинский Л. В.* Культура русской повседневности: уч. пос. М.: Высшая школа, 2008. 766 с.
- Бентковский 1868 — *Бентковский И. В.* Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь: Ставроп. стат. ком., 1868. С. 82–104.
- Бентковский 1869 — *Бентковский И. В.* Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь: Ставроп. стат. ком., 1869. С. 141–167.
- Бентковский 1870 — *Бентковский И. В.* Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 3. Ставрополь: Ставроп. стат. ком., 1870. С. 95–119.
- Блок 1986 — *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко; примеч. и ст. А. Я. Гуревича. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Бутенко 1987 — *Бутенко И. А.* Социальное познание и мир повседневности: горизонты и тупики феноменологической социологии / отв. ред. Л. Г. Ионин. М.: Наука, 1987. 144 с.
- Введение в философию 1989 — Введение в философию: учебник для вузов. В 2 ч. / под общ. ред. И. Т. Фролова. Ч. 1. М.: Политиздат, 1989. 367 с.
- Георгиева 2005 — *Георгиева Т. С.* Культура повседневности. Книга 1. Частная жизнь и быт древних обществ. М.: Высшая школа, 2005. 335 с.
- Георгиева 2006 — *Георгиева Т. С.* Культура повседневности. Книга 2. Частная жизнь и нравы от Средневековья до наших дней. М.: Высшая школа, 2006. 478 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. IV. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, также история о Малой России и купно о Курландии и Литве. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1799. 385 с.
- Гмелин 1777 — *Гмелин С. Г.* Путешествия по России для исследования трех царств естества. Ч. 2: Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года / перев.: Сергей Мошков. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1777. 361 с.
- Гуревич 1993 — *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.
- Гуревич 1990 — *Гуревич А. Я.* Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 31–43.
- Дуброва 1998 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Душан 1976 — *Душан У.* Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними // Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИ-ЯЛИ, 1976. С. 5–88.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1893. [6], II, 75 с.
- Исторические судьбы России 2004 — Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Астрахань, 14–16 октября 2004 г.). Астрахань: АГУ, 2004. 167 с.
- История отечественного 1990 — История отечественного востоковедения до середины XIX века / отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 435 с.
- История России 2009 — История России с древнейших времен до 1861 года: учебник для вузов / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. Б. Кобрин; под ред. Н. И. Павленко. 2-е изд. М.: Высшая школа, 2001. 560 с.
- Кнабе 1989 — *Кнабе Г. С.* Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 26–46.

- Лелеко 2002 — *Лелеко В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
- Лепехин 1771 — *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 года. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1771. 562 с.
- Людтке 1999 — *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: ежегодник 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 77–100.
- Медведев 1998 — *Медведев В. А.* Прозрение, миф или предательство. М.: Евразия+, 1998. 416 с.; ил.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 383 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 383 с.
- Островский 1976 — *Островский Э.* Письма Эдуарда Островского о калмыках // Этнографический сборник. № 1 / пер. с польского яз. и подготовка к печати Ф. И. Стекловой. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 88–111.
- Паллас 1809 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. Изд. 2-е. СПб.: Имп. Акад. наук, 1809. [9], 657, 116 с.
- Попов 1839 — *Попов А.* Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1839. Ч. XXII, № 4. Отд. 2. С. 17–46.
- Про 2000 — *Про А.* Двенадцать уроков по истории / пер. с фр. Ю. В. Ткаченко. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 333 с.
- Смирнов 1999 — *Смирнов П.* Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 248 с.
- Хабунова 1998 — *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 223 с.
- Шалхаков 1976 — *Шалхаков Д. Д.* Основные традиционные черты семьи и брака по литературным данным // Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 112–129.
- Этнографический сборник 1976 — Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. 173 с.
- ropol: Stavropol Statistical Committee, 1870. Pp. 95–119. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyks of Bolshederbetovskiy District: Dwelling and meals. In: Collected Statistical Data on Stavropol Governorate. Stavropol: Stavropol Statistical Committee, 1868. Pp. 82–104. (In Russ.)
- Bloch M. Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien (The Historian's Craft). E. Lysenko (transl.); A. Gurevich (introd., comment.). 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka, 1986. 254 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Magic Poetry: Studies and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Butenko I. A. Social Cognition and World of Mundanity: Horizons and Dead Ends of Phenomenological Sociology. L. Ionin (ed.). Moscow: Nauka, 1987. 144 p. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. Kalmyks of Stavropol Governorate: Everyday Life Reviewed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- Dushan U. Unhealthy folkways of Kalmyks and struggle against the former. In: Ethnographic Collection. Vol. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 5–88. (In Russ.)
- Ethnographic Collection. Vol. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and

References

- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Historical and Ethnographic Essays. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Sangadzhiev Yu. I. Culture of Dwelling: Ethnic Traditions and Contemporary Priorities of the Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Family and Marriage in Kalmyk Traditions. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Historical Essays on Kalmyk Traditional Culture, 1770s to 1850s: A Case Study of Materials from the National Archive of Kalmykia. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 250 p. (In Russ.)
- Belovinsky L. V. Culture of Russian Everyday Life. Moscow: Vysshaya Shkola, 2008. 766 p. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetovskiy District in physiological, religious and social perspectives. In: Collected Statistical Data on Stavropol Governorate. Stavropol: Stavropol Statistical Committee, 1869. Pp. 141–167. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetovskiy District in physiological, religious and social perspectives. In: Collected Statistical Data on Stavropol Governorate. Vol. 3. Stav-

- History, 1976. 173 p. (In Russ.) Frolov I. T. (ed.) An Introduction to Philosophy. Textbook for university students. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1989. 367 p. (In Russ.)
- Georgi J. G. Description of Russia's Peoples. Part IV: Mongolic Peoples, Armenians, Georgians, Indians, Germans, Poles, and Imperial Russians with the Mentioning of All Cossacks / Qazaqs, History of Rus' Minor, and Detailed Insights into Kurland and Lithuania. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. 385 p. (In Russ.)
- Georgieva T. S. Culture of Everyday Life. Book 1: Private Life and Household Activities in Ancient Societies. Moscow: Vysshaya Shkola, 2005. 335 p. (In Russ.)
- Georgieva T. S. Culture of Everyday Life. Book 2: Private Life and Social Norms from the Middle Ages to Present Days. Moscow: Vysshaya Shkola, 2006. 478 p. (In Russ.)
- Gmelin S. G. Travels through Russia for the Study of the Three Natural Provinces. Part 2: Travel from Cherkask to Astrakhan and Stay in the Latter, From Early August 1769 to 5 June 1770. S. Moshkov (transl.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1777. 361 p. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. Historical Synthesis and the *Annales* School. Moscow: Indrik, 1993. 328 p. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. Theory of social formations and realism of history. *Voprosy filosofii*. 1990. No. 11. Pp. 31–43. (In Russ.)
- Ishin V. V., Toropitsyn I. V. (eds.) Historical Destinies of Russia in Vasily Tatishchev's Scholarly Heritage. Conference proceedings. Astrakhan: Astrakhan State University, 2004. 167 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. Kalmyk Weddings Ritual Poetry: Studies and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 223 p. (In Russ.)
- Kim G. F., Shastitko P. M. (eds.) History of Oriental Studies in Russia before the Mid-19th Century. Moscow: Nauka—GRVL, 1990. 435 p. (In Russ.)
- Knabe G. S. Dialectics of everyday life. *Voprosy filosofii*. 1989. No. 5. Pp. 26–46. (In Russ.)
- Leleko V. D. The Environment of Daily Life in European Culture. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2002. 320 p. (In Russ.)
- Lepekhin I. I. Across Different Provinces of the Russian State in the Years 1768 and 1769: Daily Travel Notes. Vol. I. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1771. 562 p. (In Russ.)
- Lüdtke A. What is history of everyday life? Its achievements and prospects in Germany. In: The Yearbook of Social History – 1998/1999. Moscow: ROSSPEN, 1999. Pp. 77–100. (In Russ.)
- Medvedev V. A. Revelation, Myth or Betrayal. Moscow: Evraziya+. 1998. 416 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khosheutovsky District: Essays on Household Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 383 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. A. The Volga Kalmyks: Detailed Eyewitness Accounts. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 383 p. (In Russ.)
- Ostrovsky E. Letters of Eduard Ostrovsky about Kalmyks. In: Ethnographic Collection. Vol. 1. F. Steklova (transl., ed.). Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 88–111. (In Russ.)
- Pallas P. S. Travels across Different Provinces of the Russian Empire. Vol. I. 2nd ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1809. [9], 657, 116 p. (In Russ.)
- Pavlenko N. I., Andreev I. L., Kobrin V. B. A History of Russia: From Earliest Times to the Year 1861. N. Pavlenko (ed.). 2nd ed., rev. Moscow: Vysshaya Shkola, 2001. 560 p. (In Russ.)
- Popov A. Brief notes on the Volga Kalmyks. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1839. Vol. XXII. No. 4. Part 2. Pp. 17–46. (In Russ.)
- Prost A. The Twelve Lessons of History. Yu. Tkachenko (transl.). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000. 333 p. (In Russ.)
- Shalkhakov D. Key traditional features of family and marriage: A case study of literary sources. In: Ethnographic Collection. Vol. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 112–129. (In Russ.)
- Smirnov P. Across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Travel Notes. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 248 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Essays on Household Life of Astrakhan Kalmyks: Ethnographic Observations of 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. [6], II, 75 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 1, pp. 19–27, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-19-27

Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: вопросы организации и обеспечения

Александр Викторович Цюрюмов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Цюрюмов А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье показаны события, связанные с подготовкой русской армии к войне с Турцией в конце 60-х гг. XVIII в. В ходе нее готовились как военно-стратегические планы действий русских армий, так и планы привлечения войска Калмыцкого ханства. Особое внимание уделялось подготовке приказов о сборе калмыцкой конницы, ее распределению по армиям, разработке тактических планов, решению вопросов снабжения провиантом и обеспечения жалованием. Данный круг вопросов отражает цели исследования. *Материалы и методы.* Были привлечены документы и материалы Национального архива Республики Калмыкия, Архива внешней политики Российской империи, а также ряд правительственных документов, которые опубликованы в «Сборнике Русского исторического общества» и Полном собрании законов Российской империи. *Результаты и выводы.* В будущей войне Калмыцкому ханству как единственной боеспособной силе Российской империи в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе придавалось важнейшее значение. В начале апреля наместник Убаши собрал почти все войско в урочище Яшколь. На крымском направлении основная задача отводилась корпусу генерал-поручика М. В. Берга, в состав которого входило 10-тысячное войско под командованием калмыцкого владельца Кирипа. Другое 10-тысячное войско, возглавляемое наместником Убаши, должно было войти в состав корпуса генерал-майора Медема, в задачу которого входили боевые действия против протурецки настроенных владельцев Кабарды. После выхода в поход 20-тысячного войска все улусы повелевалось оставить на нагорной стороне Волги. Во время похода 1769 г. неожиданно возникли конфликты из-за недостаточного финансирования и снабжения калмыцкого войска.

Ключевые слова: калмыки, Калмыцкое ханство, русско-турецкая война 1768–1774 гг., Кабарда

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Цюрюмов А. В. Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: вопросы организации и обеспечения // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 1. С. 19–27. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-19-27

Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1768–1774: Tactical Structure and Organizational Supply Revisited

Alexander V. Tsyuryumov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Tsyuryumov A. V., 2022

Abstract. *Introduction.* The article reviews events to have aimed at preparing Russia's military for the war against Turkey in the late 1760s. The former included both general strategy development and involvement of Kalmyk troops. Special attention was paid to the preparation of orders on Kalmyk cavalry's mobilization, its distribution across Russian army groups, elaboration of tactical plans, provisioning and allowances. *Goals.* So, the study aims at answering the latter set of questions. *Materials and methods.* The paper analyzes documents and materials from the National Archive of Kalmykia, Archive of Foreign Policy of Imperial Russia, and a number of government decrees published in Collections of the Imperial Russian Historical Society and the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. *Results and conclusions.* Having been the only combat effective force of Imperial Russia in the Lower Volga and North Caucasus, the Kalmyk Khanate was given utmost significance. In early April of 1769, Viceroy Ubashi gathered almost the whole of his troops in Yashkol area. The corps of Lieutenant General M. J. von Berg enforced with a ten thousand Kalmyk cavalry led by Prince Kirip was largely responsible for the Crimean direction. Another ten thousand cavalry group under the command of Viceroy Ubashi was to join the corps of Major General J. F. von Medem and suppress landlords of Kabardia that tended to support Turkey. After the departure of the twenty thousand troops all uluses (domains) were ordered to stay on the right bank of the Volga. But the subsequent campaign of 1769 unexpectedly witnessed a series of conflicts to have resulted from insufficient allowances and provisioning of Kalmyk military units.

Keywords: Kalmyks, Kalmyk Khanate, Russo-Turkish War of 1768–1774, Kabardia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Tsyuryumov A. V. Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1768–1774: Tactical Structure and Organizational Supply Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 19–27. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-19-27

Введение

Военная история калмыцкого народа на протяжении четырех столетий вызывает интерес исследователей. На сегодняшний день изучены многие стороны военной истории калмыков. Среди них особый интерес представляет произошедшая в 1768–1774 гг. война России и Турции, события начального периода которой предшествовали и, ве-

роятно, были связаны с причинами калмыцкого ухода в 1771 г.

Одним из первых это достаточно осторожно предположил китайский автор Циший, чья работа известна в переводе С. В. Липовцова. Автор считал основной причиной ухода калмыков участие в войнах Российской империи и Турции: «По прошествии нескольких лет возгорелась опять

война, у России с турками, для которой потребовались от тургутов новые пожертвования, но тургуты, считая их для себя отягочительными, решились в том отказать» [Липовцов 1820: 179].

Примерно о том же писал и Н. Н. Пальмов: «Бекетов (астраханский губернатор. — А. Ц.) придал серьезное значение к оставлению калмыками боевых позиций на Кубани. Он понимал, что здесь действовала более глубокая причина, чем недовольство Убуши Медемом, и что эта обнаруженная причина чревата последствиями» [Пальмов 1922: 97].

Историю участия калмыков в событиях войны 1769–1774 гг. еще в XIX в. подробно осветили В. А. Потто и А. Н. Петров [Петров 1866; Потто 1887].

В следующем столетии она была дополнена Т. И. Беликовым, К. П. Шовуновым и А. В. Цюрюмовым [Беликов 1965: 87–97; Шовунов: 1991; Цюрюмов 2000: 22–29].

Анализ историографии показывает, что авторы достаточно подробно исследовали ход войны, показали активное участие в ней калмыцкой конницы. Но вне внимания исследователей остался подготовительный период, начавшийся осенью 1768 г. и продолжавшийся до начала движения войск в мае 1769 г. В это время решались главные вопросы подготовки русской армии, в том числе и калмыцких войск: подготовка приказов о сборе калмыцкой конницы, распределение ее по армиям, разработка тактических планов, решение вопросов снабжения провиантом и обеспечения жалованием.

Данный круг вопросов отражает цели исследования. Для их решения были привлечены документы Национального архива Республики Калмыкия [НА РК. Ф. И–36. Д. 388–409], Архива внешней политики Российской империи [АВПРИ. Ф. 119], а также ряд правительственных документов, опубликованных в XIX в. на страницах «Сборника Русского исторического общества» [Сборник 1893] и Полного собрания законов Российской империи [ПСЗРИ 1830].

Планы использования Русской армии в Причерноморье и на Кавказе

В последней трети XVIII в. в отношениях Российской и Османской империй вновь обострилась вековая борьба за причерноморские территории. Взаимные претензии неми-

нуемо вели к новой русско-турецкой войне, в которой на завершающем этапе истории ханства приняли участие и калмыки.

Турция объявила войну Российской империи в сентябре 1768 г., боевые действия начались в 1769 г. одновременно на трех театрах — Балканах, Кавказе и в Приазовье. В результате данная война стала в истории подобных столкновений крупнейшей по охвату территории.

Военно-стратегические планы Турции были связаны, как писал профессор А. К. Байов, с самостоятельными наступательными действиями трех армий. Главная армия под командованием верховного визиря должна была наступать через Днестр к Каменец-Подольску и далее на Варшаву, 60-тысячная армия крымского хана должна была вторгнуться в южные пределы России. Наконец, третья армия имела цель высадиться на побережье Азовского моря, захватить Азов и Таганрог, соединиться с горцами Кавказа и наступать на Астрахань [Байов 1909: 109–110]. Мы видим, что одной из целей войны было стремление Турции восстановить свои зоны влияния на Кавказе, Украине и в Нижнем Поволжье.

В будущей войне Калмыцкому ханству как единственной боеспособной силе Российской империи в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе придавалось важнейшее значение.

4 ноября 1768 г. в Петербурге собрался возглавляемый императрицей военный совет. В румянцевских документах подробно описан план использования калмыцких войск.

По плану совета для блокирования Азова от городка Бахмут в сторону Крыма выдвигался корпус генерал-лейтенанта М. В. Берга, усиленный 16 тысячами калмыков. Корпус М. В. Берга должен был запереть крымские войска в районе Гнилого моря у Перекопа [Петров 1866: 116].

Кроме того, на Кубань отправлялся отряд командующего войсками Кавказской линии — генерал-майора барона И. Ф. фон Медема, которому непосредственно подчинялась вторая часть калмыцкого войска. Они должны были составить особую экспедицию на Кубань, имевшую цель противодействовать антироссийской деятельности кубанских татар [Румянцев 1953: 56, 60–61; Петров 1866: 116].

2 и 5 января 1769 г. генерал-аншеф П. А. Румянцев получил рескрипты императрицы с конкретными планами будущей войны, здесь же находился указ о назначении его во главе 2-й армии, в состав которой предполагалось включить 20-тысячное калмыцкое войско.

В составе действовавшего на крымском направлении корпуса генерал-поручика М. В. Берга находилась часть калмыцкого войска во главе с нойоном Кирипом (10 000 человек). Еще 10 тыс., возглавляемые самим наместником, усилили выступивший из Кизляра корпус генерал-майора И. Ф. Медема, действовавший в Прикубанье с целью нейтрализации протурецки настроенных владельцев Кабарды [Шовунов 1991: 163–164].

Таким образом, подтверждается мнение К. П. Шовунова о том, что конница Калмыцкого ханства стала основой корпусов генералов М. В. Берга и И. Ф. Медема, входивших во 2-ю русскую армию.

25 апреля 1769 г. П. А. Румянцев составил реляцию императрице, в которой сообщил разведывательные данные о противнике. Планом командования предполагалось выделить часть сил калмыков для прикрытия от татар линии Таганрог – Бахмут в верховьях рек Калмиус и Кринки [Румянцев 1953: 76]. Здесь находился корпус генерал-поручика М. В. Берга, которому должны были подчиниться калмыки. Действия корпуса могли начаться при первом появлении противника [Румянцев 1953: 86].

Начало сбора

31 декабря 1768 г. И. А. Кишенскову и наместнику ханства Убаши была отправлена императорская грамота о наряде двадцатитысячного калмыцкого войска в армию генерал-аншефа графа П. А. Румянцева, как только степь покроется весенним травостоем «или старую лошади при первом случае прокормлены быть могут» [Сборник 1893: 274].

Грамота допускала, что наместник ханства и другие владельцы будут представлять «разные причины и отговорки о невозможности отлучения двадцати тысяч, когда нужно калмыцкие улусы с кубанской стороны охранять, поэтому калмыкам надо объяснить, что поиск будет осуществлен и на Кубани» [Сборник 1893: 275].

Численность собираемого войска (20 тысяч человек) основывалась на рапорте И. А. Кишенскова от 7 декабря 1767 г. По нему калмыцкий народ насчитывал 41 523 киб. Согласно традиции, для охраны улусов и походов на врага в войско направлялся 1 человек с кибитки, т. е. войско могло составить численность 40 000. В Военной коллегии планировали отправку 20 тыс. человек к П. А. Румянцеву во 2-ю армию, и еще такое же войско будет выставлено для охраны улусов со стороны киргиз-кайсаков. В грамоте сообщалось, что в последней войне с Турцией Дондук-Омбо отправил до десяти тысяч человек. В то время калмыки находились в более «худых обстоятельствах» [Сборник 1893: 275]. Ныне калмыцкий народ, «в лучшее состояние пришедший и умножившийся», способен собрать 20-тысячное войско и вновь завоевать подданных Турции. В указе делался вывод, что число кибиток не должно превосходить «число людей к войне способных» [Сборник 1893: 275].

Во главе войска должен быть «человек, надежный, и в состоянии поручаемую ему должность исполнить» [Сборник 1893: 275].

Далее в грамоте кратко описывались некоторые условия привлечения калмыцкого войска. Предполагалось, что калмыки будут получать жалованье и снабжаться провиантом, т. е. получали статус солдат. Сохранялось единственное отличие — калмыкам оставались все захваченные трофеи. Все калмыцкие улусы должны были кочевать на нагорной стороне Волги, что обеспечивало защиту российских городов Поволжья [Сборник 1893: 275].

В тот же день Екатерина II направила рескрипт генерал-аншефу графу П. А. Румянцеву, в котором приказала направить к калмыкам штаб-офицера с командой. Он должен был проехать с Дона в калмыцкие кочевья, кочующие около Кизляра на Куме. Ему придавалась 6-сотенная команда донских казаков. Специально оговаривалось, что после прихода калмыков на Дон необходимо следить, «чтобы они, проходя чрез жилища наших подданных, или близко оных, обид и разорения не причинили» [Сборник 1893: 277].

В марте 1767 г. калмыки едва ли не впервые проявили недовольство фактом привлечения их на службу. Более подробно

остановимся на этом событии. По приказу И. А. Кишенкова Убаши отправил для охраны пригородов Моздока от кабардинцев полностью один улус. Сразу после этого наместник проявил недовольство. Он заявил, что «никогда такого обыкновения не бывало, дабы против неприятеля калмыки с домами и скотом употребляемы были». По его мнению, при нападении противника неизвестно, что делать — защищать дом и скот или идти на соединение с российскими войсками. Поэтому Убаши согласился отправить к Моздоку отряд нойона Моомоту-Убаши (1 тыс. человек) [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 388. Л. 54об.].

Отряд прибыл в Моздок 6 февраля 1768 г., но, как сообщал капитан А. Дудин, уже 27 февраля из-за отсутствия корма для коней Убаши приказал нойону возвращаться [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 398. Л. 110об.–111].

Неслучайно Екатерина II стала уделять серьезное внимание взаимоотношениям российских властей, в том числе и военных, и калмыцкой элиты. В следующем указе (от 15 января 1769 г.) императрица предостерегала генерала И. Ф. Медема, что калмыки «требуют по состоянию своему и ободрения, и действительного подкрепления» [Сборник 1893: 313]. При этом при общении с наместником надо «щадить и нежность его честолюбия» [Сборник 1893: 313]. Наместнику и владельцам нельзя отдавать приказы, которые «могут привести в уныние и нерадение» [Сборник 1893: 313].

«Когда калмыки, — говорилось в указе, — будут зависеть от природных их начальников, они больше сделают». При этом Екатерина II добавляла: «Неизлишне признается дать вам знать, что калмыки хотя при армиях уже не однажды и находились, но предводители их были владельцы, которые в команде всякого генерала без затруднения быть могли, а вы напротив того будете с начальником всего народа» [Сборник 1893: 313].

Указ повелевал всеми калмыцкими силами действовать против живущих на Кубани турецких подданных, «стараться всякий вред им причинять и не только обезсилить, но и вовсе истребить» [Сборник 1893: 313]. Специально предписывалось держать в тайне время и место, откуда поиски начнутся. Так как необходимо не допустить преждев-

ременного разглашения военных планов [Сборник 1893: 313].

Вся полученная калмыками добыча и пленники оставлялись им, за исключением «самых знатных людей». Кроме того, планировались особые награды, если они проявят ревностную службу [Сборник 1893: 315].

Вновь был поднят вопрос о месте кочевий оставшихся улусов. После отправки калмыцкого войска могла возникнуть проблема охраны улусов. Коллегия вновь обратилась к опыту предыдущей войны: при хане Дондук-Омбо они остались на нагорной стороне Волги, в междуречье Кумы и Дона. Указ предписывал собрать с луговой стороны всех кочующих там калмыков. Лишь по Яику оставались форпосты против кочевий киргиз-кайсаков [Сборник 1893: 314].

10 февраля 1769 г. императрица написала записку, адресованную Коллегии иностранных дел, в которой поставила вопрос, были ли нападения на калмыков со стороны киргиз-кайсаков после строительства Оренбурга. Ведь между ними, как писала Екатерина, находились яицкие и орские крепости [Сборник 1893: 331–332].

24 января И. А. Кишенков сообщил Убаши, что командовать русской 2-й армией будет генерал-аншеф граф П. А. Румянцев. А 20-тысячное войско должны возглавить 4 владельца. До выхода войска из улусов все владельцы должны кочевать вместе с наместником и неотлучно находиться при войске [НА РК. Ф. И-36. Д. 410. Л. 46–47].

Перед выступлением калмыков в поход от генерал-аншефа графа П. А. Румянцева к калмыкам прибыл штаб-офицер с командой казаков. И. А. Кишенков подробно проинструктировал его, каким образом он должен обращаться с калмыками, подчеркнув, что калмыцкий народ кочует по Куме-реке в самой близости к кубанским землям, при этом «калмыки имеют выгоднейшее положение для походов на них» [Сборник 1893: 276].

В предыдущую войну в калмыцких частях не было переводчиков и толмачей с калмыцкого языка, так как отправление калмыцкого войска происходило при посредстве донского войска старшины Д. Ефремова, переводчиками у него были донские казаки, знавшие калмыцкий язык. Теперь необходимо отправить к калмыкам пере-

водчика и пять толмачей, с ними пятнадцать низовых казаков, умевших говорить по-калмыцки. Они должны будут помогать калмыцким начальникам понимать приказы и намерения командующего, осуществлять присмотр за калмыками. В 1757 г. при отправке в Пруссию 2 000 калмыков переводчику было выдано тридцать рублей, а толмачам и казакам каждому по двадцать рублей [Сборник 1893: 275].

Кроме того, люди из команды И. А. Кишенкова получают подъемные: переводчик — 20 рублей, толмачи и казаки — по 10. Калмыцкие отряды, вышедшие из кочевий в верховьях реки Кумы должны были двигаться в места сбора на Дону рядом с землями кубанцев, поэтому им мог понадобиться порох и свинец, которые следовало заблаговременно подготовить в Кизляре и Астрахани.

Уже 23 декабря 1768 г. Убаши сообщал, что «собрав с каждой кибитки по человеку с войсками на краю своих улусов находимся» [НА РК. Ф. И-36. Д. 409. Л. 5об.]. Поэтому 15 января 1769 г. Коллегия иностранных дел указала И. А. Кишенкову: до соединения с И. Ф. Медемом калмыки могут начать поиски самостоятельно. «Надобно постараться как наискорее у кубанцев скот отогнать, которой ... составляет главнейшее их богатство» [НА РК. Ф. И-36. Д. 413. Л. 13об.].

Но природно-климатические условия не позволяли еще начать поход. Поэтому 20 февраля И. А. Кишенков рапортовал в Коллегию иностранных дел, что калмыки не могут начать поиск из-за бескормицы, из-за чего они могут потерять лошадей [НА РК. Ф. И-36. Д. 413. Л. 35]. Только 12 апреля И. А. Кишенков сообщил, что Убаши собрал почти все войско в урочище Яшкол [НА РК. Ф. И-36. Д. 409. Л. 518].

Состав его войска стал известен ранее: 26 марта И. А. Кишенков рапортовал в Коллегию иностранных дел, что войско будет возглавлять багацохуровский владелец Кирип, в его подчинении находились его младший брат Аксакал, владелец Табун-отоковского улуса Ондон, и владелец Эмеген-Убаши. В помощь им и «для содержания калмык в надлежащем порядке и послушании» в войске находились судьи Зарго — лама Лоузанг-Джалчин и зайсанг Даши-Дондук. В войске также находились по 2 зайсанга на каждую тысячу, всего

40 зайсангов. Калмыцкая конница снабжена казенным провиантом, чтобы калмыки не грабили села [НА РК. Ф. И-36. Д. 410. Л. 63об.]. Кроме того, при войске находятся также цохоровский зайсанг Джамба, зайсанг наместника Цаган-Манжи [НА РК. Ф. И-36. Д. 411. Л. 41об.].

Снабжение армии

В историографии уже отмечалось, что русские армии были плохо обмундированы, снабжены провиантом, во всем чувствовалась нехватка офицерского состава [Богданович 1852: 12–13]. При этом Д. П. Бутурлин писал, что азово-черноморская степная территория создавала трудности в снабжении продовольствием больших армий [Бутурлин 1829: 7–8].

15 января 1769 г. был подписан рескрипт астраханскому губернатору Н. А. Бекетову, согласно которому казна выделила на организацию калмыцких поисков 5 тыс. руб., которые должны были доставить из Кизляра в Астрахань [Сборник 1893: 319].

Кроме этой суммы, накануне похода предусматривалась выдача жалованья: 200 руб. — главному нойону, троим его подчиненным нойонам — по 100 руб., зайсангам — по 10 руб., простым калмыкам — по 2 руб. Аналогичные суммы выдавались и в предыдущей Русско-турецкой войне (1735–1739). Дополнительно предполагалось снабжение мукой и крупой (на человека — по два «четверика» муки на месяц и по одному «гарнцу»¹ круп). При этом выражалось сомнение, что жалование рядовым будет недостаточным и вызовет «общее уныние и негодование», поэтому необходима небольшая прибавка [Сборник 1893: 277–278].

При этом в Коллегии вспомнили, что в походе на Крым в 1737 г. калмыки, не надеясь на военное снабжение, взяли дополнительно большое количество живого скота (на четверых человек — по 10 лошадей, 1 верблюду, 4 коровы, 4 барана, 2 дойные коровы) [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1737. Д. 2. Л. 185–186].

Спустя десятилетие в Лифляндском походе (1746 г.) каждый калмык получал по 3 руб., владельцы — по 60 руб., знатные

¹ Гарнец — четверть ведра.

зайсанги — по 30 руб., остальные зайсанги — по 6 руб. [ПСЗРИ 1830: 511–512].

Спустя еще десятилетие во время Семилетней войны возглавлявшие войско два главных нойона получили по 20 руб., их подчиненные зайсанги — по 10 руб., зайсанги-командиры сотен — по 2 руб., простолюдины — по 1 руб. в месяц [Сборник 1912: 98].

Поэтому в Коллегии сомневались, что калмыки будут удовлетворены размером жалованья, и предложили П. А. Румянцеву в случае проявления калмыками недовольства увеличить жалованье во время похода [Сборник 1893: 276–278].

Вопрос о дополнительном финансировании и обеспечении продовольствием решался уже во время похода. В целом снабжение продовольствием калмыцких войск было сопоставимо с русской армией, которой, согласно штатным положениям 1763 и 1784 гг., продовольственное обеспечение солдат определялось следующими нормами: каждому солдату в год полагалось: 3 четверти муки, 1,5 четверика круп. По штатным ценам продовольственное обеспечение одного солдата в год обходилось от 3 до 4 руб. [Бенда 2018: 48].

Выводы

Военная история России свидетельствует, что калмыцкая легкая конница была основой русской кавалерии XVII–XVIII вв. При этом в Европе не было равной ей. Проведенная осенью 1768 – весной 1769 гг. работа военного совета при императрице, главного и регионального командования российской армии фактически завершала процесс военной интеграции калмыков в состав Российской империи.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Байов 1909 — Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. Выпуск V. Эпоха императрицы Екатерины II-й. СПб.: Тип. Г. Скачкова, 1909. 263 с.

В Коллегии иностранных дел накануне войны понимали, что в отношениях с калмыками нарастают негативные тенденции. Поэтому такое внимание было уделено более мягкому общению с ними. Учитывался, прежде всего, молодой возраст наместника Убаши. При общении с ним необходимо было отказаться от командных методов и учитывать национально-психологические особенности калмыков. Немаловажным обстоятельством в отношениях с калмыками становилась мотивация военной службы. Все это улучшило бы морально-психологическое состояние калмыцких войск, подняло бы их уверенность в себе. Таким образом, прозвучал призыв применять методы убеждения, а не принуждения.

Большее внимание стало уделяться снабжению калмыцкого войска. Решить эту проблему полностью не удалось. Едва ли не впервые командование русской армии начало планировать финансовое обеспечение и продуктивное снабжение крупных контингентов калмыцких войск.

Неожиданно возникшие конфликты по причине недостаточного финансирования и снабжения калмыцкого войска стали первым симптомом недовольства калмыков. В разгар подготовки похода в январе 1769 г. Асарха, обращаясь к И. А. Кишенскому, сделал следующее замечание: «Егда наши калмыки с войском долговременно бывают, то они от воздуха получают болезненные припадки, в скорообращающихся делах гораздо лучше» [НА РК. Ф. И-36. Д. 409. Л. 97]. В словах нойона прозвучало плохо скрываемое недовольство отвлечением значительной части народа в длительные походы, к тому же не сулившие уже новых трофеев.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
National Archive of the Republic of Kalmykia.

Беликов 1965 — Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 179 с.

Бенда 2018 — Бенда В. Н. Особенности продовольственного и вещевого обеспечения лич-

- ного состава Русской армии // *Juvenis Scientia*. 2018. № 11. С. 46–48.
- Богданович 1852 — *Богданович М. Н.* Походы Потемкина, Румянцева и Суворова в Турции. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1852. 310 с.
- Бутурлин 1829 — *Бутурлин Д. П.* Картина войн России с Турцией в царствования императрицы Екатерины II и императора Александра I / пер. с фр. Ч. 1-я. Первая турецкая война в царствование Екатерины II. СПб.: Тип. Имп. Воспитат. дома, 1829. 370 с.
- Липовцов 1820 — *Липовцов С. В.* О переходе торгоутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию. Сочинение китайского князя Цишия, переведенное С. В. Липовцовым // *Сибирский вестник*. Ч. 12. СПб.: Изд. Г. Спасским, 1820. С. 254–269.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 81 с.
- Петров 1866 — *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. Т. 1. Год 1769. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866. 364 с.
- Потто 1887 — *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I. От древнейших времен до Ермолова. Вып. I. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 737 с.
- ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Т. XII. 1744–1748. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 960 с.
- Румянцев 1953 — *Румянцев П. А.* Документы: в 3 т. / под ред. П. К. Фортунатова. Т. II. 1768–1775. М.: Воениздат, 1953. 687 с.
- Сборник 1893 — Сборник Русского исторического общества. Т. 87. Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб.: Университетская тип., 1893. 578 с.
- Сборник 1912 — Сборник Русского исторического общества. Т. 136. Протоколы Конференции при высочайшем дворе. Т. I. 14 марта 1756 г. – 13 марта 1757 г. СПб.: Тип. Гл. управл. уделов, 1912. 664 с.
- Цюрюмов 2000 — *Цюрюмов А. В.* Участие калмыков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // *Вестник Калмыцкого государственного университета*. Сер. История, экономика, право. Вып. 1. 2000. С. 22–29.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков XVII–XIX вв. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

References

- Bayov A. K. Russian Military Art and Science. Vol. V: The Era of Catherine the Great. St. Petersburg: G. Skachkov, 1909. 263 p. (In Russ.)
- Belikov T. I. Kalmyks in the Struggle for Independence of Our Motherland, 17th – Early 19th Century. Elista: Kalmgosizdat, 1965. 179 p. (In Russ.)
- Benda V. N. Especially the food and clothing of the personnel of the Russian army in the second half of the XVIII century. *Juvenis Scientia*. 2018. No. 11. Pp. 46–48. (In Russ.)
- Bogdanovich M. N. Turkish Campaigns of Potemkin, Rumyantsev and Suvorov. St. Petersburg: E. Weimar, 1852. 310 p. (In Russ.)
- Buturlin D. P. A Panorama of Russo-Turkish Campaigns in the Reigns of Catherine the Great and Alexander I of Russia. Vol. 1: Russo-Turkish War of 1768–1774. St. Petersburg: Imperial Orphanage, 1829. 370 p. (In Russ.)
- Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 136: Minutes of the Conference at the Highest Court. Part I: March 14, 1756 to March 13, 1757. St. Petersburg: Chief Department of Imperial Family's Property, 1912. 664 p. (In Russ.)
- Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 87: Political Correspondence of Catherine the Great. St. Petersburg: St. Petersburg Imperial University, 1893. 578 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. XII: 1744–1748. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Own Chancellery (Second Section), 1830. 960 p. (In Russ.)
- Lipovtsov S. V. The Torghtuts: Their Migration to Russia and Return to Dzungaria. Text by Chinese Prince Qi Shi translated by S. Lipovtsov. *Sibirskiy vestnik*. 1820. No. 12. Pp. 254–269. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyks within Russia's Borders: A Historical Essay. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. 81 p. (In Russ.)
- Petrov A. Russia's War against Turkey and Polish Confederations, 1769–1774. Vol. 1: The Year 1769. St. Petersburg: E. Weimar, 1866. 364 p. (In Russ.)
- Potto V. The Caucasian War in Different Essays, Episodes, Legends, and Biographies. Vol. I: From

- Earliest Times to Yermolov. Part I. 2nd ed. St. Petersburg: E. Evdokimov, 1887. 737 p. (In Russ.)
- Rumyantsev P. A. Documents. In 3 vols. P. Fortunatov (ed.). Vol. II: 1768–1775. Moscow: Voenizdat, 1953. 687 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. Essays on Kalmyk Military History, 17th–19th Centuries. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 189 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1768–1774. *Bulletin of Kalmyk University*. Series ‘History, Economics, Law’. 2000. No. 1. Pp. 22–29. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 1, pp. 28–36, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 28:94 (470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-28-36

Между российской правовой системой и нормами шариата: судьба закона 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман»

Гульназ Булатовна Азаматова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-9364-5005. E-mail: gulnaz.azamatova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Азаматова Г. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается один из аспектов государственно-конфессиональных отношений во второй четверти XIX в., связанных с правовым регулированием сроков захоронения умерших, что затрагивало правила похорон у мусульман. *Цель* исследования — проанализировать случай распространения государственного и полицейского права на поле действия религиозных канонов российских мусульман. *Материалы и методы.* Документы делопроизводства оренбургского муфтията уточняют историографический тезис о противоречивости закона и проливают свет на его социальные последствия. Методология исследования основана на подходах новой имперской истории и социокультурном анализе российского общества как «большого общества». Методами исследования были сравнительно-исторический, источниковедческий, текстологический и психоисторический. *Результаты.* При подготовке и реализации закона 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман» был использован оренбургский муфтият. На него возлагалось объявление закона и административный контроль над приходским духовенством. Активное участие в координации действий по соблюдению нового порядка похорон принимала военная администрация. Реактивная политика властей в отношении мулл и населения башкирских кантонов создала напряжение вокруг религиозных прав мусульман. Попытка диалога башкир с властью через прошение Николаю I возымела обратный эффект и усилила поляризацию общества и правительства. *Выводы.* Законодательная новация по унификации сроков погребения на территориях с мусульманским населением изначально носила дискуссионный характер. Ближе к пониманию региональных задач управления были чиновники центральных ведомств, допускавшие исключение мусульман из закона. Оренбургский муфтий имел ограниченные представления о политических планах по унификации погребальных традиций и главной целью считал бюрократическое согласование возникающих вопросов. Автором установлена связь между попытками изменения погребальных канонов мусульман и религиозной повесткой восстания 1835 г.

в Приуралье. Государственное нормотворчество оказалось неэффективным в зоне действия религиозных канонов.

Ключевые слова: российские мусульмане, оренбургский муфтият, муфтий Габдессалам Габдрахимов, Оренбургская губерния, шариат, восстание 1835 г.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Азаматова Г. Б. Между российской правовой системой и нормами шариата: судьба закона 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман» // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 28–36. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-28-36

Between Russia's Legal System and Sharia Norms: The Fate of the Law of 13 May 1830 On Prohibition of Any Deviations for Mohammedans from General Burial Regulations

Gulnaz B. Azamatova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrskaya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-9364-5005. E-mail: gulnaz.azamatova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Azamatova G. B., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with an aspect of religious policy of the Russian Empire in the second quarter of the nineteenth century that concerned the legal regulation of the terms of burial of the deceased, which affected the rules of burial for Muslims. It *aims* to analyze the case of state and police law interfering with the religious canons of Russian Muslims. *Materials and methods.* The office records of the Orenburg Muftiate help clarify the historiographical thesis on the controversy of the 1830 law and shed light on its social consequences. The research is based on the methodological approaches of the new imperial history and the socio-cultural analysis of Russian society as a “big society”. The research methods include comparative historical, source study, textual and psycho historical. *Results.* While preparing and implementing the law of 13 May 1830, “*O neotstuplenii ot obshchikh pravil pri pogrebenii musulman*” (On non-departure from the general rules for the burial of Muslims), the authorities used the Orenburg Muftiate, entrusted with the announcement of the law and administrative control over the parish clergy. The military administration took an active part in coordinating actions to comply with the new funeral order. The reactive policy of the authorities towards the mullahs and the population of the Bashkir cantons created tension around the religious issues. A petition to Nicholas I, attempting at a dialogue between Bashkirs and the authorities, had the opposite effect and led to increased polarization of the society and the government. *Results.* The legislative innovation on the unification of the terms of burial, including the territories with a Muslim population, was controversial from its very beginning. The officials in the center had a clearer understanding of the regional tasks of the administration when ready to admit that the Muslims may be excluded from the law. The Orenburg Mufti was somewhat unclear about the political plans to unify burial traditions and saw his principal goal in a diplomatic settlement of emerging bureaucratic issues. According to the present author, there is a connection between attempts to change the burial canons of Muslims and the religious agenda of the 1835 rebellion in the Urals. The state rulemaking attempt turned out to be ineffective in the realm of religious canons.

Keywords: Russian Muslims, Orenburg Muftiyate, Mufti Gabdesalam Gabdrahimov, Orenburg Province, Shariah, unrest in 1834–1835

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А17-117040350082-3 ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’.

For citation: Azamatova G. B. Between Russia's Legal System and Sharia Norms: The Fate of the Law of 13 May 1830 On Prohibition of Any Deviations for Mohammedans from General Burial Regulations. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 28–36. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-28-36

Введение

Религиозная жизнь российских мусульман была предметом государственного нормативно-правового регулирования. Формирование религиозных органов управления (Духовных собраний или муфтиятов), контроль над духовенством и регулирование правоприменительной практики отдельных норм шариата и другие вопросы были связаны с имперским законодательством. Оно отвечало потребностям социокультурной унификации российского общества, которая вместе с тем имела и определенные границы. Каждый государственный закон в той или иной мере обозначал степень проницаемости этих границ.

Практическое применение законов, их социальные последствия, временные и пространственные рамки распространения, логическая завершенность и др. нуждаются в подробном изучении. Вертикальные и горизонтальные связи между правительственными структурами и мусульманской частью населения помогают прояснить условия успехов и провалов в ходе формирования российского общества как большого общества, состоящего из разнородных в социокультурном плане частей.

В данной статье изучается подготовка и непосредственное проведение в жизнь одного из противоречивых законов 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман». Объектом исследования выступает процесс взаимодействия между органами центральной власти, оренбургским муфтиятом и местным населением в ходе его реализации. Цель статьи — проанализировать случай распространения государственного и полицейского права на поле действия религиозных канонов российских мусульман и его практические результаты.

Материалы и методы

Материалами для данного исследования стали прежде всего документы официального делопроизводства Оренбургского

магометанского духовного собрания из Национального архива Республики Башкортостан (далее — НА РБ). В архивном деле под названием «Дело о порядке погребения мусульман после их смерти» хранятся документы, датированные промежутком с 16 июля 1829 г. по 22 апреля 1835 г. Они включают переписку муфтията с Главным управлением Духовных дел иностранных исповеданий, канцелярией военного губернатора Оренбургской губернии, Азиатской типографией в Оренбурге, начальником 5-го башкирского кантона, земским судом Челябинского уезда, а также органами штаба Отдельного Оренбургского корпуса, выписки из журналов Духовного собрания, а также фетву оренбургского муфтия. Другая группа источников исследования — законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (далее — ПСЗРИ).

Вспомогательное значение имел опубликованный в издании Оренбургской ученой архивной комиссии русский перевод фетвы муфтия 1835 г. [Шукшинцев 1903: 97–107].

Нами использованы источниковедческий, текстологический, сравнительно-исторический и психоисторический методы исследования. Государственно-конфессиональные отношения изучались с применением подходов новой имперской истории. Внутренняя политика правительства рассматривается как вариативная с участием региональных элит. Политика в отношении своих подданных мусульманского вероисповедания анализируется как многослойная с одной стороны и экспериментальная — с другой.

Социокультурный анализ развития России как большого общества объясняет наличие в ее структуре разных по цивилизационным признакам локальных сообществ, которые при любых формах объединения сохраняют определенный набор культурных отличий.

Законодательная новация и ее судьба

Исследовательское внимание к закону 13 мая 1830 г. было обозначено востоковедом Д. Ю. Араповым в его документальном сборнике «Ислам в Российской империи» [Ислам 2001: 82–85]. Ученый охарактеризовал религиозную политику второй четверти XIX в. как непоследовательную, отнеся упомянутый закон к «недалеким и просто варварским» [Ислам 2001: 22]. Согласно его предположению, местная администрация «постаралась, насколько это было возможно, спустить его, что называется, „на тормозах“» [Ислам 2001: 22].

В ранее изданной монографии Д. Д. Азаматова об истории Оренбургского магометанского духовного собрания представлена общая картина реализации упомянутого закона. Автор, опираясь на материалы архивного дела, показал, как муфтият поддерживал решения правительства, противоречащие нормам шариата, и пошел на конфронтацию с мусульманским духовенством [Азаматов 1999: 160–161].

Для комплексного изучения темы была важна историография социально-экономической истории. В трудах советских ученых по истории крестьянства и народных движений Приуралья во второй четверти XIX в. выделено как регион восстания государственных крестьян и населения башкирских кантонов. При этом обращает на себя внимание отмеченный всеми исследователями религиозный фактор восстания. Академик Н. М. Дружинин причиной участия мусульманского населения Пермской и Оренбургской губерний в волнениях государственных крестьян 1835 г. назвал страх крещения [Дружинин 1946: 234–239].

В диссертации башкирского историка С. Н. Нигматуллина «Восстание 1835 г. в Башкирии» анализируется участие в движении приходского духовенства из-за его недовольства рядом законов и мероприятий правительства [НА УФИЦ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 89]. Сосредоточение исследовательского ракурса на классовой борьбе (и любой другой методологии) не затмевают ценность фактического материала работ. С этой точки зрения работа С. Н. Нигматуллина содержит любопытные тезисы для актуализации проблемы с точки зрения социокультурного анализа.

А. З. Асфандияров в монографии о кантонном управлении в Башкирии среди причин социальных протестов отметил упорные слухи «о переводе в христианскую веру» [Асфандияров 2005: 164]. Ученый указал также на «неприглядную роль» муфтия, который выступал от имени правительства [Асфандияров 2005: 164, 169–169].

Восстание 1835 г. было изучено Б. С. Давлетбаевым. Среди его причин он выделил религиозную составляющую восстания и в контексте предшествующей ему политики указал на закон 13 мая 1830 г. [Давлетбаев 1996: 417–423].

В целом основания энергичного обсуждения населением религиозной повестки оставались в стороне из-за сосредоточенности внимания на анализе непосредственного течения восстания, его подавления и анализе классовых причин.

История указа 13 мая 1830 г. брала начало с предписаний закона 9 февраля 1827 г. [ПСЗРИ, II 1830: 893]. Последний утверждал повсеместное исполнение именного указа 28 января 1704 г. князя Петра Алексеевича, объявленного боярином И. А. Музиным-Пушкиным «О погребении умерших в третий день и о подтверждении повивальным бабкам под [страхом] смертной казни, чтобы они младенцев, рожденными уродами, не убивали» [ПСЗРИ, I 1830: 1964].

Причем если первоначальный закон 28 января 1704 г. распространялся на православных «умерших, подлежащих к погребению у Святых церквей» [ПСЗРИ, I 1830: 1964], то его обновленная редакция 1827 г. возникла в результате полицейского расследования и имела целью предотвращение поспешного захоронения лиц, погибших при неустановленных обстоятельствах [ПСЗРИ, II 1830: 893].

В 1829 г. перед правительственным Сенатом возник вопрос о применении полицейской меры среди мусульманского населения. В направленном Казанским губернским правлением объяснении старшего ахуна¹ Казани Габдулсатара Сагитова говорилось о невозможности откладывать похороны мусульман на три дня после смерти. Делом занялось главное управление духовных дел иностранных исповеданий (да-

¹ Ахун — руководитель мусульманского духовенства.

лее — ДДИИ) под руководством статс-секретаря Д. В. Дашкова.

5 августа 1829 г. оно направило письмо оренбургскому муфтию с запросом о сроках захоронения мусульман и подтверждающей выписки «из магометанских законов», выразив надежду, что «высшее магометанское духовное начальство отвращением сих затруднений оказало бы свое содействие правительству» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 1–2].

14 ноября 1829 г. оренбургский муфтий Габдессалам Габдрахимов внес данный вопрос на рассмотрение Духовного собрания. Он старался примирить взаимоисключающие требования государственного и шариатского законов. Доводы казанских знатоков исламского вероучения из пяти пунктов, среди которых было три хадиса¹ и две выдержки из религиозных книг, признавались существенными, но неуместными для трактовки данного закона [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 8].

Муфтий Габдессалам Габдрахимов нашел аналогии в мусульманском праве о понятии мнимой смерти, когда не следовало спешить с захоронением, и использовал данный пример в качестве аргумента для исполнения государственного закона. Дипломатичность и восточная многозначительность в ответе оренбургского муфтия была облачена в пространную витиеватую формулировку: «нет никакого уже препятствия в оставлении магометан без погребения далее дня их смерти, когда открыто, что от поспешности от погребения были погребаемы люди действительно не умершие, и в предупреждении сих несчастных случаев, угодно было правительству издать закон, объявленный высочайше утвержденным 9 февраля 1827 года мнении Государственного совета, чтоб погребение умерших откладывать до трех дней, и потому магометанское духовное собрание полагает распространение силы и действия сего закона между магометан, обитающих в России, подвергнуть благодати оногo» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 7об.].

В то же время Духовное собрание вынесло казанскому ахуну строгий выговор и запретило ему впредь давать сведения без

уведомления «высшего духовного начальства» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 6–8].

Главное управление ДДИИ все же сомневалось в возможности повсеместного применения закона 9 февраля 1827 г. К этому подталкивал, наряду с мнением казанского духовенства, однозначный ответ таврического муфтия о невозможности согласования указанного закона с религиозными канонами, подкрепленный новыми ссылками на источники шариата. Согласие же оренбургского муфтия и Духовного собрания с государственным законодательством расценивалось как «основанное более на покорности правительству» [ПСЗРИ, II 1831: 3659].

Возникли вопросы о евреях, которых также хоронили в день смерти. Еврейский комитет предложил не соблюдать религиозный обычай до того, как раввины подготовят население к нововведению. Словники центрального учреждения допускали исключение мусульман из зоны действия закона с уточнением, чтобы их приходское духовенство обращалось к полиции в случае сомнения в смерти, а их религиозные учреждения разъясняли бы «благотворные цели» закона [ПСЗРИ, II 1831: 3659].

Такой подход разделил и Комитет министров. Николай I лично интересовался обсуждением вопроса и, ознакомившись с его материалами, вынес однозначную резолюцию: «не отступать от общих правил, ибо и евреи под оные подведены будут» [ПСЗРИ, II 1831: 3659].

Данный подход вписывался в общую канву силовых, военных решений, значение которых преувеличивалось под впечатлением окружающей нестабильности — напряженных русско-польских отношений и кавказской войны. Формулировка царского решения закрепилась и в новом законе от 13 мая 1830 г. [ПСЗРИ, II 1831: 3659].

Муфтият как выразитель государственной воли

Еще до выхода его в свет, 24 марта 1830 г., главноуправляющий ДДИИ статс-секретарь Д. Н. Блудов предписал оренбургскому муфтияту «всеми мерами внушать» населению благотворность целей закона 9 февраля 1827 г. [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 10–10об.].

¹ Хадис — изречение пророка Мухаммада и источник исламского права.

В ответ муфтият предписал ахунам и мухтасибам распространить закон среди приходского духовенства. Дальнейшие события показали, что ставка Духовного собрания на сугубо бюрократическое согласование всех вопросов оказалась по меньшей мере недальновидной. Вместе с тем позиция как муфтията, так и правительства становилась более понятной, если иметь в виду, что именно с конца 1820-х до середины 1830-х гг. в Уфе разворачивались грандиозные проекты по строительству Первой соборной мечети, здания Духовного управления, вакуфного дома для заседателей и приезжих мусульман [Азаматов 1999: 51], а мусульманам Уфы отводится участок под собственный некрополь [Ширгазин, Калимуллина 2008: 53–54]. Однако новый закон не поддавался решению в стиле договоренности.

Население не принимало нововведение в той области, которая касалась религиозной жизни. В прошении Николаю I башкиры 5-го кантона Челябинского уезда — духовенство, чиновники и рядовые, — наряду с отменой закона о погребении, назвали еще два болезненных для них указа: об обязательном знании русского языка духовенством и отправке малолеток в Казань для обучения медицине. Многочисленность и социальная неоднородность просителей, а также высказывание всех беспокоивших мусульман вопросов сигнализировало о создавшейся в обществе напряженности. Если следовать утверждению С. Н. Нигматуллина, то «такие же прошения подавали правительству муллы, чиновники и башкиры Верхнеуральского, Троицкого и других уездов» [НА УФИЦ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 89. Л. 391].

В 1833 г. царь передал прошение башкир Челябинского уезда на рассмотрение Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее — ДДДИИ). В центре разбора этого инцидента оказалось Духовное собрание. Это был почти единственный в истории учреждения случай, когда его подключили к реализации реактивной практической политики. Взаимодействие муфтията с населением сводилось к исполнению предписаний ДДДИИ и оренбургского военного губернатора генерал-адъютанта В. А. Перовского.

Основной задачей муфтията стало, во-первых, широкое оповещение приходского духовенства о законе, предписывавшем погребение не ранее трех дней, во-вторых, требования его выполнения непосредственно от духовенства 5-го кантона. Духовное собрание располагало слабыми возможностями для реализации выдвинутых задач.

Проблемой стало печатание указа — фетвы на тюрки для рассылки духовенству. Рукописный вариант не годился для широкого круга, так как мог быть истолкован неверно в ходе распространения. В письмах ДДДИИ выражалась надежда на «рвение и всевозможное старание» Духовного собрания и подчеркивалась безрезультатность фетв муфтия [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 22об.].

Осенью 1834 г. Азиатская типография в Оренбурге не смогла выполнить заказ на печать 3 500 экземпляров указа из-за отсутствия нужного количества арабских литер. В итоге по распоряжению министра внутренних дел 1 000 экземпляров фетвы напечатали в Азиатской типографии в Казани. Правительство планировало разослать их по Оренбургской губернии, обозначив таким образом зону непосредственного распространения закона. В то время там насчитывалось 1 663 мечети и 2 883 духовных служителя [Азаматов 1999: 97].

Военная администрация на страже закона

Оренбургский военный губернатор руководил мероприятиями по привлечению к ответственности духовенства 5-го кантона Челябинского уезда и в том числе наиболее активного духовного лидера, указного муллы Утегана Исрафилова [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 19–24об.]. Процедура вызова в Духовное собрание башкирских имамов, подписавших прошение императору, потребовала подключения земского суда, который впервые столкнулся с такой задачей, и непосредственного содействия оренбургского военного губернатора.

5 июля 1834 г. имамы одиннадцати деревень, присланные с сопроводительным письмом начальника 5-го башкирского кантона Кучумова и поименованные в специальном регистре, находились в присутствии Духовного собрания. Они дали подписку

об ознакомлении с фетвой. Шестеро из них расписались в том, что не участвовали в подготовке и подписании прошения царю. Действительно, эти имамы, возраст которых был от 50 до 59 лет, заменяли мулл, трое из которых уже умерли, а еще трое были, видимо, очень стары — «находились в тяжелой болезни», как засвидетельствовали юртовые старшины [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 32]. Отдельно в Уфу для «приличных внушений» доставили и 73-летнего муллу Ибрафилова [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 23].

Правительственный сценарий силового давления на духовенство и передачи ему собственных функций не только не считался с объективным значением религии и роли религиозных лидеров в жизни населения, но и нагнетал социальное напряжение, связанное со страхом за свою веру, а также с опасениями христианизации. Распространение принятого у русских порядка похорон через три дня не могло не вызывать смысловых параллелей.

К тому же в ходе реализации закона произошла метаморфоза в интерпретации его смысла. Первоначальное условие его правоприменения среди мусульман — «при сомнении в наступившей смерти» в переписке и журналах муфтията позднее не упоминалось. На первый план выдвинулось требование его обязательного исполнения. В выписке из журнала Духовного собрания от 22 апреля 1835 г. фигурировала «фетва о прекращении между магометанами вредных предрассудков» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 62].

Реализацию закона от 13 мая 1830 г. среди местного населения контролировала военная администрация Башкиро-Мещерякского войска и рядовые чиновники на местах. Ярким примером такого положения дел стал случай похорон в 1834 г. в 6-м башкирском кантоне Верхнеуральского уезда. Азанчей¹ Абдрашитов провел похороны ребенка в день его смерти вопреки запрету деревенского начальника Давлетбаева [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 57].

В результате конфликта Абдрашитов попал под следствие верхнеуральского земского суда. Военно-судебная часть штаба Отдельного оренбургского корпуса пере-

дала его на рассмотрение муфтията. Духовное собрание журнальным постановлением от 3 июля 1834 г. лишило Абдрашитова должности азанчей. Данный случай лег в основу нового указа Духовного собрания, адресованного приходским муллам, в котором говорилось: «чтобы они не только тела скоростижно умерших магометан прежде освидетельствования лекаря и полиции, но и по произволу божию скончавшихся прежде трех лун [...] после их смерти предавать земле воздержались. В противном случае виновные не избегнут наказания, как и азанчей Абдрашитов» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 59].

Народная реакция

Очевидно, что на протяжении не менее чем пяти лет — с 1829 по 1834 гг. — продолжались попытки внедрить закон по изменению погребальных традиций российских мусульман. Изученные документы показывают, что основной упор в деле контроля за исполнением закона 13 мая 1830 г. власти сделали на территорию Башкиро-Мещерякских кантонов при непосредственном участии военной администрации. Ограниченность материалов исследования не позволяет судить подробно о практике правоприменения закона 13 мая 1830 г. Не до конца понятны и нюансы его исполнения приходским духовенством под давлением Духовного собрания. Хотя данное учреждение постоянно апеллировало к муллам как к «чиновникам духовного ведомства» и риторика его документов подчеркивала иерархию взаимоотношений, можно только догадываться, насколько муфтий и члены Духовного собрания были уверены в результативности и одновременно справедливости предпринимаемых мер.

В 1835 г. вопрос о соблюдении общих правил сроков захоронения затмили массовые выступления башкир, мишар и тептярей Оренбургского края. Поводом к народным выступлениям стало строительство хлебо-запасных складов (магазинов), которые в селениях приняли за возводившиеся церкви [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 89. Л. 347–351; Дружинин 1946; Давлетбаев 1996; Асфандияров 2005].

Слухи о предстоящем крещении подтверждали муллы, а некоторые стали организаторами и идеологами вооруженных вы-

¹ Азанчей (синоним: муэдзин) — служитель мечети (см.: [Фаршхатов 2006: 286–292]).

ступлений. Материалы исследования дают основание утверждать о взаимосвязи между религиозной повесткой восстания 1835 г. и законом 13 мая 1830 г.

Для успокоения населения муфтий Габдессалам Габдрахимов, по просьбе оренбургского военного губернатора В. А. Перовского, составил новую фетву [Шукшинцев 1903: 104–107].

Заключение

Закон 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении магометан» вступил в силу в первую очередь на территории Оренбургской губернии при содействии членов оренбургского Духовного собрания и военной системы управления среди башкир. В действительности ближе к пониманию региональных задач управления были чиновники центральных ведомств, допускавшие исключение мусульман из закона. Неопределенная позиция оренбург-

ского муфтия привела к игнорированию центральной властью объективных преград для нормотворчества — установленных шариатом канонов погребения умерших. Реакция населения на вмешательство в религиозную жизнь отразилась в обращении к императору башкир 13 деревень, что вызвало реактивную политику власти. Это усилило напряжение вокруг религиозного вопроса, которое дошло до массовых социальных протестов в 1835 г.

Вопрос о выполнении во многом искусственного требования изменить погребальный обряд мусульман перестал подниматься в связи с восстанием 1835 г. Попытки изменить погребальную традицию мусульман поколебали устойчивость большого общества и усилили раскол между властью и народом. Государственное нормотворчество оказалось неэффективным в зоне действия религиозных канонов.

Источники

- НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.
 НА УФИЦ РАН — Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Литература

- Азаматов 1999 — *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999. 194 с.
 Асфандияров 2005 — *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.) Уфа: Китап, 2005. 256 с.
 Ислам 2001 — Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. ввводн. ст., комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.
 Давлетбаев 1996 — *Давлетбаев Б. С.* Восстание 1835 года // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / отв. ред. Х. Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. С. 417–426.
 Дружинин 1946 — *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 1. 631 с.
 ПСЗРИ, I 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. № 1964; Т. 4: 1700–1712. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 881 с.

Sources

- National Archive of the Republic of Bashkortostan. Ufa Federal Research Centre (RAS), Scientific Archive.

- ПСЗРИ, II 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. № 893. Т. 3: 1872. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 1138 с.
 ПСЗРИ, II 1831 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 5. Ч. 1: 1830. № 3659. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1831. 822 с.
 Ширгазин, Калимуллина 2008 — *Ширгазин А. Р., Калимуллина Д. Б.* Уфа. Памятники исламской архитектуры. Уфа: Гилем, 2008. 120 с.
 Шукшинцев 1903 — *Шукшинцев И. С.* Волнения в Башкирии в 1835 году // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XI. Оренбург: Губ. типо-литогр., 1903. С. 97–107.
 Фархшатов 2006 — *Фархшатов М. Н.* Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. Т. I. М.: Вост. лит., 2006. С. 286–292.

References

- Arapov D. Yu. (comp.) Islam in Imperial Russia: Legislative Acts, Descriptions, Statistics. Moscow: Akademkniga, 2001. 367 p. (In Russ.)
- Asfandiyarov A. Z. Bashkiria Divided into Cantons, 1798–1865. Ufa: Kitap, 2005. 256 p. (In Russ.)
- Azamatov D. D. Orenburg Mohammedan Spiritual Association, Late 18th – 19th Centuries. Ufa: Gilem, 1999. 194 p. (In Russ.)
- Davletbaev B. S. Rebellion of 1835. In: Usmanov Kh. F. (ed.) History of Bashkortostan: From Earliest Times to the 1860s. Ufa: Kitap, 1996. Pp. 417–426. (In Russ.)
- Druzhinin N. M. State Peasants and Count Pavel D. Kiselyov's Reforms. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1945. Vol. 1. 631 p. (In Russ.)
- Farkhshatov M. N. Muslim clergy. In: Prozorov S. M. (comp., ed.) Islam in Provinces of Imperial Russia: An Encyclopedic Dictionary. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. Vol. I. Pp. 286–292. (In Russ.)
- Imperial Edict Proclaimed by Boyar Musin-Pushkin On Burial on the Third Day and Capital Punishment for Homicide of Deformed Newborns by Midwives. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. I. No. 1964. Vol. 4: 1700–1712. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1830. 881 p. (In Russ.)
- Imperially Approved Opinion of the State Council to Confirm That the Statute of 28 January 1708 On Ban on Burial within Three Days Be Duly Observed. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. II. No. 893. Vol. 3: 1872. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1830. 1138 p. (In Russ.)
- Senate Edict Prepared in Accordance with the Imperially Approved Decree of the Committee of Ministers On Prohibition of Any Deviations for Mohammedans from General Burial Regulations. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. II. Vol. 5. Part 1: 1830. No. 3659. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1831. 822 p. (In Russ.)
- Shirgazin A. R., Kalimullina D. B. Ufa. Monuments of Islamic Architecture. Ufa: Gilem, 2008. 120 p. (In Russ.)
- Shukshintsev I. S. 1835 disturbances in Bashkiria. In: Transactions of Orenburg Scholarly Archival Commission. Orenburg: Executive Office of Orenburg Governorate, 1903. Vol. XI. Pp. 97–107. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 1, pp. 37–50, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-37-50

Революционная деятельность первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека (по данным отечественных и зарубежных архивов)

Леонид Владимирович Курас¹, Базар Догсонович Цыбенев²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Курас Л. В., Цыбенев Б. Д., 2022

Аннотация. В научной исторической литературе высокую оценку получила деятельность российских партийных функционеров, коминтерновцев, военных специалистов, дипломатов и бурятских национальных демократов, сыгравших большую роль в осуществлении Монгольской революции. Однако вне поля зрения оказалась жизнь и деятельность советского дипломата, первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека, внесшего существенный вклад в осуществление Монгольской революции 1921 г. Целью исследования является выявление и анализ архивных документов о революционной деятельности О. И. Макстенека и его работе на посту уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии, находящихся на хранении в российских и зарубежных фондохранилищах. Для ее решения были поставлены следующие задачи: 1) анализ уголовного дела О. И. Макстенека, находящегося на хранении в Государственном архиве Российской Федерации; 2) анализ отчета «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», находящегося на хранении в архиве МИД Монголии; 3) ввод в научный оборот документов об О. И. Макстенеке из архивохранилищ Государственного исторического архива Латвийского Национального архива (фонды «Прибалтийское районное охранное отделение», «Полицейское управление Рижского уезда», «Жандармское управление Лифляндского уезда»); 4) выявление и анализ документов, находящихся на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории; 5) изучение архивных документов о деятельности О. И. Мак-

стенка на посту уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии, находящихся на хранении в Архиве внешней политики Российской Федерации; б) анализ материалов из Государственного архива Хабаровского края. *Выводы.* В архивных документах О. И. Макстенок предстает как историческая личность, чья жизнь и деятельность дают детальное представление о революционных событиях первой четверти XX в. в Лифляндии, Иркутской губернии, Забайкалье и Монголии, малоизвестных сторонах противоборства О. И. Макстенека с деятелями Дальневосточной республики, с троцкистскими коммунистами; о строгости и неизбежности партийных взысканий того периода. Апогеем его революционной работы можно по праву считать деятельность на посту уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии, когда О. И. Макстенок внес ощутимый вклад в победу Монгольской революции 1921 г. После 1921 г. он, по сути, становится одним из рядовых советских деятелей, руководителем среднего звена в судебной сфере, производстве, банковской и таможенной службе.

Ключевые слова: О. И. Макстенок, Троцкистский, Монгольская революция 1921 г., архивные материалы, Латвия, Сибирь, революционная деятельность

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта РФФИ – Министерства образования, культуры и науки (Монголия), № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) (номер госрегистрации: АААА-А20-120021490062-5).

Для цитирования: Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Революционная деятельность первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека (по данным отечественных и зарубежных архивов) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 37–50. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-37-50

Revolutionary Activity of O. I. Makstenek — The First Representative of RSFSR People’s Foreign Affairs Commissariat to Mongolia: Exploring Russian and Foreign Archives

Leonid V. Kuras¹, Bazar D. Tsybenov²

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

²Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kuras L. V., Tsybenov B. D., 2022

Abstract. Scientific historical literature highly estimates the activities of Russian party executives, Comintern members, military specialists, diplomats and Buryat national democrats to have played an essential role in the implementation of the Mongolian Revolution. However, those research works pay little attention to the life and deeds of O. I. Makstenek — Soviet diplomat and first authorized representative of the RSFSR People’s Foreign Affairs Commissariat to Mongolia — who had significantly contributed to the success of the Mongolian Revolution of 1921. *Goals.* The study seeks to identify and analyze archival documents about revolutionary efforts of O. I. Makstenek and his work as Soviet Russia’s authorized diplomatic representative to Mongolia contained in Russian and foreign depositories. The objectives to be solved thereto include as follows: 1) analysis of files of a criminal investigation against O. I. Makstenek from the State Archives of the Russian Federation, 2) analysis of the report titled ‘Outcomes of Activities of RSFSR Foreign Affairs Commissariat’s Plenipotentiary to Mongolia O. I. Makstenek from June 1, 1920 to March 1921’ and housed by Archives of Mongolia’s

Ministry of Foreign Affairs, 3) introduction of documents about O. I. Makstenek from the State Historical Archives affiliated to the National Archives of Latvia (collections 'Baltic District Security Department', 'Police Department of Riga Uyezd', 'Gendarme Department of Livland Uyezd', 4) identification and analysis of documents stored at the Russian State Archive of Sociopolitical History, 5) exploration of archival documents about O. I. Makstenek's activities in his diplomatic position at the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, 6) analyses of materials from the State Archive of Khabarovsk Krai. *Conclusions.* The archival documents show O. I. Makstenek as a notable historical figure whose life and deeds provide further details on revolutionary events during the 1900s to 1920s in Livland, Irkutsk Governorate, Transbaikalia and Mongolia, little-known aspects of confrontation between Makstenek and executives of the Far Eastern Republic, Troitskosavsk Communists, on strictness and inevitability of Party's penalties throughout that period. It is his work as authorized representative of the RSFSR People's Foreign Affairs Commissariat to Mongolia that can be viewed a pinnacle of his revolutionary activities when he made a most significant contribution to the victory of the Mongolian Revolution of 1921 — thereafter virtually to become a common Soviet functionary, mid-level executive in judicial authorities, industrial sphere, banking and customs services.

Keywords: O. I. Makstenek, Troitskosavsk, Mongolian Revolution of 1921, archival materials, Latvia, Siberia, revolutionary activity

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia, project nos. 19-59-44004 and AAAA-A20-120021490062-5 'The Mongolian Revolution of 1921 in the Mirror of Transnational History of the Mongolian World: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution of 1921'.

For citation: Kuras L. V., Tsybenov B. D. Revolutionary Activity of O. I. Makstenek — The First Representative of RSFSR People's Foreign Affairs Commissariat to Mongolia: Exploring Russian and Foreign Archives. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 37–50. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-37-50

Введение

В 2021 г. исполнилось 100 лет Монгольской революции и 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией. Это закономерный итог длительной борьбы монгольского народа за национальное и социальное освобождение, а также результат всесторонней помощи и участия Советской России в борьбе монгольского народа за свою независимость. Наши исследования последних лет показали, что не все лакуны в истории подготовки и осуществления Монгольской революции, становления и укрепления дипломатических отношений между двумя странами полностью раскрыты. Малоизученной остается революционная деятельность О. И. Макстенека, первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии. Основная масса информации о нем хранится в фондах российских и зарубежных архивохранилищ. Наше обращение к архивным материалам поможет выявить личностное отношение к истори-

ческим событиям Монгольской революции 1921 г. активного участника первой русской революции 1905–1907 гг., члена РСДРП с 1904 г., политкаторжанина и ссыльного поселенца, участника гражданской войны в Сибири О. И. Макстенека.

Все документы по теме нашего исследования, находящиеся в архивохранилищах, носят официальный характер. География архивохранилищ, содержание интересующих нас фондов позволяют с полным основанием говорить об О. И. Макстенеке как о фондообразователе, чья жизнь и деятельность дают детальное представление о революционных событиях первой четверти XX в. на западной окраине Российской империи — Лифляндии, затем на востоке России и в Монголии. Основные положения настоящей работы были озвучены авторами на XIII Всероссийском съезде востоковедов «Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы», прошедшем 5–8 октября 2021 г. в г. Элисте.

Материалы и методы

Материалами исследования являются сведения уголовного дела О. И. Макстенека, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации [ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-61825. 50 л.], документы из Архива Министерства иностранных дел Монголии (АМИДМ) под названием «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенок за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.» [АМИДМ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 45–57]; документы фондов «Прибалтийское районное охранное отделение», «Полицейское управление Рижского уезда», «Жандармское управление Лифляндского уезда» Государственного исторического архива Латвийского Национального архива [ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840; ЛНА. Ф. 4568. Оп. 8. Д. 53; ЛНА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 40]; архивные материалы, хранящиеся в Российском архиве социально-политической истории [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114]; сведения о О. И. Макстенеке, содержащиеся в фондах Архива внешней политики Российской Федерации [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 1. Папка 101], а также данные из Государственного архива Хабаровского края [ГА ХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 283]. К ним также можно отнести опубликованные в документальных сборниках источники, использованные в настоящей работе.

Авторами проанализированы труды монгольских историков Б. Ширендыба, Р. Болда, Н. Хишигт, публикации российских исследователей С. К. Рощина, М. Кирчанова, В. В. Кудряшова, Г. А. Скипского, латвийских историков Т. М. Бартеле, В. А. Шалда и других специалистов. Авторы привлекали и свои ранее опубликованные работы, в которых находит отражение многогранная деятельность О. И. Макстенека. Основным методом, использованным в написании настоящей статьи, является сравнительно-исторический метод. Авторы прибегали и к источниковедческим методам, связанным с выявлением, описанием и анализом архивных материалов.

Революционная деятельность О. И. Макстенека

Детство и юность О. И. Макстенека, участие в революционных событиях в Латвии в 1905 г.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы позволяют реконстру-

ировать вехи биографии Отто Ивановича Макстенека, начиная с его революционной деятельности на территории Латвии. В архивных фондах Латвийского национального архива «Венденское уездное полицейское управление», «Лифляндское губернское жандармское управление» и «Охранное управление Балтийского региона» нами были обнаружены документы, где упоминалось имя О. И. Макстенека. Все документы были написаны на русском языке, поскольку официальное делопроизводство на территории Латвии в начале XX в. велось на русском языке. Сведения о ранней революционной деятельности О. И. Макстенека также хранятся в [РГАСПИ. Ф. 589].

В своей автобиографии О. И. Макстенок указывает, что родился в Лифляндии (территория на границе Латвии и Эстонии. — Л. К., Б. Ц.) в 1875 г. (по другим источникам — 1874, 1877 гг.). Его отец работал рассыльным при Стомерском волостном правлении Залкского уезда. Родители рано обучили его грамоте, в семь лет он умел читать, в 9 лет поступил на обучение в сельское училище. В 17 лет О. И. Макстенок начал работать помощником писаря и вскоре понял суть делопроизводства волостного суда и правления. И, как он отмечал впоследствии, именно тогда у него выработался определенный взгляд, что в жизни нужно всего добиваться собственным трудом и знаниями [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2116. Л. 13].

В конце XIX – начале XX в. ситуация в Прибалтийском крае была в целом благоприятной. Российское правительство проводило протекционистскую политику. Показатели промышленного производства в Латвии были выше, чем в среднем по Российской империи. Поэтому латвийская буржуазия была довольна положением дел, и это обуславливало ее политическую умеренность [Бартеле, Шалда 2018: 54].

В 19-летнем возрасте О. И. Макстенок переехал в Алленскую волость помощником писаря, а затем в 1898 г. он был утвержден писарем Крауклинского волостного суда. Его первое знакомство с революционно настроенной молодежью и нелегальной литературой произошло в 1902 г., когда О. И. Макстенок по делам службы выехал в г. Ригу и встретился с друзьями детства — К. Папедом и В. Риквейлом.

С этого времени он постоянно получал литературу от рижских товарищей. В конце 1904 г. Док, учитель приходского училища соседней Сесвенгенской волости, пригласил О. И. Макстенека вступить в организованный учителями в Сесвегене латышский кружок РСДРП. В нем состояли учителя Док, Ридус, Малит, Сауинь, Бануз. Члены кружка соблюдали конспирацию, все собрания устраивали в лесу. До весны 1905 г. члены кружка занимались чтением литературы и распространением прокламаций, напечатанных О. И. Макстенеком [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2116. Л. 12].

О. И. Макстенок принял активное участие в революционных событиях 1905 г. По мнению латышского историка Э. Бланкса, «в революции 1905 г. принимал участие весь латышский народ, включая крестьян, рабочих и молодую, полную идеализма, интеллигенцию» [Кирчанов 2015: 137].

В Латвийском национальном архиве сохранились документы, в которых фигурирует имя О. И. Макстенека. Так, известно, что в 1905 г. он был председателем революционного комитета, действовавшего в Крауклинской и окрестных волостях. Подозревался в соучастии в двух убийствах, в том числе в убийстве писаря Крауклинского волостного правления. По данным следствия, он принимал также участие в грабежах и поджогах в Венденском уезде в 1905–1906 гг. [ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 130].

В «Списке лиц, обвиняемых в агитации и других преступных действиях, скрывшихся при появлении войск, коих следует разыскать и доставить арестованными в Венденское уездное полицейское управление Лифляндской губернии» О. И. Макстенок (отмечен под № 112) обвинялся в агитации по Крауклинской волости. В «Ведомости о лицах, подлежащих розыску» он значится вторым по списку [ЛНА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 40. Л. 20–20об., 24–24об.].

В своей автобиографии О. И. Макстенок отмечает, что был избран начальником Крауклинского отряда самообороны и лично принимал участие в четырех боях. В декабре 1905 г. карательным отрядом во главе с графом Граббе и урядником Дзилна были расклеены объявления о вознаграждении за поимку О. И. Макстенека: 300 руб. за живого и 250 руб. — за мертвого. Поэтому он был вынужден переехать в Ригу и, оставив жену с пятилетним сыном, выехал оттуда в

Санкт-Петербург [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 11–12].

Эти архивные материалы согласуются с новейшими исследованиями, подтверждающими жесткие действия властей, направленные на подавление выступлений. В Прибалтийском крае был введен режим военного положения, и к подавлению вооруженных выступлений были привлечены регулярная армия и казаки [Скипский 2019: 89].

Деятельность О. И. Макстенека в Санкт-Петербурге

Согласно автобиографическим данным, в начале 1906 г. О. И. Макстенок поступил на службу в канцелярию Санкт-Петербургского окружного суда, где прослужил под вымышленным именем «Роберт Яковлевич Муценек» до конца 1908 г. В этот период он имел связи только с двумя партийными товарищами и числился как технический исполнитель различных поручений [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 11].

По другим сведениям, прибыв в Санкт-Петербург, О. И. Макстенок с другими латышскими революционерами организовал социал-демократическую латышскую группу, завязавшую отношения с Лифляндией [ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 130]. По данным следствия, Р. Я. Муценек (О. И. Макстенок) стоял во главе упомянутой группы и заведовал паспортным бюро, что подтверждается обнаруженными у него вещественными доказательствами. Он, кроме того, похищал из дел окружного суда разного рода бумаги, по которым давал справки лицам, привлеченным к дознаниям, и хранившуюся в архиве суда нелегальную литературу, которой снабжал членов группы [ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 77].

12 августа 1908 г. О. И. Макстенок был арестован в Санкт-Петербурге. И его фотография, вместе с фотографиями шести других латышских революционеров, была отправлена из Лифляндского губернского жандармского управления приставу сыскного отделения Рижской городской полиции [ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 73].

По имеющимся агентурным сведениям, он был опознан как Отто Янов Макстенок. По показаниям лиц, лично знавших О. И. Макстенека, последний имел следующие приметы: рост выше среднего, возраст около 30–34 лет, лицо чистое, нос прямой,

немного поднятый; волосы темно-русые; усы такие же; бороду бреет, но по народной молве в настоящее время будто бы носит бороду [ЛНА. Ф. 4568. Оп. 8. Д. 53].

Таким образом, из документов, сохранившихся в фондах Латвийского национального архива и Российского государственного архива социально-политической истории, можно сделать вывод, что после участия в революции 1905 г. О. И. Макстенок уже был идейным революционером. Находясь на нелегальном положении, он устраивается на службу в канцелярию Прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, что говорит о его незаурядных способностях. Во многих графах следственных дел его данные не известны, что может свидетельствовать о хорошей конспиративной подготовке О. И. Макстенека. Можно сделать вывод, что в эти годы шло идейное созревание революционера, он уже выходит за рамки социал-демократической латышской группы. Очевидно, в период пребывания в Ярославле в 1907 г. и Санкт-Петербурге знакомится с деятельностью русских революционеров, завязывает новые контакты. Как отмечал О. И. Макстенок, за время пребывания на службе в канцелярии Прокурора Санкт-Петербургского окружного суда он проводил следующую работу: освобождал многих политзаключенных из тюрьмы; по многим политическим делам уничтожал вещественные доказательства; печатал на «Мемиографе» секретные циркуляры прокурора и на нем же партийные отчеты и другое и выдавал по делам всевозможные справки; предупреждал о предстоящих обысках или арестах; выдавал из канцелярии тысячами нелегальную конфискованную литературу для распространения [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 10].

На каторге и в тюрьме (1909–1913)

В начале мая 1909 г. в г. Ревеле Военным судом О. И. Макстенок был осужден по 1-й части 102-й ст. Уголовного Уложения за организацию и принадлежность к кружку «Молния» РСДРП Латышской организации к пятилетней каторге с лишением всех прав преимуществ жены и детей. Поначалу он приговорен к восьми годам каторги, однако приговор был смягчен ввиду отсутствия формальных доказательств [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 10, 51].

30 июля 1909 г., вскоре после суда (по другим данным, в 1910 г.), О. И. Макстенок подал прошение на имя императора Николая II о помиловании. Подача прошения была организована губернской властью по случаю приезда Николая II в г. Ревель. Упор в помиловании был сделан на три мотива: старушка-мать, малолетний мальчик и что осужден на основании слов обвиняемого-слабоумного. О своем поступке О. И. Макстенок впоследствии очень сожалел. На такой легкомысленный шаг, как он писал позднее, пошел по совету товарищей в камере и в силу привычки, появившейся за время трехлетней службы у прокурора. О. И. Макстенок отмечал, что ему приходилось всячески обманывать своего начальника — печатать воззвания и партийные отчеты на служебной печатной машинке, систематически присваивать конфискованную и нелегальную литературу, передавать ее и оружие членам организации, устраивать всевозможные подлоги в сторону улучшения положения политических заключенных и т. д. [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 21об., 53–52об.].

В каторжной тюрьме он находился с 1909 г. по конец 1913 г. Из Ревеля был переведен в Ригу за протесты; из Риги в составе 20 руководителей был выслан после получившей известность голодовки в Бутырскую тюрьму.

В мае 1913 г. некоторые заключенные, имевшие бессрочную каторгу, подняли бунт, убив одного и ранив несколько тюремных надзирателей. Виновные были пойманы и рассажены в одиночные камеры. Как вспоминал О. И. Макстенок, в камеру, где сидел он, явились около 25 надзирателей и открыли стрельбу. Четыре человека были ранены. О. И. Макстенок был два раза избит и посажен в штрафной изолятор, где находился до ноября 1913 г. Последствия отразились на его здоровье, у него был диагностирован катар желудка. Тяжело пришлось и его товарищам-сокамерникам. Так, 16 мая 1913 г. от ужасов пережитого Мартинсон и Билибин сошли с ума [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 10, 51].

В Сибири (1913–1921)

В ноябре 1913 г. О. И. Макстенок прибыл на поселение в село Знаменское Иркутской губернии. Зимой 1913–1914 гг. пилил

дрова, а весной 1914 г., заработав на р. Лена на погрузке товаров средства, приобрел чужой паспорт на имя Янсона и тайно прибыл в Читу, где устроился практикантом в магазин К-о Зингера. Осенью 1914 г. он был переведен в Троицкосавск заведующим магазином. В начале 1915 г. О. И. Макстенец случайно встретил уголовного ссыльного, который в Ревеле отбывал наказание, а теперь работал в Верхнеудинске в магазине Зингера. Тот заявил полиции о нелегальном положении О. И. Макстенека. После трехмесячного заключения в Троицкосавске, Отто Иванович был выслан обратно в с. Знаменское. Однако через месяц снова бежал, но на этот раз в г. Иркутск, где ему удалось получить право на официальное проживание в с. Тальцы Иркутской губернии. С 1916 по 1918 гг. О. И. Макстенец работал на Покровском стеколделательном заводе на должностях бухгалтера, счетовода, кассира [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 9–10, 51].

Таким образом, революционные события 1917 г. застали его в сибирской глубинке. В Иркутской губернии, как и везде по России, намечался общественно-политический раскол. В мае 1917 г. стала издаваться газета Иркутской организации РСДРП под названием «Голос демократа». В ней публиковались статьи большевиков Я. Янсона, М. Трилиссера, Б. Я. Шумяцкого [Кудряшов 2018: 46].

Во время декабрьских боев в Иркутске в 1917 г. рабочие Покровского завода создали отряд из боеспособных рабочих во главе с О. И. Макстенеком и Букау и двинулись в Иркутск. В январе 1918 г. О. И. Макстенец был вызван Иркутским Губисполкомом и назначен комиссаром акцизного управления Иркутской губернии и Якутской области. В конце июня 1918 г., когда белогвардейцами был занят Нижнеудинск, О. И. Макстенец работал в революционном штабе вместе с М. Трилиссером, П. П. Постышевым и др.

После занятия Иркутска белогвардейцами он скрывался в с. Тальцы, затем осенью 1918 г. перебрался в латышские хутора в 120 верстах от Иркутска, по Якутскому тракту, к бывшему в 1918 г. секретарю Иркутского Губкома К. К. Некунде (др. имя К. К. Байкалов. — Л. К., Б. Ц.) [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 9–10].

К. К. Некунде, как и О. И. Макстенец, был выходцем из Латвии, в 1906 г. сосланным в Забайкалье за участие в революционных событиях. Летом 1918 г. он стал свидетелем роспуска заключенных из городской тюрьмы Иркутска отрядом анархистов во главе с Н. Каландаришвили [Хипхенов 2018: 158–159].

Видя, что общественно-политические события набирают непредсказуемые обороты, К. К. Некунде был вынужден покинуть Иркутск и выехать на север губернии.

Зимой 1918–1919 гг. К. К. Некунде и О. И. Макстенеку, который в ту пору был известен под фамилией Зарин, пришлось скрываться в лесу, поскольку на них как на большевиков был сделан донос, и им грозил расстрел.

Как указывал в своей автобиографии О. И. Макстенец, весной 1919 г., выбравшись из укрытия, они стали собирать отряд из колчаковских дезертиров. Собрав 16 чел., они совершили нападение на с. Баяндай, где реквизировали средства в государственных учреждениях и тем самым обеспечили существование отряда. В отряде О. И. Макстенец являлся заведующим хозяйственной частью, ездил по деревням скупал продукты для отряда и одновременно раздавал прокламации, которые сам печатал. В январе 1920 г. отряд вышел из тайги, и в Иркутске его расформировали. О. И. Макстенец был назначен на прежнее место, в акцизное управление. После упразднения этого учреждения, он создал из трех учреждений налоговое управление, заведующим которого был до 20 мая 1920 г. [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 9–10]. Так на короткое время судьба свела О. И. Макстенека с будущим советским военачальником, прославившимся в боях на оз. Толбо-нур вместе с Хас-Батором осенью 1921 г. Позже отряд Байкалова-Некунде, входивший в состав 80-го Якутского дивизиона войск ГПУ, принимал участие в освобождении Амги (территория Саха-Якутии. — Л. К., Б. Ц.) от белогвардейского отряда Пепеляева в марте 1923 г. [Деятельность органов 2021: 132].

На посту уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии (май 1920 – август 1921 гг.)

После освобождения Верхнеудинска, в мае 1920 г. О. И. Макстенец был командирован в Монголию, в г. Ургу, в качестве упол-

номоченного Наркоминдела РСФСР. Но, поскольку китайские власти не признали Советскую Россию и, по словам О. И. Макстенека, в Урге находился известный японофил — маленький «Ксю» (Сюй Шучжэн. — Л. К., Б. Ц.), а также в Маймачене — сторонники японофильства, то эти китайские сановники не пропустили О. И. Макстенека в Монголию, и он остался в Троицкосавске [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8; Болд 2021: 20].

Работу О. И. Макстенека на посту Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии по праву можно считать своего рода апогеем его революционной деятельности, своеобразной кульминацией. Она четко прослеживается в документе «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», хранящемся в архиве Министерства иностранных дел Монголии [АМИДМ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 45–57].

Этот документ, позволяющий составить портрет О. И. Макстенека как советского дипломата, был введен нами в научный оборот в полном объеме [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020: 305–317].

В другом архивном документе, хранящемся в Архиве внешней политики РФ под названием «Заместителю уполномоченного РСФСР по иностранным делам Сибири и Дальнего Востока товарищу Гапону», О. И. Макстенека отмечал: «С моим приходом в Троицкосавск как Уполнаркоминдел в Монголии, естественно, все нити потянулись ко мне. Вся информация с востока, все товарищи, приезжающие с востока, вся информация из России и все товарищи, едущие за границу, — все направилось ко мне. Я сделался центром, связующим за границу и Советскую Россию. Все это сделано было не искусственно, а жизненно необходимым. Мне оставалось направлять это дело так, как требовали интересы самого этого дела. В течение лета много проследовало конспиративно советских работников, тайных агентов, членов монгольской организации и других на восток и с востока. Пункт для проезжающих и отъезжающих был у меня. Я снабжал отъезжающих заграничными паспортами, давал практические указания, говорил явочные пункты в Урге, устраивал с надежными ящиками, отправлял инфор-

мацию и пр. [АВП РФ. Ф. 0111. Отдел Дальнего Востока НКВД. Референдум по Монголии. Оп. 1. Пор. № 1. Папка 101. Л. 149об.].

Более конкретно свою деятельность с мая 1920 г. по август 1921 г., разделив по пунктам, описывал О. И. Макстенека в своей автобиографии: 1) исполнял официальные обязанности представителя; 2) обязанности резидента от Регистротдела 5-й Армии; 3) политическое наблюдение и фактический контроль над деятельностью и ценностями Центросоюза; 4) переправка, снабжение средствами всевозможных секретных сотрудников через границу и обратно; 5) получение всевозможной информации и переправка в Москву, Омск и Иркутск; 6) личное руководство по созданию Монгольской Народно-Революционной партии, потом — Красного Монгольского Правительства [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8].

По данным монгольского историка Б. Ширендыба, летом 1920 г. О. И. Макстенека встретил всех монгольских революционеров — членов делегации, тремя группами пробиравшимися через границу. С его помощью они сумели отплыть на пароходе в Верхнеудинск [Ширендыб 1971: 132, 136].

2 августа 1920 г. монгольские делегаты ознакомили О. И. Макстенека со своим обращением — просьбой начать переговоры с правительством Советской России об оказании помощи Монголии в ее борьбе за освобождение [РМВС 2008: 113–114; Хишигт 2017: 17].

Следует отметить, что по данным Р. Болда, секретарем уполномоченного НКВД в Монголии О. И. Макстенека был Ц. Ванчиков (бурят). Известно, что он перевел на русский язык письмо монгольских лам и чиновников, впоследствии переправленное Гапоном в НКВД в Москву [Болд 2021: 38].

С другой стороны, О. И. Макстенека писал, что работал в очень тяжелых условиях, при полном отсутствии сотрудников, и лишь изредка ему удавалось воспользоваться случайными услугами для целей перевода и информации [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020: 315]. Таким образом, О. И. Макстенека, один или вместе со своим подчиненным Ц. Ванчиковым, плотно занимались вопросами отправки монгольской делегации в столицу Дальневосточной республики. При этом О. И. Макстенека находился в прямой связи с председателем Совета министров Даль-

невосточной республики Б. З. Шумяцким, осуществляя экономическое, финансовое, политическое и оперативное обеспечение пребывания монгольской делегации на территории Дальневосточной республики и ее переезда в Иркутск [Курас, Цыбенков 2020: 86–87].

Прямая телеграфная связь уполномоченного НКВД в Монголии, очевидно, была налажена и с Сибмиссией в Иркутске. Например, в телеграмме, хранящейся в АВП РФ, сообщалось о прибытии курьера в Иркутск в августе 1920 г. и об изменении номера шифра [АВП РФ. Ф. 0111. Отдел Дальнего Востока НКВД. Референдум по Монголии. Оп. 1. Пор. № 1. Папка 101. Л. 8].

Как показывают архивные материалы, деятельность О. И. Макстенека не всегда оценивалась его современниками однозначно и положительно. Так, серьезные разногласия возникли в отношениях О. И. Макстенека с министром иностранных дел Дальневосточной республики А. М. Краснощековым, которому не нравилось пребывание представителя Советской России на территории Дальневосточной республики. Об этом свидетельствуют слова, якобы сказанные А. М. Краснощековым (в передаче О. И. Макстенека. — Л. К., Б. Ц.): «Не может быть уполномоченный Советской России в „Монголии“ на территории Дальневосточной республики. Вы официально для нас частный гражданин, никаких бумажек, пропусков Вы выдавать не имеете права» [АВП РФ. Ф. 0111. Отдел Дальнего Востока НКВД. Референдум по Монголии. Оп. 1. Пор. № 1. Папка 101. Л. 152].

Учитывая чрезмерную увлеченность А. М. Краснощекова идеей реальной независимости Дальневосточной республики от РСФСР, можно полагать, что данный инцидент действительно имел место. С другой стороны, деятельность О. И. Макстенека подвергалась критике и со стороны сотрудников Коминтерна. Так, в письме сотрудника Дальневосточного секретариата Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (Дашепилова) Гочитского в Монголо-Тибетский отдел Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) о положении в Монголии и предложениях по разложению отрядов Унгерна и китайских войск в Монголии (от 29 ноября 1920 г. [г. Троицкосавск]) говорилось, что при уча-

стии Чойбалсана, Сухэ-Батора, Бегзеева (Жамцарано. — Л. К., Б. Ц.), Ц. Ванчикова и представителя нацпартии из Маймачена устроено совещание о планах работы с новыми положениями. В то же время Гочитский отмечал, что эти планы и положения совершенно иначе представлены в Иркутске, поскольку О. И. Макстенека перерабатывал и изменял информацию и материалы, передаваемые ему Бегзеевым и Ц. Ванчиковым. И вследствие этого в Секцию восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) сообщалось не все, что следовало. Порою были даны неправильные сведения, например, о взятии Урги белыми и т. д., чего фактически не было и о чем знали Ц. Ванчиков и Бегзеев, которые в этом смысле и давали свою информацию [Монголия 2012: 54].

Несмотря на указанные противоречия с властями Дальневосточной республики и сотрудниками Коминтерна, О. И. Макстенека продолжал возложенную на него деятельность. У него на квартире останавливались монгольские революционеры, в частности Сухэ-Батор и Чойбалсан в декабре 1920 г. Его дом стал своего рода связующим центром между монгольскими революционерами и советскими органами [Курас 2016: 184]. Здесь же состоялось знаменитое совещание, которое вошло в историю как первый учредительный съезд Монгольской народной партии. Известно, что с приветственной речью на съезде выступил О. И. Макстенека, заявивший, что Советская Россия окажет помощь монгольскому народу в его борьбе [Ширендыб 1971: 164, 183, 185; Роцин 2011: 39, 45].

Зимой 1920–1921 гг. и начале марта 1921 г. О. И. Макстенека вел переговоры с китайскими чиновниками Чэнь И, Лу Пан-тао и Ли Юанем о возможности ввода на территорию Внешней Монголии частей Красной Армии для ликвидации войск барона Унгерна, оказывал помощь в получении виз, переходе границы китайским солдатам, чиновникам и купцам [Цыбенков, Курас 2021: 67; Болд 2021: 46, 104].

Согласно монгольским источникам, в преддверии военных действий в марте 1921 г. О. И. Макстенека от имени монгольских революционеров выдвинул требование о сдаче Маймачена без боя. В его письме, переданном китайской стороне 15 марта 1921 г., говорилось: «В случае, если китай-

ские солдаты сдадут оружие и город без боя, вам, китайским подданным будут сохранены жизни и будет гарантировано возвращение на родину» [Хишигт, Курас, Цыбенов 2020: 313]. По мнению монгольского исследователя Р. Болда, таким образом, китайские власти получили своеобразный ультиматум о наступлении Народно-революционной армии на Маймачен (китайскую Кяхту), поэтому они были готовы к дальнейшему развитию событий [Д. Сүхбаатар 1983: 32–33; Болд 2021: 107].

После взятия Маймачена Временным народным правительством 19 марта 1921 г. была организована комиссия по расследованию массовых убийств и насилий, совершенных китайскими милитаристами в городе. В состав комиссии входил и представитель Советской России в Троицкосавске О. И. Макстенок [Ширендыб 1971: 214].

Наряду с участием в политических событиях поистине мирового значения, О. И. Макстенку приходилось разрешать конфликтную ситуацию, возникшую с Троицкосавским Укомом. 23 апреля 1921 г. состоялось заседание пленума Троицкосавского комитета с участием начальника Госполитохраны. Суть собрания заключалась в выдаче О. И. Макстеном беспрепятственного пропуска в Маймачен некоему Сембергу, судимому в 1918 г. за спекуляцию. По мнению членов парткома, во-первых, О. И. Макстенок совершил уголовное преступление, сделав надпись на документе, утратившем силу; во-вторых, способствовал проезду Семберга от Якутская до Иркутска и Троицкосавска; в-третьих, способствовал проезду в г. Маймачен. Отмечалось также, что Семберг уклонился от трудовой повинности, был арестован на контрольном пункте за провоз из Маймачена ящика коньяка и несколько кусков хорошей материи [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 35].

Партийцами было вынесено единодушное постановление об исключении О. И. Макстенека из членов парткома и направлена просьба Центру о немедленном отзыве его с занимаемой должности. Весь материал по этому делу был выслан с тов. Наумовым [ГА ХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 283. Л. 53; Оношко 1968: 129]. Следует подчеркнуть, что дело было инспирировано уполномоченным Госполитохраны в Троицкосавске и вскоре было прекращено

вышестоящими инстанциями. Можно предположить, что Семберг, имея возможность свободного выезда в Маймачен, являлся агентом О. И. Макстенека.

Тем временем российско-монгольское приграничье находилось в тревожном ожидании похода барона Унгерна из Урги на север, в российское Забайкалье. О. И. Макстенок указывал, что во время наступления войск Унгерна на Троицкосавск, 11–13 июня 1921 г. он принимал участие как рядовой боец в окопах и лично захватил ценные документы из брошенного бароном архива, которые послал товарищу Чичерину [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8]. Его имя значится в ряду имен советских деятелей, сыгравших большую роль в осуществлении совместной борьбы советского и монгольского народов против Унгерна [Ширендыб 1971: 281].

За помощь в работе Монгольской народно-революционной партии в период ее организации, оказание особого содействия в деле установления связи партии с Советской Россией, участие в боях с врагами революции, оказание большой помощи в работе Временного Правительства О. И. Макстенок был награжден монгольским орденом «Красного Знамени» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 91]. Поскольку в документе речь идет о праздновании 10-й годовщины Монгольской революции, можно определить дату награждения как 1931 г. Об этом же свидетельствуют и подписи Л. Лагана, бывшего в 1930–1932 гг. председателем Президиума Государственного Малого Хурала МНР, премьер-министра МНР Ц. Жигжиджава [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 91].

Весной 1921 г. обстоятельства, прежде всего связанные с конфликтом с Троицкосавским Укомом, складывались не совсем удачно для О. И. Макстенека. И он, ссылаясь на болезненное состояние и другие причины, просил руководство отозвать его в Москву или откомандировать в распоряжение Дальневосточной республики. Был получен ответ, что он оставлен при Дальневосточной республике. В регистрационном бланке члена ВКП(б) отмечено, что на должности уполномоченного НКВД в Монголии О. И. Макстенок проработал до августа 1921 г. и с сентября 1921 г. перешел на работу в Министерство внутренних дел в

г. Чите секретарем [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8, 104].

Деятельность О. И. Макстенека в декабре 1921–1938 гг.

Приступив к работе в г. Чите в сентябре 1921 г., О. И. Макстенок с разрешения Дальбюро выехал на курорт Шиванда, где проходил лечение (хронический катар желудка). По возвращении в Читу заболел сыпным тифом и вышел из больницы 26 декабря 1921 г. [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 45].

Далее, как показывают архивные материалы, его судьба была тесно связана с Дальним Востоком, перебрасывая его все дальше и дальше на восток, до Камчатки. В силу острой нехватки профессиональных кадров, членов партии с дореволюционным стажем, он не задерживался долго на одном месте. Так, на должности секретаря МВД в г. Чите он пробыл до ноября 1922 г. Затем работал на должностях управделами в Забайкальском губкоме РКП(б) (до апреля 1923 г.), старшим секретарем Дальневосточного отделения Верховного Суда РСФСР (до января 1924 г.), инспектором Окружной Таможенной инспекции в г. Благовещенске (до октября 1924 г.), управляющим, по другим данным, заведующим Транспортной конторы Доброфлота в г. Владивостоке (до февраля 1925 г.), контролером в Дальбанке в г. Владивостоке (до февраля 1929 г.), зав. хозяйством рыбоконсервного завода в с. Кихчик Усть-Большерецкого района Камчатки (до марта 1931 г.), управляющим Госбанка в с. Усть-Большерецк Камчатки (до июня 1932 г.) [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 1, 5об., 105–106]. Работа на этих должностях то и дело сопровождалась некоторыми конфликтами. Так, 24 сентября 1922 г. или в феврале 1923 г. Дальневосточной Центральной Контрольной Комиссией О. И. Макстенеку было вынесено строгое порицание за склонность [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 21].

Однако самый сильный удар был нанесен ему в 1926 г. на основании анонимного заявления за «подаванчество»: бывший сокамерник донес, что О. И. Макстенок, будучи в Ревельской тюрьме в 1909 г., написал прошение о помиловании Николаю II. 2 марта 1926 г. О. И. Макстенок был исключен из «Общества политкаторжан» (прото-

кол Оргкомиссии Центросовета № 7/114), одним из руководителей которого он был [Юнге 2015: 195].

20 июля 1928 г. Дальневосточный Краевой Комитет исключил его из рядов ВКП(б) за «подаванчество» и как отчисленного из «Общества политкаторжан» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 85об.].

По меркам того времени это было сильнейшим потрясением для О. И. Макстенека и его окружения, считавших и почитавших его как твердокаменного коммуниста. Тем не менее в том же 1926 г. он начал борьбу за восстановление своего честного имени. О. И. Макстенок давал подробные объяснения, подавал апелляции. В декабре 1928 г. он указывал на свою максимальную нервность и в целом подорванное здоровье и писал: «Я питаю надежду и глубоко верю, что товарищи — члены ЦК ВКП(б) вернут мне право рядового члена партии, дадут возможность продолжать такую же честную и справедливую, низовую партийную и советскую работу, с которой я сросся и привык к ней» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 19об.].

В итоге специальная партколлегия приняла решение — «считать возможным оставление его в партии, ввиду того что он своей последующей борьбой в рядах рабочего класса исправил ошибку» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 85об.]. Решением ЦКК от 19 сентября 1929 г. (протокол 763, п. 1) на О. И. Макстенека было наложено партийное взыскание — строгий выговор с предупреждением за сокрытие от партии факта подачи из тюрьмы в 1909 г. прошения на имя царя. Выписку этого решения он получил в 1930 г., когда находился на Камчатке [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 90].

В декабре 1932 г. О. И. Макстенок с Камчатки перебирается в Москву, где устраивается начальником инспекции в АО «Продукт». Проработав там до ноября 1933 г., переходит на должность начальника инспекции Московского треста «Кафе» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 1, 5об., 105–106].

Согласно делу П-61825 репрессированного Макстенека Отто Ивановича, хранящегося в Государственном архиве РФ и относящегося к так называемым «расстрельным» делам 1937–1938 гг., явствует, что он работал в то время директором детского

дома (санаторий им. ВЦИК в Солнечногорском районе), был арестован 19 февраля 1938 года по так называемому «латышскому делу». Осужден Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР по обвинению в том, что являлся активным участником контрреволюционной группы, руководителем которой был Ян Рудзутак. 29 июня 1938 г. был приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение 20 августа 1938 г., захоронен в Бутово. 30 июля 1950 г. был реабилитирован [ГА РФ. Д. П-61825. 50 л.].

Заключение

В настоящей работе впервые введен в научный оборот комплекс архивных документов, хранящихся в архивохранилищах России, Монголии и Латвии и объединяемых именем О. И. Макстенека. Используемые документы кратко освещают пери-

од его детства и юности, революционную деятельность на территории Лифляндии в 1904–1905 гг., в г. Санкт-Петербурге и затем последовавшие арест и тюремные годы, ссылку в Иркутскую губернию в 1906–1913 гг. Изучены ранее неизвестные фрагменты его биографии, свидетельствующие о пребывании О. И. Макстенека в г. Троицкославске в 1914–1915 гг., с. Тальцы Иркутской губернии в 1916–1918 гг., его нахождении в отряде К. К. Некунде (Байкалова) в 1918–1920 гг.

На основе сравнительно-сопоставительного анализа архивных материалов и публикаций российских и монгольских ученых уточнены детали его революционной, дипломатической и общественной деятельности на посту уполномоченного НКВД в Монголии в 1920–1921 гг. и последующий трудовой путь вплоть до трагической гибели.

Источники

- АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации.
 АМИДМ — Архив Министерства иностранных дел Монголии.
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
 ГА ХК — Государственный архив Хабаровского края.
 ЛНА — Латвийский национальный архив.
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Литература

- Бартеле, Шалда 2018 — *Бартеле Т. М., Шалда В. А.* Путь Латвии от революции к провозглашению независимости // Пути России. 1917–2017: сто лет перемен: сб. ст. / под общ. ред. М. Г. Пугачевой, В. П. Жаркова. СПб.: ООО «Нестор-История», 2018. С. 49–60.
 Д. Сүхбаатар 1983 — Д. Сүхбаатар баримт бичгууд (= Д. Сухэ-Батор. Документы) / эмхэтгэсэн (составители) Ч. Мижэхуу, О. Пурэв, Л. Мэндсайхан; под ред. Ш. Нацагдоржа. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1983. 341 с.
 Деятельность органов 2021 — Деятельность органов и войск правопорядка на территории Сибири при обеспечении государственной и общественной безопасности в 1811–1991 гг. / Виноградов А. В., Шитько В. В., Зайцев Н. Н., Санин В. Е. Новосибирск: Изд-во Новосибирского военного института им. гене-

Sources

- Archive of Foreign Policy of the Russian Federation.
 Ministry of Foreign Affairs of Mongolia, Archives.
 National Archives of Latvia.
 Russian State Archive of Sociopolitical History.
 State Archive of Khabarovsk Krai.
 State Archive of the Russian Federation.

рала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, 2021. 236 с.

- Кирчанов 2015 — *Кирчанов М.* Четыре модернизации: исторические преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии в XIX–XXI веке: воображение, память, протест). Воронеж: Кварта, 2015. 286 с.
 Кудряшов 2018 — *Кудряшов В. В.* Идеино-политическая борьба в рядах Иркутской организации РСДРП в 1917 году (по материалам периодической печати) // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1 (12). С. 44–49.
 Курас 2016 — *Курас Л. В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX века / рук. проекта, отв. ред. Б. В. Базаров, науч. ред. М. Н. Балдано. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.

- Курас, Цыбенков 2020 — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Отто Иванович Макстенек: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 32. С. 83–90.
- Монголия 2012 — Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1. (1919–1929) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.
- Оношко 1968 — *Оношко В. Б.* Приграничный уком: Очерк [о Троицкосавском уездном комитете партии]. Хабаровск: Кн. изд-во, 1968. 192 с.
- РМВС 2008 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. документов: в 2 ч. /отв. ред. В. П. Козлов, Д. Улзий-баатар. Ч. II. М. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2008. 326 с.
- Рошин 2011 — *Рошин С. К. Д.* Сухэ-Батор: национальный герой Монголии (штрихи биографии) (Монголын ундэсний баатар Д. Сухбаатар) (намтарын хуудсууд). Улаанбаатар: Сэлэнгэ пресс компанид хэвлэв, 2011. 280 с.
- Скипский 2019 — *Скипский Г. А.* К вопросу об историческом опыте борьбы полиции Российской империи с терроризмом в Прибалтийском крае в 1905–1907 гг. // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 85–94.
- Хипхенов 2018 — *Хипхенов Г. И.* Герой должен быть один? Ф. Лавров и Н. Каландаришвили // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3 (28). С. 150–167.
- Хишигт 2017 — *Хишигт Н.* Великая Российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой Российской революции. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 14–23.
- Хишигт, Курас, Цыбенков 2020 — *Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Отто Иванович Макстенек: у истоков монгольской революции 1921 года // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-305-317
- Цыбенков, Курас 2021 — *Цыбенков Б. Д., Курас Л. В.* «Как-то странно звучит слово „дипломатия“ в устах коммуниста...»: о дипломатической деятельности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека // Россия – Монголия: 100 лет вместе: мат-лы межд. науч. конф, посвящ. 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 63–69.
- Юнге 2015 — *Юнге М.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 640 с.
- Ширендыб 1971 — *Ширендыб Б.* История Монгольской народной революции 1921 года. М.: ГРВЛ, 1971. 399 с.
- Болд 2021 — *Болд Р.* Бүрэн эрхээ хязгаарлуулсан тусгаар тогтнол (= Независимость с ограниченными полномочиями). Улаанбаатар: НЭПКО publishing, 2021. 210 с.

References

- Bartele T. M., Shalda V. A. Latvia's path from Revolution to the proclamation of independence. In: Pugacheva M. G., Zharkov V. P. (eds.) Paths of Russia, 1917–2017: The One Hundred Years of Changes. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 49–60. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (ed.) Mongolia in Documents of the Comintern, 1919–1934. Vol. 1: 1919–1929. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 527 p. (In Russ.)
- Bold R. Independence with Limited Powers. Ulaanbaatar: NEPKO Publishing, 2021. 210 p. (In Mong.)
- Junge M. Revolutionaries Retired: National Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers, 1921–1935. Moscow: AIRO-XXI, 2015. 640 p. (In Russ.)
- Khipkhenov G. I. A hero should be one? F. Lavrov and N. Kalandarishvili. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2018. Vol. 14. No. 3 (28). Pp. 150–167. (In Russ.)
- Khishigt N. The impact of the Russian Revolution of 1917 on the national liberation movement in Mongolia. In: *Siberia in the Years of the Russian Revolution. Conference proceedings*. Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2017. Pp. 14–23. (In Russ.)
- Khishigt N., Kuras L. V., Tsybenov B. D. Otto I. Makstenek: At the origins of the Mongolian Revolution of 1921. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 305–317. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-305-317
- Kirchanov M. The Four Modernizations: Historical Continuities and Political Ruptures (Nationalism, Nation and Identity in Latvia, 19th–21st Centuries: Imagination, Memory, Protest). Voronezh: Kvarta, 2015. 286 p. (In Russ.)
- Kozlov V. P., Ulziy-baatar D. (eds.) Russian-Mongolian Military Cooperation, 1911–1946. Collected documents. In 2 vols. Vol. II. Moscow; Ulan-Ude: East-Siberian State Acad-

- emy of Culture and Arts, 2008. 326 p. (In Russ.)
- Kudryashov V. V. The 1917 ideological and political feuds within Irkutsk Organization of the RSDLP: A case study of periodicals. *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2018. No. 1 (12). Pp. 44–49. (In Russ.)
- Kuras L. V. Transnational History of the Mongolian World in Revolutionary Upsurge, 1900s–1920s. B. Bazarov, M. Baldano (eds.). Irkutsk: Ottisk, 2016. 252 p. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. Otto Ivanovich Makstenek: Year from life of the Soviet diplomat. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2020. Vol. 32. Pp. 83–90. (In Russ.)
- Mizhekhuu Ch., Purev O., Mendsaikhan L. (comps.) D. Sükhbaatar. Documents. Sh. Natsagdorj (ed.). Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1983. 341 p. (In Mong.)
- Onoshko V. B. The Frontier Uyezd Committee: An Essay [on Troitskosavsk Uyezd Party Committee]. Khabarovsk: Khabarovsk Book Publ., 1968. 192 p. (In Russ.)
- Roshchin S. K. D. Sükhbaatar: The National Hero of Mongolia (Biographical Details). Ulaanbaatar: Selenge Press, 2011. 280 p. (In Mong.)
- Shirendyb B. History of the Mongolian People's Revolution of 1921. Moscow: Nauka — GRVL, 1971. 399 p. (In Russ.)
- Skipsky G. A. To the question about the historical experience of the struggle of the police of the Russian Empire against terrorism in the Baltic region in 1905–1907. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation*. 2019. No. 1. Pp. 85–94. (In Russ.)
- Tsybenov B. D., Kuras L. V. 'The word 'diplomacy' sounds weird when articulated by a Communist ...': Representative of RSFSR People's Commissariat of Foreign Affairs O. I. Makstenek and his diplomatic activities revisited. In: Russia – Mongolia. The Century of Friendship. Jubilee conference proceedings. Irkutsk: Irkutsk State University, 2021. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Vinogradov A. V., Shitko V. V., Zaytsev N. N., Sanin V. E. Maintaining National and Public Security in Siberia: Activities of Law Enforcement Agencies and Units, 1811–1991. Novosibirsk: Yakovlev Novosibirsk Military Institute (National Guard of Russia), 2021. 236 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 1, pp. 51–62, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94:347.961(571.52)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-51-62

История нотариального дела на территории Тувы: от нойонов и старших выборных до Первой Кызылской нотариальной конторы (1914–1940-е гг.)

Татьяна Геннадьевна Карчаева¹, Зоя Юрьевна Доржу², Михаил Дмитриевич Северьянов³,
Алдына Викторовна Седен⁴

¹ Сибирский федеральный университет (79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-9705-7921. E-mail: tatyana-verkhoturova@yandex.ru

² Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-6409-3248. E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru

³ Сибирский федеральный университет (79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-1502-4510. E-mail: severyanova@mail.ru

⁴ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0001-8785-0400. E-mail: aldynaseden@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Карчаева Т. Г., Доржу З. Ю., Северьянов М. Д., Седен А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Данная статья об истории становления системы нотариата в одном из восточных регионов России — Республике Тыва. Особенности черты развития общественных и государственных институтов Тувы характеризуют исследовательский интерес к данному региону. *Цель статьи* — установить факты исторического опыта функционирования нотариального дела на территории Республики Тыва в 1914–1940-е гг. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования послужили документы Национального архива Республики Тыва: делопроизводственные документы Управления Комиссара по делам Урянхайского края и Переселенческого управления, местных хошунных и сумонных управлений, Нотариальной палаты Республики Тыва. Комплексный анализ нормативного регулирования системы нотариата

после 1946 г. позволил доказать ее сформированность во второй половине 1940-х гг. *Результаты*. Во время Российского протектората 1914–1917 гг. в Урянхайском крае Положение о нотариате 1866 г. не было введено в силу национальных и геополитических особенностей территории. Фактически нотариальные функции исполняли представители местной национальной элиты (нойоны), старшие выборные русских поселков, чиновники Переселенческого управления и Управления Комиссара по делам Урянхайского края. В это время у коренного населения и крестьян-переселенцев не было общего единого представления о частной собственности, что вызывало множество споров, решаемых чиновниками местной российской администрации. В Тувинской Народной Республике в период 1921–1944 гг. система нотариата так и не сложилась. В образном понимании «нотариальное дело» поручалось осуществлять местным хошунным и сумонным управлениям (подобно сельским Советам, нотариальным столам в районных или городских исполнительных комитетах). Выявленные документы, среди которых «Книга приказов (по Кызылской нотариальной конторе) Тувинской автономной области за 1950–1958 гг.», позволили с точностью установить дату начала работы Первой Кызылской нотариальной конторы — 1 февраля 1945 г., а анализ нормативного регулирования нотариата в Туве — утверждать о сформированных общих чертах его функционирования наравне с другими регионами Советской России.

Ключевые слова: история нотариата, нойон, старшие выборные поселков, окружная администрация, дореволюционное чиновничество, Переселенческое управление, Комиссар по делам Урянхайского края, Урянхайский край, Енисейская губерния, Тувинская Народная Республика, автономная область, Сибирь

Благодарность. Авторы выражают благодарность Федеральной нотариальной палате (г. Москва) и Комиссии Федеральной нотариальной палаты по исследованию исторического наследия российского нотариата.

Для цитирования: Карчаева Т. Г., Доржу З. Ю., Северьянов М. Д., Седен А. В. История нотариального дела на территории Тувы: от нойонов и старших выборных до Первой Кызылской нотариальной конторы (1914–1940-е гг.) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 51–62. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-51-62

History of Notarial Affairs in Tuva: From Noyons and Senior Electives to the First Notarial Office of Kyzyl, 1914 to 1940s

Tatyana G. Karchaeva¹, Zoya Yu. Dorzhu², Mikhail D. Severyanov³, Aldyna V. Seden⁴

¹ Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-9705-7921. E-mail: tatyana-verkhoturova@yandex.ru

² Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-6409-3248. E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru

³ Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-1502-4510. E-mail: severyanova@mail.ru

⁴ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-8785-0400. E-mail: aldynaseden@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Karchaeva T. G., Dorzhu Z. Yu., Severyanov M. D., Seden A. V., 2022

Abstract. Introduction. The article provides a historical review of how notarial system of the Tuva Republic — an eastern region of Russia — was taking its shape. The research interest towards the

territory is determined by specific development features characteristic of public and state institutions in Tuva. *Goals.* The article aims to identify facts of historical experience in functioning of notaries in the territory of the republic from 1914 to the 1940s. *Materials and methods.* The study primarily explores documents from the National Archive of the Tyva Republic, such as official papers of the Department of the Commissioner for Uryankhai Krai and the Resettlement Agency, local *khoshuu* and *sum* administrations, and the Notarial Chamber of the Tyva Republic. Comprehensive analysis of normative regulations for notarial system issued after 1946 makes it possible to assert its complete existence in the mid-to-late 1940s. *Results.* The Russian Protectorate of 1914–1917 did not introduce the Notarial Regulations (1866) in the Uryankhai region due to national and geopolitical characteristics of the territory. In fact, notarial functions were performed by representatives of local ethnic elites (*noyons*), senior electives of Russian settlements, officials of the Resettlement Agency and the Department of the Commissioner for Uryankhai Krai. At that time, the indigenous population and peasant settlers had no shared understanding of private property, which caused many disputes resolved by local Russian officials. So, the period of the Tuvan People's Republic (1921 to 1944) witnessed no shaping of notarial system. In a figurative sense, 'notarial affairs' were entrusted to local *khoshuu* and *sum* administrations (like village Soviets, notarial tables in district or city executive committees). The revealed documents, including the 'Book of Orders for Kyzyl Notarial Office of Tuvan Autonomous Oblast, 1950 to 1958' make it possible to precisely identify the earliest working day of the First Notarial Office of Kyzyl — February 1, 1945. Analysis of normative regulations for notarial system in Tuva presumes that general features of its functioning were formed along with other regions of Soviet Russia.

Keywords: history of notarial system, noyon, senior electives of settlements, district administration, pre-revolutionary bureaucracy, Resettlement Agency, Commissioner for Uryankhai Krai, Yeniseysk Governorate, Tuvan People's Republic, Tuvan Autonomous Oblast, Siberia

Acknowledgements. The authors extend gratitude for cooperation and assistance to the Federal Notarial Chamber (Moscow) and its Commission for the Study of Historical Heritage of Russian Notaries.

For citation: Karchaeva T. G., Dorzhu Z. Yu., Severyanov M. D., Seden A. V. History of Notarial Affairs in Tuva: From Noyons and Senior Electives to the First Notarial Office of Kyzyl, 1914 to 1940s. *Oriental Studies.* 2022; 15(1): 51–62. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-51-62

Введение

Для истории Тувы 2021 г. обозначен важным юбилейным событием — 100-летием образования Тувинской Народной Республики, добровольно вошедшей в состав Советского Союза в 1944 г. История отдельного региона азиатской части огромной России есть элемент истории страны в целом. На сегодняшний день Республика Тыва — это регион Российской Федерации, расположенный в географическом «Центре Азии»: граничит с Республикой Алтай, Республикой Хакасия, Республикой Бурятия, Иркутской областью, Красноярским краем, а на юге и востоке — с Монголией. Изучение локальной истории России дополняет и конкретизирует общие выводы исторической науки, позволяет ярче и полнее представить весь пройденный путь российской государственности.

Актуальность данной статьи обусловлена интересом Федеральной нотариальной палаты (далее — ФНП), российской общественности и научного сообщества к истории нотариата на уровне регионов России. В 2010–2020-е гг. реализуется проект «Золотые страницы российского нотариата», в рамках которого подготовлена серия книг по истории нотариата разных регионов России: Нижегородской, Московской, Челябинской, Липецкой, Тульской, Самарской, Тверской, Новгородской областей, Ставрополья, Среднего Урала, Дальнего Востока (включая Маньчжурию), Алтая, Красноярского края, Республики Хакасия и др. [Васильев 2017; Друзяка 2014; Друзяка, Дударенок 2018; Маслов, Ерёмченко 2011; Маслов, Маслов 2008; Анев, Друзяка, Ерёмченко 2018; Жулаева и др. 2018; Карчаева и др. 2020].

В этой же серии издана книга, подробно освещающая историю Федеральной нотариальной палаты, — «Двадцать лет возрожденному нотариату. История ФНП» [Ерёменко 2013].

В присущей «Золотым страницам» исследовательской парадигме написана книга о различных аспектах исторического пути развития нотариата Санкт-Петербурга с 1917 г. по настоящее время: «Невский нотариат: люди, судьбы, исторические параллели» [Ерёменко 2017].

Цель статьи — установить факты исторического опыта функционирования нотариального дела на территории Республики Тыва (далее — РТ) в 1914–1940-е гг. Хронологические рамки исследования обусловлены особым историческим периодом региона от протектората Российской империи (1914 г.) до окончательного становления системы нотариата по советскому/российскому образцу (вторая половина 1940-х гг.).

Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужил широкий круг материалов, среди которых законы и правовые акты, архивные документы региональных архивов (Национального архива Республики Тыва (далее — НА РТ), а также остававшиеся до недавнего времени вне поля научного изучения документы Первой Кызылской нотариальной конторы, хранящиеся в Архиве Управления министерства юстиции Российской Федерации по Республике Тыва (далее — Архив Упр. минюста РФ по РТ).

Большую группу источников составляет организационно-распорядительная документация местных органов власти и самоуправления по публичному свидетельствованию и удостоверению имущественных сделок, документов и частных прав населения. Для дореволюционного этапа это докладные записки, служебные письма, телеграммы чиновников Переселенческого управления, протоколы собраний, ходатайства и прошения от населения, разбираемые Комиссаром по делам Урянхайского края и Пограничным начальником Минусинского округа, показания и объяснительные записки старших выборных русских поселков о проведенных ими сделках купли-продажи земельных угодий [НА РТ. Ф. Р-123 «Управление Заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае»].

Период Тувинской Народной Республики (далее — ТНР) рассмотрен через анализ служебных документов местных судебных органов власти, хошунных и сумонных управлений [НА РТ. Фонды Р-92 «Совет Министров ТНР», Р-115 «Управление амбын-нойона Танну-Урянхая (Туву)», Р-144 «Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК)»]. Информация о времени начала работы Первой Кызылской нотариальной конторы и ее штатах содержится в организационно-правовом документе «Книга приказов нотариальной конторы области за 1950–1958 гг.», хранящейся в архиве Управления Министерства юстиции РФ по РТ.

Правила организации нотариального дела в Тувинской автономной области во второй половине 1940-х гг. установлены на основе анализа постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 20.07.1930 «О введении в действие Положения о Государственном нотариате РСФСР», постановления Совета Министров РСФСР от 31.12.1947 «Об утверждении Положения о государственном нотариате РСФСР», а временные ограничения их действия определены законом СССР от 19.07.1973 «О государственном нотариате» [Постановление 1930; Постановление 1947; Закон 1973]. Распространение нормативного регулирования, на основании которого была учреждена Первая Кызылская нотариальная контора и которому должны были следовать ее сотрудники, доказывает создание системы нотариата на территории Тувы 1 февраля 1945 г.

Нотариальные функции на территории Урянхайского края в дореволюционное время

В начале XX в. начинается «российская» история Тувы. Как следствие Синьхайской революции 1912–1913 гг. в Китае произошло ослабление власти маньчжуров над тувинскими князьями (нойонами), и Урянхайский край (русское название Тувы) в 1914 г. попал под протекторат Российской империи [Дацышен 2014: 56].

Еще до этого, в 1912 г., в Урянхае было организовано Переселенческое управление — правительственный орган российской местной власти, уполномоченный решать вопросы заселения крестьян-переселенцев и наделения их земельными угодьями [Дамешек, Дамешек 2019: 24].

Сибирские крестьяне с удовольствием заселяли долину реки Большого Енисея (*тув.* Бий-Хема), так как считали эти земли плодородными и пригодными для охоты и животноводства [НА РТ. Ф. Р-123. Оп. 2. Д. 131. Л. 32].

Архивные материалы свидетельствуют о включении русского населения в традиционный быт коренных жителей, в который приносились правовые начала, «привезенные переселенцами из России»: «Сойоты делятся с русскими переселенцами сведениями о малых рыбоводных реках Систикем, Хамсара и ее притоках, Серлиг-хем, озерах Таракуль, Тожюкуль, Икуль, о которых переселенцы и не знали бы. Рыба, как и мех, также сдаются русским (хариуз, сиг, щука, в общем, до 1 500 пудов), иногда русские дают бумагу, подтверждающую факт расплаты с сойотами» [НА РТ. Ф. Р-123. Оп. 2. Д. 131. Л. 32].

В дореволюционный период истории России Урянхайский край входил в состав Иркутского генерал-губернаторства как особая административно-территориальная единица Енисейской губернии. Российское правительство сохранило введенное ещё в середине XVIII в. деление на хошуны, соответствовавшие российским уездам, и на сумоны (также — сомоны, сумы), подобные российским волостям. «Хошуны возглавляли амбын-нойоны, имевшие в распоряжении чиновничий аппарат, приписанный им в помощь, а также административный аппарат, положенный для каждого сума» [НА РТ. Ф. Р-123. Оп. 2. Д. 131. Л. 31].

Но в условиях российского протектората фактическая власть принадлежала Комиссару Урянхайского края и чиновникам Переселенческого управления [Родевич 1910: 27]. Их резиденцией был основанный в 1914 г. город Белоцарск (сегодня — город Кызыл). Во главе русских крестьянских селений стояли старшие выборные поселков, которые оформляли сделки, т. е. выполняли нотариальные функции.

Заметим, что с документами, составленными на монгольском языке работал специально на это обученный чиновник Управления по делам Урянхайского края [НА РТ. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2об.].

Информационно-справочная документация местных органов власти в Урянхае начала XX в. свидетельствует о том, что

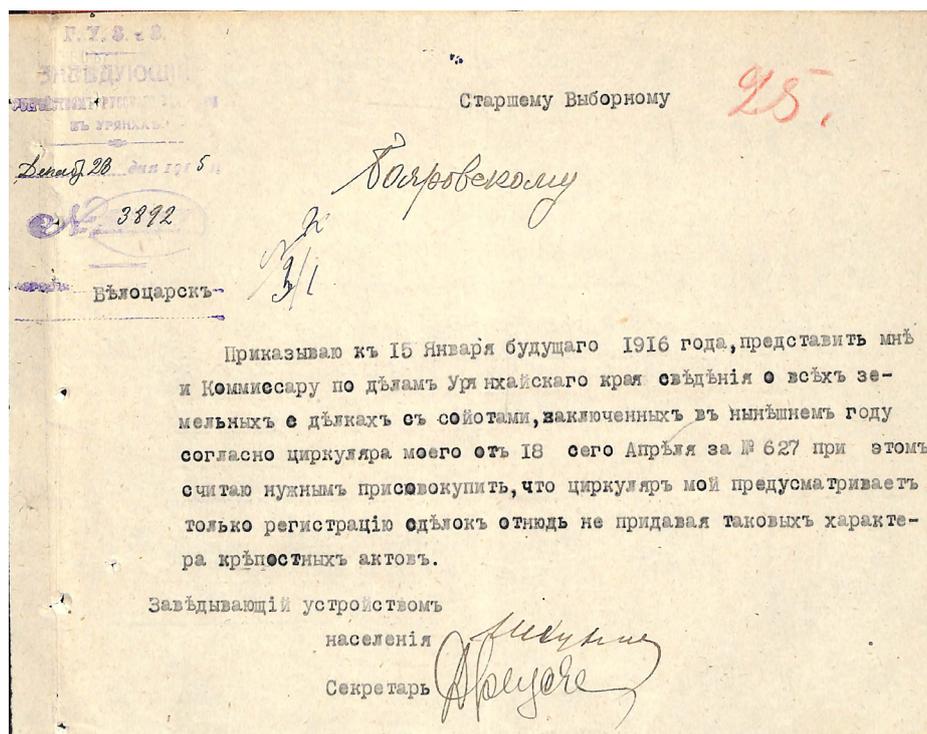
первые переселенцы занимали земли в соответствии с договорами, заключенными с нойонами. Докладные записки, служебные письма, телеграммы чиновников Переселенческого управления, протоколы собраний, проведенных Комиссаром по делам Урянхайского края и Пограничным начальником Минусинского округа, объяснительные записки старших выборных русских поселков подтверждают использование опыта удостоверения документов по «нотариальному образцу» [НА РТ. Ф. Р-123. Оп. 2. Д. 94. Л. 1, 3, 25–36, 95, 96, 122; НА РТ. Ф. Р-123. Оп. 2. Д. 131. Л. 31, 32].

Однако Заведующий устройством русского населения в Урянхайском крае был против придания подобным сделкам статуса крепостного акта (факсимиле 1).

Показания старшего выборного поселка Щербаковского Урянхайского края (Архипа Германова) о проведенных им сделках купли-продажи — это пример подтверждения распространенных случаев продажи и перепродажи земельных угодий: «Покосы, которыми я пользовался в минувшем году, были проданы жителю поселка Знаменского (Павлу Муравьеву), а он перепродал их крестьянину Путимцеву, а Путимцев — крестьянину Казанцеву» [НА РТ. Ф. Р-123. Оп. 2. Д. 94. Л. 3].

Однако тувинские чиновники представляли земельные угодья крестьянам-переселенцам, как они считали, во временное пользование, исходя из собственных представлений о собственности; переселенцы же, договариваясь о местах поселений, считали их уже своей собственностью [Дамдынчап 2006: 82]. Следовательно, по проведенным имущественным сделкам возникали земельные споры, которые разбирались Комиссаром по делам Урянхайского края и Пограничным начальником Минусинского округа на основании поступивших от населения ходатайств (прошений): «Земли для покоса и хлебопашества незаконно захватываются, даже выборные по русским поселкам предоставили ответ Комиссару об отсутствии в 1915 г. земельных сделок между урянхами и русскими. Показания давали Кемчикский, Тарлыканский, Атамановский, Уюкский старшие выборные» [НА РТ. Ф. Р-123. Оп. 2. Д. 94. Л. 26–30].

Анализ архивных материалов показал, что всё же земельные споры, разрешаемые

Факсимиле 1. Приказ Заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае в адрес старшего выборного поселка Бояровка о регистрации сделок без придания им статуса крепостных актов, 1915 г. [НА РТ. Ф. Р-123. Оп. 2. Д. 94. Л. 25]

[Facsimile 1. Order of the Head of Russian population in Uryankhai Krai to the senior elective of Boyarovka settlement on registration of transactions without the status of serf acts, 1915]

на официальном уровне, не были частым явлением. При этом до объявления российского протектората в 1914 г. в Туве уже проживало около 80 тыс. человек. По официальным данным, русских переселенцев было 4 тыс. человек, в 1917 г. — уже около 12 тыс. человек [Павлова 2014: 251]. Но их процентное соотношение в сравнении с коренным населением Тувы было совсем невелико и даже в самых заселяемых районах составляло не более 6 % [Павлова 2014: 252].

Согласно статистическому обследованию Урянхия за 1916 г., населенные пункты крестьян были разбиты на два хошуна: Тоджинское и Карагашинское. В Тоджинском хошуне переселенцев было около 300 душ обоего пола, расселенных в двух поселках и 36 заимках и живших вполне зажиточно. О количестве тувинского населения точных данных нет, скорее всего, цифра в 5 000 душ обоего пола, т. е. около 1 000 юрт [НА РТ. Ф. Р-123. Оп. 2. Д. 131. Л. 31, 32].

Таким образом, в период Российской империи соседско-родовые отношения в во-

просах имущественного права и землепользования были преобладавшими. Однако русские переселенцы в Урянхайский край привносили опыт удостоверения сделок, являвшийся для них привычным процессом. При этом влияние российского гражданского права, подразумевавшего развитие нотариата как механизма его реализации, оставалось минимальным, а «Нотариальное положение» (1866 г.) так и не было введено.

Свидетельствование имущественных сделок в период ТНР

В марте 1917 г. на территории Урянхия стали активно создаваться Советы рабочих и крестьянских депутатов, в июне 1918 г. было принято соглашение о дружбе и взаимной помощи русского и тувинского народов, в середине 1921 г. провозглашен национальный суверенитет Тувы. Следующие 23 года существования Тувинской Народной Республики — это один из ярких периодов в истории тувинского народа.

Тува в 1921–1944 гг. все еще оставалась самобытным местом, развивавшимся по

своим собственным «восточным» законам, в какой-то степени далеким от понимания европейского человека [Бышев и др. 2019: 60–61; Базыр 2020: 47].

В период ТНР институт права частной собственности, поземельные, договорные и обязательственные отношения были трансформированы, и в сфере складывающегося гражданского права увеличилась доля государственного регулирования. При этом разрешалось покупать и продавать только движимое имущество (юрта как переносное жилище, домашний скот, орудия труда, утварь), сделки с земельными участками не допускались и преследовались по закону. Для счета скота тувинцы издревле использовали термин *бодо*, который обозначал одну голову крупнорогатого скота или 10 голов овец или коз и который служил всеобщим эквивалентом. Размер бодо был непостоянным, что вполне объяснимо его характером всеобщего эквивалента. Для наделения имуществом бедняцких хозяйств, «не имеющих бодо или имеющих до 5 бодо», применялась практика выдачи конфискованного скота из фонда коллективизации [НА РТ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 67. Л. 7–9].

Архивные материалы свидетельствуют об увеличении количества документов, использовавшихся в повседневной практике и требовавших официального удостоверения или засвидетельствования. Примером этому могут стать расписки об уплате судебных штрафов, возврате должниками взятых в долг денег или вещей. Копии подобных документов содержатся, например, в судебных делах за 1921–1925 гг., отложенных в фонде Р-144 «Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК)». Одна из таких расписок гласит: «Мы, тувинцы, 1. Имя, 2. Имя, 3. Имя, даем расписку гражданскому суду о том, что обязуемся уплатить по решению смешанного суда за вытравленный нами у него хлеб (45 пудов, 17 фунтов) скотом. За неуплату своевременную обязуемся уплатить законные проценты, в чем и подписуемся. Расписку заверяем в смешанном суде» [НА РТ. Ф. Р-144. Оп. 11. Д. 3. Л. 18].

В 1925 г. на сессии Малого Хурала (тувинский парламент) были приняты положения о наделении местных хошуновых

и сумонных управлений широкими полномочиями, в перечень которых входили функции засвидетельствования не только распространенных в быту расписок, но и договоров купли-продажи, аренды, займа и ссуды: «Сумонные управления поселков Щербаковское, Боякколь и Усть-Ирбейское оформляли документы, сделки, по которым соблюдалась процедура нахождения при этом всех заинтересованных лиц» [НА РТ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 67. Л. 8].

Судебная система ТНР была учреждена в 1930 г. На уровне хошунов начали функционировать народные суды, высшей судебной инстанцией в республике стал Верховный суд. При этом анализ архивных фондов народных судов не дал подтверждения об исполнении судебными служащими нотариальных функций, как это было в Советской России [НА РТ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 107. Л. 2–73; НА РТ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 280. Л. 2–32]. Удостоверением и засвидетельствованием документов и после 1930 г. занимались только хошунные и сумонные управления, подобно сельским Советам, нотариальным столам районных или городских исполнительных комитетов.

Одной из причин, затруднявших учреждение «отдельного» института нотариата, было отсутствие законов по имущественному праву. Так, Гражданский Кодекс ТНР был утвержден лишь в октябре 1943 г. [Монгуш 2016: 72–75]. В нем содержались общие положения о собственности, обязательствах (раздел III) и наследовании (раздел IV), имущественные права государственных, кооперативных, общественных учреждений, предприятий организаций и частных лиц, а также имущественно-правовые отношения между ними. Закон определял понятия правоспособности, дееспособности, различия физических и юридических лиц, исковой давности, деление собственности на государственную, кооперативную, личную [НА РТ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1097. Л. 1–68].

В 1930-е гг. Тувинской народно-революционной партией (далее — ТНРП) проводился курс перехода аратов на оседлость и создание населенных пунктов [НА РТ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 98. Л. 10]. Тем самым в Туве формировались условия для развития самостоятельного института нотариата,

призванного к публичному удостоверению (подтверждению и закреплению) юридических фактов, подтверждению законности совершаемых частноправовых актов.

Начало работы Первой Кызылской нотариальной конторы

Учреждение института нотариата в Туве по «российскому образцу» произошло в результате вхождения ТНР в состав СССР на правах автономной области (октябрь 1944 г.). В то время на территории Тувы площадью 192 тыс. м² проживало 95 025 человек (в г. Кызыле — 6 047 человек), насчитывалось 5 городов, 15 районов и 108 сельских Советов, 50 предприятий, большинство из которых находилось в столице [Ширап 2019: 77]. Самыми крупными из них были лесозавод, ремзавод, кожзавод, пищекомбинат и электростанция. В г. Кызыле была одна больница, две средние школы, три детских сада [Ширап 2019: 76–83]. Таким образом, Тувинская автономная область и ее столица Кызыл были типичными, по советским меркам, для середины 1940-х гг.

Постановлением ЦИК и СНК СССР «Об основных принципах организации государственного нотариата» 1926 г. было установлено правило урегулирования многих вопросов нотариальной деятельности в рамках совместной союзно-республиканской компетенции. Данная правовая норма закреплялась законом РСФСР «О государственном нотариате» 1974 г., который фактически действовал до 1993 г. [Виноградова, Низовский 1989: 34–39; Лукашевич 1989: 23–24; Закон 1973; Основы 1993].

Основой для построения системы нотариата в Тувинской автономной области стало Положение о государственном нотариате 1930 г., принятое отделом нотариата Народного комиссариата юстиции РСФСР [Постановление 1930].

После 1944 г. на территории автономной области, согласно Положению о государственном нотариате 1930 г., была построена система нотариальных действий с государственными районными нотариальными конторами, «предназначенными для оказания правовой помощи населению, охраны прав граждан, их законных интересов (...)» [Постановление 1930], а в населенных пунктах, в которых нотариальных контор не было, их выполняли нотариаль-

ные столы районных исполнительных комитетов (РИКов), а также секретари исполнительных комитетов городских и сельских Советов [Постановление 1930].

Последующее Положение о государственном нотариате 1947 г., разработанное Министерством юстиции РСФСР, упразднило местное Управление юстиции при Тувинском областном Совете депутатов трудящихся, а руководство системой нотариата было возложено на Областной народный суд Министерства юстиции РСФСР, с 1962 г. — на Верховный суд Тувинской АССР.

В Тувинской автономной области институт нотариата был учрежден 1 февраля 1945 г. — дата начала работы Первой Кызылской нотариальной конторы [Постановление 1947].

Согласно архивным материалам, Нотариальной конторой г. Кызыла в 1957 г. впервые была организована передача документации для хранения в Центральный государственный архив Тувинской автономной области (ныне — Национальный архив Республики Тыва). Об этом свидетельствует приказ конторы № 1 от 13.05.1957 о необходимости подготовки «отборочного списка» документов за 1945–1953 гг. для передачи в архив. Среди них назывались первые (основные) экземпляры нотариально удостоверенных доверенностей, копии исполнительных надписей и документы, по которым они выданы, личные дела юридических лиц, прекративших обращения в нотариальные органы [Архив Упр. минюста РФ по РТ. Книга приказов по Кызылской нотариальной конторе Тувинской Автономной области за 1950–1958 гг. Л. 3–3об.].

Старшим нотариусом Первой Кызылской нотариальной конторы с момента его учреждения вплоть до 24 марта 1952 г. была опытный нотариус Волкова (инициалы не удалось восстановить. — прим. авт.), должность консультанта до 19 сентября 1951 г. занимала Мария Николаевна Гордеева, курьером конторы была Любовь Александровна Котушкова [Архив Упр. минюста РФ по РТ. Книга приказов по Кызылской нотариальной конторе Тувинской Автономной области за 1950–1958 гг. Л. 3–3об.].

На территории Тувы к 1984 г. функционировали только четыре государственных нотариальных конторы — Первая Кызыл-

ская, Пий-Хемская, Тандинская (образована в 1969 г.), Барун-Хемчикская (наиболее ранний реестр обнаружен за 1957 г.); к 1987 г. появились еще три нотариальные конторы — Дзун-Хемчикская, Улуг-Хемская, Тес-Хемская. Тем самым система нотариата на территории Тувы была сформирована, и население получило возможность подтверждать и закреплять юридические факты, подтверждать законность совершаемых частноправовых актов в нотариальном порядке.

Заключение

Период 1914 – вторая половина 1940-х гг. занимает важное место в развитии нотариального дела на территории Тувы. В это время в соответствии с нуждами населения происходило становление общественных и государственных структур, выполнявших функции публичного удостоверения имущественных сделок, подтверждения законности совершаемых действий, приобретаемых (изменяемых и прекращаемых) частных прав населения.

Если сегодня нотариат Республики Тыва — это составная часть системы нотариата Российской Федерации, то до второй половины 1940-х гг. свидетельствование сделок и документов на территории Урянхайского края, Тувинской Народной Республики происходило совершенно иначе. В 1914–1921 гг. фактически нотариальные функции выполняли представители феодальной элиты (нойоны), включенные в систему общественного самоуправления,

а также старшие выборные русских поселков переселенцев, при этом возникавшие споры по удостоверению имущественных прав разрешались чиновниками Переселенческого управления и Комиссаром по делам Урянхайского края.

В период ТНР не было найдено подтверждения об институционализации нотариального дела, что объяснялось социалистической идеологией, отсутствием развитой судебной системы и законодательства и господствовавшим натуральным хозяйством. Вхождение ТНР в состав СССР на правах автономной области (1944 г.) обеспечило создание и развитие системы нотариата по общероссийскому образцу.

Интерес к истории социальных институтов, важных для развития общества, подразумевает исследование процесса их становления и функционирования. В этом отношении примечательна история нотариата, связанного в исторической ретроспективе с судебной системой, местным государственным управлением и национальным самоуправлением. Тем самым данной статьей заложено начало более детального изучения форм государственного и общественного устройства одной из восточных республик России в разные исторические периоды. В этом направлении уже многое сделано ученым сообществом Республики Тыва. Однако географический «Центр Азии» продолжает таить в себе исторические тайны — задел для будущих исторических исследований.

Источники

Архив Упр. минюста РФ по РТ — Архив Управления Министерства Юстиции Российской Федерации по Республике Тыва.

Закон 1973 — Закон СССР от 19.07.1973 № 4537-VII «О государственном нотариате» [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8126.htm (дата обращения: 11.04.2021).

НА РТ — Национальный архив Республики Тыва.

Основы 1993 — Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) [электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_

LAW_1581/ (дата обращения: 09.04.2021).

Постановление 1930 — Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.07.1930 «О введении в действие Положения о Государственном нотариате РСФСР» [электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23770#05978342670413184> (дата обращения: 12.05.2021).

Постановление 1947 — Постановление Совмина РСФСР от 31.12.1947 № 980 «Об утверждении Положения о государственном нотариате РСФСР» [электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15947#06946296506512548> (дата обращения: 09.05.2021).

Sources

- Ministry of Justice of the Russian Federation, Tyva Department, Archives.
National Archive of the Tyva Republic.
Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 20 July 1930 On Enforcement of the Regulations on State Notarial System in the RSFSR. On: Consultant Plus. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23770#05978342670413184> (accessed: May 12, 2021). (In Russ.)
Decree of the Council of Ministers of the RSFSR of 31 December 1947 no. 980 On Enactment of the Regulations on State Notarial System in the RSFSR. On: Consultant Plus. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15947#06946296506512548> (accessed: May 9, 2021). (In Russ.)
Law of the USSR of 19 July 1973 no. 4537-VII On State Notarial System. On: Legislative Library of the USSR. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8126.htm (accessed: April 11, 2021). (In Russ.)
Legislative Fundamentals of Notarial System in the Russian Federation (approved by the Supreme Soviet of the Russian Federation on 11 February 1993, no. 4462-1). On: Consultant Plus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (accessed: April 9, 2021). (In Russ.)

Литература

- Анев, Друзяка, Ерёмченко 2018 — *Анев В. Н., Друзяка А. В., Ерёмченко А. А.* Нотариат в Маньчжурии в 1904–1937 гг. Нижний Новгород: Добромир, 2018. 204 с.
Базыр 2020 — *Базыр Р. Н.* Зримая история Тувы в фотодокументах Государственного архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2020. № 2. С. 47–62.
Бывшев и др., 2019 — *Бывшев В. И., Пантелева И. А., Парфентьева К. В., Бахит Д. А.* Результаты поддержки гуманитарных научных исследований на территории Красноярского края в рамках региональных конкурсов «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2016–2018 гг. // Северные архивы и экспедиции. 2019. № 3 (2). С. 59–69.
Васильев 2017 — *Васильев А. А.* История нотариата на Алтае. Барнаул: Колибри, 2017. 188 с. (Серия: Золотые страницы российского нотариата).
Виноградова, Низовский 1989 — *Виноградова Р. И., Низовский Р. М.* Государственный нотариат: Сборник нормативных актов. М.: Юрид. лит., 1989. 480 с.
Дамдынчап 2006 — *Дамдынчап В. М.* Роль обычного права в развитии тувинского общества: вторая половина XIX – первая половина XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Абакан, 2006. 210 с.
Дамешек, Дамешек 2019 — *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 21–25.
Дацышен 2014 — *Дацышен В. Г.* Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв. М.: Директ-Медиа, 2014. 232 с.
Друзяка 2014 — *Друзяка А. В.* История нотариата на Дальнем Востоке России: в 2 т. Т. 1. История нотариальных учреждений на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии в 1897–1922 гг. М.: Федеральная Нотариальная Палата, 2014. 316 с. (Серия: Золотые страницы российского нотариата).
Друзяка, Дударенок 2018 — *Друзяка А. В., Дударенок С. М.* Институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1879–1930-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2 (45). С. 76–83.
Ерёмченко 2013 — *Ерёмченко А. А.* Двадцать лет возрожденному нотариату. История ФНП. М.: Фонд развития правовой культуры, 2013. 232 с.
Ерёмченко 2017 — *Ерёмченко А. А.* Невский нотариат: люди, судьбы, исторические параллели. СПб.: Нотариальная палата Санкт-Петербурга, 2017. 544 с.
Жулаева и др. 2018 — *Жулаева А. С., Карчаева Т. Г., Немтушкина М. А., Северьянов М. Д.* Нотариат Красноярского края: история и современность. Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2018. 288 с.
Карчаева и др. 2020 — *Карчаева Т. Г., Северьянов М. Д., Жулаева А. С., Задорин А. В.* Нотариат Республики Хакасия: история и современность. Нижний Новгород: Добромир, 2020. 248 с. (Серия: Золотые страницы российского нотариата).
Лукашевич 1989 — *Лукашевич Р.* Падчерица юстиции // Советская юстиция. 1989. № 19. С. 23–24.

- Маслов, Маслов 2008 — *Маслов В. Н., Маслов Е. В.* Калининградский нотариат, 1946–2008 годы: в 2 ч. Ч. 1. М.: Фонд развития правовой культуры, 2008. 304 с. (Серия: Золотые страницы российского нотариата).
- Маслов, Ерёмченко 2011 — *Маслов Е. В., Ерёмченко А. А.* Повесть о Липецком нотариате. М.: Фонд развития правовой культуры, 2011. 176 с. (Серия: Золотые страницы российского нотариата).
- Монгуш 2016 — *Монгуш Ч. Б.* Правовой анализ первого систематизированного сборника законов и основных постановлений правительства Туvinской Народной Республики // *Право и государство: теория и практика.* 2016. № 7 (139). С. 72–75.
- Павлова 2014 — *Павлова А. В.* Правовое положение и статистические характеристики русских мигрантов на территории Урянхайского края и Туvinской Народной Республики [электронный ресурс] // *Научно-методический электронный журнал «Концепт».* 2014. Т. 20. С. 2351–2355. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54734.htm> (дата обращения: 10.04.2021).
- Родевич 1910 — *Родевич В. М.* Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисей). СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1910. 206 с.
- Ширап 2019 — *Ширап Р. О.* Социально-демографическое развитие г. Кызыла в 1940–1960-е гг. // *Вестник Туvinского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки.* 2019. № 4 (52). С. 76–83.

References

- Anev V. N., Druzyaka A. V., Yeremenko A. A. Notarial Service in Manchuria, 1904–1937. Nizhniy Novgorod: Dobromir, 2018. 204 p. (In Russ.)
- Bazyr R. N. Visible history of Tuva in photo documents at the National Archives of the Republic of Tuva. *The New Research of Tuva.* 2020. No. 2. Pp. 47–62. (In Russ.)
- Byvshev V. I., Panteleeva I. A., Parfentjeva K. V., Baksht D. A. Results of support of the humanitarian scientific studies conducted within ‘The Power of Russia Will Grow through Siberia and the Arctic Ocean’ regional contests held in 2016–2018 in the Krasnoyarsk territory. *Northern Archives and Expeditions.* 2019. No. 3 (2). Pp. 59–69. (In Russ.)
- Damdynchep V. M. Development of Tuvan Society, Mid-19th to Mid-20th Century: The Role of Customary Law Revisited. Cand. Sc. (history) thesis. Abakan, 2006. 210 p. (In Russ.)
- Dameshek L. M., Dameshek I. L. Asian frontier and the foreign policy powers of the governor-generals in Asian Russia. *Tomsk State University Journal of History.* 2019. No. 61. Pp. 21–25. (In Russ.)
- Datsyshen V. G. Historical Essays on Mongolia, 1800s–1920s. Moscow: Direct-Media, 2014. 232 p. (In Russ.)
- Druzyaka A. V. History of Notarial Service in the Russian Far East. In 2 vols. Vol. 78/изд 1: History of Notarial Agencies in the Russian Far East and Manchuria, 1897–1922. Moscow: Federal Notarial Chamber, 2014. 316 p. (In Russ.)
- Druzyaka A. V., Dudarenok S. M. Institute of the notariate in the Russian Far East and Manchuria (1879–1930s). *Ojkumena. Regional Researches.* 2018. No. 2 (45). Pp. 76–83. (In Russ.)
- Karchaeva T. G., Severyanov M. D., Zhulaeva A. S., Zadorin A. V. Notarial Service in the Republic of Khakassia: Past and Present. Nizhniy Novgorod: Dobromir, 2020. 248 p. (In Russ.)
- Lukashevich R. Stepdaughter of justice. *Sovetskaya yustitsiya.* 1989. No. 19. Pp. 23–24. (In Russ.)
- Maslov E. V., Yeremenko A. A. A Tale of Lipetsk Notarial Service. Moscow: Legal Awareness Development Foundation, 2011. 176 p. (In Russ.)
- Maslov V. N., Maslov E. V. Kaliningrad Notarial Service, 1946–2008. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Legal Awareness Development Foundation, 2008. 304 p. (In Russ.)
- Mongush Ch. B. Analysis of the laws of the Tuvan People’s Republic, included in the first Systematic Collection of Laws and Fundamental Orders of the Government of the Tuva People’s Republic. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika (Law and State: The Theory and Practice).* 2016. No. 7 (139). Pp. 72–75. (In Russ.)
- Pavlova A. V. Legal position and statistical characteristics of Russian immigrants of Uryankhask region and Tuvin People’s Republic. *Scientific and Methodological Electronic Journal ‘Koncept’.* 2014. Vol. 20. Pp. 2351–2355. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/54734.htm> (accessed: April 10, 2021). (In Russ.)
- Rodevich V. M. An Essay on Uryankhay Krai (Yenisei River Basin in Mongolia). St. Petersburg: Ministry of Railways, 1910. 206 p. (In Russ.)
- Shirap R. O. Socio-demographic development of Kyzyl in 1940s–1960s. *Bulletin of Tuva State*

- University. Social Science and Humanities.* 2019. No. 4 (52). Pp. 76–83. (In Russ.)
- Vasilyev A. A. History of Notarial Service in the Altai. Barnaul: Kolibri, 2017. 188 p. (In Russ.)
- Vinogradova R. I., Nizovsky R. M. State Notarial System: Collected Laws and Regulations. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1989. 480 p. (In Russ.)
- Yeremenko A. A. Celebrating the 20th Anniversary of Russia's Revived Notarial Service: A History of the Federal Notarial Chamber. Moscow: Legal Awareness Development Foundation, 2013. 232 p. (In Russ.)
- Yeremenko A. A. Notarial Service in the Neva Region: Personalities, Destinies, Historical Parallels. St. Petersburg: St. Petersburg Notarial Chamber, 2017. 544 p. (In Russ.)
- Zhulaeva A. S., Karchaeva T. G., Nemtushkina M. A., Severyanov M. D. Notarial Service in Krasnoyarsk Krai: Past and Present. Krasnoyarsk: Klass Plyus, 2018. 288 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 1, pp. 63–73, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (47) 07

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-63-73

Поселения крестьян-единоличников в Калмыкии (1930–1991 гг.)

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Белоусов С. С., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена истории возникновения и развития в 1930–1991 гг. на территории Калмыкии самовольных поселений крестьян-единоличников. Исследование данной темы дает возможность более глубоко познать прошлое отдельных социальных групп, слоёв и классов и по отношению к ним государственную политику в годы советской власти. Главная *цель* статьи заключается в том, чтобы показать историю самовольно образованных крестьянами-единоличниками в советское время поселений. Автор рассмотрел причину и факторы, приведшие к созданию новых поселений в Калмыкии, проанализировал политику советских властей, взаимоотношения между последними и поселенцами. В процессе работы применялись историко-сравнительный и историко-генетический *методы* исследования, использовались труды предшествующих авторов и материалы Государственного архива Российской Федерации и Национального архива Республики Калмыкия, в том числе были впервые введены в научный оборот неопубликованные материалы. *Результаты.* Проведенный анализ показал, что на возникновение и развитие поселений повлияли такие факторы, как островное географическое положение, безлюдность и неосвоенность территории, тяжелые природные условия местности, стойкий характер переселенцев, а также негласная со стороны властей Приютинского улуса (Приютненского района) поддержка их в первые годы существования. Автор считает, что очень важно учитывать также тот факт, что самовольные поселения создавались единоличниками, которые в отличие от кулаков считались несознательными, «заблудшими» людьми, а не социально чуждыми элементами. Большинство «самовольцев» были людьми, не попавшими под раскулачивание, наиболее зажиточные из них успели ликвидировать свои хозяйства до того, как попали в список раскулаченных. Власти называли такие поселения по шаблону кулацкими, хотя таковыми они по своему социальному происхождению не были. *Выводы.* Самовольные поселения крестьян-единоличников в Калмыкии возникли вследствие насильственной коллективизации и носили протестный характер против незаконных действий властей. В целях подчинения политике коллективизации и восприятия нового, советского социально-культурного уклада жизни власти оказывали на них постоянное давление по раз-

личным направлениям, однако двум поселениям удалось устоять и сопротивляться в течение нескольких десятилетий. Политика властей по отношению к самовольным поселениям единоличников носила остро направленный социальный характер, поскольку был важен сам факт их социального происхождения и характер деятельности. В целом же в советский период задача ликвидации самовольных поселений единоличников была решена.

Ключевые слова: Калмыкия, поселения крестьян-единоличников, коллективизация, политика, советская власть

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Белоусов С. С. Поселения крестьян-единоличников в Калмыкии (1930–1991 гг.) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 63–73. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-63-73

Settlements of Individual Peasants in Kalmykia, 1930–1991

*Sergey S. Belousov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Belousov S. S., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines the history of emergence and development of unauthorized settlements of individual peasants in the territory of Kalmykia between 1930 and 1991. The insight into the topic provides an opportunity to learn more about the past of certain social groups, strata, classes — and related state policies during the Soviet era. *Goals.* The paper primarily aims to show a history of settlements arbitrarily established by individual peasants in Soviet times. The work examines causes and factors to have resulted in new settlements across Kalmykia, analyzes official Soviet policies, relations between government agencies and such settlers. *Materials and methods.* The study employs the historical comparative and historical genetic methods, analyzes works by previous authors and materials from the State Archive of the Russian Federation and National Archive of Kalmykia, including new unpublished materials thus to be introduced into scientific circulation. *Results.* The analysis shows the emergence and development of settlements were determined by such factors as island locations, desolate and undeveloped character of lands, harsh natural conditions, persistence of settlers, and the unspoken support from authorities of Priyutnensky District in earliest years of existence. The paper presumes it be also very important to take into account the fact unauthorized settlements had been initiated by individuals who — unlike *kulaks* — were considered unconscious, ‘lost’ people, and not socially alien elements. Most of the ‘unauthorized settlers’ were ones to have avoided *dekulakization*, the wealthiest ones had been able to liquidate their farms before lists of the to be dekulakized were compiled. Authorities identified such settlements as *kulak* ones, although in formal parameters those were socially different. *Conclusions.* Unauthorized settlements of individual peasants in Kalmykia appeared as a result of forced collectivization and served a manifested protest against official restriction policies. The collectivization movement and sociocultural ideology kept them under constant pressure, but two settlements did survive to resist for decades to come. In general, the Soviet period witnessed a success in eliminating unauthorized settlements of individual proprietors.

Keywords: Kalmykia, settlements of individual peasants, collectivization, politics, Soviet power

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Belousov S. S. Settlements of Individual Peasants in Kalmykia, 1930–1991. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 63–73. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-63-73

Введение

Коллективизация сельского хозяйства является одной из самых трагических страниц в истории России, так как она привела к ликвидации одной из её главных опор — российского крестьянства, а также к многочисленным жертвам среди населения. Хотя власти декларировали добровольный принцип вступления в колхозы, но фактически этот процесс носил принудительный характер. Крестьяне активно сопротивлялись политике коллективизации, однако в итоге большинство из них под воздействием репрессий вынуждены были принять колхозный строй, сломавший их экономический и социокультурный уклад жизни. Не смирилась с колхозным строем лишь часть российских крестьян, которые проявили стойкость и сумели выжить в тех тяжелых условиях, в которые их поставила в то время советская власть. Отдельные их группы, поняв, что в местах своего жительства сохранить прежний строй жизни не удастся, решили переселиться и создать поселения единомышленников в неосвоенных или малонаселенных местах, в надежде уйти от государственного контроля. Основной контингент первопоселенцев, самовольно перебравшихся в Калмыцкую автономную область, составляли крестьяне-единоличники, которых власти намеревались выселить из Апанасенковского района Ставропольского округа, где создавалась зона спецпереселенцев, на земли, освобожденные от выселения раскулаченных на Кубани крестьян.

Основанные единоличниками поселения были редким явлением, однако изучать их необходимо, поскольку они представляли одну из протестных форм противодействия крестьянства политике коллективизации. Официально их жители не входили в категорию раскулаченных и не являлись репрессированными, но для властей они являлись идеологически чуждым населением.

Отечественные историки, изучавшие коллективизацию, основное внимание концентрировали на процессах формирования нового социально-экономического уклада и политических преобразованиях и почти не уделяли внимания прошлому

самовольных поселений единоличников. Большой вклад в разработку темы внесли историки С. Е. Трапезников, Н. А. Ивницкий, В. П. Данилов [Трапезников 1967; Ивницкий 1972; Данилов 1979] и др.; важным событием в научном мире стал выход пятитомной коллективной работы «История советского крестьянства», второй том которой полностью посвящен процессу коллективизации [История 1986].

В советской историографии коллективизация рассматривалась с позиций марксистско-ленинской теории, которая положительно оценивала данный процесс, а просчёты объявляла «перегибами» в партийной линии.

В конце 1980-х гг., с наступлением политики «гласности», историки получили возможность открыто пересмотреть прежние свои взгляды на коллективизацию и отойти от шаблонов марксизма-ленинизма. Начался процесс освобождения науки от коммунистических идеологических догм. В конце 1980-х – первое десятилетие XXI в. вышел ряд новых интересных научных работ [Рогалина 1989; Ивницкий 1992; Зеленин 2006; и др.].

Процесс коллективизации в Калмыкии нашёл отражение в специальных работах [Оглаев 1987; Борисенко 2000], а также в монографиях [Максимов 2004; Бадмаева 2017], во втором томе «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История Калмыкии 2009] и в других трудах. Историки, затрагивающие тему коллективизации в Калмыкии, не касались темы единоличных поселений, а первые труды, посвященные непосредственно им, появились только во втором десятилетии XXI в. В указанное десятилетие вышли статьи Г. Киреева и В. Ю. Юшкевича [Киреев 2010; Юшкевич 2013]. Они написаны на основе воспоминаний старожилов и не содержат архивной информации, что в определенной степени повлияло на их научный уровень. Целью данной статьи является реконструкция на основе архивных документов и воспоминаний истории создания и развития самовольных поселений крестьян-единоличников в Калмыкии.

Материалы и методы

В процессе работы над статьёй использовались материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Большинство архивных документов представляют из себя материалы органов государственной власти Калмыкии: отчеты командированных в поселки государственных служащих, справки о возникновении самовольных поселений. Ценный материал содержат публикации в областной газете «Ленинский путь» и основанная на воспоминаниях старожилов статья Киреева «Кулацкий остров» [Киреев 2010].

Исследование проводилось с опорой на историко-генетический и историко-сравнительный методы. Использование историко-генетического метода позволило проследить государственную политику на протяжении всей советской истории, осветить адаптацию переселенцев к новым условиям жизни, а сравнительно-исторический анализ сделал возможным сравнить имперскую и советскую политику властей в отношении самовольных поселений единоличников.

Поселения крестьян-единоличников в Калмыкии (1930–1991 гг.)

Возникновение и развитие поселений в довоенный период

30 января 1930 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [О мероприятиях 1930: 344], положившее начало ликвидации зажиточного слоя российской деревни, а 10 февраля того же года Северо-Кавказский крайисполком принял постановление «О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края» [О ликвидации 1930], по которому выселению за пределы края подлежали наиболее злостные и богатые кулаки, «полупомещики» и контрреволюционные элементы, а расселению внутри края и его округов — все остальные кулаки. Для расселения кулаков Северо-Кавказского края были выбраны территории Дивненского района Ставропольского округа, Арзгирского и Прикумского районов Терского округа и в Дубовском районе Сальского округа. В Дивненский район власти распределили 950 кулацких хозяйств, а местных жителей переселили в другие регионы [Понушков 2013: 129].

На базе сел: Дивное, Киста, Киевка, Малая Джалга, Новая Киста, Маки и Дербетовка — была создана Дивненская спецзона, в которую с первых дней сентября 1930 г. начали прибывать спецпереселенцы из других мест Северо-Кавказского края.

Учреждение Дивненской спецзоны послужило толчком к созданию самовольных поселений на территории Калмыцкой автономной области. Согласно решению властей Северо-Кавказского края, большинство местных жителей упомянутой спецзоны подлежало переселению на Кубань, однако среди них нашлись такие, кто не пожелал уходить далеко от родных мест и вступать в колхозы. Эти люди со своими семьями и имуществом перешли административную границу Калмыцкой автономной области и поселились в ней, надеясь укорениться. Условия коллективизации там были помягче, а раскулачивание только разворачивалось. Сотни семей беженцев расселились по редким населенным пунктам области и по балкам. Зима в тот год выдалась суровой и голодной, поэтому многие погибли от стужи и голодной смерти, особенно много среди них было детей. Жизнь беженцев намного осложнилась, когда в июле 1931 г. президиум Калмыцкого облисполкома постановил выселить из Калмыкии пришельцев-единоличников [Юшкевич 2013: 190].

Часть из них выбрали себе новое место для поселения на необитаемом острове под названием «Левый Остров», лежащем посередине озера Маныч-Гудило, где проходила административная граница Калмыцкой автономной области и Ставропольского округа Северо-Кавказского края. Остров был вытянут в длину на 14 верст, ширина его была две версты [Юшкевич 2013: 190]. Он находился недалеко от родных мест — всего в 12 километрах к северу от села Дивное, столько же километров было и до административного центра Приютненского¹ улуса Калмыкии — с. Приютного. Первые 10 семей переехали на Левый остров в 1930–1931 гг., позже к ним присоединились новые семьи, и в результате образовалось два хутора: Левый Остров (с левой стороны дороги из с. Приютное в с. Дивное) и Правый Остров (с правой стороны дороги).

¹ Приютинский улус образован в 1938 г. После восстановления автономии Калмыкии преобразован в Приютненский район.

Становление новых поселений протекало в тяжелых природных условиях, а самой главной проблемой было отсутствие пресных источников, к поиску которых переселенцы приступили сразу же после своего прибытия на остров. «Ступайте, ступайте, там и подохнете», — напутствовал их, по воспоминанию Ф. З. Василенко, один из представителей местных властей, не веривший в то, что люди смогут там выжить [Киреев 2010]. Однако власти просчитались — переселенцы не только не покинули Левый Остров, а, наоборот, успешно обустроились и наладили свою хозяйственную жизнь, свободную от колхозов и совхозов.

Поскольку вода в озере Маныч-Гудило солёная, то переселенцы стали рыть на острове колодцы и вскоре наткнулись на пресноводную жилу. Дома-мазанки они строили из камыша и сырцового кирпича, часть жителей вырывала землянки. Постройки возводились без всякого плана и контроля. По свидетельству властей, внутренняя обстановка в жилых помещениях была скромной и простой.

Большинство новопоселенцев составляли не пожелавшие вступить в колхозы крестьяне-единоличники, по-видимому, среди них были также кулаки, которые, чтобы избежать раскулачивания, распродали свое имущество и покинули родные места.

Крестьян никто не приглашал на Левый Остров, и они поселились там самовольно, но, очевидно, что укорениться им там позволили власти с. Приютного. 18 июля 1932 г. в областной газете «Ленинский путь» вышла гневная статья, в которой корреспондент газеты под литературным псевдонимом «Ойратский» прямо обвинил председателя Приютненского сельского Совета Куникина в пособничестве кулакам. В вину ему вменялось сокрытие кулаков от учета, увод их от налогообложения и покровительство возникших на Левом Острове и в других местах хуторов кулаков и единоличников. Помимо двух хуторов на Левом Острове (20 и 10 дворов), он указал ещё на три самовольных крестьянских поселения: бывший хутор Семенов (50 дворов), Карантинный (55 дворов), хутор около хотона Джеджекины (20 дворов) [Ойратский 1932: 3].

По данным властей Калмыкии, на 18 апреля 1941 г. в пос. Левый Остров имелось 82 двора; из них 56 дворов выселились

из с. Дивного, 14 — из с. Дербетовки и 11 — из Малой Джалги, в пос. Правый Остров все жители являлись переселенцами из с. Дивное [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1014. Л. 71–72].

На новом месте переселенцы пытались развивать скотоводство, однако в этом деле им сильно мешало отсутствие своей наделенной земли. Хутора находились на территориях, принадлежавших колхозам с. Приютного — «Красной Звезде» и имени Чкалова. В силу этого хуторяне вынуждены были по соглашениям или нелегально выпасать свой скот и заготавливать сено на колхозных землях. Накануне (апрель 1941 г.) начала Великой Отечественной войны 115 дворов поселков Левый Остров и Правый Остров имели во владении 243 головы крупного рогатого скота (КРС), 269 овец и коз, 130 лошадей, 20 свиней и 3 верблюда — всего 665 голов [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1014. Л. 68].

Сельскохозяйственный инвентарь состоял из (пос. Левый Остров) 35 лобогреек, 23 плугов, 17 борон и 4-х сортировок. Единоличники в силу тяжелых природных условий не выращивали зерновые культуры, но активно занимались огородничеством и бахчеводством. Дополнительным источником существования была торговля, многие поселяне покупали рыбу в г. Астрахани, зерно — в с. Яшалте и пос. Башанте, которые затем перепродавали по более высоким ценам [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1014. Л. 69].

В 1936 г. в ходе проведения компании по закреплению земель за колхозами поселкам выделили 4 000 га земли, однако после выхода 27 мая 1939 г. совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» [О мерах 1944: 5–9] из данного количества у них отобрали 3 700 га, оставив единоличникам всего 210 га для полевых земель и приусадебного пользования [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1014. Л. 79]. Содержать скот на 1 га было невозможно, поэтому поселковцы вынуждены были все чаще прибегать к практике нелегального пользования колхозными землями. Кроме того, они стали уделять больше внимания другим источникам доходов, в частности торговле, перевозке грузов, ловле рыбы на Маныче.

Нелегальное пользование колхозными землями и упорное нежелание единоличников двух поселков вступать в колхозы раздражало местные власти. 15 апреля 1941 г. правление колхоза «Красная Звезда» на своем заседании приняло решение ходатайствовать перед исполкомом Приютинского улусного совета депутатов трудящихся о ликвидации поселков Левый и Правый Острова и переселения их жителей в с. Приютное. Улусный совет поддержал решение колхозного правления и в свою очередь вышел с ходатайством в СНК Калмыцкой АССР. Окончательно судьбу поселков единоличников должен был решить СНК СССР. 25 апреля 1941 г. заместитель председателя СНК Калмыцкой АССР В. Сергин направил к заместителю председателя СНК СССР А. И. Микояну предложение расселить жителей поселков Левый и Правый Острова по населенным пунктам Приютинского улуса. Необходимость этого шага он обосновывал тем, что единоличники нарушали колхозное землепользование, занимались спекуляцией, а их скот заражал колхозный скот чесоткой. Позицию руководства Калмыцкой АССР он аргументировал, кроме того, назревшей задачей перехода колхозов к рациональному способу ведения хозяйства: введение клеточной системы выпаса, правильного севооборота и т. д. В связи с этим у колхозов возникла потребность увеличить количество используемой земли, которую предполагалось забрать у единоличников [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1014. Л. 61]. Действительные мотивы выселения, однако, по-видимому, крылись в другом. Корень проблемы видится в том, что властям не нравилось, что жители обоих поселков демонстрировали другую хозяйственно-социокультурную модель жизни, отличную от той, которая навязывалась советской системой. Всем своим существованием единоличники показывали, что можно жить другой, основанной не на насилии над человеком, жизнью. Островитян, возможно, оставили бы в покое, если бы они вступили в колхозы и приняли действующую систему власти.

Незадолго до принятия решения о выселении единоличников, в апреле 1941 г., в поселках¹ на Левом Острове, по поручению

¹ Оба поселения располагались на Левом Острове: один назывался Левым Островом, другой — Правым Островом.

бюро Приютинского улусного комитета ВКП(б) побывал заведующий отделом агитации и пропаганды Приютинского улусного комитета ВКП(б) А. Бабенко. Целью его визита было склонить жителей острова к вступлению в колхоз. Он провел 3 собрания и 32 личные беседы в квартирах поселковцев, однако эта работа не увенчалась успехом: в колхоз изъявил желание вступить только один человек. Все остальные отказались от предложения А. Бабенко. «Мы родились единоличниками и единоличниками помрем и никогда не решим вступить», — сказал С. А. Коваленко, а Ф. Маликов эмоционально заявил, что «...хоть пушай мою бабу возьмут в колхоз, но я в колхоз не пойду» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1014. Л. 76].

В выступлениях некоторых крестьян прозвучало недовольство советской властью, которая, по их словам, дала народу много обещаний, но их не выполнила. Бывший красноармеец Т. И. Коваленко, побывавший в 1917 г. в качестве делегата от своей части в г. Петрограде, сказал, что коммунисты обещали фабрики отдать рабочим, а землю — крестьянам, «... а сейчас мы видим, что нас обманули, и я намерен жить без колхоза» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1014. Л. 75].

Н. И. Андрющенко, видимо, успевший ранее поработать в колхозе, сравнил работу в нем с работой не на себя. Вообще среди жителей Левого Острова отношение к советской власти было достаточно плохим, что подтверждается не только их нелестными высказываниями, но и тем, что некоторые крестьяне просто не пускали в свои дома представителей власти.

А. Бабенко нашел материальное положение жителей поселков Левого Острова в хорошем состоянии. Самыми зажиточными считались семьи Василенко, Водолацких, Баранниковых, Николаенко, Ващенко, Ерёменко; из их числа выбирались и уполномоченные для связи с советскими властями. В 1941 г. уполномоченным был представитель рода Николаенко.

На А. Бабенко произвело впечатление то, что улусный финансовый отдел за четыре дня собрал на Левом Острове налогов на 8 000 рублей — достаточно крупную сумму по тем временам. Кобыляцкий, например, когда ему предъявили требование уплатить положенный налог, вынул из сундука

1 000 руб. и заплатил сразу за весь 1940 год. А. Бабенко также отметил, что некоторые крестьяне имели до 50 пудов зерна [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1014. Л. 76].

Духовная жизнь крестьян основывалась на христианских началах. Ни культового здания, ни зарегистрированного общества в поселках не было; верующие собирались в домах Ганновых и Гладковых, где читались Евангелие, молитвенники и другие книги, написанные на церковнославянском языке. Для проведения обрядов крещения и бракосочетания крестьяне ездили в с. Петровское (ныне г. Светлоград Ставропольского края), в котором тогда ещё действовала церковь. В поселке очень уважали Е. Ганнову, она читала молитвы по усопшим, ходила по домам и «...приглашала поминать старуху Дивненскую, которая была монашкой» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1014. Л. 76]. Накануне воскресенья жители поселков делали уборку в своих домах, а в воскресенье зажигали лампадки. Подрастающее поколение они воспитывали в религиозном духе. Их дети носили крестики и отказывались вступать в пионерскую и комсомольскую организации.

Нависшая в 1941 г. над жителями поселков Левого острова угроза выселения не реализовалась, поскольку началась Великая Отечественная война, и властям стало не до этой проблемы.

Государственная политика в 1941–1991 гг.

В январе 1943 г. Левый Остров стал эпицентром сражений между советскими и немецкими войсками. Остров интенсивно обстреливался из-за Маныча немцами, и нередко снаряды попадали в огороды поселковцев. После того как гитлеровцев выбили с Маныча, в поселениях Левого Острова были размещены раненые и больные советские военнослужащие. Жители ухаживали за ними, приходилось проводить захоронение их в братских могилах [Юшкевич 2013: 191].

В годы войны у местных жителей усилились настроения против колхозов и совхозов. В 1942 г. в совхозе «Сарпа» несколько русских мужчин отказались эвакуироваться и самовольно построили в 7 км от него себе хутор. «Смотря по тому, с какой тщательностью отделаны землянки, скотные дворы с крытыми базами, навесами, кормушками

и двориками, курятниками и погребями, — писал 16 февраля 1943 г. первому секретарю Калмыцкого обкома ВКП(б) П. В. Лаврентьеву начальник политического сектора совхоза № 107 Опарин, — видно, что люди собрались вести индивидуальное хозяйство» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 844. Л. 52].

После освобождения Калмыкии от немецких оккупантов среди местных жителей поползли слухи о том, что вскоре компартия будет ликвидирована, а колхозы и совхозы распущены. Перебои с доставкой продуктов и низкие нормы их отпуска, голод в ряде населенных пунктов усилили недовольство колхозников и единоличников властями. Жители Калмыкии связывали слухи с роспуском в 1943 г. Коминтерна: 10 июня 1943 г. лектор обкома партии В. П. Федоровский, командированный в Приютинский улус, докладывал в Калмыцкий обком ВКП(б) о том, что в колхозе им. Буденного с. Воробьевки многие люди уверены в том, что роспуск III Коммунистического Интернационала свидетельствует о роспуске «коммунистических партий, колхозов и совхозов» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 890. Л. 41], в колхозе им. Молотова с. Вознесенки Троицкого улуса выступавшие говорили о том, что «коммунистов теперь не будет, колхозов и совхозов тоже, хотя советская власть останется» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 842. Л. 54]. Подобные настроения проявлялись и других населенных пунктах.

В послевоенное время власти не пытались силой ликвидировать поселки единоличников, однако и в покое их не оставили. Нажим на них особенно усилился в период руководства страной Н. С. Хрущева, когда началось очередное наступление на индивидуальные хозяйства. При нём земли Левого Острова поделили между совхозами Ставропольского края и Калмыцкой АССР, распахали земли вокруг поселков и обложили жителей налогом за каждое дерево и единицу скота.

В конце 1950 – начале 1960-х гг. на землях колхоза им. Чкалова с. Приютного, примыкавших к поселкам Левого Острова, осуществляли хозяйственную деятельность 47 семей единоличников. Они не платили за землю и имели крупные хозяйства. Некоторые (Водолазский, Симанченко, Тронеvский, Василенко) владели от 75 до 120 головами овец, по 5–6 голов крупного рогатого

скота, рабочих лошадей, верблюдов, свиней. Личное хозяйство приносило им больше доходов, чем работа в колхозе [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 358. Л. 2]. Единоличники продолжали жить старым укладом, невзирая на отсутствие помощи со стороны государства и надеясь только на свои силы. У них не было электричества, радио, к поселкам не были подведены дороги, но зато жители Левого Острова никогда не голодали, всегда имели трёхгодичный запас сена, керосин в погребках, запасы продуктов и первыми в Приютненском районе обзавелись личными автомобилями [Киреев 2010].

Основанная на личной заинтересованности в результатах своего труда, хозяйственная жизнь единоличников шла вразрез с колхозной системой хозяйствования и материального вознаграждения за труд, поэтому власти раз за разом наносили удары по единоличникам с целью заставить их изменить свой уклад жизни. В «хрущевский» период в отношении единоличников возобновились репрессии. Юридическое основание под них подвел указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни» [Об усилении 1965: 932], который разрешил арестовывать и отправлять на лесоповал, в колонии лиц, отнесенных к категории «тунеядцев». По данному указу были арестованы и высланы с конфискацией имущества В. М. Чудинов, И. А. Здоровенко, П. А. Лученко. Некоторым не помогла даже работа на государственных предприятиях. Так, Н. Е. Грицын был выслан из Приютненского района, несмотря на то, что предоставил в судебные органы справку о работе в дорожном управлении. Его обвинили в том, что он работал в государственном учреждении для того, чтобы отвести глаза властей от ведения единоличного хозяйства [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 358. Л. 2].

Жители поселков Левого Острова собрали деньги и отправили своих представителей в Кремль, где их приняли и пообещали не записывать в тунеядцы и не разорять. Однако как только они вернулись домой, их арестовали и выслали на 8 лет в Томскую область [Гритчин 2003].

Политика Н. С. Хрущева нанесла непоправимый ущерб поселкам Левого Острова. Их население сворачивало хозяйственную деятельность и переезжало на новые места жительства, хотя с середины 1960-х гг. давление властей на частный сектор начало ослабевать, а с 1984 г. единоличников уравнивали в налогах с колхозниками. В 1960-е гг. разъехались последние жители пос. Правый Остров, и он перестал существовать. К началу 1985 г. в пос. Левый Остров осталось всего 9 семей, продолжавших вести единоличное хозяйство.

Во второй половине 1970-х гг. в органы государственной власти стала поступать информация о появлении среди жителей хутора Левый Остров сторонников истинно православных христиан. Данная организация существовала в 1920–1980-е гг. и, будучи запрещенной властями, действовала нелегально. Истинно православные христиане находились в оппозиции к советской власти и поддерживавшему её Московскому патриархату Русской православной церкви. Они воспитывали своих детей в православном духе, не участвовали в политических мероприятиях властей, в частности в выборах в Советы, не смотрели советские фильмы, не посещали клубы, запрещали своим детям вступать в пионерские и комсомольские организации.

Появление сторонников истинно православных христиан в пос. Левый Остров власти связывали с деятельностью братьев Прохора и Василия Дубовых, которые являлись сыновьями одного из лидеров движения И. И. Дубовых, проживавшего в с. Николина Балка Ставропольского края. Занимаясь для себя рыболовством и выловом сусликов, братья разъезжали по сёлам Приманычья и одновременно вели пропаганду учения истинно православных христиан. Братья неоднократно посещали и пос. Левый Остров и, как полагали власти, вовлекли в истинно православных христиан нескольких хуторян [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1357. Л. 7].

По оценкам уполномоченных по делам религиозных культов Калмыцкой АССР численность сторонников истинно православных христиан в пос. Левый Остров в конце 1970-х – начале 1980-х гг. составляла 6–10 человек. Сторонники истинно православных христиан на пос. Левый Остров не были организованы в группу и не устраива-

ли коллективных богослужений, каждая семья жила обособленно, что не было характерным для адептов данного течения катакомбников. Детей воспитывали в религиозном духе. Дети не были ни комсомольцами, ни пионерами, не участвовали в общественной жизни своих классов. В хуторе имелся единственный телевизор, радио было не у всех, газеты не выписывали.

Отношения между властями и хуторянами обострялись в период выборов в Советы депутатов трудящихся. В выборных компаниях 1980-х гг. из 9 семей хутора 4 не голосовали. Рябковы отказывались голосовать, заявляя: «У нас один бог, и потому преданы ему одному». Г. Коваленко объяснял свой отказ обидой на власть: брат его погиб в войну, власти дали ему налоговые льготы, но затем отобрали, за долги забрали последнюю корову и лошадь. В школьные годы его не принимали в октябрята и пионеры как чуждого элемента. В праздник Пасхи он не выходил на работу, за что начальство его неоднократно увольняло.

После падения советской власти в 1991 г. власти фактически перестали обращать внимание на жителей Левого Острова, предоставив им право жить так, как они хотят. В 2005 г. Г. С. Коваленко купил на заводе «Ветроэнергомаш» в г. Астрахани ветряную электростанцию, высотой в 9 метров и на хуторе впервые за всю его историю появилось электричество. Также он приобрел релейную аккумуляторную установку для телефона.

Хуторяне стали развивать хозяйства согласно складывающейся рыночной конъюнктуре. Когда в середине 2000-х гг. упал спрос на овечью шерсть, жители Левого Острова переключились на коз. Овец быстро вырезали, а вместо них развели коз пуховых. В засушливые годы, когда возникает проблема с обеспечением кормами, хуторяне вырезают большинство животных в стаде и оставляют только племенных, что дает возможность в короткие сроки восстановить поголовье [Киреев 2010].

Заключение

Самовольные поселения крестьян-единоличников в Калмыкии возникли вследствие коллективизации, которая, хотя и была объявлена делом добровольным, в действительности оказалась по своему характеру насильственной. Путём административ-

ного нажима властям удалось объединить в коллективные хозяйства большинство сельского населения СССР, однако часть крестьян наотрез отказалась вступать в них и обрекла тем самым себя на гонения со стороны государственных управленческих структур. Одним из ответов на незаконные действия властей стал уход единоличников в малонаселенные или безлюдные места и создание там самовольных поселений. Такие населенные пункты образовались и в Калмыкии. Наиболее крупные из них организовали крестьяне-единоличники из населенных пунктов соседнего с Калмыцкой автономной областью Апанасенковского района Ставропольского округа.

Среди созданных в период коллективизации в Калмыкии единоличных поселений устоять удалось только Левому и Правому Островам. В этом им благоприятствовали островное географическое положение, безлюдность и необжитость территории, тяжелые природные условия местности, стойкий характер переселенцев и, безусловно, негласная со стороны властей Приютненского района поддержка в первые годы существования поселений.

Очень важно учитывать также тот факт, что самовольные поселения создавались единоличниками, которые в отличие от кулаков считались несознательными, «заблудшими» людьми, а не социально чуждыми элементами. Большинство «самовольцев» были людьми, не попавшими под раскулачивание, наиболее зажиточные из них успели ликвидировать свои хозяйства до того, как попали в список раскулаченных. Власти называли такие поселения по шаблону кулацкими, хотя таковыми они по своему социальному происхождению не были. На «самовольцев-единоличников» оказывались административный нажим и моральное давление, им усложняли условия хозяйствования, ставили препоны в налаживании бытовой сферы жизни — всё это делалось в целях слома старого и принятия нового, советского социально-культурного уклада.

Самовольные поселки создали своё самоуправление в лице схода и старост, которые отличались простотой и дешевизной даже по сравнению с дореволюционным крестьянским самоуправлением. Политика властей по отношению к самовольным поселениям единоличников носила остро

направленный социальный характер, поскольку был важен сам факт их социального происхождения и характер деятельности. В дореволюционный период власти руководствовались в отношении самовольных на-

селенных пунктов в основном принципами законности и целесообразности. В советский период власти в целом решили задачу ликвидации самовольных поселений единоличников.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

State Archive of the Russian Federation.
National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Бадмаева 2017 — *Бадмаева Е. Н.* Исторический опыт формирования и развития органов государственного управления в Калмыкии в 1917–1943 гг. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 241 с.
Борисенко 2000 — *Борисенко И. В.* Раскулачивание в Калмыкии // Наука и Высшая школа Калмыкии. 2000. № 2 (3). С. 84–101.
Гритчин 2003 — *Гритчин Н.* Кулацкий остров: На границе Ставрополя и Калмыкии сохранилось поселение крестьян, чудом избежавшее коллективизации [электронный ресурс] // Viperson.ru. Публикации. 21 марта 2003 г. URL: <http://viperson.ru/articles/kulatskiy-ostrov-na-granitse-stavropolya-i-kalmykii-sohranilos-poselenie-krestyan-chudom-izbezhavshih-kollektivizatsii> (дата обращения: 05.12.2021).
Данилов 1979 — *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.
Зеленин 2006 — *Зеленин И. Е.* Сталинская революция сверху после «великого перелома». 1930–1939 гг.: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.
Ивницкий 1972 — *Ивницкий Н. А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.: Наука, 1972. 360 с.
Ивницкий 1992 — *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х). М.: Интерпракс, 1992. 272 с.
История 1986 — История советского крестьянства: в 5 т. / под ред. В. И. Шерстобитова. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М.: Наука, 1986. 440 с.
История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Элиста: ИД «Герел», 2009. Т. 2. 840 с.
Киреев 2010 — *Киреев Г.* Кулацкий остров [электронный ресурс] // Живой жур-

нал. 22.01.2010. URL: <https://d-v-sokolov.livejournal.com/88749.html> (дата обращения: 05.12.2021).
Максимов 2004 — *Максимов К. Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг. М.: Наука, 2004. 310 с.
Об усилении 1965 — Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимся от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР. 4 мая. 1961 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 38. Ст. 932.
О ликвидации 1930 — О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края. 10 февраля 1930 г. Постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) // Власть Советов. 1930. 18 февраля.
О мерах 1944 — О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания. Постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома Союза СССР. 27 мая 1939 г. // Важнейшие решения по сельскому хозяйству. Ленинград: Лениздат, 1944. 248 с.
О мероприятиях 1930 — О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. 30 января 1930. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 т. Т. 2. Ч. 1. Январь 1929 – декабрь 1930 г. / сост. Н. А. Ивницкий. М.: РОССПЭН, 2000. 925 с.
Оглаев 1987 — *Оглаев Ю. О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
Ойратский 1932 — *Ойратский.* Туманные силуэты или правые дела на практике в Приютном // Ленинский путь. 1932. 18 июля. С. 3.
Понушков 2013 — *Понушков В. И.* Дивненская спецзона через призму цифр и фактов // История населения и природы окрестностей

- озера Маныч-Гудило: мат-лы рег. науч.-краевед. конф. (с. Дивное, 18–19 октября 2013 г.). Дивное: Апанасенковская типография, 2013. С. 125–143.
- Рогалина 1989 — *Рогалина Н. Л.* Коллективизация: уроки пройденного пути. М.: Наука, 1989. 316 с.
- Трапезников 1967 — *Трапезников С. Е.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2 т. М.: Мысль, 1967. Т. 2. 622 с.
- Юшкевич 2013 — *Юшкевич В. Ю.* Непокорный народ Левого Острова // История населения и природы окрестностей озера Маныч-Гудило: мат-лы рег. науч.-краевед. конф. (с. Дивное, 18–19 октября 2013 г.). Дивное: Апанасенковская тип., 2013. С. 189–192.
- sokolov.livejournal.com/88749.html (accessed: December 5, 2021). (In Russ.)
- Badmaeva E. N. The Shaping and Development of Kalmykia's Government Agencies, 1917–1943: Historical Experiences Reviewed. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. 241 p. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Dekulakization in Kalmykia. *Nauka i Vysshaya shkola Kalmykii*. 2000. No. 2 (3). Pp. 84–101. (In Russ.)
- Danilov V. P. Soviet Pre-Kolkhoz Village: Social Structure, Social Relations. Moscow: Nauka, 1979. 359 p. (In Russ.)
- Decree of the Central Committee of the VKP (B) of 27 May 1939 On Measures to Prevent Squandering of Public Lands Owned by Kolkhozes. In: Crucial Decisions in Agriculture. Leningrad: Lenizdat, 1944. 248 p. (In Russ.)
- Decree of the North Caucasus Krai Committee of the VKP (B) of 10 February 1930 On Liquidation of Kulaks as a Class within North Caucasus Krai. *Vlast' Sovetov*. 1930, February 18. (In Russ.)
- Decree of the Political Bureau of the Central Committee of the VKP (B) of 30 January 1930 On Arrangements Aimed at Liquidating Kulak Farms in Regions of Complete Collectivization. In: Ivnitsky N. A. (comp.) The Tragedy of Soviet Village: Collectivization and Dekulakization. Collected documents and materials. In 5 vols. Vol. 2. Part 1: January 1929 – December 1930. Moscow: ROSSPEN, 2000. 925 p. (In Russ.)
- Gritchyn N. Kulak Island: Stavropol–Kalmykia frontier hosts village inhabited by peasants that miraculously avoided collectivization. On: Viperson.ru. Posted on March 21, 2003. Available at: <http://viperson.ru/articles/kulatskiy-ostrov-na-granitse-stavropolya-i-kalmykii-sohranilos-poselenie-krestyan-chudom-iz-bezhavshih-kollektivizatsii> (accessed: December 5, 2021). (In Russ.)
- Ivnitsky N. A. Class Struggle in Villages, and Elimination of Kulaks as a Class. Moscow: Nauka, 1972. 360 p. (In Russ.)
- Ivnitsky N. A. Collectivization and Dekulakization, Early 1930s. Moscow: Interpraks, 1992. 272 p. (In Russ.)
- Kireev G. Kulak Island. On: LiveJournal. Posted on January 22, 2010. Available at: <https://d-v-nizm>
- Maksimov K. N. The National Tragedy: Repressions in Kalmykia, 1918–1940s. Moscow: Nauka, 2004. 310 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. 840 p. (In Russ.)
- Oglav Y. O. Implementing Lenin's Cooperative Plan in Kalmykia, 1917–1937. Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)
- Oiratsky. Vague silhouettes: Or practical right causes in Priyutnoye. *Leninskiy put'*. 1932, July 18. P. 3. (In Russ.)
- Order of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of 4 May 1961 On Strengthening Struggle against Individuals That Avoid Socially Useful Labor and Lead an Antisocial, Parasitic Way of Life. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 1965. No. 38. Article 932. (In Russ.)
- Ponushkov V. I. The special area of Divnoye: A perspective from figures and facts. In: Lake Manych-Gudilo. Population and Natural History. Conference proceedings (Divnoye; October 18–19, 2013). Divnoye: Apanasenkovskaya Tipografiya, 2013. Pp. 125–143. (In Russ.)
- Rogalina N. L. Collectivization: Learning Lessons of the Past. Moscow: Nauka, 1989. 316 p. (In Russ.)
- Sherstobitov V. I. (ed.) History of the Soviet Peasantry. In 5 vols. Vol. 2: Soviet Peasants during Socialist Reconstruction of National Economy, Late 1927 to 1937. Moscow: Nauka, 1986. 440 p. (In Russ.)
- Trapeznikov S. E. Leninism and the Peasant/Land Question. In 2 vols. Moscow: Mysl, 1967. Vol. 2. 622 p. (In Russ.)
- Yushkevich V. Yu. Insubmissive inhabitants of Levyi Ostrov. In: Lake Manych-Gudilo. Population and Natural History. Conference proceedings (Divnoye; October 18–19, 2013). Divnoye: Apanasenkovskaya Tipografiya, 2013. Pp. 189–192. (In Russ.)
- Zelenin I. E. Stalin's Revolution from Above – After the Great Turn, 1930–1939: Policy, Implementation, Results. Moscow: Nauka, 2006. 315 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 1, pp. 74–85, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2 94(470), 902/904 (470.62/.67)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-74-85

В. Н. Татищев и золотоордынские памятники Северного Кавказа

Виталий Александрович Бабенко¹, Марина Евгеньевна Колесникова²

¹ ООО «Наследие» (д. 75, ул. Орджоникидзе, 355008 Ставрополь, Российская Федерация)
 ведущий научный сотрудник
 0000-0003-3046-9582. E-mail: vit-babenko@yandex.ru

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355000 Ставрополь, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующий кафедрой истории России
 0000-0002-2896-7753. E-mail: kolesnikovam2017@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бабенко В. А., Колесникова М. Е., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье освещаются малоизученные аспекты деятельности В. Н. Татищева (1786–1750). Его вклад в изучение древностей Урала и Сибири общепризнан, но его деятельность по изучению золотоордынских памятников Нижнего Поволжья и Северного Кавказа не получила должной оценки. Занимая различные государственные посты, он с 1720 г. занимался сбором материалов для написания работ по истории и географии России. Он сделал подготовку ландкарт и зарисовку древностей обязательным условием для проведения исторических исследований. *Цель* исследования — систематизировать сведения об экспедициях, организованных В. Н. Татищевым в 1742 и 1744 гг. на Северный Кавказ с целью изучения золотоордынских памятников, показать реальные цели и результаты экспедиций. *Материалы и методы.* Материалами исследования выступили сочинения В. Н. Татищева; опубликованное эпистолярное наследие В. Н. Татищева; картографические материалы — как опубликованные, так и архивные. В ходе исследования применялись: историко-системный, историко-сравнительный и картографический методы. *Результаты.* Во время пребывания в 1741–1745 гг. в должности астраханского губернатора он планировал произвести фиксацию развалин золотоордынских городов в Нижнем Поволжье. В июле 1742 г. он организовал экспедицию в город Маджар на Северном Кавказе в составе кондуктора Инженерного корпуса А. Голохвостова, «живописного ученика» М. Некрасова и 20 казаков. Ее участники подготовили 3 рисунка Маджара, панорамы города Кизляра и Брагунской деревни, которые В. Н. Татищев отправил в Петербург. В 1743 г. он обратился к Сенату с просьбой о присылке двух геодезистов. Летом 1744 г. к нему были направлены геодезисты С. Чичагов и С. Щелков. Они подготовили около 75 карт, включая ландкарту Большой и Малой Кабарды, обнаруженную и опубликованную

в 2009 г. Е. В. Гусаровой. Материалы исследований 1742 и 1744 гг. В. Н. Татищев отразил в своей «Истории Российской». В ней упомянуты города Маджар, Татартуп и «Юлат». Под названием «Юлат» упомянут город Джулат, локализуемый на месте городища Нижний Джулат. *Выводы.* Работы 1742 г. преследовали исключительно научные цели, работы 1744 г. — в основном практические цели. Имеющиеся материалы позволяют признать В. Н. Татищева организатором первых работ по изучению золотоордынских памятников Северного Кавказа: городищ Маджары, Нижний Джулат и Верхний Джулат (Татартуп). Уход В. Н. Татищева с должности астраханского губернатора в 1745 г. прервал изучение памятников Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Необходимо продолжить поиск архивных материалов по данной проблеме.

Ключевые слова: городище, город, золотоордынские памятники, ландкарты, Маджар, Северный Кавказ, В. Н. Татищев

Для цитирования: Бабенко В. А., Колесникова М. Е. В. Н. Татищев и золотоордынские памятники Северного Кавказа // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 74–85. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-74-85

Vasily N. Tatishchev and Golden Horde Monuments of the North Caucasus

Vitaliy A. Babenko¹, Marina E. Kolesnikova²

¹ Nasledie LLC (75, Ordzhonikidze St., 355008 Stavropol, Russian Federation)

Leading Research Associate

 0000-0003-3046-9582. E-mail vit-babenko@yandex.ru

² North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 35500 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Director of Humanities Institute, Head of Department of Russian History

 0000-0002-2896-7753. E-mail: kolesnikovam2017@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Babenko V. A., Kolesnikova M. E., 2022

Abstract. Introduction. The article presents insufficiently studied aspects of endeavors tackled by V. N. Tatishchev (1786–1750). His contribution to the study of antiquities in the Urals and Siberia is commonly accepted but his efforts on the research of Golden Horde monuments in the Lower Volga and North Caucasus were never decently appreciated. A prominent government official to have held different positions, he had been collecting materials for works on Russia's history and geography since 1720. He made the preparation of maps ('Landkarten') and drawings to be a prerequisite for any historical research. *Materials and methods.* The study analyzes works by Vasily N. Tatishchev, his epistolary heritage, maps — both published and archival ones. The employed research methods include historical systemic, comparative and cartographic ones. *Results.* When holding the office of Astrakhan Governor from 1741 to 1745, he initiated a mapping of ruins of Golden Horde towns in the Lower Volga. In July of 1742, he arranged an expedition to Majar in the North Caucasus. The latter included engineering corps conductor A. Golokhvostov, painting apprentice M. Nekrasov, and twenty Cossacks. The participants made three drawings of Majar, several townscapes of Kizlyar and Braguny village which were sent by V. N. Tatishchev to Petersburg. In 1743, he requested the Senate to dispatch two land surveyors. S. Chichagov and S. Shchelkov arrived in the summer of 1744 to further prepare about seventy five maps including those of Greater and Minor Kabardia which were found and published in 2009 by E. Gusarova. The research materials of 1742 and 1744 were presented by Vasily N. Tatishchev in his Russian History that mentions the towns of Majar, Tatartup, and 'Yulat' (i.e. Julat located on the ancient site referred to as Nizhny Julat). *Conclusions.* The works of 1742 were pursuing purely scientific goals, while those of 1744 were to meet mainly operative needs. So, the available materials make it possible to recognize Vasily N. Tatishchev as an organizer of earliest explorations of Golden Horde monuments in the North Caucasus, such as sites of ancient

Majar, Nizhny Julat, and Verkhny Dzhulat (Tatartup). Vasily N. Tatishchev's resignation from the office of Astrakhan Governor in 1745 suspended academic investigation of monuments in the Lower Volga and North Caucasus. It is necessary to continue the search of archival materials dealing with the topic.

Keywords: archaeological site, town, Golden Horde monuments, Landkarten, Majar, North Caucasus, Vasily N. Tatishchev

For citation: Babenko V. A., Kolesnikova M. E. Vasily N. Tatishchev and Golden Horde Monuments of the North Caucasus. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 74–85. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-74-85

Введение

В отечественной науке давний интерес исследователей вызывает многообразная деятельность выдающегося государственного деятеля, инженера и ученого, автора «Истории Российской» и многочисленных работ по географии России В. Н. Татищева (1786–1750). Одновременно с несением государственной службы он с 1720 г. работал над сочинением «обстоятельной русской древней Гистории и Географии» [Пальмов 1925: 208; Научное наследство 1990: 300].

О целях своей работы он писал в письме от 19 ноября 1740 г. советнику канцелярии Академии наук И. Д. Шумахеру: «Главную историю, как скоро от вас ландкарты получу и по оной надписи положу, то немедленно совсем вам для печатания вручу. Но при том весьма бы нужно некоторых древних строений чертежи приложить, например города Болгар, Сарай и на Дону разоренные, где еше многие руины памяти достойные находятся» [Научное наследство 1990: 278]. Он сделал подготовку ландкарт и зарисовку древностей обязательным условием для проведения исторических исследований. В 1737 г. он был назначен ответственным за составление ландкарт и генеральной карты России. В 1745 г. вышел «Атлас Российской», состоящий из генеральной карты и 19 специальных карт [Андреев 1950: 12–16].

Работая с 1734 г. в Сибири, а затем с 1737 г. до 1739 г. во главе Оренбургской комиссии, В. Н. Татищев выработал систему работы с командированными геодезистами [Пальмов 1928: 321]. Помимо выполнения основных работ в соответствии с полученными от В. Н. Татищева инструкциями, они занимались поисками местных достопримечательностей, им поручалось «о древностях

находящихся и подземностях обстоятельно уведать, описать и, где можно, ознаменовать» [Научное наследство 1990: 265].

Вклад В. Н. Татищева в изучение памятников Урала и Сибири получил высокую оценку исследователей. Его деятельность по изучению памятников Нижнего Поволжья и Северного Кавказа нуждается в более подробном рассмотрении. В работах Н. А. Попова, Н. Н. Пальмова, Р. Е. Аджимамедова, Е. В. Гусаровой, Э. Д. Зиливинской и И. В. Торопицына [Попов 1861; Пальмов 1925; Пальмов 1928; Аджимамедов 1992; Гусарова 2009; Зиливинская 2015; Торопицын 2016] были введены в научный оборот основные материалы исследований на Северном Кавказе, организованных В. Н. Татищевым. К сожалению, пока отсутствует полная версия истории исследований, организованных В. Н. Татищевым на Северном Кавказе в 1742–1744 гг.

В работах Е. И. Нарожного предложена спорная версия истории проведения экспедиции 1742 г. в Прикумье и экспедиции 1744 г. на Северный Кавказ, основанная на некорректной трактовке сведений источников, предположениях и допущениях [Нарожный 2011; Нарожный 2019]. В своих построениях он опирается на выдержки из работы Н. Н. Пальмова 1928 г., неточно воспроизведенные издательством в работе Р. Е. Аджимамедова [Пальмов 1928: 337; Аджимамедов 1992: 46].

В статье на основе опубликованных источников рассматривается история подготовки и проведения В. Н. Татищевым экспедиций 1742 и 1744 гг. на Северный Кавказ. Впервые уточняются маршрут экспедиции 1742 г. и ее научные результаты, подводятся итоги экспедиций 1742 и 1744 гг. на Северный Кавказ.

Материалы и методы

Источниковой базой послужили опубликованные Н. Н. Пальмовым материалы Астраханского калмыцкого архива, письма В. Н. Татищева, опубликованные А. И. Юхтом, и опубликованные И. В. Торопицыным материалы фонда № 394 Государственного архива Астраханской области — «Астраханская губернская канцелярия». В статье использованы картографические материалы и изобразительные источники, опубликованные Р. Е. Аджимамедовым, Е. В. Гусаровой и Э. Д. Зиливинской [Аджимамедов 1992; Гусарова 2009; Зиливинская 2015]. В статье использованы картографические материалы из фондов Российской государственной библиотеки (далее — РГБ) и Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА) [РГВИА. Оп. 1. Ф. 846. Д. 20510].

Недостаточная изученность архивных материалов не позволяет представить весь объем работы, проделанной В. Н. Татищевым в период его губернаторства в Астрахани в 1741–1745 гг. Часть картографических материалов и рисунков до сих пор не обнаружены.

Подготовка и проведение экспедиции 1742 г. на Северный Кавказ

Во время пребывания в 1741–1745 гг. в должности астраханского губернатора В. Н. Татищев способствовал началу научного изучения золотоордынских памятников Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В Нижнем Поволжье он осмотрел развалины золотоордынских городов и оставил ценные свидетельства о них [Егоров, Юхт 1986]. Намереваясь произвести их фиксацию, В. Н. Татищев ходатайствовал 13 августа 1741 г. об определении ему «от Академии Наук ученика живописного» [Пальмов 1925: 209]. Судя по письму И. Д. Шумахеру от 29 ноября 1741 г., он еще раз просил Академию наук направить ему «геодезиста и живописца» [Егоров, Юхт 1986: 238; Научное наследие 1990: 285].

В результате к нему был направлен только живописный ученик М. Некрасов, имевший подмастерский аттестат. Назначение состоялось 4 февраля 1742 г. [Пальмов 1925: 209]. Не дождавшись приезда из Петербурга геодезиста, В. Н. Татищев решил начать с изучения развалин золото-

ордынского города Маджара (локализуется на месте городища *Маджары* в современном Буденновском муниципальном округе Ставропольского края) на Северном Кавказе и задействовать вместо отсутствующего геодезиста кондуктора Инженерного корпуса А. Голохвостова, находившегося в г. Кизляре. Направление А. Голохвостова в экспедицию в Маджар было вынужденной мерой.

В статье Е. И. Нарожного и Ф. Б. Нарожной утверждается, что В. Н. Татищев, наряду с золотоордынскими памятниками Нижнего Поволжья, посещал развалины золотоордынских городов Северного Кавказа [Нарожный, Нарожная 2016: 441–442]. Документальных свидетельств этого факта авторы не предоставили. В. Н. Татищев мог знать от подчиненных о различных достопримечательностях Северного Кавказа. В городе Маджаре астраханский губернатор не бывал и узнал о нем от участника Персидского похода И. Г. Гербера, который еще в 1726 г. посетил городище Маджары и подготовил его краткое описание. Ссылаясь на И. Г. Гербера, В. Н. Татищев привел описание города: «Два дня ходу от Кавказа Бивара река, из степи между Доном и Волгою проистекшая, в Куму впадает; при стекающихся реках великого города лежат развалины, полатные остатки и подземные погреба. Черкесы и протчия ближния народы в том согласны, что тот город был народа магиар» [Татищев 1994: 191].

В. Н. Татищев всегда инструктировал геодезистов перед началом работ. В письме коменданту Кизляра подполковнику И. А. Кишенскому В. Н. Татищев указывает, что «... по реке Куме был город, который ныне именуют Маджары, великого здания, а для описания ево оной ученик при сем ... посылается» [Пальмов 1928: 334]. Он приказал ему обеспечить экспедиции конвой «в 30 или 40 человек и довольно знающих оные места», а также «сообщить „не могут ли Солтанульцы их безопасно туда и назад препроводить“ (курсив наш. — В. Б., М. К.)» [Пальмов 1928: 335]. По его замыслу безопасность должны были обеспечить салтанаульцы — родоплеменное подразделение малых ногаев, поселенных в междуречье Терека и Кумы [Торопицын 2011: 334].

Определив Маджар как город, В. Н. Татищев в «наказе» М. Некрасову указывает,

что к нему наряду с вожатыми и конвоем командиром кондуктор, «которому при сем же ордер дается, то, не мешкая, ехать из Кизляра на реку Куму, где находится старое здание, именуемое Маджары», и «все порядочно рассматривая, как здания, так находящиеся во оном разные вещи, какие тобою найдены будут достойные к ведению, написать сколько возможно в самой их натуре» [Пальмов 1928: 335].

В ордере А. Голохвостову он указывает, что нужно ехать на реку Куму и «тамо находящееся старое здание, именуемое Маджары, описать с обстоятельством и положить на чертеж, и около оногo здания вкруг верст на 5 по тому ж описать. Какие же в оном вещи и прочее, велено живописною работою написать помянутому ученику Некрасову. Тебе же колико удобно стараться сметить расстояние онаго от Кизляра и крепости св. Анны (курсив наш. — В. Б., М. К.)» [Пальмов 1928: 335].

Таким образом, В. Н. Татищев употребляет термины «город» и «здание» применительно к Маджару как синонимы. М. Некрасов и А. Голохвостов в своих отчетах также будут использовать термин «здание» применительно к Маджару и обнаруженному в его округе поселению.

М. Некрасов прибыл в Кизляр 6 июля 1742 г. и две недели ожидал А. Голохвостова. Из переписки В. Н. Татищева с комендантом Кизляра следует, что в июле А. Голохвостов был занят работами в верховьях Терека [Пальмов 1928: 336].

Двухнедельная задержка выезда в Прикумье была объяснена кизлярским комендантом занятостью кондуктора. За это время М. Некрасов выполнил панораму Кизляра, обнаруженную и опубликованную Е. В. Гусаровой [Гусарова 2009: 333].

Согласно отчету М. Некрасова, направленному В. Н. Татищеву 3 ноября 1742 г. после завершения экспедиции, ее участники отбыли из Кизляра 23 июля, а прибыли на место назначения вечером 31 июля 1742 г. Экспедицию сопровождал конвой из 20 терских казаков [Пальмов 1928: 336]. Участие салтанаульцев в экспедиции не упоминается. Вероятно, этому помешала сложная внешнеполитическая ситуация, сложившаяся к 1742 г. вокруг них [Торопицын 2011: 334–338].

Маршрут экспедиции 1742 г.

В отчетах М. Некрасова и А. Голохвостова ничего не сказано о маршруте экспедиции в Прикумье и на обратном пути. Е. И. Нарожный предложил вариант маршрута их поездки, в который он включил объекты, на которых А. Голохвостов мог побывать до 23 июля 1742 г., но совместно с М. Некрасовым он их не посещал. По мнению Е. И. Нарожного, экспедиция сначала отлучилась из Кизляра на две недели, побывала в Брагунской деревне, на Татартупе, на «Юлате», а затем вышла в Пятигорье и вернулась в Кизляр и оттуда направилась в Маджар [Нарожный 2019: 174–175]. Данная гипотеза искусственно объединяет объекты, обследованные по поручению В. Н. Татищева в 1742 и 1744 гг. Можно предположить, что маршрут поездки в Маджар в 1742 г. примерно совпадал с маршрутом поездки экспедиции И. А. Гильденштедта в 1773 г.: Кизляр – Моздок – урочище Бештамак – Пятигорье – устье р. Подкумок – долина р. Кумы. На карте, составленной А. Голохвостовым, вдоль вероятного маршрута экспедиции показаны среднее и нижнее течения р. Терек, теряющаяся в песках р. Кура, р. Подкумок (название не указано), «Бештовы горы» и р. Кума с левыми притоками Тумузла (Томузловка) и Бувала (Буйвола). Кура показана как река, текущая с востока на запад. Эта ошибка укоренилась на картах до конца XVIII в., на что обратил внимание Ю. Клапрот [Клапрот 2008: 190].

Судя по материалам академических экспедиций конца XVIII – начала XIX вв., при следовании из района Пятигорья в Маджар дорога проходила по правому берегу Кумы от Георгиевска до устья р. Золка и р. Мокрый Карамык. Затем дорога переходила на левый берег Кумы, пересеченный многочисленными балками и лиманом в устье р. Томузловки. Такой путь проделал в 1773 г. И. А. Гильденштедт [Гильденштедт 2002: 290].

Путешествие с переходами на правый берег Кумы на участке между современным г. Зеленокумск и с. Нины Советского городского округа и на участке между с. Маслов-Кут (совр. с. Стародубское) и с. Прасковья Буденновского муниципального округа совершил в 1807 г. Ю. Клапрот [Клапрот 2008: 86–88]. Но он специально отклонился от маршрута, чтобы проверить местность на предмет наличия здесь памятников.

П. С. Паллас в 1793 г. проехал по левому берегу Кумы от Маджара почти до Георгиевска и переправился на ее правый берег только в 5 верстах от этого города [Паллас 2010: 254]. Отчеты А. Голохвостова и М. Некрасова, а также карта Маджара, составленная А. Голохвостовым, свидетельствуют о том, что на заключительном отрезке экспедиция продвигалась по левому берегу Кумы.

Результаты экспедиции 1742 г.

Результатом работы экспедиции 1742 г. на городище Маджара стали 3 рисунка (один не найден): план городища, составленный А. Голохвостовым, и панорама Маджара («прошпект»), выполненная М. Некрасовым [Зиливинская 2015: 11–12]. Карта А. Голохвостова выполнена не в масштабе и представляет собой ситуационную схему, на которой показано местоположение Маджара относительно основных крепостей на Северном Кавказе. На карте показаны постройки городища Маджара и ряда памятников в его округе. Вызывает интерес пункт под литерой «F», из-за которого между А. Голохвостовым и М. Некрасовым возник первый конфликт. М. Некрасов пишет в своем отчете, что «...не доезжая до Маджара верст за 20, а от дороги и с версту, видимы были за Кумою полаты, х которым я ево, кондуктора, звал, то оной с немалыми в том нарекании не поехал и ждать меня не хотел, по которому я принужден был к тем полатам не заезжать. А как 31 числа к вечеру к Маджарам приехали и 1 августа начали оное здание рисовать, тогда оной кондуктор, снявший то здание примером, стал меня спешить, чтоб ехать назад...» [Пальмов 1928: 336].

Здесь, на руинах Маджара, между участниками экспедиции произошел второй конфликт. Оставив в полдень М. Некрасова, А. Голохвостов с большей частью команды отправился обратно. М. Некрасов пробыл в Маджаре до позднего вечера, «что возможно, того здания, каждую полату, особо и прошпект сделал» [Пальмов 1928: 336–337].

А. Голохвостов в своем рапорте отмечал, что «...на оном плане назначена полата под литерой F, которая стоит за рекою Кумою, что к ней никак нельзя переправиться за озерами и за великою топью. Однако, что ее малое число было видимо, положена на план по препорции» [Пальмов 1928: 337].

Учитывая, что пункт «F» показан к юго-востоку от городища на правом берегу Кумы, получается, что экспедиция направлялась к Маджару вниз по течению реки по ее левому берегу на конечном участке маршрута.

Пункт, вызвавший первый конфликт двух участников экспедиции, может быть локализован на месте большого поселения золотоордынской эпохи «Орловское-1, XIII–XIV вв.». Оно расположено примерно в 5 км к юго-востоку от городища *Маджары* и является одним из крупнейших поселений в округе города Маджара [Бабенко, Обухов 2021: 225].

По данным И. П. Фалька, примерно в этом месте, в 10 верстах выше Маджара на правом берегу Кумы, «находятся развалины места, которое Татара называют Каракогун; таковыя же видны и на левом берегу Кумы». Он назвал его «городом»; здесь «на площади сохранились еще остатки высокого и большого каменного дома, который Татара называют Ахмет Сарей» [Полное собрание 1824: 96]. Этот памятник А. Голохвостов нанес на план неточно, почти напротив Маджара.

На плане Маджара показаны рельеф левобережной части городища, включая крупную балку и многочисленные мавзолеи на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы. Мавзолеи на плане показаны пропорционально их размерам, с отражением их конструктивных особенностей, которые также были отражены на рисунке М. Некрасова [Зиливинская 2015: 46]. Русло Кумы показано ближе к коренному левому берегу своей долины [Зиливинская 2015: 61, рис. 2].

Вызывает интерес и панорама маджарских мавзолеев, выполненная М. Некрасовым. Она представляет собой вид на возвышенную часть городища с юго-восточного направления, со стороны поймы Кумы. На рисунке показаны изгибы русла Кумы, обрывы ее левого берега, понижение местности с юго-запада на северо-восток и рельеф местности на левобережной части городища в виде многочисленных мелких оврагов (так называемая «плетенка»), круто обрывающихся в кумскую долину. Мавзолеи показаны стоящими ближе к левому берегу Кумы [Зиливинская 2015: 61, рис. 1].

Е. В. Гусарова сочла отмеченную «условную плетенку» знаком авторства М. Некрасова [Гусарова 2009: 168]. На наш взгляд,

несмотря на отмеченный Е. В. Гусаровой на примере панорамы Кизлярской крепости невысокий уровень способностей М. Некрасова [Гусарова 2009: 332], М. Некрасов несколько схематично, но верно передал рельеф кумского левобережья — многочисленные овраги и промоины, впадающие в Куму. М. Некрасов показал сосредоточение наиболее крупных мавзолеев на возвышенной части водораздела Кумы и Мокрой Буйволы, что соответствует показанному на плане А. Голохвостова расположению крупных мавзолеев к северо-востоку от крупной балки. Так как эта балка на рисунке не показана, вероятно, М. Некрасов изобразил вид на возвышенную часть водораздела Кумы и Мокрой Буйволы на участке к северо-востоку от балки. Участники экспедиции 1742 г. не оставили подробных описаний городища.

Е. И. Нарожный выражает сомнения в «реальности плана Голохвостова» и в том, рисовал ли М. Некрасов мавзолеи в деталях [Нарожный 2011: 161–162; Нарожный 2019: 176]. Цитируемый им отрывок из текста в изложении Р. Е. Аджимамедова на самом деле относится к памятнику («зданию»), расположенному в округе Маджара (пункт с литерой F), что следует из цитируемых выше отрывков из работы Н. Н. Пальмова. К сожалению, в издании работы Р. Е. Аджимамедова допущена ошибка в наборе текста: в предложении «Токмо на оном плане назначена полата под литерою (буква F пропущена. — В. Б., М. К.), которая стоит за рекою Кумою, что к ней никак нельзя было переправиться за озерами и за великою топью» [Аджимамедов 1992: 46]. При этом в работе Р. Е. Аджимамедова полностью цитируется отрывок рапорта М. Некрасова о втором конфликте с А. Голохвостовым в Маджаре, из которого следует, что М. Некрасов остался до позднего вечера 1 августа 1742 г. и зарисовал маджарские мавзолеи и подготовил их «прошпект» (панораму) [Аджимамедов 1992: 45]. М. Некрасов догнал А. Голохвостова через 25 верст [Пальмов 1928: 337].

В Кизляр экспедиция вернулась 6 августа 1742 г. [Пальмов 1928: 337]. Маршрут реконструируемой протяженностью около 400 км экспедиция преодолевала за 6–9 дней в обоих направлениях. Возможно,

обратный путь проходил по более короткому маршруту. М. Некрасов возвратился в Астрахань и пробыл там до конца декабря 1743 г. в ожидании присылки из Петербурга геодезиста. В письме в Академию наук от 28 февраля 1743 г. В. Н. Татищев сообщил о пересылке трех чертежей «древняго строения на реке Куме, имянуемого Маджары», он упоминает также «проспекты — Астрахани, Кизляра и Брагунской деревни» [Научное наследие 1990: 290]. Из упоминаемых в данном письме «проспектов» Астрахани, Кизляра и Брагунской деревни Е. В. Гусаровой обнаружены в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее — СПФ РАН) гравюра Н. Ф. Челнакова 1770 г. по рисунку (панораме Астрахани) М. Некрасова. В отделе рукописей библиотеки Академии наук (далее — ОР БАН) ею обнаружена панорама Кизляра, выполненная М. Некрасовым. Остается надежда на обнаружение третьего рисунка Маджара и проспекта Брагунской деревни, подготовленных экспедицией 1742 г.

Экспедиция 1744 г. на Северный Кавказ

После завершения работ в Маджаре интерес астраханского губернатора к Северному Кавказу не исчез. На первый план у него выходили проблемы взаимоотношений с северокавказскими владельцами и Персией. Ему нужны были полноценные карты региона, так называемые ландкарты. Также у В. Н. Татищева сохранился интерес к памятникам Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В письме оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву от 31 декабря 1743 г. В. Н. Татищев сообщал о своей просьбе к Сенату о присылке двух геодезистов для проведения работ, чтобы «около Астрахани места описать и ландкарты сделать» [Пальмов 1925: 208; Научное наследие 1990: 300].

По просьбе И. И. Неплюева, а также в связи с задержкой геодезистов и необходимостью платить жалование М. Некрасову «праздно» В. Н. Татищев отпустил М. Некрасова в Оренбург [Пальмов 1925: 210].

Геодезисты были присланы Коллегией иностранных дел, и 16 июня 1744 г. вышло постановление В. Н. Татищева и его заместителя М. М. Борятинского о направлении присланных геодезистов С. Чичагова

и С. Щелкова¹ для географического изучения Кавказа. Им были выделены транспорт, инструменты, материалы. В помощь были выделены два ученика Астраханской гарнизонной школы. С. Чичагов должен был описать земли к западу, а С. Щелков — к востоку от Терека. В инструкции им рекомендовалось скрывать от местных жителей истинные цели экспедиции. Геодезисты должны были собирать сведения о землях далеко за пределами Кабарды до Анапы и максимально привлекать к работе местное население на условиях вознаграждения [Торопицын 2016: 29–31]. Оба геодезиста к 30 августа 1744 г. составили черновую ландкарту и просили прислать чертежные принадлежности для завершения работ [Пальмов 1928: 338, прим. 1]. В 1744 г. они завершили ландкарту Большой и Малой Кабарды, так называемую «Кизлярскую ландкарту». Всего они подготовили 75 ландкарт [Гусарова 2009: 333].

Н. А. Попов, наряду с «Кизлярской ландкартой», упоминает и другие подготовленные ими карты — кизлярской крепости и степи между нею и Астраханью, на 350 верст по течению Кумы: запустелого городища Можар, Кизляра, Гребенского, Шадринского, Новогладковского, Старогладковского, Курякова, Семенова, Картамышского, Дубовского, Баргузинского городков [Попов 1861: 442]. Упоминания о них Н. А. Попов нашел в архивных материалах [Попов 1861: 590, прим. 149].

В РГВИА хранятся «Карта Большой и Малой Кабарды» (геодезист С. Чичагов) и «Карта Большой и Малой Кабарды, Кумыцких степей, Кизляра и Астрахани» (геодезисты С. Чичагов и С. Щелков) [РГВИА. Оп. 1. Ф. 846. Д. 20510], выявленные М. Е. Колесниковой и введенные в научный оборот [Колесникова 2011: 159].

Первая из этих карт была в 2015 г. издана в приложении к сборнику, посвященному Е. Д. Налоевой [Налоева 2015: приложение, карта]. На карте показаны «Запустелая горд Маджары», в излучине Терека на правом берегу, на месте городища Нижний Джулат — «Запустелая горд Елат». На карте хорошо показана речная сеть региона и населенные пункты Кабарды, и казачьи стани-

цы на Тереке. Пространство между реками Терек и Кума занимает табель со списком населенных пунктов, обозначенных на карте. По углам карта украшена виньетками с цветными изображением жителей Кабарды. В сборнике «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» опубликована еще одна карта С. Чичагова «Карта Большой и Малой Кабарды» 1744 г. Она незначительно отличается от карты из РГВИА отсутствием виньеток и другим оформлением подписей [Кабардино-русские 1957: вклейка].

Е. В. Гусарова обнаружила в ОР БАН и опубликовала «Кизлярскую ландкарту». К сожалению, на карте имеется утрата на участке от верхнего и среднего течения р. Терек до излучины р. Кумы в районе устья р. Мокрая Буйвола. Аналогичная утрата имеется и на таблице со списком населенных пунктов [Гусарова 2009: цв. вклейка, рис. 7]. Она незначительно отличается от карты С. Чичагова 1744 г. оформлением. Вероятно, она упоминается в списке № 438(128) «Книги Большому Чертежу», датированном XVIII в. и содержащем ссылку на «журнал геодезиста Сергея Щелкова» [Книга Большому 1950: 24–25].

Таким образом, в отечественных архивах уже выявлены карты, созданные в 1744 г. С. Чичаговым и С. Щелковым. Несмотря на незначительные отличия в оформлении, они имеют общую топографическую основу и содержат одинаковую историческую информацию о Маджаре и Джулате. Они нуждаются в отдельном рассмотрении.

Итоги экспедиций 1742–1744 гг.

Итоги работ 1742 и 1744 гг. на Северном Кавказе В. Н. Татищев отразил в своем историческом сочинении: «4. Место их оставшие их великие грады уверяют, между которыми знатнейший на правой стороне Кумы реки, от Каспийского моря разстоянием до 200 верст, Маджары имянованный, который я 1742-го нарочно посылал описать, план и проспект снять. Онаго краткое описание в гл. 16, н. 25, а к тому приложенные здесь назнаменования показывают. Другой град на реке Терке, от Изляря в 200 верст, Тартупь имянуем, имеет стены каменные и внутри церковь з башнею высокою круглою и развалины бывших неколиких полат. 3) На чертеже Юлат. 4) Выше онаго в Большой Кабарде в горах, в котором церковь

¹ В разных источниках упоминается другой вариант этой фамилии — Щелков.

христианская стоит цела и замкнута, в ней сказывают, что много книг греческих находится, токмо в оную под смертию входить запрещено, а книги, сказывают, что чрез окна видеть можно. Я охотно желал чрез посланных удостовериться, токмо и в город оной близживущие не пустили. 5) На Сулаке, имянуемой Андреев, запустелой каменной город...» [Татищев 1994: 278].

Из текста В. Н. Татищева следует, что, помимо отмеченных городов, на упоминаемой им карте обозначена строго охраняемая церковь, причем «Юлат» расположен в Малой Кабарде, а христианская церковь — в Большой Кабарде, в горах. Вероятно, он ссылается на другую карту, подготовленную С. Чичаговым и С. Щелковым, так как на упомянутых выше картах Кабарды не обозначен Татартуп. Из данного текста следует, что В. Н. Татищеву были известны места расположения городов Маджар, Татартуп, «Юлат» и «Андреев». Из данного перечня нуждается в локализации только «Андреев город». Под названием «Юлат» в тексте упомянут Джулат, обозначенный на других картах 1744 г. как «Елат». Автор упоминает экспедицию 1742 г. в Прикумье и неназванную миссию с целью проверки сведений о запертой церкви с богослужебными книгами. Несомненно, в верховьях Терека побывал в 1744 г. геодезист С. Щелков со своими помощниками. Вероятно, после отъезда М. Некрасова в 1743 г. в Оренбург у В. Н. Татищева не было возможности организовать экспедицию на Джулат и Татартуп с составлением их планов и панорам.

Точность приведенных сведений подтверждают другие карты XVIII в. На карте И. Ф. Трускотта «Карта, представляющая Кубань. Сочинял И. Трескот» 1783 г. в устье р. Бейпала (Мокрая Буйвола) обозначен «Запустелой Город Маджар», к юго-востоку от урочища Бештамак на правом берегу Терека обозначен «Запустелой Гор. Юлат» [Карта представляющая 1783]. На карте обозначены крепости Азово-Моздокской линии и станицы на Тереке, но не обозначен Татартуп. Данная карта выполнена на высоком уровне и свидетельствует о расположении города «Юлат» на месте городища Нижний Джулат. В статье Х. М. Мамаева приводятся факты обозначения Джулата и Татартупа на другой карте XVIII в. [Мамаев 1984: 85–86].

К сожалению, объектом анализа исследователей традиционно является не сочинение В. Н. Татищева, а документ Екатерины II, созданный в 1768 г. на его основе: «Великие запустевшие грады, между которыми знатнейшие на правой стране Кумы реки от Каспийского моря разстоянием до 200 верст. Маджар имянованный, который в 1742 нарочно посылан описать, план и проспект снять; другой град на реке Терк от Кизляра с 200 верст, Тартуп имянуем, имеет стены каменные и внутри церковь с башнею высокою круглая развалины бывших неколиких полат. На чертеже Юлат выше оного в Большой Кабарде в горах, в которой церковь христианская цела и замкнута; в ней, сказывают, что много книг греческих находится, токмо в оную под смертию входить запрещено, а книги, сказывают, что через окна видеть можно; охотно желал чрез посланных удостовериться, токмо и в город оной близ живущие не пустили» [Катанов 1907: 242].

В этом документе весьма неоднозначно упомянута христианская церковь. Она расположена то ли в городе «Юлате», то ли выше «Юлата» в горах Большой Кабарды, то ли выше от Татартупа на карте, т. е. севернее, в то время как у В. Н. Татищева «Юлат» и церковь упомянуты раздельно, в разных областях Кабарды. Можно согласиться с Х. М. Мамаевым, что «Юлат» этого источника» (документа Екатерины II) находился в селении Улу-Эльт [Мамаев 1984: 86]. Однако данная локализация может быть применена только для церкви, что подтверждается материалами академических экспедиций конца XVIII – начала XIX вв. У Ю. Клапрота есть похожий сюжет о церкви в селении Улу-Эльт на р. Чегем, на утесе [Клапрот 2008: 180].

П. С. Паллас сообщает, что эта церковь располагалась в труднодоступном месте, на скале [Паллас 2010: 277]. Но эта церковь не могла быть принята за город. Документ Екатерины II не дает основания для иной локализации города «Юлат», чем на месте городища Нижний Джулат. Сведения В. Н. Татищева и карт, созданных в 1744 г. о городе «Елат»/«Юлат», необходимо учитывать при локализации области Джулат средневековых письменных источников.

Заключение

Предложенная выше версия событий 1742–1744 гг. максимально учитывает сведения опубликованных источников. Не исключено, что в архивах могут быть обнаружены новые материалы, позволяющие открыть новые подробности исследований золотоордынских памятников Северного Кавказа, организованных В. Н. Татищевым. Работы 1742 г. преследовали исключительно научные цели, работы 1744 г. — в основном практические цели. Имеющиеся мате-

риалы позволяют признать В. Н. Татищева организатором первых работ по изучению золотоордынских памятников Северного Кавказа: городищ Маджары, Нижний Джулат и Верхний Джулат (Татартуп). При их изучении он использовал отработанную методику составления ландкарт. Уход В. Н. Татищева с должности астраханского губернатора в 1745 г. прервал изучение памятников Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Необходимо продолжить поиск архивных материалов по данной проблеме.

Источники

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Литература

- Аджимамедов 1992 — *Аджимамедов Р. Е.* Очерки истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск: Буденновская тип., 1992. 172 с.
- Андреев 1950 — *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по географии России // В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России / ред., вступ. ст. и комм. А. И. Андреева. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1950. С. 3–35.
- Бабенко, Обухов 2021 — *Бабенко В. А., Обухов Ю. Д.* Памятники округа Маджар (Северный Кавказ). Современное состояние изучения // Поволжская археология. 2021. № 2(36). С. 216–230. DOI: 10.24852/ra2021.2.36.216.230
- Гильденштедт 2002 — *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / пер. Т. К. Шафрановской; ред. Ю. Ю. Карпов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 512 с.
- Гусарова 2009 — *Гусарова Е. В.* Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. 492 с., ил.
- Егоров, Юхт, 1986 — *Егоров В. Л., Юхт А. И.* В. Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // Советская археология. 1986. № 3. С. 232–239.
- Зиливинская 2015 — *Зиливинская Э. Д.* Маджар // Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / авт. науч. проекта Э. Д. Зиливинская. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 7–108.
- Кабардино-русские 1957 — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2 / сост. В. М. Букалова. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.

Sources

Russian State Archive of Military History. (In Russ.)

- Карта представляющая 1783 — Карта, представляющая Кубань / сочинял И. Трескот [Б. м.], 1783 [электронный ресурс] // РГБ. Картографические материалы. Кубань. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01008854427?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 21.01.2022).
- Катанов 1907 — *Катанов Н. Ф.* Два исторических документа Императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXIII. Вып. 1–6. Казань, 1907. С. 238–244.
- Клапрот 2008 — *Клапрот Ю.* Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / пер. с англ.: К. А. Мальбахов. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2008. 318 с.
- Книга Большому 1950 — Книга Большому чертежу / подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
- Колесникова 2011 — *Колесникова М. Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 524 с.
- Мамаев 1984 — *Мамаев Х. М.* Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии / отв. ред. В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев. Грозный: ЧИИИСФ, 1984. С. 79–94.
- Налоева 2015 — *Налоева Е. Д.* Кабарда в первой половине XVIII в.: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А. С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2015. 368 с.
- Нарожный 2011 — *Нарожный Е. И.* Из истории изучения золотоордынских владений на Се-

- верном Кавказе // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды: мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. памяти М. А. Усманова (г. Казань, 29–30 марта 2011 г.) / отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань: Фолиант, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 160–175.
- Нарожный 2019 — *Нарожный Е. И.* Из истории «экспедиции» 1742 г. на Северном Кавказе (несколько слабоизученных аспектов) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 17. Армавир; Краснодар: [б. и.], 2019. С. 170–189.
- Нарожный, Нарожная 2016 — *Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б.* К истории изучения нумизматического материала Северного Кавказа XIII–XV вв. (Историографический аспект) // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 439–496.
- Научное наследство 1990 — Научное наследство. Т. 14. В. Н. Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. / отв. ред. А. И. Юхт. М.: Наука, 1990. 440 с.
- Паллас 2010 — *Паллас П. С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 годах / пер. с англ. В. М. Аталикова // Европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. М. Аталиков / Проект Марии и Виктора Котляровых. Кавказ. Вып. III. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 304 с.
- Пальмов 1925 — *Пальмов Н. Н.* К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева // Известия Российской Академии Наук. VI серия. Т. 19. Вып. 6–8. С. 201–216.
- Пальмов 1928 — *Пальмов Н. Н.* К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева // Известия Академии Наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1928. Вып. 1–10. С. 317–342.
- Полное собрание 1824 — Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук, по предложению ее президента. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб.: Имп. Академия наук, 1824. 546 с.
- Попов 1861 — *Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время: эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни первой половины прошедшего столетия / Соч. Нила Попова, издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М.: Тип. В. Грачева и К., 1861. 804 с.
- Татищев 1994 — *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. История Российская. Часть первая / ред. колл.: А. И. Андреев, С. Н. Валк, М. Н. Тихомиров. Репринтное воспроизведение текста издания 1962 г. М.: Ладомир, 1994. 500 с.
- Торопицын 2011 — *Торопицын И. В.* Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост. лит., 2011. С. 330–359.
- Торопицын 2016 — *Торопицын И. В.* «Велеть им геодезистам скрытно поступать». Роль В. Н. Татищева в географическом изучении Кавказа в период губернаторства в Астрахани. 1744 г. // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 24–35.

References

- A Book to the Great Atlas [of Tsardom of Russia]. K. Serbina (prep., ed.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 229 p. (In Russ.)
- Adzhimamedov R. E. Kuma River Valley from Earliest Times: Historical Essays. Budyonnovsk: Budyonnovskaya Tipografiya, 1992. 172 p. (In Russ.)
- Andreev A. I. Vasily N. Tatishchev's works on Russian geography. In: Tatishchev V. N. Selected Works on Russian Geography. A. Andreev (ed., foreword, etc.). Moscow: State Geographic Publ., 1950. Pp. 3–35. (In Russ.)
- Babenko V. A., Obukhov Yu. D. Monuments from area town of Madjary (the North Caucasus): Current research developments. *The Volga River Region Archaeology*. 2021. No. 2(36). Pp. 216–230. (In Russ.) DOI 10.24852/ra2021.2.36.216.230
- Bukalova V. M. (comp.) Kabardian-Russian Relations, 16th–18th Centuries. Documents and materials. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. 424 p. (In Russ.)
- Complete Scholarly Travels through Russia, Published by the Imperial Academy of Sciences at the Initiative of Its President. Vol. 6: Travel Notes of Academician J. P. Falck. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1824. 546 p. (In Russ.)
- Güldenstädt J. A. Travels through the Caucasus in 1770–1773. T. Shafranovskaya (transl.); Yu. Karpov (ed.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 512 p. (In Russ.)
- Gusarova E. V. Astrakhan Rediscovered: History, Architecture, Urban Planning of 16th–18th

- Century Astrakhan according to Documents from St. Petersburg Depositories. St. Petersburg: Nestor–Istoriya, 2009. 492 p. (In Russ.)
- Katanov N. F. Two historical documents by Catherine the Great about antiquities of the Volga and the Caucasus. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. 1907. Vol. XXIII. No. 1–6. Pp. 238–244. (In Russ.)
- Klaproth J. Travels in the Caucasus and Georgia in the Years 1807 and 1808. K. Malbakhov (transl.). Nalchik: El-Fa, 2008. 318 p. (In Russ.)
- Kolesnikova M. E. The North Caucasian Historiographic Tradition, Mid-18th to Early 20th Centuries. Stavropol: Stavropol State University, 2011. 524 p. (In Russ.)
- Mamaev Kh. M. Medieval cities of the Central Caucasus: Glimpses of research history. In: Vinogradov V. B., Muzhukhoev M. B. (eds.) *Settlements and Dwellings of Checheno-Ingushetia's Peoples*. Grozny: Checheno-Ingushetia Research Institute of Sociology and Philosophy, 1984. Pp. 79–94. (In Russ.)
- Naloeva E. D. Kabardia in the Early-to-Mid 18th Century: Genesis of Adyghe Feudal Society and Problems of Sociopolitical History. A. Mirzoev (comp.). Nalchik: Pechatnyi Dvor, 2015. 368 p. (In Russ.)
- Narozhnyi E. I. From history of ‘Expedition’ of 1742 on North Caucasus (some little-known aspects). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Archaeology of the North Caucasus: Materials and Studies)*. 2019. No. 17. Pp. 170–189. (In Russ.)
- Narozhnyi E. I. Golden Horde appanages in the North Caucasus: Glimpses of history. In: Mirgaleev I. M. (comp., ed.) *Heritage of the Golden Horde (Political and Socioeconomic History)*. Vol. 2. Conference proceedings (Kazan; March 29–30, 2011). Kazan: Foliant, Märcani Institute of History, 2011. Pp. 160–175. (In Russ.)
- Narozhnyi E. I., Narozhnaya F. B. Numismatic materials of the North Caucasus, 13th–15th centuries: Glimpses of research history (Historiographic aspect). In: Baytanaev B. A. (ed.) *Cultural Heritage of Eurasia: From Earliest Times to Present Days*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2016. Pp. 439–496. (In Russ.)
- Pallas P. S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794. V. Atalikov (transl.). Ser. ‘European Diaries, 13th–18th Centuries’ (comp. by V. Atalikov). Vol. III. Nalchik: M. and V. Kotlyarov, 2010. 304 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Astrakhan period of Vasily N. Tatishchev’s life revisited. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk. VI seriya*. 1925. Vol. 19. No. 6–8. Pp. 201–216. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Astrakhan period of Vasily N. Tatishchev’s life revisited. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie gumanitarnykh nauk*. 1928. No. 1–10. Pp. 317–342. (In Russ.)
- Popov N. A. Vasily N. Tatishchev and His Era: An Episode in the History of State, Social and Private Life from the Early-to-Mid 18th Century. K. Soldatenkov, N. Shchepkin (eds.). Moscow: V. Grachev & Co., 1861. 804 p. (In Russ.)
- Tatishchev V. N. Collected Works. History of Russia. Part One. A. Andreev, S. Valk, M. Tikhomirov (eds.). Reprint (1962). Moscow: Ladomir, 1994. 500 p. (In Russ.)
- Tatishchev V. N. Scholarly Heritage. Vol. 14: Notes, Correspondence, 1717–1750. A. Yukht (ed.). Moscow: Nauka, 1990. 440 p. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. ‘Order the land surveyors to arrive covertly’: V. N. Tatishchev role in geographical study of the Caucasus during his governorship in Astrakhan, 1744. *Herald of an Archivist*. 2016. No. 3. Pp. 24–35. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Russia and Nogais: In search of ways towards self-identity and co-existence, early-to-mid 18th century. In: *Turkological Collection 2009–2010. Turkic Peoples of Eurasia in Ancient and Medieval Times*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. Pp. 330–359. (In Russ.)
- Treskot I. Map of Kuban. 1783. On: Russian State Library (website). Cartographic materials. Kuban. Available at: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01008854427?page=1&rotate=0&theme=white> (accessed: January 21, 2022). (In Russ.)
- Yegorov V. L., Yukht A. I. Vasily N. Tatishchev about Golden Horde cities in the Lower Volga. *Sovetskaya arkheologiya*. 1986. No. 3. Pp. 232–239. (In Russ.)
- Zilivinskaya E. D. Majar. In: Zilivinskaya E. D. (project initiator) *Majar and Nizhniy Dzhulat: History of Golden Horde Cities in the North Caucasus Reviewed*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Humanities Research Institute, 2015. Pp. 7–108. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 1, pp. 86–104, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.584.6

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-86-104

Комментарий к коренной мантре Ваджракилаи

Бембя Леонидович Митруев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник, аспирант

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Митруев Б. Л., 2022

Аннотация. *Введение.* Среди произведений тибетской литературы существует отдельный класс комментариев к мантрам, которые можно отнести к комментариям к тантрическим текстам. В данной работе рассматривается «Краткое объяснение смысла коренной мантры Ваджракилаи „Сердечная сущность старика-держателя знаний школы старых переводов“», автором которого является Донгак Чокья Гьяцо (1903–1957). Текст рассматривается как образец комментария на буддийскую мантру, кроме того, объектом анализа становятся элементы мантры Ваджракилаи. *Цель* статьи — ввести в научный оборот комментарий к мантре Ваджракилаи и исследовать значение элементов буддийской мантры на примере этой мантры. *Материалом* для исследования послужило «Краткое объяснение смысла коренной мантры Ваджракилаи „Сердечная сущность старика-держателя знаний школы старых переводов“», находящееся во втором томе «za» «Собрания сочинений Тулку Сунграба из монастыря Ньенмо» (тиб. spuun dgon sprul sku gsung rab pa'i gsung 'bum) в трех томах, изданного в Сычуаньском народном издательстве (тиб. si khron mi rigs dpe skrun khang) в Чэнду в 2006 г. Собрание сочинений находится в томах 21–23 (zha, za, 'a) серии «Собрание древних книг области Голог» (тиб. mgo log dpe rnying dpe tshogs). *Результаты.* В исследовании представлены краткая биография Донгак Чокья Гьяцо, рассмотрено значение имени божества Ваджракилая, а также дан перевод «Краткого объяснения смысла коренной мантры Ваджракилаи» вместе с транслитерацией.

Ключевые слова: Ваджракилая, мантра, тибетский язык, санскрит, комментарий

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Митруев Б. Л. Комментарий к коренной мантре Ваджракилаи // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 1. С. 86–104. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-86-104

One Commentary to the Vajrakīlaya Root Mantra Revisited

Bembya L. Mitruiev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2022

© Mitruiev B. L., 2022

Abstract. *Introduction.* Tibetan literature includes a separate class of commentaries to mantras which can be identified as commentaries to tantric texts. This paper examines A Brief Explanation of the Meaning of the Root Mantra of Vajrakīlaya [Titled] ‘The Heart Essence from an Old Man [Who] Holds Knowledge of the Old Translations School’ by Dongak Chokyi Gyatso (1903–1957). The text is viewed as a typical commentary on a Buddhist mantra with special attention be paid to elements of the Vajrakīlaya mantra as objects of analysis. *Goals.* The article aims to introduce the commentary to the Vajrakīlaya mantra into scientific circulation and provide insight into meanings of elements within a Buddhist mantra as such. *Materials.* The study explores A Brief Explanation of the Meaning of the Root Mantra of Vajrakīlaya contained in the second volume (za) of Collected Works by Tulku Sungrab from Nyenmo Monastery (Tib. snyan dgon sprul sku gsung rab pa’i gsung ‘bum) published in three volumes by the Sichuan People’s Publishing House (tib. si khron mi rigs dpe skrun khang) in Chengdu, 2006. The Collected Works are included in volumes 21–23 (zha, za, ’a) of the Golog Ancient Books Collection (Tib. mgo log dpe rnying dpe tshogs). *Results.* The study presents a brief biography of Dongak Chokyi Gyatso, examines the meaning of deity Vajrakīlaya’s name, translates and transliterates A Brief Explanation of the Meaning of the Root Mantra of Vajrakīlaya.

Keywords: Vajrakīlaya, mantra, Tibetan language, Sanskrit, commentary

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Mitruiev B. L. One Commentary to the Vajrakīlaya Root Mantra Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 86–104. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-86-104

Введение. Краткие сведения о Лобсанг Донгак Чокьи Гьяцо и его трудах

Среди произведений тибетской литературы существует класс комментариев к мантрам, которые могут быть отнесены к более широкому жанру комментариев к тантрическим текстам. Несмотря на такое жанровое отнесение, они представляют не только экзегезу текстов мантр, но и морфологический анализ их словоформ.

К классу таких комментариев может быть отнесен «Комментарий на Стослоговую мантру Ваджрасаттвы», написанный Джамьянг Тубтенем (тиб. ’jam dbyangs thub bstan; год рождения — 1925) [Митруев 2021], «Комментарий к смыслу мантры Великолепного Ваджрабхайравы „Драгоценный светильник прекрасного объяснения“», написанный Бамда Тубтен Гелег Гьяцо

(тиб. ‘ba’ mda’ thub bstan dge legs rgya mtsho; 1844–1904), а также рассматриваемое здесь сочинение «Краткое объяснение смысла коренной мантры Ваджракилаи „Сердечная сущность старика-держателя знаний школы старых переводов“» и множество других.

Существование большого количества комментариев к мантрам не только указывает на то, что мантры занимали особое место в тибетском буддизме, но и на наличие большого интереса к содержанию мистических формул, называемых мантрами.

Автором комментария «Краткое объяснение смысла коренной мантры Ваджракилаи „Сердечная сущность старика-держателя знаний школы старых переводов“» является Лобсанг Донгак Чокьи Гьяцо (тиб. blo bzang mdo sngags chos kyī rgya mtsho; 1903–1957), также известный как Тулку

Сунграб (тиб. sprul sku gsung rab) и Дхармасара (санскр. Dharmasāra) (рис. 1) [Pearcey 2021: 81]. В колофоне автор называет себя еще одним именем — Кунсанг Шепе Дордже (тиб. kun bzang bzhad pa'i rdo rje). В первом томе собрания сочинений Лобсанг Донгак Чокьи Гьяцо помещена его биогра-

фия, написанная его учеником Норде (тиб. nor sde) в 1995 г. Также есть его биография на английском языке, составленная Адамом Пирси [Pearcey 2013] и основанная на вышеупомянутой биографии на тибетском языке. Приведем краткие сведения о биографии ученого.

Рис. 1. Лобсанг Донгак Чокьи Гьяцо [mdo sngags chos kyi rgya 2006]

Лобсанг Донгак Чокьи Гьяцо родился в 1903 г. в Вангчен Бум (тиб. dbang chen 'bum), одном из трех основных районов Голока (тиб. mgo log). В возрасте шести лет он начал изучать обычные науки, такие как ремесла, медицина, грамматика и логика. В семь лет принял обеты послушника (тиб. dge tshul) от ламы Пельянга (тиб. bla ma dpal dbyangs, даты жизни неизвестны) и получил имя Тубтен Дава Сангпо (тиб. thub bstan zla ba bzang po). В пятнадцать лет его главный учитель — амдосский геше Джампел Ролпе Лодро (тиб. a mdo dge bshes 'jam dpal rol ba'i blo gros, 1888–1936) — признал его во-

площением Джапы Донгак Гьяцо (тиб. 'ja' ra mdo sngags rgya mtsho, 1824–1902) и возвел на трон в монастыре Пел Ньенмо (тиб. dpal snyan mo) в Голоке. В восемнадцать лет он принял обеты полного посвящения от знаменитого геше Драгкар Лобсанг Тендзин Ньендрага (тиб. brag dkar dge bshes blo bzang bstan 'dzin snyan grags, 1866–1928) и получил имя Лобсанг Донгак Чокьи Гьяцо (тиб. blo bzang mdo sngags chos kyi rgya mtsho) [Pearcey 2013].

У Донгак Чокьи Гьяцо было несколько учителей из новой (тиб. gsar ma) и старой (тиб. gnying ma) традиций, но самыми глав-

ными были амдосский геше Джампел Ролпе Лодро, геше Драгкар и тертон Согьял Лераб Лингпа (тиб. gter ston bsod rgyal las rab gling pa, 1856–1926). В конечном итоге он стал вторым главным учителем и третьим в линии настоятелей монастыря Пел Ньенмо, а также преподавал в нескольких других монастырях, включая Сангсанг Дунгар (тиб. sang sang dung dkar), Лхогью Сера (lho rgyud se ra), Вангда (тиб. dbang mda'), Денанг (тиб. sde nang) и Тонгкьяб (тиб. stong skyabs), а также места затворничества Дори (тиб. rdo ri) [Pearcey 2013].

Донгак Чокьи Гьяцо был связан со многими из самых высокопоставленных религиозных деятелей своего времени, такими как Панчен-лама IX Лобсанг Тубтен Чокьи Ньима (тиб. paN chen 09 blo bzang thub bstan chos kyi nyi ma, 1883–1937) и Алак Лекше Гьяцо (тиб. a lags legs bshad rgya mtsho) из монастыря Рагья (тиб. rwa rgya), и был удостоен Далай-ламой XIII Тубтеном Гьяцо (тиб. ta la'i bla ma 13 thub bstan rgya mtsho, 1876–1933) титула «сайн ерөөлт» (письм.-монг. sayin irügeltü; тиб. san 'o rul thu), что значит «удачливый» [Pearcey 2013].

Среди многочисленных учеников Донгака Чокьи Гьяцо были:

- гелонг Кьяшул Тубтен Гьяцо (тиб. sku shul dge slong thub bstan rgya mtsho; даты жизни неизвестны);
- Лобсанг Пакпа Пунцок (тиб. blo bzang 'phags pa phun tshogs; даты жизни неизвестны);
- Вангда Гьянгтрул Дондруб Дордже (тиб. dbang mda' gyang sprul don grub rdo rje, 1892–1960);
- кенпо Дунгар Дамчо (тиб. dung dkar mkhan po dam chos; даты жизни неизвестны);
- Сера Янгтрул (тиб. se ra'i yang sprul; даты жизни неизвестны);
- тертон Домца Цеванг Гонпо (тиб. dom tsha gter ston tsho dbang mgon po; даты жизни неизвестны);
- кенпо Ташул Абхи (тиб. rta shul mkhan a bhi; даты жизни неизвестны);
- кенпо Гьяцо (тиб. mkhan po rgya mtsho; даты жизни неизвестны) из монастыря Чангма (тиб. lcang ma dgon);
- Тулку Чодрак (тиб. sprul sku chos grags; даты жизни неизвестны);
- Тулку Кадак (тиб. sprul sku ka dag; даты жизни неизвестны);

- Лола Шедруб (тиб. glo bla bshad sgrub, даты жизни неизвестны);
- воплощение амдосского геше Джампел Ролпе Лоден (тиб. 'jam dpal rol ba'i blo ldan; даты жизни неизвестны);
- Трул Ринпоче Лобсанг Кункьен (тиб. sprul rin po che blo bzang kun mkhyen; даты жизни неизвестны); и многие другие [Pearcey 2013].

Хотя некоторые из его трудов не пережили разрушительного воздействия времени, многие были сохранены такими учениками, как Тулку Кадак, и позже собраны в монастыре Пел Ньенмо. Среди них:

- более обширный комментарий к «Мадхьямака-аламкаре», называющийся «Светоч пути логических доводов» (тиб. rigs pa'i lam gyi snang ba);
- более короткий межстрочный комментарий к тому же тексту под названием «Меч, отсекающий ложные воззрения» (тиб. lta ngan gcod pa'i ral gri);
- «Драгоценное зеркало чистого видения: Установление идентичности воззрения старой и новой традиций тайной мантры» (тиб. gsang sngags gsar rnying gi lta ba gcig tu sgrub pa dag snang nor bu'i me long);
- «Колесо логических доводов: семя анализа сочетания грамматики и логики» (тиб. sgra tshad zung du 'brel bar dpyad pa'i sa bon rigs pa'i 'khor lo);
- восхваления, такие как «Хвала Трем Драгоценностям „Драгоценная корона, рассеивающая тьму мучений“» (тиб. dkon mchog gsum la bstod pa gdung ba'i mun sel nor bu'i cod pan);
- труды по практике, такие как «Тренировка ума махаяны» (тиб. theg pa chen po'i blo sbyong), садханы и ритуалы.

Имеются официальная переписка, биографии, наставления и песни опыта, а также аннотации. В общей сложности это более трех томов, ксилографы для которых сохранились до наших дней [Pearcey 2013].

В 2006 г. в Чэнду серии «Собрание древних книг области Голог» (тиб. mgo log dpe rnying dpe tshogs) тома 21–23 (zha za 'a) вышло «Собрание сочинений Тулку Сунграба из монастыря Ньенмо» (тиб. snyan dgon sprul sku gsung rab pa'i gsung 'bum), которое было издано в Сычуаньском народном издательстве (тиб. si khron mi rigs dpe skrun khang). Во втором томе «za» собрания сочинений

находится «Краткое объяснение смысла коренной мантры Ваджракилаи „Сердечная сущность старика-держателя знаний школы старых переводов“» (тиб. mdo sngags chos kyi rgya. rdo rje phur ba'i rtsa sngags kyi don cung zad bshad pa snga 'gyur rig 'dzin rgan po'i thugs bcud) [mdo sngags chos kyi rgya 2006: 354–361].

Несколько его работ были переведены на английский Адамом Пирси и Аланом Уоллесом:

- Изложение пути естественного великого совершенства и его предварительных условий «Устные наставления учителей видьядхар» (тиб. rang bzhin rdzogs pa chen po'i lam gyi mnam bzhas sngon 'gro dang bcas pa rig 'dzin bla ma'i zhal lung) [Wallace 2017];
- Вопросы и ответы относительно воззрения махамудры, махасандхи и мадхьямаки «Устные наставления мудрецов» (тиб. phyag rdzogs dbu gsum gyi lta ba'i dris lan mkhas pa'i zhal lung) [Wallace 2017];
- Краткое объяснение значения коренной мантры Ваджракилаи «Сердечная сущность старейшин видьядхары школы ранних переводов»¹ (тиб. rdo rje phur ba'i rtsa sngags kyi don cung zad bshad pa) [Wallace 2017];
- Восхваление великого тайного учения школы ранних переводов «Пылающее солнце яркой веры, разгоняющее тьму заблуждений» (тиб. gsang chen snga 'gyur gyi bstan pa la bstod pa) [Wallace 2017];
- Драгоценное зеркало чистого видения, устанавливающее единство взглядов тайной мантры старой и новой школ переводов (тиб. gsang sngags gsar rnying gi lta ba gcig tu sgrub pa dag snang nor bu'i me long) [Wallace 2017].
- Рассуждение, показывающее с помощью логических доводов, что ученые как старой, так и новой школ перевода в замысле системы прасангики «Подношение облака амброзии на пути рассуждения» (тиб. gsar rnying mkhas pa'i dgongs bzhed gcig tu sgrub pa rigs lam bdud rtsi'i mchod sprin) [Wallace 2017]
- Некоторые заметки по махамудре и дзогчену (тиб. phyag rdzogs sogs kyi skor gyi brjed tho 'ga' zhig)² [Dongak Chokyi Gyatso 2014].
- Комментарий к некоторым терминам из великого совершенства (тиб. rdzogs pa chen po'i tha snyad 'ga'i 'grel ba)³ [Dongak Chokyi Gyatso 2016].

Общая характеристика сочинения «Краткое объяснение смысла коренной мантры Ваджракилаи „Сердечная сущность старика-держателя знаний школы старых переводов“»

Текст комментария к мантре Ваджракилаи начинается с предварительной части, которая открывается выражением поклонения учителям автора — геше Драгкар Лобсанг Тендзин Ньендрагу и Лераб-лингпе, от которых он получил посвящение Ваджракилаи и наставления по практике. После выражения поклонения автор обещает раскрыть смысл мантры Ваджракилаи.

Далее Донгак Чокьи Гьяцо сообщает о том, что Ваджракилая относится к традиции старых переводов (тиб. rnying ma), берущей свое начало от Падмасамбхвы. В этой школе существуют разделение учения Будды на девять колесниц (тиб. theg pa rim pa dgu), среди которых существуют три класса внутренних тантр (тиб. nang rgyud sde gsum): махайога (санскр. mahāyoga), ануйога (санскр. anuyoga) и атийога (санскр. atiyoga). Махайога делится на раздел тантр (тиб. rgyud sde) и раздел садхан (тиб. sgrub sde). Последний подразделяется на восемь учений-садхан (тиб. bka' brgyad): пять разделов немирских садхан тела, речи, ума, качеств и деяний, а также три мирских [раздела садхан] [mdo sngags chos kyi rgya mtsho 2006: 354]. В немирские садханы входят: Махоттара Херука (тиб. che mchog he ru ka), Вишуддха Херука (тиб. yang dag), Ямантака (тиб. gshin rje), Хаягрива (тиб. rta mgrin), Ваджракилая (тиб. rdo rje phur ba). Три мирских раздела садхан: Мамо бётонг (тиб. rbod ma mo gtong), Мёпа драгнгаг (тиб. dmod pa drag sngags), Джигтен чотё (тиб. 'jig rten mchod bstod). Ваджракилая относится к немирскому разделу деяний (тиб. 'phrin las).

Аутентичность тантрических учений школы старых переводов вызывала со-

¹ Это текст, который рассматривается в данной работе.

² Перевод А. С. Пирси (Pearcey A. S.) 2014 г.

³ Перевод А. С. Пирси (Pearcey A. S.) 2016 г.

мнения у некоторых ученых Тибета. Вот что сказано о такого рода сомнениях и их опровержении в написанном Пема Осал Донгак-лингпой (т. е. Джамьянг Кьенце Вангпо; 1820–1892) колофоне «Отрывка коренной тантры Килаи» (санскр. *Vajrakīlayamūlatantrakhanda*; тиб. *rdo rje phur pa rtsa ba'i dum bu*), переведенной Сакья-пандитой Кунга Гьялценом (тиб. *sa skya paN+Di ta kun dga' rgyal mtshan*; 1182–1251):

«Когда некоторые переводчики, такие как Го-лоцава (тиб. *'gos lo tsa ba gzhon nu dpal*; 1392–1481), Чаг-лоцава (тиб. *chag lo tsa ba chos rje dpal*; 1197–1263/1264) и прочие, стали выражать сомнение относительно школы старых переводов, великий Дрогми-лоцава (тиб. *'brog mi shA kya ye shes*; 992–1072) поведал, что он видел начертанную над воротами Ваджрасаны восьмисложную мантру *rulu*¹, а также видел среди текстов некоторых пандитов тексты, выглядящие как отрывки коренных тантр Вишуддха Херуки и Килаи, но не получил устные наставления к ним. Рассматривая это высказывание, ученые говорят, что совершенно очевидно, что пандиты и сиддхи последующих времен сделали сущностные моменты тантр старых переводов своей совершенно тайной избранной практикой. В особенности «Устные наставления единственного светильника Вишуддхи» (тиб. *yang dag me gcig gi gdams pa*), данные напрямую великим наставником [Падмасамбхавой] кашмирскому махапандите Шакьяшри² (тиб. *kha che paN chen shA kya shrI*; 1127–1225), которые были переведены Рабчокпел-лоцавой (тиб. *rab mchog dpal bzang*; даты жизни неизвестны). Кроме того, Защитник Манджушри, Сакья-пандита (*sa skya paN+Di ta kun dga' rgyal mtshan*; 1182–1251), когда пребывал в монастыре Шангсек (тиб. *shangs sreg*), получил от одного практикующего мантру текст на санскрите. Когда он рассмотрел этот текст, то понял, что вне какой-либо ошибки это книга Драгоценного Наставника [Падмасамбхавы] „Отрывок коренной тантры

¹ Здесь имеется в виду мантра из восьми слогов *Om rulu rulu hūm bhuoḥ hūm* — мантра Янгдаг Херуки.

² Учитывая, что Падмасамбхава уже покинул Тибет и Индию ко времени жизни Шакьяшри, вероятно, что Падмасамбхава передал эти учения Шакьяшри в видении.

Килаи“³. Так как нахождение такой драгоценности, исполняющей желания, — величайшая удача, вы, взяв текст, стойте на том склоне горы, а мы выйдем вас встречать. Великое собрание людей, подобное морю, вместе с великими облаками подношений, во главе с самим Владыкой [Сакья-пандитой] устроили ему пышную встречу. Принимая во внимание, что он [Сакья-пандита] сам перевел его [на тибетский], и прочие факты, среди тех, кто оспаривал [аутентичность] старых переводов, учения Вишуддхи и Ваджракилай прославились как свободные от сомнений и подобные солнцу и луне. Таким образом, эти события стали основной совершенной причиной для широкого распространения деяний [этих учений]. *Sarvadā kalyāṇaṃ bhavatu! Mangalam*»³ [*rab gsal zla ba 1994: 76*]. Этот колофон был добавлен Пема Осал Донгак-лингпой.

Таким образом, представители этой традиции приводят слова различных религиозных деятелей Тибета, чтобы подтвердить аутентичность тантр Ваджракилай и прочих учений традиции старых переводов.

За предварительной частью следует основная часть комментария, которая начинается с краткого объяснения значения и интерпретации элементов мантры. Автор обещает кратко рассмотреть элементы четырнадцатислоговой коренной мантры Ваджракилай: *Om vajra kīli kīlaya sarvavighnaṃ vaṃ hūm phaṭ*. Хотя на самом деле эта мантра состоит из пятнадцати слогов, первый слог *Om* не считается [*Namdrol 1999: 69*].

Существует несколько вариантов коренной мантры Ваджакилай: краткий, средний и длинный [*Namdrol 1999: 69*]. Краткая мантра состоит из девяти слогов, в которой первый слог *Om* не считается: *Om vajra kīli kīlaya hūm phaṭ*. Средний вариант — из тринадцати слогов: *Om vajra kīli kīlaya jaḥ hūm vaṃ hoḥ hūm phaṭ*. Длинная мантра — из четырнадцати слогов: *Om vajra kīli kīlaya sarvavighnān vaṃ hūm phaṭ* [*Namdrol 1999: 69*].

Кроме того, существуют и другие варианты этой мантры. Например, мантра из «Садханы гневного Ваджракумары», написанной Джамьянг Кунга Сономом (тиб. *'jam dbyangs kun dga' bsod nams*; 1485–1533): *Om vajra kīli kīlaya sarvavighnān bandha hūm phaṭ*

³ Здесь и далее перевод автора статьи.

[['jam dbyangs kun dga' bsod nams 2007: 629](#)].

Другой вариант — мантра Ваджракилайи из «Отрывка коренной тантры Килаи» (санскр. *Vajrakīlayamūlatantrakhaṇḍa*; тиб. *rdo gje phur pa rtsa ba'i dum bu*), чей колофон был приведен выше: *Om vajra kīli kīlaya sarvaviḥnān vaṃ hūm phaṭ dīptacakra hana hana hūm phaṭ* [[rab gsal zla ba 1994: 72](#)]

Существует также и вариант мантры из термина¹ тертона² Цасум-лингпы (тиб. *rtsa gsum gling pa*; 1694–1738): *Om vajra kīli kīlaya sarvaviḥnān trigṇan vaṃ hūm phaṭ* [[Khenchen Palden Sherab, Khenpo Tsewang Dongyal 2008: 76](#)].

Относительно слова *trig nan* в приведенном выше варианте мантры в «Записках о собрании деяний Великого Владыки [Хаягривы] „Облака драгоценностей, исполняющих желания“» (тиб. *dbang chen las tshogs kyī zin ris yid bzhin rin po che'i sprin*), находящихся в шестом томе собрания сочинений Дорубчена Джигме Тенпе Ньима (тиб. *rdo grub chen 'jigs med bstan pa'i nyi ma*; 1865–1926), Дорубчен, цитируя «Сердечный гвоздь» (тиб. *snyin gzer*), пишет, что слово *trig nan* значит «подавлять» (тиб. *gzir*) [['jigs med bstan pa'i nyi ma 2003: 222](#)]. Палден Шераб утверждает, что это слово значит «гвоздь» (тиб. *gzer*) [[Khenchen Palden Sherab, Khenpo Tsewang Dongyal 2008: 76, 198](#)]. Как видно здесь, слова *gzer* (‘гвоздь’) и *gzir* (‘пронзать, раздавливать’) крайне схожи в своем написании, что и могло стать причиной расхождения в интерпретации.

¹ Терма (тиб. *gter ma*) — «сокрытые сокровища», или «текст-сокровище», источник священных предметов тибетского буддизма и религии бон, включающий в себя широкий спектр рукописей, реликвий, скульптур и ритуальных принадлежностей более ранних периодов. Такие тексты-сокровища находили в пещерах, горах, озерах, долинах или обнаруживали в монастырях, иногда внутри колонн и прочего [[Buswell, Lopez 2014: 329](#)].

² Тертон (тиб. *gter ston*) — букв. «открыватель сокровищ», человек, который обнаруживает терма, или «сокровище», — священные предметы тибетского буддизма и религии бон, включая широкий спектр рукописей, реликвий, скульптур и ритуальных принадлежностей, которые предположительно были спрятаны в более ранние периоды, чтобы быть открытыми в более поздний период времени [[Buswell, Lopez 2014: 329](#)].

Далее автор дает интерпретацию значения слога *Om*, после которого следует объяснение значения слова *Vajrakīli*, которое автором интерпретируется как имя божества Ваджракилая.

Говоря о божестве Ваджракилая, необходимо обратить внимание на то, существует две вариации тибетского имени этого божества *rdo gje phur pa* и *rdo gje phur bu*, являющиеся синонимами.

Относительно санскритского имени Ваджракилая, или Килая, все словари и санскритские работы согласны в том, что тибетскому термину *phur ba/phur bu* соответствует санскритское слово *kīla* (или *kīlaka*), имеющее значение «кол, колышек». М. Бурд предполагает, что расхождение между используемым тибетцами словом «*kīlaya*» и общепринятым *kīla* является результатом неизбирательного использования тибетцами формы дательного падежа единственного числа *kīlaya*. М. Бурд думает, что эта форма была знакома тибетцам по простому приветствию *namo vajrakīlaya* (склоняюсь пред Ваджракилаей), из которого люди, незнакомые с техническими тонкостями санскрита, легко могли предположить, что имя божества — *Vajrakīlaya*, а не *Vajrakīla* [[Boord 1993: 5](#)]. Здесь необходимо помнить, что в дательном падеже *kīla* — *kīlāya*, а не *kīlaya*.

М. Бурд также отмечает, что термин (*vajra*)*kīlaya* часто встречается в санскритских текстах (а также практически в каждой киламантре), где используется в качестве отыменного глагола «пронзать», «прикалывать», «пригвоздить» и так далее [[Boord 1993: 5](#)].

К. Кэнтуэл и Р. Мейер оспаривают утверждение М. Бурда, указывая на то, что выдающийся санскритолог Сакья-пандита Кунга Гьялцен использовал имя «Ваджракилая», а не «Ваджракила» в своем знаменитом издании «Отрывка коренной тантры Килаи», которое было включено в Кангбюр [[Cantwell, Mayer 2013: 38](#)].

Далее Р. Мейер утверждает: «с другой стороны, возможно, что имя Ваджракилая, которому отдают предпочтение тибетцы, на самом деле могло быть формой, которая действительно использовалась в оригинальных индийских источниках, и нет необходимости выдвигать гипотезы о правильной форме „Ваджракила“».

„Ваджракилая“ могло произойти от активного, каузативного императива второго лица единственного числа глагола *kīl*¹. Индийская антология глагольных корней и основ „Дхатупатха“ Панини (Pāṇini Dhātupāṭha I.557) дает для корня *kīl* значение *bandha*, т. е. „связывать“, в то время как словарь Монье-Вильямса дает значение „связывать, скреплять, колотить, прикалывать“ [Monier-Williams 1899: 285]. Следовательно, форма *kīlaya* может означать „ты заставляешь связывать/прикалывать!“, или „связывать/прикалывать!“. Это слово, взятое из мантр, призывающее „связать/приколоть“ или „пусть ты заставишь связать/приколоть“, могло рассматриваться как существительное, а существительное могло быть обожествлено; таким образом, *Kīlaya* могло в начале быть обожествленным императивом, в некотором смысле сравнимым с известным примером обожествленного вокатива в имени Хеваджра, что представляет собой нередкое явление в санскритской тантрической литературе. Это предположение поддерживает Алексис Сандерсон, специалист по санскритским тантрическим рукописям» [Mayer 1996: 165–166].

Исходя и вышесказанного, исследователи К. Кэнтуэлл и Р. Мейер предполагают, что, когда речь идет о тибетской ветви традиции этого божества, значительно большей по сравнению с меньшей индийской, следует использовать употребляемое тибетцами имя «*Vajrakīlaya*», а не индийское «*Vajrakīla*» [Cantwell, Mayer 2013: 38].

В самом деле, в тибетском Тенгьюре содержится «Садхана царя якшей Килика» (санскр. *Yakṣarājakīlikāsādhana*; тиб. *gnod sbyin gyi rgyal po phur bus 'debs pa'i sgrub thabs*), где в имени царя якшей *kīli* является отыменным глаголом, переведенным на тибетский как *phur bus 'debs pa* («пригвоздить») [sgrub thabs 1998].

Другим примером отыменного глагола в имени божества является Ваджракилика (санскр. *Vajrakīlikīla*) — имя божества в

¹ С. С. Тавастшерна в личной беседе выдвинул гипотезу, что *kīlaya* происходит от императива отыменного глагола 3 л. ед. ч. наст. вр. *kīlayati* ‘пригвоздить’, представляющего собой отыменное производное от существительного *kīla*, поскольку стандартно деноминатив образуется суффиксом ‘*ya*’. Однако этимология формы *kīli* остается неясной.

мандале семнадцати божеств Ваджрасаттвы [Tanaka 2018: 162].

Мы считаем, что слова *kīli* и *kīlaya* в мантре Ваджракилаи являются формами императива, причем вторая форма *kīlaya* имеет более интенсивное значение. Формы императива *kīli* и *kīlaya* встречаются во многих мантрах и дхарани, представляя собой один из используемых в мантре тропов — повтор синонимичных императивов.

Р. Йелл пишет, что из различных видов повторов наиболее распространенным является повтор синонимичных императивов, широко распространенный в мантрах и дхарани. Например, «изгони, изгони жертву, сожги, сожги, убей, убей, наведи ужас, наведи ужас, уничтожь, уничтожь, заставь, заставь голову трястись, повинуйся моему повелению, исполни, исполни заклинание всего желаемого мной, сделай все, сделай все, сваха» [Yelle 2003: 12].

Так, в «Абхисамае Чандамахарошаны» (санскр. *caṇḍamahāroṣaṇābhisamaya*; тиб. *gtum chen drag po'i mngon par rtogs pa*), написанной пандитом Махасукхаваджрой (санскр. *mahāsukhavajra*; тиб. *bde ba chen po'i rdo rje*), приводится мантра-гирлянда (санскр. *mālāmantra*; тиб. *'phreng ba'i sngags*), в которой за императивной формой глагола следует еще более интенсивная форма императива того же глагола: *Om caṇḍamahāroṣaṇa hūṃ hrī hrom hrī gorarūpe caṭa caṭa pracāṭa ghatā ghatāya kaha kaha prasphara praspharaya praspharaya kīlaya kīlaya jambha jambha stambha stambhaya mohaya mohaya hūṃ phaṭ* [Mahāsukhavajra 1996: 1759–1760]. Здесь *ghatā ghatāya, prasphara praspharaya, kīlaya kīlaya, stambha stambhaya, mohaya mohaya* представляют собой такие повторы.

Также в дхарани «Ваджрных когтей» (санскр. *Śrī-vajra-ratīru-nāma dhāraṇī*; *dpal rdo rje sder mo'i gzungs*) встречается то же самое повторение двойного императива глагола *kīl*: *vajrakīli kīlaya vajradharodājñāpayati kāya vāk cittam kīli kīlaya hūṃ phaṭ* [rdo rje sder mo 1994: 224].

Большинство современных комментаторов, в том числе и автор рассматриваемого здесь комментария, воспринимают *Vajrakīli* как имя Ваджракилаи, несмотря на различие между словами *kīla/kīlaya* и *kīli*. Из этого можно сделать вывод, что либо композит *Vajrakīli* или *Vajrakīlikīlaya* — сино-

ним *Vajrakīlaya*, но такая форма имени этого божества не встречалась нам в текстах, либо фраза *vajra kīlī kīlaya* представляет собой не имя божества, а повтор синонимичных императивов, где *vajra* — обращение к Ваджракилае в звательном падеже. Можно предположить, что *kīlaya* — слово, заимствованное из одного из индийских языков, например, пракрита, но это слово не обнаружено в словарях пракрита. Гарчен Ринпоче интерпретирует слово *kīlī* как супруга Ваджракилаи Диптачакри [Garchen 2022: 233], но в данном случае это не буквальное значение этого слова, а его интерпретация.

Затем автор говорит о том, что Ваджракилая бывает четырёх видов. Рассматривая процесс практики этого божества, Донгак Чокьи Гьяцо сравнивает его с превращением пламенем дров в пепел.

Структура последующего объяснения рассматривает систему, состоящую из агента, орудия и объекта действия. Агентом действия здесь является сам Ваджракилая, орудием — кол, которым наносится удар, что выражается в мантре словом *kīlaya* ('пронзи колом'). Объектом удара колом, или «пронзания», являются препятствующие духи, которые, согласно автору, выражены словом *sarvavighnaṃ* ('все препятствующие духи').

Хотя здесь санскритское слово *vighnaṃ* ('препятствующие духи') стоит в единственном числе винительного падежа, несмотря на *sarva* ('все'), такое использование *sarva* со словами в единственном числе встречается и в Стослоговой мантре Ваджрасаттвы во фразе *sarvasiddhim* [Митруев 2021: 236]. По всей видимости, слово *sarva* здесь означает «каждый, всякий»¹, поэтому «*sarvavighnaṃ*» означает собирательно «всякое (т. е. любое) препятствие». В то же время во многих других источниках в мантре Ваджракилаи это слово стоит во множественном числе винительного падежа: *sarvavighnān*. Необходимо отметить, что автор четко проводит в комментарии разницу между тибетскими терминами *gegs* ('препятствие') и *bgegs* ('препятствующие духи').

Следующий далее слог *vaṃ* Донгак Чокьи Гьяцо объясняет как первый слог

¹ В словаре Монье-Вильямса: «every (m. sg. 'every one'; pl. 'all'; n. sg. 'everything'; sometimes strengthened by *viśva* [which if alone in RV. appears in the meaning 'all', 'every', 'every one']» [Monier-Williams 1899: 1184].

имени Ваджрайогини (санскр. *Vajrayoginī*; тиб. *rdo rje nal 'byog ma*), чьим проявлением (тиб. *nam 'gyur*) является супруга Ваджракилаи Диптачакри. Схожая интерпретация значения слога *vaṃ* встречается во многих комментариях.

Помимо этой интерпретации указанного слога автор приводит и другую возможную его интерпретацию. Он пишет, что слог *vaṃ* может быть рассмотрен как первый слог слова *vighnaṃ*, обозначающего освобождаемую личность, препятствующего духа. Стоящая над слогом *vaṃ* бинду или анусвара символизирует бессамостную природу всех явлений.

Однако здесь возможны и другие интерпретации. Так, Гарчен Ринпоче объясняет, что слог *vaṃ* имеет значение «притягивать, подчинять» [Garchen 2022: 233], из чего мы приходим к заключению, что *vaṃ* представляет собой сокращение каузатива глагола *vaś* — *vāśayati*.

Кроме этого, возможна еще одна интерпретация. Так как в тибетской транслитерации *va* может обозначать как санскритский слог *va*, так и *ba*, здесь возможно прочитать его как слог *baṃ*, который является здесь сокращением от глагола *bandh* «связывать». Эту гипотезу поддерживает императив *bandha* в одном из вариантов мантры Ваджракилаи: *Om vajra kīlī kīlaya sarvavighnān bandha hūṃ phaṭ*, где место слога *baṃ* занимает императив глагола *bandha* ('связи'). Это еще раз указывает на то, что слоги в мантрах многозначны и могут быть интерпретированы в соответствии с тем или иным контекстом.

Затем следует объяснение оставшихся слогов мантры. Слог *hūṃ* обозначает побуждение Ваджракилаи, а слог *phaṭ* значит «расколи» или «обрати в пыль». Так завершается краткое объяснение составляющих элементов мантры Ваджракилаи.

Далее следует подробное объяснение, оно начинается с представления агента — четырех видов Килаи: Килаи осознания изначальной мудрости, Килаи безмерного сострадания, Килаи абсолютной бодхичитты и Килаи символической субстанции.

Вслед за агентом, следуя упомянутой выше системе из агента, орудия и объекта действия, автор представляет объяснение объекта «пронзания» Килаи. Сам процесс применения четырех видов Килаи назван «четырьмя пронзаниями».

Объясняя четвертое прозание Килаей символической субстанции, автор говорит, что в данном случае объектом прозания являются враги и злобные препятствующие духи, обладающие некоторыми из десяти основ освобождения.

«Десять основ освобождения» (тиб. *bsgral ba'i zhing bcu*), о которых здесь идет речь, в терминологии ваджраяны — это десять неблагих действий, которые, когда все они присутствуют в одной личности, делают допустимым убийство этой личности посредством так называемого ритуала «освобождения». Такой человек или дух называется «враг учения Будды, демонстрирующий все десять признаков» (тиб. *zhing bcu tshang ba'i bstan dgra*).

Эти десять признаков следующие:

- 1) разрушение учения Будды (тиб. *sangs rgyas bstan bshig*);
- 2) поношение Трех Драгоценностей (тиб. *mchog dbu 'phang dmod*);
- 3) лишение Сангхи возможности собираться (тиб. *dge 'dun 'du sgo 'phrog*);
- 4) хула махаяны (тиб. *theg chen smod*);
- 5) причинение вреда телу гуру (тиб. *bla ma'i sku bsdo*);
- 6) внесение раздора между ваджрными братьями и сестрами (тиб. *gdo rje sprun dbyen byed*);
- 7) создание препятствий в практике (тиб. *sgrub par bar chad byed*);
- 8) нарушение тантрических обязательств (тиб. *dam tshig bral*);
- 9) отсутствие сострадания (тиб. *snying rje med*);
- 10) приверженность ложным воззрениям (тиб. *log par lta ba can*).

В ваджраянской традиции школы старых переводов (тиб. *gnying ma*) это десять видов личностей, чье убийство допустимо убийством посредством ритуала «освобождения». Эти десять видов личностей объяснены в «Разъяснении тантрических обязательств» (санскр. *samayasitraprakāśa*, тиб. *dam tshig gsal bkra*) Лалитаваджры (санскр. *lalitavajra*; тиб. *sgeg pa'i rdo rje*):

- 1) враг Трех Драгоценностей в общем (тиб. *dkon mchog spyi dgra*);
- 2) личный враг ваджрного наставника (тиб. *rdo rje slob dpon gyi sgos dgra*);
- 3) допустивший нарушения тантрических обязательств (тиб. *dam nyams pa*);

4) пошедший против тантрических обязательств (тиб. *dam las log pa*);

5) вредящий тантрическим обязательствам, что значит изложение тайных учений неподходящим сосудам (тиб. *dam la 'khus pa ste gsang ba snod ngan la spel ba*);

6) тот, кто, придя в собрание практикующих, ругает их (тиб. *sgrub pa'i 'du bar 'ong nas gshe ba*);

7) чинящая всем вред личность, такая как предводитель разбойников (тиб. *yongs la gnod pa'i jag dpon lta bu*);

8) личность, называемая «враг тантрических обязательств» (тиб. *dam dgra zhes bya ba ste bzlog pa mkhan lta bu*);

9) тот, кто действует лишь негативно и ведет себя недобродетельно (тиб. *mi dge ba kho na longs spyod pa ngan pa'i ngang tshul can*);

10) три низших царства (тиб. *ngan song gsum*).

Вслед за этим раскрывается смысл терминов «освобождение» и «соединение» в контексте тантрической практики Ваджракилай. Для этого автор проводит морфемный анализ санскритского термина *tarāṇa*, обозначающего «освобождение».

После этого следует морфемный анализ санскритских словоформы *kīlī*. Этот отрывок с рядом ошибок приведен в переводе А. Уоллеса [[Wallace 2017: 74](#)]. Донгак Чокьи Гьяцо пишет, что Дхату-сутра (санскр. *dhātusūtra*; тиб. *byings kyī mdo*) гласит: *kīla* значит «связывать». Здесь в тибетском тексте ошибка, вместо фразы *kī la 'tshang bar byed pa la'o* должно быть *kī la 'ching bar byed pa la'o*. Хотя нам не удалось найти идентичную фразу в тибетских версиях Дхату-сутры, в Дхату-сутре Чандра-вьякраны (тиб. *brda sprod tsan+dra pa'i mdo'i bying gi tshogs*): *kī la 'ching ba la'o* «*kīla* (*kīl*) значит „связывать“» [[bying gi mdo 2005: 53](#)]. В Дхату-сутре Панини (санскр. *Pāṇini*) и есть идентичное определение: *kīla bandhane* «*kīla* (*kīl*) значит „связывать“».

Далее в комментарии Донгака Чокьи Гьяцо приводится правило из грамматики «Сарасвата». В тибетском тексте этого правила содержатся ошибки, правильное написание приведено в скобках после знака равенства: *byings nges par brtan (=bstan) pa la ik sh+tas (=sh+tip) dag go*. В тибетском переводе «Сарасвата-вьякраны» (тиб. *mstho ldan ma'i brda sprod pa'i rab byed*), выполненном Ситу Чойкьи Джунгне (тиб. *si tu chos*

kyi 'byung gnas; 1699/1700–1774), приведен текст этого правила: *ikstīpau dhātunirdeśe* «аффиксы *ik* и *stīp* [используются] для указания на глагольную основу [или корень]» [*si tu chos kyi 'byung gnas* 2004: 598].

Необходимо отметить, что эта сутра «Сарасвата-вьякраны» также является частью «Дополнения» (санскр. *Vārttika*) Катьяяны (санскр. *Kātyāyana*) к грамматике Панини Аштадхьяи (санскр. *Aṣṭādhyāyī*). Согласно этому правилу к вышеприведенному корню *kīla* (*kīl*) присоединяется аффикс *ik* (*i*), образуя *kīli*. К *kīli* добавляется аффикс «*hi*» пятой парадигмы спряжения (санскр. *pañcamī*¹), т. е. повелительного склонения, действительного залога (санскр. *parasmaipada*; тиб. *pa ra smai*) второго лица (санскр. *madhyamapuruṣa*; тиб. *skyes bu dbus ma*) единственного числа (санскр. *ekavacana*; тиб. *gcig tshig*), образуя форму *kīli*. В тибетском тексте вместо *pañcamī* ошибочно написано *pañcamā* (тиб. *paṅ+tsa ma*). Таким образом, автор объясняет образование словоформы *kīli*, но не дает объяснения образования следующего слова *kīlaya*. Относительно словоформы *vighnam* («препятствующие духи») автор предполагает, что это форма второго, т. е. винительного падежа, «*am*» [*mdo sngags chos kyi rgya* 2006: 359–360].

Транслитерация

В тексте присутствуют ошибки, допущенные переписчиком. В транслитерации исправления помещены в квадратные скобки после знака равенства [=], заглавными буквами обозначены санскритские знаки согласно принципам расширенной транслитерации Вайли.

[354] *rdo rje phur ba'i rtsa sngags kyi don cung zad bshad pa snga 'gyur rig 'dzin rgan po'i thugs bcud ces bya ba bzhugs so //*

mkhas las mkhas pa 'jam mgon chos kyi rje // grub las grub pa gsang bdag las rab gling // byang chub thob kyang spyi bos gus mchod de // nyung ngu'i ngag gis zab don rgya cher dbye // de la 'dir snga 'gyur gsang sngags rmying ma'i nang du rgyud sde gsum gyi ya gyal rgyud ma hā yo ga la rgyud sde dang sgrub sde gnyis su yod pa las / phyi ma la 'jig rten las 'das pa'i sku gsung thugs yon tan 'phrin las kyi sgrub sde lnga dang / 'jig rten pa'i gsum de sgrub sde

¹ *Pañcamī* — a termination of the imperative, Kāt. [*Monier-Williams* 1899: 578].

chen po brgyad du yod pa'i nang tshan 'phrin las phur ba'i sgrub skor gyi myur lam zab mo'i chings thal 'byin rnam pa bzhi'i dgongs pa dang bstun rtsa sngags yi ge 'bru bcu bzhi'i 'bru gnyer phyogs tsam bsnyel thor 'god pa la / om ni sngags kyi mgo 'dren te thun mong du sgra ba'i lugs su srung ba'i don can gyis shis pa brjod pa dang / thun min gsang sngags kyi lugs su sku gsum dbyer mi phyed pa'i bdag nyid a u ma gsum gyis mtshon par gsungs la / de lta bu'i don dran pas [355] lan gcig brjod pas kyang bsod nams rgya cher sdud par rdo rje rtse mo nas gsungs so // me'i nus pas bud shing thal bar byed pa ltar nges don rdo rje phur bu'i go 'phang mngon du byed pa la gegs su gyur ba'i mi mthun phyogs kyi bud shing thal bar 'byin pa'i thabs mkhas kyi lam 'bar ba me dpung 'dra ba 'di la / 'byin pa'i byed po badzra kī li ste rdo rje phur bu bzhi dang / byed pa kī la ya ste phur bus thob ces phur bu gdab pa dang / 'debs yul thal bar 'byin bya'i las sarba big+h+naM ste bgegs thams cad do // de yang ji ltar 'debs na gang du bsgral bar bya ba baM zhes badzra ba ra hi rdo rje phag mo'i rnam ,gyur ,khor lo rgyas ,debs kyi mtshon pa'i nges don gyi yum chos nyid stong ba'i mkha' dbyings su sgröl ba'am / yang na gang zag bsgral bar bya ba big+h+naMH bgegs kyi ming yig dang po la bgegs rang bzhin med pa'i don gyi chos nyid kyi thig le grwa zur spangs pas mtshan ma'i gshis su bsgral ba'i dam tshig rjes su dran par byas te / hūm zhes gsang gsum dbyer med kyi rdo rje phur ba la bskul nas / sgröl ba'i don dngos phaT kyis khos shig gam thal bar gyis shig pa'o // de yang cung zad zhib tu bshad na / thal bar ,byin byed kyi rdo rje phur ba la bzhi yod de / rig pa ye shes kyi phur ba dang / tshad med snying mrje'i [=rje'i] [356] phur ba dang / don dam byang chub kyi sems kyi phur ba dang / mtshan ma rdzas kyi phur ba nmams so // dang po ni / chos dang gang zag gis mtshon pa'i shes bya'i gnas lugs rang bzhin [=rang gzhan] gyi sde ba phal mo che zhig gis ji bzhin par nyams su ma myong ba'i mtha' bzhi'i spros bral gyi de bzhin nyid kun khyab nam mkhas mtshan [=mtshon] pa'i don mdo rgyud thams cad nas rgya cher bsngags pa'i mnyam nyid chos sku chen po de nyid mngon du rtogs pa'i zab mo'i shes rab khyad par can zhig la bzhed do // gnyis pa ni / sdug bsngal gyis gdung ba'i nyam thag sems can gyi khams la dmigs te rang gis sdug bsngal mi ,dod pa'i rang nyams dang sbyar nas mkha' khyab kyi sems can la phyogs dang ris su chad pa med par sdug bsngal dang

bral ,dod dam / sdug bsngal las skyob ,dod kyi blo bcos ma min pa zhig la byed do // gsum pa ni / chos nyid de bzhin nyid la mnyam par bzhag pa'i ye shes kyi gdangs snying rje chen pos rnam par bskyod de rkyen des srid gsum rdo rje phur bu'i dag pa'i snod bcud dkyil ,khor gsum gyi bkod par shar ba'i thabs shes dbyer mi phyed pa'i rnam ,byor zab mo zhig ste / ,di ni thob bya mthar thug gi byang chub dang mtshan nyid mtshungs pa'i sgo nas byang chub kyi sems su bzhag pa'i dpe don gyi phur ba bla na med [357] pa'o // bzhi ba ni / ,di skor gyi rgyud dang dgongs ,grel nas bshad pa ltar gyi yi dam gyi phyag mtshan rdzas kyi phur ba tshad ldan rdzas sngags ting nge ,dzin gyis nus ldan du bsgrub cing byin gyis brlabs pa la bya'o // phur ba de dag gang dang gang la gdab nas bgegs gang dang gang thal bar ,byin pa la rig pa ye shes phur ba ni chos dang gang zag gi bsdus pa'i shes bya'i chos thams cad la btab nas bdag ,dzin gnyis dang de las byung ba'i nyon mongs dug gsum dgra sde brgyad khri bzhi stong bag chags dang bcas pa'i bgegs dpung thal bar ,byin pa ste thal ,byin dang po'o // de tshe gnas lugs rig pa'i ye shes de badzra kl II ste ,debs byed phur bu dang / des mtshan ,dzin gyi spros pa thams cad bshig pa ni kl la ya ste phur bus btab pa dang / bdag ,dzin gnyis ni gang gcod pa'i gnyis snang gi spros pa'i zug rngu slong ba'i sa rba big+h+naM ste bgegs thams cad kyi rtsa ba yin la / de baM ,khor lo rgyas ,debs bsam pa'i dbyings su hUM dpal chen po bskul te phaT thal bar ,byin pa'i gcod tshig dngos yin pa ni lhag ma rnam la yang rigs bsre'o // tshad med snying rje'i phur ba ni phyogs ris med par nam mkhas gar khyab kyi sems can tshad med pa la btab nas rang nyid gces par ,dzin pa dang / rang kho [358] nas zhi bde thob pa don du gnyer ba'i dman pa'i yid byed gzhan phan tshad med pa ,byung ba la gegs su gyur ba'i bgegs theg chen thams cad nas shin tu smad pa de da thal bar ,byin pa ste / thal ,byin gnyis pa'o // byang chub sems kyi phur ba ni / da lta tha mal du snang ba'i phyi snod dang / nang bcud kyi dngos po thams cad la btab nas ma dag pa'i snang zhen ,phen byed las rlung dang bcas pa'i bgegs thams cad rtsad nas dbyung ste srid gsum rdo rje phur ba'i grong khyer du byin gyis rlobs pa ste thal ,byin gsum pa'o // mtshan ma rdzas kyi phur ba ni // sangs rgyas bstan pa ,jig par byed pa dang / sngags gsang ba zab mo sun ,byin pa la sogs pa'i bsgral ba'i zhing bcu ci rigs tshang ba'i ma rung ba'i dgra bgegs la btab nas rang gzhan la gnod pa'i

bsam sbyor ngan pa'i bgegs btsan thabs su ,phro bcad de rdo rje theg pa'i thabs mkhas kyi spyod pa rmad du byung ba gdug can sgrol ba byed pas rang gzhan ,tshang bar byed pa ni thal ,byin bzhi ba'o // thal ,byin snga ma gsum gyis ni gtso bor rtogs pas bdag rgyud sgrol ba dang / phyi mas ni thugs rjes gzhan rgyud sgrol ba ste / de yang rnal ,byor chen po bla na med pa'i lam kho na dang ,brel ba'i tshogs gnyis myur du rdzogs pa'i gsang ba chen po'i rno [359] nus ,gran zla dang bral ba yin pas don ,di ltar rdo rje phur ba'i lha sngags kyi rnal ,byor la brtson rgyu zhig byung na ngo mtshar thams cad kyi phul du gyur ba yin no // sgrol ba zhes pa'i don ni / rgyud las / snying rjes bsgral ba'i dam tshig ni / bsad cing mnan pa ma yin te / zhes gsungs pa ltar bsad mnan rang ga ma la zer ba min te / trl [=tr-I] rkyal ba dang sgrol ba la'o zhes pa'i dbyings [byings] krI [=kr-i] ta rkyen gyis ming du bsgrub pa ltar chu bo las rang nyid brgal ba dang / gzhan gyis sgrol ba lta bu zhig la byed cing / de bzhin du sbyor sgrol gyi sbyor ba yang mi tshangs spyod tsam la go rgyu min no // 'on kyang sngags bla med kyi thabs mkhas rmad du byung ba'i sbyor sgrol ni bud med la spyad pa dang / ma rung ba bsad pa'i las su bya ba ngan pa'i dug thabs la mkhas pa'i mngon rtogs kyi rtsis btab nas rang gzhan ,tshang pa'i bdud rtsir bsgyur ba zhig la byed pas sbyor ba de la mi tshangs spyod kyi don dang tha snyad yod med dpyad bya che la / mtshan ma rdzas phur gyis btab ste dgra bo'i srog dbang ,gag pa de yang gong gi rgyud kyi lung dang mthun par bsad pa min zer dgos pa ,dra ste / gos pa yin pa'i phyir ro // sgrol byed phur ba dang / des gdab pa'i kl li dang kl la ya gnyis kyi tshig don ni / byings mdo las / kl la 'tshang (=ching) bar byed pa la'o zhes [360] gsungs pa ltar la / snga ma la dbyangs can mar byings nges par brtan (=bstan) pa la ik sh+tas (=sh+tip) dag go zhes gsungs pas ik byin pa dang // phyi ma la pany+tsa ma'i [=ma'i] pa ra smai'i skyes bu dbus ma'i geig tshig hi byin pa'i rjes yin ,dra yang dpyad par bya'o // bgegs la big+h+naM zhes ,byung mod / klad gor [=kor] gnyis pa'i am byin nam snyam mo // lha mchog ,di nyid la bsten nas / rgyal pa'i dbang bo pad+ma sam+b+ha was kyang thun mong gi snang tshul du bal yul yang le shod du bar chad thams cad bsal nas phyag rgya chen po mchog gi dngos grub brnyes tshul mdzad pas na / rjes ,jug la bkra shis shing byin che bas yi dam gyi lha skal bsod nams chen po'i stobs kyis thob pa yin pas lha mchog ,di nyid kyi lha sngags la ci nas kyang brtson dgos

so // zab gsang bla na med pa'i chos kyi bcud /
/ 'phrin las phur ba'i thal ,byin bzhi'i bya ba //
snga ,gyur rig ,dzin grub pa'i man ngag mchog
/ snying gi ze'u ,brur ,bral med rtag bzung nas
// lam mchog ,di las rtogs pas bdag bsgral te //
brtse chen thugs rjes mi srung gzhan sgröl ba'i /
/ rig ,dzin rnam bzhi'i bsgrod pa mthar phyin
nas // rdo rje phur ba'i sa mchog ,grub par shog
/ ces ,phrin las lha mchog rdo rje phur ba'i rtsa
sngags kyi don cung zad bshad pa snga ,gyur
rig ,dzin rnan po'i [361] thugs bcud ces bya ba
,di ni / thal ,byin bzhi la mngon par byang chub
pa'i zab gsang rdo rje glu yi mi ,jigs seng ge'i
sgra dbyangs sgrog par mdzad pa'i ,jam mgon
rdo rje ,chang dang / ,phrin las phur ba'i zab
gter la ,dod dgur dbang bsgyur ba'i pad+ma'i
rgyal tshab chen po rnam pa gnyis las chos ,di'i
smin grol legs par mnos pa'i skal ba bzang bo
[=po] can sngags kyi ban+d+he kun bzang
bzhad pa'i rdo rjes rang gi brjed byang du btap
pa dge bar gyur cig //

Перевод

[354] Краткое объяснение смысла ко-
рренной мантры Ваджракилай «Сердечная
сущность старика-держателя знаний школы
старых переводов»

Пред мудрецом среди мудрецов, Защит-
ником Манджушри,

Владыкой Дхармы¹ и сиддхой среди
сиддх, Владыкой Тайн Лераб-лингпой,

Даже достигнув пробуждения, я буду
почтительно склонять свою голову,

Немногими словами полностью рас-
крою глубокий смысл!

Здесь, в традиции старых переводов
тайной мантры существуют три класса
[внутренних] тантр², в одном из них — ма-
хайоге — существует раздел тантр (тиб.
rgyud sde) и раздел садхан (тиб. sgrub sde).
Последний имеет пять разделов немирских
садхан³ тела, речи, ума, качеств и деяний,

¹ Здесь подразумевается учитель автора —
геше Драгкар Лобсанг Тендзин Ньендраг (тиб.
brag dkar dge bshes blo bzang bstan 'dzin snyan
grags; 1866–1928).

² Три внутренних класса тантры (тиб. nang
rgyud sde gsum): махайога (санскр. mahāyoga),
ануйога (санскр. anuyoga) и атийога (санскр.
atiyoga).

³ Пять немирских садхан: Махоттара Херука
(тиб. che mchog he ru ka), Вишуддха Херука (тиб.
yang dag), Ямантака (тиб. gshin rje), Хаягрива
(тиб. rta mgrin), Ваджакилая (тиб. rdo rje phur ba).

а также три мирских [раздела садхан]⁴, со-
ставляющих в общем восемь великих разде-
лов садхан.

Здесь я кратко рассмотрю элементы че-
тырнадцати слогов коренной мантры [Вад-
жракилай]⁵ в соответствии со смыслом че-
тырех «проникновений» или «пронзаний»
(тиб. thal 'byin rnam pa bzhi), представляю-
щих собой забытые и разбросанные глав-
ные пункты глубокого скорого пути цикла
садханы Килаи, являющейся проявлением
деяний [всех Победоносных].

Om — начало мантры, в общей тради-
ции грамматистов [этот слог] имеет зна-
чение защиты, тем самым обозначая про-
изнесение благопожеланий. Сказано, что
в особой традиции тайной мантры [om
символизирует] сущность неразделимых
трех тел, представленных слогами 'a', 'u'
и 'm'. В «Ваджрной вершине» (тиб. rdo rje
rtse mo; санскр. Vajraśekhara) сказано, что,
если, памятуя о таком значении [слога om],
[355] даже единожды произнести его, на-
копишь огромные заслуги. Подобно тому,
как сила пламени превращает дрова в пе-
пел, так же подобный пылающим массам
огня путь искусных средств испепеляет
дрова условий⁶, неблагоприятных для ре-
ализации состояния Ваджракилай абсолю-
тного смысла. В этом [процессе] агентом
проникновения является Vajrakīli, или че-
тыре ваджрных кола. Инструментом, или
орудием, является kīlaya, т. е. фраза «прон-
зи колом», обозначающая удар килей.
Объект, который пронзают колом, — это
объект проникновения sarvaviḥṇam, т. е.
все препятствующие духи. Каким образом
наносится удар? «Освобождаемый объ-
ект» освобождается в абсолютной супру-
ге — в пространстве пустой природы всех
явлений, символом которого является слог
vaṃ, обозначающий проявление Ваджра-
варахи, или Ваджрной веприцы — Дипта-

⁴ Три мирских раздела садхан: Мамо бётонг
(тиб. rbod ma mo gtong), Мёпа драгнгаг (тиб.
dmog pa drag sngags), Джигтен чогё (тиб. 'jig rten
mchod bstod).

⁵ Т. е. мантру: Om vajrakīli kīlaya sarvaviḥṇān
vaṃ hūṃ phaṭ.

⁶ Здесь тибетская фраза thal bar 'byin pa кон-
текстно переведена как «испепеляет дрова усло-
вий», в других случаях она переводится «про-
никновение».

чакру¹ (тиб. 'khor lo rgyas 'debs ma; санскр. Dīptacakrā). Согласно другой интерпретации [слог vaṃ], подразумевает первый слог обозначения освобождаемой личности — vighnaṃ², препятствующего духа, над которым стоит бинду природы всех явлений, несущее смысл бессамости. Так как [бинду] свободно от углов, оно напоминает об обязательствах освобождения в природе признаков. Слог hūṃ побуждает Ваджракилаю, чьи три таинства [пробужденных тела, речи и ума] неразделимы. Затем следует слог phaṭ, значащий «расколи» или «обрати в пепел» и являющийся истинным смыслом «освобождения».

Если рассмотреть этот момент несколько подробнее, пронзающий Ваджракилаю быует четырех видов³:

1. Килая осознания изначальной мудрости; 2. Килая безмерного сострадания; [356] 3. Килая абсолютной бодхичитты; 4. Килая символической субстанции.

Первое, [килая осознания изначальной мудрости]

Утверждают, что эта Килая представляет собой особую глубокую мудрость, напрямую постигающую естественное состояние объектов постижения, таких как явления и личность; свободную от четырех крайностей таковость, истинного переживания которой нет в большинстве своих и чужих школ; подобный всепронизывающему пространству смысл; равенность, обширно восхваляемую во всех сутрах и тантрах; саму великую дхармакаю.

Второе, [килая безмерного сострадания]

[Килая абсолютной бодхичитты] представляет собой желание без предвзятости избавить от страданий живых существ, чье количество равно пространству, или неподдельное стремление защитить их от мучений, воспринимая природу всех незащищенных страдающих существ и понимая на своем опыте их желание избежать страданий.

Третье, [килая абсолютной бодхичитты]

[Килая абсолютной бодхичитты] — глубокая йога неразделимых метода и мудро-

сти, побуждаемая великим состраданием, являющимся свечением погруженной в природе явлений, или таковости, изначальной мудрости. Вследствие [побуждения] три мира бытия проявляются [в этой йоге] в виде устройства трех мандал Ваджракилаи — чистых сосуда и содержимом. Так как эта [йога] по своим характеристикам схожа с целью достижения — конечным пробуждением, она является непревзойденной действительной Килаей и Килаей-подобием, обозначенными как бодхичитта.

[357] Четвертое, [килая символической субстанции]

Как сказано в тантрах цикла этого божества, а также комментариях, аутентичной называется килая, представляющая собой субстанциальное орудие покровительствующего божества [Ваджракилаи], наделенное силой посредством субстанции, мантры и медитативного сосредоточения, а затем благословленное.

Объяснение того, что должны пронзать эти Килаи и каких препятствующих духов они должны пронзить, следующее:

Килаю осознания изначальной мудрости вонзают во все постигаемые явления, которые включены в категории явлений и личности. Вследствие такого удара пронзаются массы препятствующих духов, состоящих из двух цепляний, а также возникающих из них три яда омрачений и восемьдесят четыре тысячи подразделений полчищ врагов вместе с кармическими отпечатками. Это первое пронзание.

В это время эта изначальная мудрость осознания естественного состояния обозначена словами Vajrakīlī⁴, т. е. Килаей, которой наносится пронзающий удар, а уничтожение этой Килаей всех умопостроений цепляния за признаки обозначено словом kīlaya, т. е. «пронзать или пригвождать». Два цепляния — корень всех препятствующих духов, обозначенных фразой sarvavighnaṃ, вызывающих мучения от умопостроений двойственности. В пространстве ума Диптачакры, обозначенном слогом vaṃ, слог hūṃ побуждает Великого Великолепного [Ваджракилаю], а слог phaṭ является настоящим обозначением отсечения, происходящего при пронзании. В случае остальных [пронзаний соответствие слогов] аналогично данному.

⁴ Должно быть Vajrakīlī.

¹ О проблемах связи санскритского имени Диптачакра с 'khor lo rgyas 'debs ma, см. [Cantwell, Mayer 2008: 153–157].

² В оригинале vighnaṃḥ.

³ См.: [Khenchen Palden Sherab, Khenpo Tshewang Dongyal 2008: 105–130; Namdrol 1999: 44–48].

Килая безмерного сострадания, без предвзятости вонзившись в бесчисленное количество живых существ, наполняющих все пространство, пронзает порицаемых во всех махаянских [учениях] препятствующих духов низких мыслей (себялюбия и стремления к достижению счастья, умиротворения лишь себя), мешающих возникновению безмерного блага для других. Это второе пронзание.

Килая [абсолютной] бодхичитты наносит пронзающий удар по всем вещам внешнего мира-сосуда и его внутреннего содержания, которые проявляются сейчас как обыденные. Это полностью искореняет всех препятствующих духов вместе с кармическими ветрами, создающими загрязненные видения и мысли, и благословляет три мира, трансформируя их в град Ваджракилаи. Это третье пронзание.

Килая символической субстанции, ударив по врагам и злобным препятствующим духам, обладающим некоторыми из десяти основ освобождения¹, такими как уничтожение учения Будды, поношение глубокой тайны [учения] мантры и так далее, решительно кладет конец препятствующим духам дурных мыслей и действий, чинящим вред себе и другим, и превосходными действиями искусных методов ваджрной колесницы освобождает злобных существ, таким образом доводя до пробуждения себя и других. Это четвертое пронзание.

Три предыдущих пронзания освобождают посредством постижения главным образом собственный поток ума, последнее же [пронзание] освобождает потоки ума других посредством сострадания.

Более того, так как сила и проникающая способность великой тайны быстрого завершения двух накоплений², связанные исключительно с путем непревзойденной великой йоги, [358] не имеют себе равных, тот, кто усердствует в йоге мантры божества Ваджракилаи, обладающей таким смыслом, обретет самое удивительное из [свершений].

Смысл «освобождения» здесь следующий:

В Тантре [«Отрывок коренной тантры Килаи»] (тиб. rdo rje phur pa rtsa ba'i rgyud kyū dum bu) сказано:

¹ См. выше.

² Два накопления (тиб. tshogs gnyis) — накопление заслуг (тиб. bsod nams kyū tshogs) и мудрости (тиб. ye shes kyū tshogs).

Обязательство освобождения посредством сострадания

Не является убийством и подавлением.

Как объяснено здесь, «освобождением» не называют произвольное убийство и подавление. Дхату-сутра³ гласит: tṛ значит «плыть» и «переправляться»⁴. К этому глагольному корню добавляется аффикс kṛt⁵, создавая существительное, имеющее смысл «переправляться через реку самому» и «переправлять или освободить другого». Точно так же не следует понимать действия соединения из пары «соединения и освобождения» лишь как совокупление. Наоборот, превосходные искусные методы «соединения и освобождения» непревзойденного [учения] мантры подразумевают трансформацию яда неблагих действий совокупления с женщиной и убийства злобных существ в нектар своего и чужого пробуждения посредством эликсира ясного постижения. Поэтому вопрос о том, имеет ли «соединение» значение «свокупление» и может ли этот термин быть использован по отношению к нему, является объектом для глубокого исследования. Видимо, следует утверждать, что пресечение жизненной силы врага ударом килы символической субстанции согласно цитате из Тантры, приведенной выше, не является убийством, так как это «освобождение»⁶.

Буквальный смысл «освобождающей Килаи» и слов kīlī и kīlaṃ, подразумевающих удары ею, следующий. Дхату-сутра гласит: kīla значит «связывать»⁷. [359] В со-

³ Дхату-сутра (dhātusūtra санскр. тиб. byings kyū mdo) — антология глагольных корней и основ санскрита.

⁴ Tṛ plavanataraṇayoḥ 1.1124 ||.

⁵ Аффикс, используемый в санскрите для образования существительных от корней.

⁶ В тибетском тексте написано gsos pa («оживление, восстановление»), но, видимо, это описка. Исходя из параллелизма контекста, на месте gsos pa должно стоять sgröl ba («освобождение»).

⁷ В тибетском тексте написано 'tshang pa byed pa («давить, набивать»), но, видимо, это описка. В Дхату-сутре сказано kīla bandhane 1.602 || «kīla (kīl) значит связывать». Таким образом, вместо тибетского глагола 'tshang pa должен стоять глагол 'ching ba «связывать». Санскритский глагол kīl имеет значения «связывать, колоть, пригвоздить».

ответствии с правилом грамматики «Сарасвата»¹ «аффиксы ik и śtip [используются] для указания на глагольную основу [или корень]»², к вышеприведенному корню [kīla (kīl)] присоединяется аффикс ik (i), к последнему [аффиксу] присоединяется аффикс пятой парадигмы спряжения³ (повелительного наклонения) действительного залога⁴ второго лица единственного числа 'hi'⁵. Хотя похоже, что это так, этот вопрос необходимо исследовать.

Хотя препятствующие духи названы vighnam, я думаю, здесь могла быть присоединена анусвара⁶ аффикса «am» второго (то есть винительного падежа). Так как в восприятии обычных людей Владыка Победоносных Падмасамбхава устранил все препятствия в Янглешо в Непале и демонстрировал обретение высшего сиддхи махамудры⁷, опираясь именно на это высшее божество, для его последователей эта практика благоприятна и великолепна, более того, предназначенное божество обретается силой великой заслуги, поэтому из всех сил необходимо усердствовать в практике мантры этого высшего божества.

Сущность глубокого, тайного и непревзойденного учения — Четыре «пронзания» Килаи деяний — Высшее устное наставление держателей знания школы старых переводов. Всегда держи его, не оставляя, в сердцевине [лотоса] сердца. Освободив себя посредством постижения действий этого высшего пути, Великим состраданием освобождают других необузданных существ, Затем, завершив восхождение по четырем

¹ Сарасвата (санскр. Sārasvata-vyākaraṇa; тиб. dbyangs can brda sprod) — грамматика санскрита, написанная Анухути Сварупачарьей (Anubhūti-svarūpāchārya) в 12 в.

² На санскрите: ikśtipau dhātunirdeśe.

³ В тибетском тексте ошибочно написано ranu+tsa mА вместо ranu+tsa mI, санскритский эквивалент райсамī ('пятая') здесь обозначает пятую парадигму глагольного спряжения (санскр. loṭ lakāra) или повелительное наклонение.

⁴ На санскрите: parasmaipada.

⁵ По всей видимости, здесь автор объясняет образование словоформ kīli kīlaya.

⁶ Анусвара (санскр. anusvāra) — диакритический знак, обозначающий носовой призвук, либо назализацию гласного в санскрите. Обозначается точкой (бинду).

⁷ Будучи на самом деле уже пробужденным к тому моменту.

уровням держателей знания⁸, Пусть я достигну высшего уровня Ваджакилаи.

Колофон

Это «Краткое объяснение смысла коренной мантры высшего божества деяний Ваджракилайи „Сердечная сущность старика-держателя знаний школы старых переводов“» [360] было написано в виде записок для самого себя обладающим благой удачей монахом, практикующим [тайную] мантру, Кунсанг Шепе Дордже (1903–1957), получившим доводящее до созревания [посвящение] и освобождающее [руководство] этого учения от Защитника Манджуири во плоти⁹, Ваджрадхары, провозглашающего бесстрашным львиным рыком тайную и глубокую ваджрную песню проявленного пробуждения четырех пронзаний, и от наследника Падма[самбхавы]¹⁰, повелевающего как только пожелает глубокими учениями-сокровищами Килаи действий. Пусть это станет добродетелью! [361]

Заключение

Исследование данного комментария позволяет глубже проникнуть в религиозные представления последователей тантрической ветви тибетского буддизма о мантре Ваджракилайи. Комментарий не только представляет интерпретацию составляющих элементов мантры Ваджакилайи, но и проводит морфемный анализ санскритских терминов, позволяя нам получить некоторое представление о знании санскрита в тибетских буддийских кругах. Само существование этого и других подобных комментариев к мантрам говорит о том, что последователи ваджраяны в Тибете не только следовали религиозному учению, но и пытались про-

⁸ Четыре уровня держателя знания (тиб. rig 'dzin gnam bzhi): 1) держатель знания полного созревания (тиб. gnam smin rig 'dzin), 2) держатель знания долгой жизни (тиб. tshe la dbang ba'i rig 'dzin), 3) держатель знания махамудры (тиб. phyag rgya chen po'i rig 'dzin), 4) держатель знания спонтанного присутствия (тиб. lhun gyis grub pa'i rig 'dzin).

⁹ Здесь подразумевается учитель автора — Драгкар геше Лобсанг Тендзин Ньендраг (тиб. brag dkar dge bshes blo bzang bstan 'dzin snyan grags; 1866–1928).

¹⁰ Здесь подразумевается учитель автора — тертон Лераб-лингпа (тиб. gter ston las rab gling pa; 1856–1927).

никнуть в его суть, изучая смысл и составляющие мантр различных тантрических бо- жеств.

Источники

mdo sngags chos kyi rgya mtsho 2006 — mdo sngags chos kyi rgya mtsho. rdo rje phur ba'i rtsa sngags kyi don cung zad bshad pa snga 'gyur rig 'dzin rgan po'i thugs bcud (= Краткое объяснение смысла коренной мантры Ваджракилаи «Сердечная сущность старика-держателя знаний школы старых переводов») // snyan dgon sprul sku gsung rab pa'i gsung 'bum. Vol. 2 (za). Чэнду: Сычуаньское народ. изд- во, 2006. Pp. 354–361.

Литература

- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Комментарии на Стослоговую мантру Ваджрасаттвы // К русскоязычному буддийскому канону: мат- лы II Всерос. практ. конф. переводчиков буддийских текстов (г. Москва, 4–6 декабря 2020 г.). М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2021. С. 227–257.
- Boord 1993 — *Boord Martin.* Cult of the Deity Vajrakila. Tring: Institute of Buddhist Studies, 1993. 271 p.
- Buswell, Lopez 2014 — *Buswell Robert E. Jr., Lopez Donald S. Jr.* Princeton Dictionary of Buddhism. Princeton: Princeton University Press, 2014. 1304 p.
- bying gi mdo 2005 — bying gi mdo («Дхату- сутра») // bstan 'gyur (dpe bsdur ma). Vol. 120. Beijing: China Tibetology Press. 2005. Pp. 50–72.
- Cantwell, Mayer 2008 — *Cantwell C., Mayer R.* Early Tibetan Documents on Phur pa from Dun- huang // Philosophisch-Historische Klasse); 370. Bd. The Austrian Academy of Sciences Press. 2008. Pp. ix, 228.
- Cantwell, Mayer 2013 — *Cantwell C., Mayer R.* The Bon Ka ba nag po and the Rnying ma phur pa tradition // Journal of the international association for Bon research. Vol. 1. 2013. Pp. 37–53.
- Garchen 2022 — *Garchen Könchog Gyaltsen.* Va- jrakilaya: A Complete Guide with Experiential Instructions. Boulder: Snow Lion Publications, 2022. 504 p.
- Dongak Chokyi Gyatso 2014 — *Dongak Chokyi Gyatso.* Memorandum on the Subject of Mahāmudrā and Dzogchen Instructions [электронный ресурс] // Memorandum on Mahāmudrā and Dzogchen. Tibetan Mas- ters / trls. by A. Pearcey. 2014. URL: [https://](https://www.lotsawahouse.org/tibetan-masters/dongak-chokyi-gyatso/memorandum-mahamudra-dzogchen)

Сокращения

письм.-монг. — письменно-монгольский
санскр. — санскрит
тиб. — тибетский

Sources

Dongak Chokyi Gyatso. A Brief Explanation of the Meaning of the Root Mantra of Vajrakīlaya [Titled] 'The Heart Essence from an Old Man [Who] Holds Knowledge of the Old Translations School'. In: Sungrab Tulku. Collected Works. Vol. 2 (za). Chengdu: Sichuan People's Publ. House, 2006. Pp. 354–361. (In Tib.)

www.lotsawahouse.org/tibetan-masters/dongak-chokyi-gyatso/memorandum-mahamudra-dzogchen (дата обращения: 10.12.2021).

Dongak Chokyi Gyatso 2016 — *Dongak Chokyi Gyatso.* Commentary on Some Terms from the Great Perfection // Some Terms from the Great Perfection. Tibetan Masters / trls. by A. Pearcey. 2016. URL: <https://www.lotsawahouse.org/tibetan-masters/dongak-chokyi-gyatso/commentary-on-some-dzogchen-terms> (дата обращения: 10.12.2021).

'jam dbyangs kun dga' bsod nams 2007 — 'jam dbyangs kun dga' bsod nams. dpal rdo rje gzhon nu'i khro bo'i sgrub thabs («Садхана гневного Ваджракумары») // gsung 'bum. Vol. 1. Kathmandu: Sachen International, 2007. Pp. 621–630.

Mayer 1996 — *Mayer Robert.* A Scripture of the Ancient Tantra Collection: The Phur-pa bcu-gnyis. Oxford: Kindsdale Publications. 1996. 468 p.

Khenchen Palden Sherab, Khenpo Tsewang Dongyal 2008 — *Khenchen Palden Sherab, Khenpo Tsewang Dongyal.* The dark red amulet: oral instructions on the practice of Vajrakilaya. Ithaca: Snow Lion Publications, 2008. 209 p.

Mahāsukhavajra 1996 — Mahāsukhavajra. gtum chen drag po'i mngon par rtogs pa («Абхисамайе Чандамахарошаны») // bstan 'gyur (dpe bsdur ma). Vol. 14. 1996. Pp. 1748–1762.

Monier-Williams 1899 — *Monier-Williams Monier.* A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. Oxford: The Clarendon press, 1899. 1333 p.

Namdrol 1999 — *Khenpo Namdrol.* The Practice of Vajrakilaya. Ithaca: Snow Lion Publications, 1999. 86 p.

- Pearcey 2013 — *Pearcey Adam*. Dongak Chokyi Gyatso [электронный ресурс] // Treasury of Lives. March 2013. URL: <https://treasuryoflives.org/biographies/view/Dongak-Chokyi-Gyatso/7945> (дата обращения: 13.12.2021).
- Pearcey 2021 — *Pearcey Adam S.* Uniting Dge lugs and Rnying ma Views: The Ris med Philosophy of Blo bzang mdo sngags Chos kyi rgya mtsho (1903–1957) // Nonsectarianism (ris med) in Nineteenth- and Twentieth-Century Eastern Tibet: Religious Diffusion and Cross-fertilization beyond the Reach of the Central Tibetan Government / Mathes K.-D., Coura G. (eds.). Leiden: Brill, 2021. Pp. 81–92.
- rab gsal zla ba 1994 — rab gsal zla ba. rdo rje phur pa rtsa ba'i rgyud kyi dum bu («Отрывок коренной тантры Килайи») // gsung 'bum. Vol. 21. Delhi: Shechen publications, 1994. Pp. 71–76.
- 'jigs med bstan pa'i nyi ma — rdo grub chen 'jigs med bstan pa'i nyi ma. gsung 'bum. Vol. 6. si khron mi rigs dpe skrun khang. 2003. Pp. 218–254.
- rdo rje sder mo 1994 — rdo rje sder mo («Ваджрные когти») // gzungs 'dus. Delhi: dkon mchog lha bris, 1994. Pp. 217–235.
- sgrub thabs 1998 — sgrub thabs. gnod sbyin gyi rgyal po phur bus 'debs pa'i sgrub thabs («Садхана царя якшей Киликила») // bstan 'gyur (dpe bsdur ma). Vol. 24. Beijing: China Tibetology Press. 1998. Pp. 1355–1357.
- si tu chos kyi 'byung gnas 2004 — si tu chos kyi 'byung gnas. mstho ldan ma'i brda sprod pa'i rab byed («Сарасвата-вьякраны») // sgra dang sdeb sbyor. 2004. Pp. 381–602.
- Tanaka 2018 — *Tanaka Kimiaki*. An Illustrated History of the Mandala: From Its Genesis to the Kālacakratantra. Somerville: Wisdom Publications, 2018. 344 p.
- Yelle 2003 — *Yelle Robert A.* Explaining mantras: Ritual, rhetoric, and the dream of a natural language in Hindu tantra. New York: Routledge, 2003. 175 p.
- Wallace 2017 — *Wallace Alan B.* Open mind: view and meditation in the lineage of Lerab Lingpa. Somerville: Wisdom Publications, 2017. 424 p.

References

- Boord M. Cult of the Deity Vajrakila. Tring: Institute of Buddhist Studies, 1993. 271 p. (In Eng.)
- Buswell R. E. Jr., Lopez D. S. Jr. Princeton Dictionary of Buddhism. Princeton: Princeton University Press, 2014. 1304 p. (In Eng.)
- Cantwell C., Mayer R. Early Tibetan Documents on Phur pa from Dunhuang. Ser. 'Philosophisch-Historische Klasse'. Vol. 370. Wien: Austrian Academy of Sciences, 2008. IX, 228 p. (In Eng.)
- Cantwell C., Mayer R. The Bon Ka ba nag po and the Rnying ma phur pa tradition. *Journal of the International Association for Bon Research*. 2013. Vol. 1. Pp. 37–53. (In Eng.)
- Dhātu-sūtra. In: Tengyur / Bstan 'gyur (dpe bsdur ma). Vol. 120. Beijing: China Tibetology Press, 2005. Pp. 50–72. (In Tib.)
- Dodrupchen Jigme Tenpe Nyima. In: Gsung 'bum. Vol. 6. Chengdu: Si khron mi rigs dpe skrun khang, 2003. Pp. 218–254. (In Tib.)
- Dongak Chokyi Gyatso. Commentary on some terms from the Great Perfection. In: Some Terms from the Great Perfection. Tibetan Masters. A. Pearcey (transl.). 2016. Available at: <https://www.lotsawahouse.org/tibetan-masters/dongak-chokyi-gyatso/commentary-on-some-dzogchen-terms> (accessed: December 10, 2021). (In Eng.)
- Dongak Chokyi Gyatso. Memorandum on the subject of Mahāmudrā and Dzogchen instructions. In: Memorandum on Mahāmudrā and Dzogchen. Tibetan Masters. A. Pearcey (transl.). 2014. Available at: <https://www.lotsawahouse.org/tibetan-masters/dongak-chokyi-gyatso/memorandum-mahamudra-dzogchen> (accessed: December 10, 2021). (In Eng.)
- Garchen Könchog Gyaltsen. Vajrakilaya: A Complete Guide with Experiential Instructions. Boulder: Snow Lion Publications, 2022. 504 p. (In Eng.)
- Jamyang Kunga Sonam. Sadhana of Wrathful Vajrakumāra. In: Gsung 'bum. Vol. 1. Kathmandu: Sachen International, 2007. Pp. 621–630. (In Tib.)
- Khenchen Palden Sherab, Khenpo Tsewang Dongyal. The Dark Red Amulet: Oral Instructions on the Practice of Vajrakilaya. Ithaca: Snow Lion Publications, 2008. 209 p. (In Eng.)
- Khenpo Namdrol. The Practice of Vajrakilaya. Ithaca: Snow Lion Publications, 1999. 86 p. (In Eng.)
- Mahāsukhavajra. Abhisamaya of Chandamaharoshana. In: Tengyur / Bstan 'gyur (dpe bsdur ma). Vol. 14. 1996. Pp. 1748–1762. (In Tib.)
- Mayer R. A Scripture of the Ancient Tantra Collection: The Phur-pa bcu-gnyis. Oxford: Kinsdale Publications, 1996. 468 p. (In Eng.)
- Mitruév B. L. Comments on the Hundred Syllable Vajrasattva Mantra. In: Towards the Russian-Language Buddhist Cannon. Conference proceedings (Moscow; December 4–6, 2020). Moscow: Save Tibet Foundation, 2021. Pp. 227–257. (In Russ.)

- Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Oxford: The Clarendon Press, 1899. 1333 p. (In Eng. and Sanskrit)
- Pearcey A. Dongak Chokyi Gyatso. On: Treasury of Lives. Posted in March of 2013. Available at: <https://treasuryoflives.org/biographies/view/Dongak-Chokyi-Gyatso/7945> (accessed: December 13, 2021). (In Eng.)
- Pearcey A. S. Uniting Dge lugs and Rnying ma views: The Ris med philosophy of Blo bzang mdo sngags Chos kyi rgya mtsho (1903–1957). In: Mathes K.-D., Coura G. (eds.) Nonsectarianism (ris med) in Nineteenth- and Twentieth-Century Eastern Tibet: Religious Diffusion and Cross-Fertilization beyond the Reach of the Central Tibetan Government. Leiden: Brill, 2021. Pp. 81–92. (In Eng.)
- Rab gsal zla ba. Vajrakīlaya Root Tantra Section. In: Gsung 'bum. Vol. 21. Delhi: Shechen Publications, 1994. Pp. 71–76. (In Tib.)
- Sādhana of the Yakṣa King Kīlikīla. In: Tengyur / Bstan 'gyur (dpe bsdur ma). Vol. 24. Beijing: China Tibetology Press, 1998. Pp. 1355–1357. (In Tib.)
- Situ Chokyi Jungne. Sāraswata Vyākaraṇa. In: Sgra dang sdeb sbyor. 2004. Pp. 381–602. (In Tib.)
- Tanaka K. An Illustrated History of the Mandala: From Its Genesis to the Kālacakratāntra. Somerville: Wisdom Publications, 2018. 344 p. (In Eng.)
- Vajra Claws. In: Gzungs 'dus. Delhi: Dkon mchog lha bris, 1994. Pp. 217–235. (In Tib.)
- Wallace A. B. Open Mind: View and Meditation in the Lineage of Lerab Lingpa. Somerville: Wisdom Publications, 2017. 424 p. (In Eng.)
- Yelle R. A. Explaining Mantras: Ritual, Rhetoric, and the Dream of a Natural Language in Hindu Tantra. New York: Routledge, 2003. 175 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 1, pp. 105–121, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-105-121

Изучение цоколя северной стены городища *Башанта-I* эпохи Хазарского каганата

Мария Александровна Очир-Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Очир-Горяева М. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Изучение городища *Башанта-I* находится еще на начальной стадии. Археологические работы были проведены здесь в течение трех сезонов (2010, 2015 и 2018 гг.). В 2018 г. ввиду чрезвычайной засухи впервые появилась возможность провести раскопки на дне лимана. В раскопе 4, а также в 12 разведочных шурфах на дне озера был обнаружен цоколь стены, сложенный из трех (иногда четырех) рядов крупных ракушечных блоков, общей протяженностью 189 м. Прослеженная часть цоколя составляет примерно две трети предполагаемой протяженности северной крепостной стены. *Цель* статьи — осветить результаты изучения каменного цоколя северной стены городища *Башанта-I* эпохи Хазарского каганата. *Материалы и методы.* С 2015 г. совместная археологическая экспедиция Калмыцкого научного центра РАН и Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан под руководством автора статьи ведет комплексные исследования попеременно на двух городищах *Башанта-I* и *Башанта-II* с применением методов ГИС. По образцам костей животных получены пять радиоуглеродных дат, дающих основание полагать, что *Башанта-I* и *Башанта-II* являются наиболее ранними на территории домена хазарского кагана. Анализ массового материала — амфор причерноморского типа подтверждает результаты радиоуглеродного анализа. На городище *Башанта-I* проведены геофизические исследования, выполнены технологические и типологические исследования амфорной керамики. На мысу в центральной части побережья в раскопе 2 (252 км²) были обнаружены следы каменного строения размерами примерно 14х16 м. В северо-восточном углу здания обнаружен камень с тамгой. Многочисленные находки из раскопа состоят из обтесанных строительных камней, амфорного боя, черепицы, фрагментов штукатурки и костей животных. *Результаты.* Судя по выявленной части цоколя северной крепостной стены, *Башанта-I* пополняет собой число укрепленных крепостей (тип 2) Хазарского каганата в степной зоне, хотя изогнутая в виде гофра-дуги стена на каменном цоколе является уникальной и отличает ее всех городищ Донской агломерации Хазарского каганата, имеющих геометрические формы.

Ключевые слова: Хазарский каганат, эпоха раннего средневековья, крепости, городища, черепица, амфоры причерноморского типа, Башанта, волго-маньчские степи

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6) и в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)».

Для цитирования: Очир-Горяева М. А. Изучение цоколя северной стены городища *Башанта-I* эпохи Хазарского каганата // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 105–121. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-105-121

Hillfort of Bashanta-I from the Khazar Era: Exploring the Northern Wall Base

Maria A. Ochir-Goryaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Ochir-Goryaeva M. A., 2022

Abstract. Introduction. The investigation of Bashanta-I hillfort is at its initial stage nowadays. The site has witnessed only three exploration seasons (2010, 2015 and 2018). The utmost drought of 2018 made it possible to perform excavations in the estuary (*liman*) bed. Dig 4 and twelve shovel test pits revealed a 189 meter long wall base consisting of three to four layers of shelly limestone. The traceable part is approximately two thirds of the supposed length of the northern wall base. **Goals.** The article introduces results of investigation works done along the baseline of the northern wall on the site of Bashanta-I dated to the Khazar era. **Materials and methods.** Since 2015 the joint archaeological expedition of Kalmyk Scientific Center (RAS) and Khalikov Institute of Archaeology (Tatarstan Academy of Sciences) has been comprehensively exploring Bashanta-I and Bashanta-II hillforts with the aid of GIS methods. The five obtained radiocarbon dates of animal bones suggest that Bashanta-I and Bashanta-II are earliest available archaeological sites of the Khazar Khaganate. Analysis of large scale materials — Black Sea type amphorae — confirm the results of radiocarbon dating. The hillfort of Bashanta-I was investigated for geophysical parameters, special attention was paid to technological and typological properties of amphora ceramics. Dig 2 in the central part of the shore (and specifically the cape proper) proved to contain traces of a stone building sized 14x16 m. In its northeastern corner there was discovered a stone with a *tamga*. The multiple finds from the dig comprise hewn stones, amphora fragments, roof tiles, plaster and animal bones. **Results.** The identified part of the northern wall base in Bashanta-I attests to that the latter is actually another strong hillfort (Type 2) of the Khazar Khaganate in the steppe zone, while its *gauffre*-shaped wall on the stone base is unique and distinguishes it from all geometrically shaped settlements across the Don agglomeration of the Khazar era.

Keywords: Khazar Khaganate, Early Middle Ages, fortress, hillfort, roof tiles, Black Sea amphorae, Bashanta, Volga-Manych steppe

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’ and State Program of Tatarstan ‘Preservation of Tatar National Identity, 2020–2024’.

For citation: Ochir-Goryaeva M. A. Hillfort of Bashanta-I from the Khazar Era: Exploring the Northern Wall Base. *Oriental Studies*. 2022; 15 (1): 105–121. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-105-121

Введение

Длительное время изучение поселенческих памятников эпохи Хазарского каганата в степной зоне опиралось на материалы одних и тех же городищ, сосредоточенных в нижнем течении р. Дон: Саркел – Белая Вежа [Артамонов 1962], Правобережное Цимлянское городище [Ляпушкин 1958: 85–150; Плетнева 1995: 271–369; Флеров 1995: 441–516], Семикаракорское городище [Флеров 2001: 56–70].

Открытие в конце 1990-х гг. городища *Саркел-3* у Камышовой балки не изменило ситуации, так как памятник был оставлен без дальнейших исследований [Семенов, Ларенок 1999: 25–33]. Выявление в нижних слоях городища *Самосделка* в дельте р. Волги материалов IX–X вв., т. е. конца хазарской эпохи стало началом сдвига [Васильев, Зиливинская 2008: 224–226].

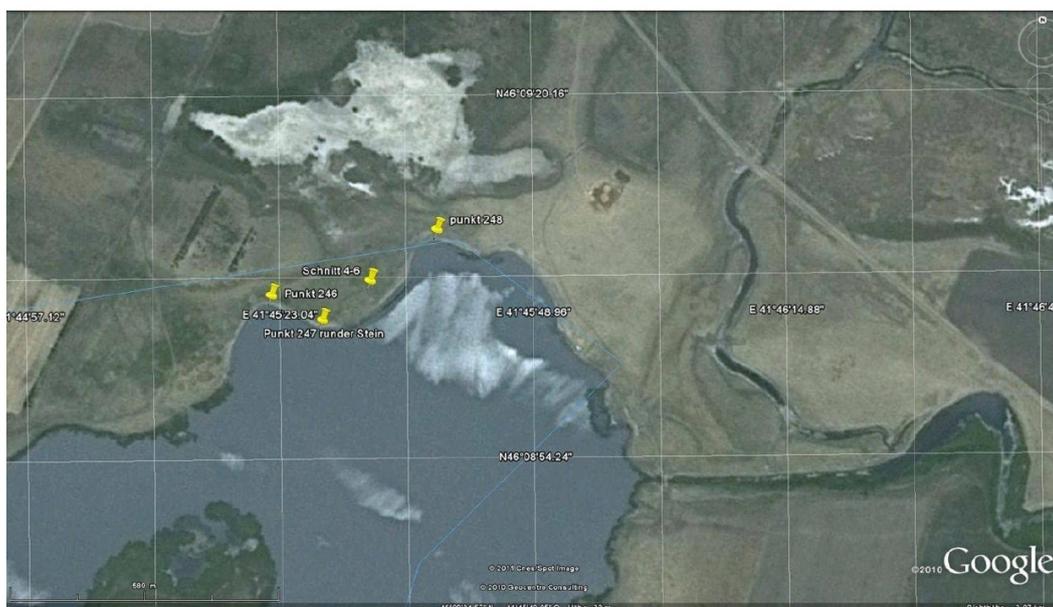
Открытие в 2008 и 2015 гг. сразу двух новых поселенческих памятников *Башанта-I* и *Башанта-II* и их комплексное изучение внесло дальнейшую динамику в изменении привычных представлений [Флеров 2017: 295].

В последние два года открыто и начато изучение еще одного поселенческого па-

мятника в низовьях р. Волги — Семибугры, материалы которого имеют потенциал открытия последующих новых страниц в хазарской археологии [Котеньков, Тимофеев, Соловьев 2020: 72–76].

Каждый полевой сезон на новых памятниках приносит новые детали и черты, требующие осмысления и определения их значения в общем контексте. Настоящая работа посвящена краткому описанию каменного цоколя северной стены городища *Башанта-I* эпохи Хазарского каганата.

Поселение *Башанта-I* расположено в Городовиковском районе Республики Калмыкия вдоль северного берега озера-лимана Чапаевское (калмыцкое название — Цаган-нур), который представляет собой изогнутую линию, напоминающую форму натянутого лука. Выступающий мыс в центре северного берега с востока и запада переходит в две симметрично расположенные, восточную и западную, бухты правильной полукруглой формы. Территория памятника маркируется поверхностными находками в виде амфорного боя, фрагментов черепицы (керамидов и калиптеров), а также крупными строительными блоками из белого камня-ракушечника (карта 1).

Карта 1. *Башанта-I-2018*. Северная береговая линия лимана-озера с поверхностными находками, маркирующими границы памятника

[Map 1. *Bashanta-I*. 2018. Northern shoreline with surface finds marking borders of the site]

Вдоль линии побережья археологами были зарегистрированы 42 тесаных каменных блока, вывернутых из земли с помощью тяжелой техники в процессе строительства дамбы вокруг северного побережья озера. Длина камней варьируется от 25 до 70 см, ширина — от 20 до 45 см, высота — от 10 до 30 см. По расположению поверхностных находок и заложенным шурфам определены границы наземной части памятника. Она занимает прибрежную полосу шириной в 50–100 м вдоль северного берега лимана протяженностью в 600 м.

Весна и лето 2018 г. оказались очень засушливыми, поэтому впервые за 10 лет со дня открытия археологического памятника — городища *Башанта-I*, — дно лимана-озера Чапаевское (Цаган-нур) высохло полностью, что создало условия для изучения подводной части памятника. Для проведения раскопок вдоль северного побережья в нашем распоряжении оказалась полоса придонной части лимана-озера шириной максимально 50 м, в некоторых местах — более узкая полоса до 30 м.

У восточного края мыса были обнаружены на поверхности края нескольких каменных блоков, покрытых донным илом, мощностью до 10–15 см. Каменные блоки

были положены плотно друг к другу, образуя кладку, т. е. были частями единой конструкции. Так был обнаружен фрагмент цоколя стены шириной 1,3–1,5 м, сложенного из каменных блоков.

Цель статьи — осветить в краткой форме результаты изучения каменного цоколя северной стены городища *Башанта-I* эпохи Хазарского каганата.

Описание Раскопа 4

На месте обнаружения каменной кладки были срезаны заросли камыша и, согласно сплошной нумерации раскопов, осуществленных археологической экспедицией начиная с 2010 г., заложен Раскоп 4. Форма и размеры раскопа были продиктованы расположением каменной кладки, растянутой в широтном направлении на узкой полосе между берегом и началом топкого ила. В ширину на этой полосе уместилось три квадрата по 2 м (А, В, С), длина раскопа была определена по месту, где кладка каменной заканчивалась — получилось 10 квадратов по 2 м. В ходе работ была сделана прирезка с южной стороны раскопа. Общая площадь раскопа составила 132 м². Площадь раскопа была замерена на тахеометре, сделаны фотографии, и начато вскрытие площади раскопа (рис. 1).

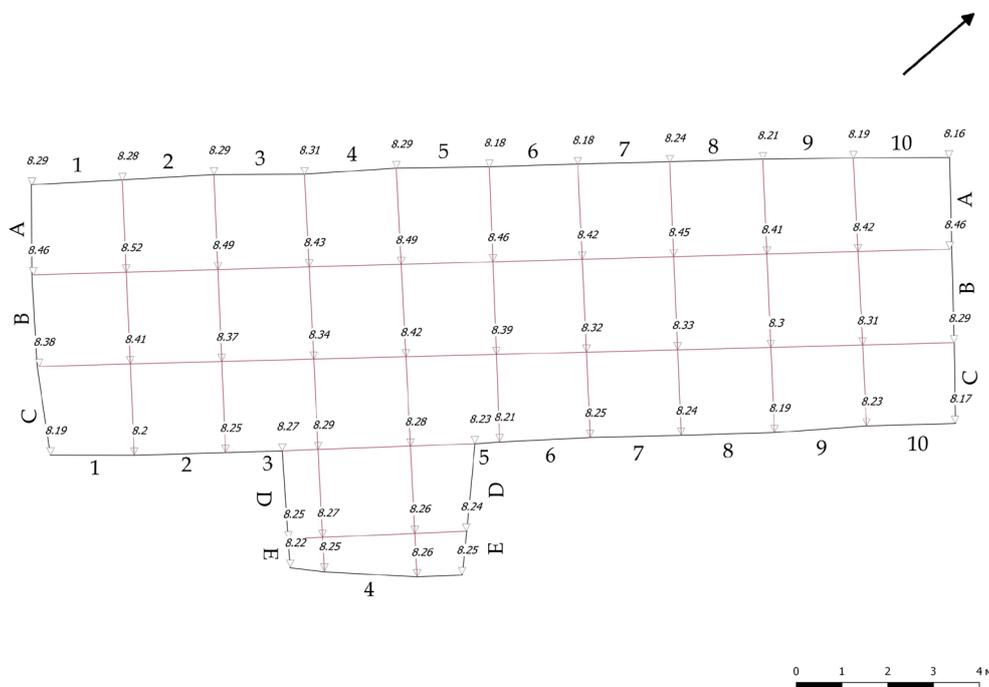

Рис. 1. *Башанта-I*-2018. Раскоп 4. Уровень 0.

Тахеометрическая съемка. План

[Fig. 1. *Bashanta-I*. 2018. Dig 4. Level 0. Tacheometric survey. Plan]

После вскрытия всей площади раскопа были обнажены полностью камни цоколя стены, идущей по прямой линии в широтном направлении. Ширина цоколя варьировала от 1,3 м до 1,5 м. Сложен он был из прямоугольных блоков ракушечника разных размеров (таблица 1). В самом начале

раскопа, в квадратах В2 и С2, три камня крупных размеров были положены поперек кладки, остальные блоки до последнего в данном раскопе были расположены вдоль длины цоколя по 3, иногда по 4 блока в один ряд (рис. 2).

Таблица 1. Башанта-I. 2018. Раскоп 4. Размеры каменных блоков
[Table 1. Bashanta-I. 2018. Dig 4. Parameters of stone blocks]

№	Длина	Ширина	Толщина	Примечание
1	100	55	23–30	Из двух фрагментов, торцы полуовальные. Расположен поперек кладки
2	110	53	22	Расположен поперек кладки
3	85	52	20–12	Расположен поперек кладки
4	47	31	16	В связке с 4–6
5	74	30	10	
6	41	29	10	
7	74	28	10	В связке 7–9
8	68	28	10	
9	79	30	13	Трещина
10	74	35	10	
11	45	38	18	
12	65	32	14	
13	80	38	14	
14	65	38	14	
15	37	25	12	
16	66	21	Не очищен	
17	22	26	12	
18	90	–	13	
19	40	–	16	
20	61	34	12	
21	80	30	18	
22	59	36	13	
23	67	38	Не очищен	
24	60	40	18	
25	79	35	15	
26	66	34	10	
27	64	34	10	
28	77	41	16	
29	69	30	–	
30	71	30	–	
31	54	25	13	
32	34	29	13	
33	30	20	15	
34	50	40	15	
35	75	35	20	
36	62	42	13	насечки
37	67	36	13	
38	57	32	16	насечки
39	80	40	10	
40	74	35	17	С коркой

41	54	36	13	
42	72	45	14	
43	74	34	19	
44	98–85	35	18	
45	80	34–24	18	
46	67	35	15	С выщербинками
47	70	44	17	На краю Раскопа 4
48	30	29	14	На краю Раскопа 4

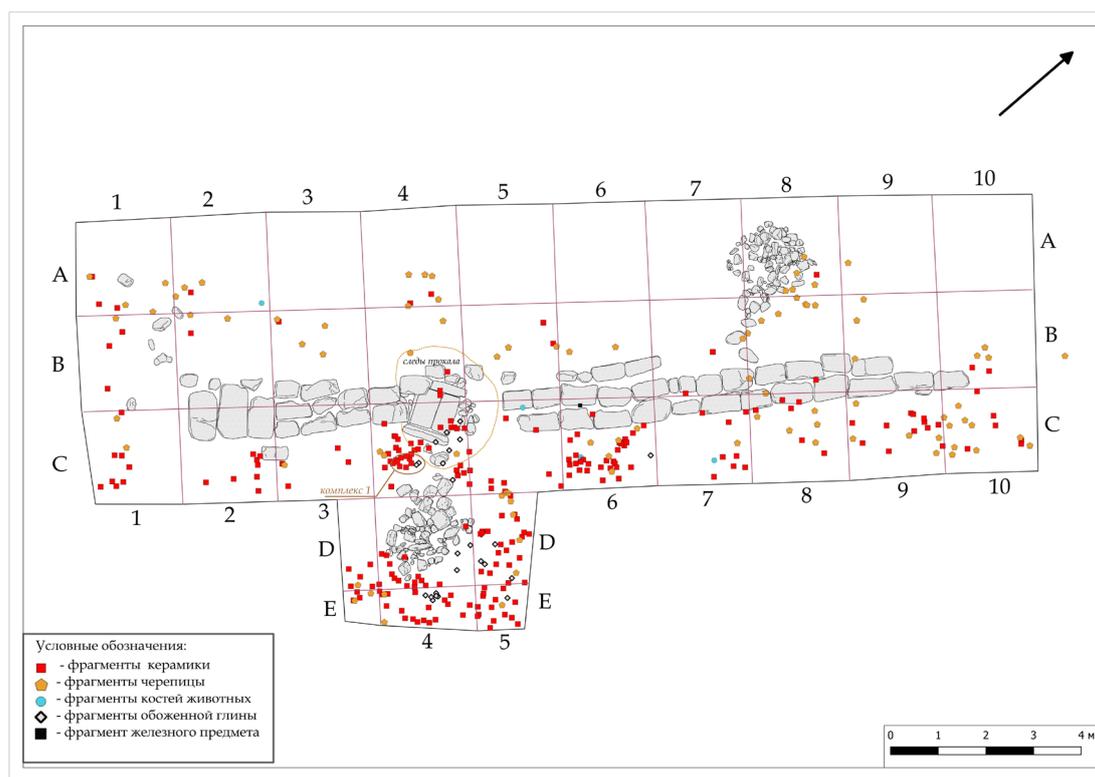

Рис. 2. Башанта-I-2018. Раскоп 4. План

[Fig. 2. Bashanta-I. 2018. Dig 4. Plan]

После вскрытия всей площади раскопа пришлось кардинально ровнять поверхность раскопа, что привело к некоторому его углублению. Грунт был снят на такую глубину, которая позволила обнажить камни кладки полностью и увидеть, что под камнями ничего нет. Другими словами, каменная кладка, обнаруженная нами, являлась самым последним слоем каменного цоколя или же просто единственным слоем камней.

В связи с тем, что работы проводились на временно подсохшем дне лимана-озера, в профиле раскопа можно было фиксировать только ровный по структуре и темному цвету донный ил с включением мелкой каменной крошки.

После заравнивания поверхности с северной стороны каменной кладки зафиксирован сплошной слой красноватой глины. С южной стороны каменной кладки уровень вскрытия получился глубже, потому что почва здесь была намного влажнее и по краям раскопа превращалась уже в вязкий ил. Что интересно, после вскрытия обнаженная поверхность ила быстро высыхала и приобретала асфальтоподобную плотность. Слой красноватой глины с южной стороны обнаружен не был. Видимо, южная сторона больше размывалась водами лимана.

Особенностью Раскопа 4 является почти полное отсутствие костей животных. Во всем раскопе найдено всего несколько фрагментов костей животных, представлен-

ных мелкими фрагментами плохой сохранности. Более или менее хорошей сохранности были: мелкий фрагмент длинной кости, обнаруженный в расщелине между двумя каменными блоками в квадрате С5. Фрагмент нижней челюсти травоядного крупного животного был обнаружен у южной стенки при разборке грунта из поддувной камеры объекта Тандыр 3.

В Раскопе 4 так же, как и в других раскопах поселения *Башанта-I*, фрагменты керамики были представлены в основном амфорным боем. Амфоры на поселении *Башанта-I* и в других раскопах и шурфах относятся к типам, определяемым специалистами как амфоры причерноморского типа [Суханов 2017: 56–75; Суханов 2018: 115–122].

Лепная керамика на городище *Башанта-I* пока не обнаружена, в то время как на синхронном соседнем поселении *Башанта-II* лепная керамика салтово-маяцкого типа является наряду с амфорами причерноморского типа регулярной находкой. В этом состоит одно из различий указанных двух поселений.

На поселении *Башанта-I* в предыдущие годы (2010–2015 гг.) в раскопах 1–3 фрагменты керамики так же, как и кости животных, были распространены по всей площади раскопа равномерно. В описываемом Раскопе 4 наблюдается иное расположение. Подавляющая часть фрагментов керамики была расположена с южной стороны каменной кладки¹.

В квадратах С1–С10, а также в прирезке квадрата D4, расположенных с южной стороны каменной кладки, были взяты 129 точек с находками фрагментов керамики, при этом значительная часть точек была взята на скоплениях керамики, поэтому общее количество фрагментов керамики в квадрате D4 по коллекционной описи насчитывает 176 штук (№ 79–117²).

В это число не вошли находки из двух скоплений керамики, обозначенных как

¹ С 2010 г., когда нашей экспедицией был приобретен электронный тахеометр, он постоянно используется нами во время раскопок. Таким образом, каждая находка фиксируется в трех измерениях с точностью до 1 см.

² Здесь и далее в скобках указаны номера находок по коллекционной описи к полевому отчету 2018 г. [Очир-Горяева 2019].

комплекс 1 и 2, в которых в общей сложности зафиксирован 91 фрагмент керамики (№ 86–89; № 90–93), среди них три амфорные ручки (№ 90–91). В остальных квадратах каждый пункт тахеометра означает единичную находку. Для сравнения: в квадратах В1–В10, расположенных с северной стороны кладки, было отмечено всего 15 точек, а в квадратах А1–А10, расположенных еще дальше на север от каменной кладки, было зафиксировано всего 7 точек с находками фрагментов керамики. Эта закономерность позволила нам предположить, что южная сторона была внутренней стороной стены, остатками каменного цоколя которой и является, по нашим представлениям, обнаруженная в Раскопе 4 каменная кладка.

Иная закономерность наблюдается в расположении фрагментов черепицы. Как с южной (квадраты С1–С10), так и с северной стороны кладки (квадраты В1–В10) насчитывается примерно одинаковое количество точек с находками фрагментов черепицы. В квадратах С1–С10 — 34 точки, а в квадратах В1–В10 — 30 точек. В более удаленных на север от каменной кладки квадратах А1–А10 отмечено 18 фрагментов черепицы. Таким образом, в отличие от амфорного боя черепица была расположена в Раскопе 4 практически равномерно по всей площади. Это обстоятельство дает нам основание предполагать, что стена была перекрыта черепицей. Поэтому фрагменты черепицы в процессе археологизации объекта падали на обе стороны стены.

Основным объектом Раскопа 4 площадью 132 м² была регулярная кладка из каменных блоков, уложенных в 3 или в 4 ряда в ширину и протяженностью 20 м. Размеры блоков стандартны для обоих городищ *Башанта-I* и *Башанта-II* и варьируют между отметками 90–40 см длиной и 50–25 см шириной (таблица 1).

Обнаруженная каменная кладка состоит из каменных блоков, положенных в один слой. Никаких признаков существования некогда второго слоя кладки пока не обнаружено. Учитывая тот момент, что климат в данном регионе никогда не был сухим, а количество осадков всегда превышало нормы осадков, характерные для сухих степных регионов, следует предполагать, что цоколь стены должен был быть более основательным, чем однослойная каменная кладка.

Мы полагаем, что один слой каменных блоков сохранился только благодаря тому, что они были заглублены в грунт, поэтому их не могли разобрать на строительство местные жители¹.

Каменные блоки крупных размеров, способ их укладки по три-четыре камня вдоль длины кладки, чередующиеся с камнями более крупных размеров, положенных поперек длины кладки, полностью совпадают с фрагментом каменной кладки, исследованной нами в 2016 г. на поселении *Башанта-II* [Очир-Горяева 2017].

В 2016 г. мы предполагали, что каменная кладка, обнаруженная в Раскопе 1 городища *Башанта-II*, являлась частью некоего каменного здания [Очир-Горяева и др. 2017: 12–55].

Каменная кладка Раскопа 4 *Башанта-I* свидетельствует об ином назначении подобных каменных кладок, а именно о назначении как каменного цоколя некоего протяженного объекта, скорее всего, стены. О назначении стены твердых данных пока не получено. Исключить ее оборонительное значение пока невозможно, но, судя по ширине стены, она, наиболее вероятно, могла быть стеной, разделяющей части городища или служащей внешней границей городища. Если рассматривать каменную кладку 2016 г. на поселении *Башанта-II* как фрагмент цоколя стены, то стена, скорее всего, служила границей центральной части поселения, расположенной на вершине холма, и отделяла центральную часть от остальной части поселения, расположенной на склонах холма [Очир-Горяева и др. 2017: 12–55].

Описание каменной кладки будет неполным, если не представить результаты разведочных работ за пределами Раскопа 4 в восточном направлении. Сочетая методы работы с металлическим щупом и расчисткой лопатами каждого камня, видимого с поверхности, в 2–3 м восточнее Раскопа 4 нами было обнаружено продолжение каменной кладки. Для того чтобы убедиться, что она представляет собой действительно регулярную кладку, нами была вскрыта полоса земли шириной в 2 штыка лопаты и длиной

¹ Вывоз камней начался, по полевым данным, еще до революции и продолжался вплоть до советского периода. Подробнее в отчете 2015 г. [Очир-Горяева 2016].

30 м. На всем протяжении прослежена беспрерывная кладка из камней (фото 1).

В юго-западном направлении от Раскопа 4 были заложены три шурфа (1,5 м x 65 м; 4 м x 4,5 м; 4 м x 6 м), в которых были выявлены отдельные каменные блоки, расположенные в створе с изученным в Раскопе 4 цоколем стены. На восток от Раскопа 4 были заложены 15 малых шурфов такой же ширины, как и длинный шурф, т. е. шириной 2 штыка лопаты. Длина шурфов варьирует между 1 м и 5 м. В шести из них были обнаружены каменные блоки в виде кладки, т. е. продолжение цоколя стены. После 100 м линия цоколя поворачивает на северо-восток и идет в виде плавно изогнутой линии вдоль побережья восточной бухты, смыкаясь с каменными блоками, исследованными в Раскопе 1². Далее на восток были заложены еще 10 шурфов размерами 1 x 1 м, в которых были зафиксированы отдельные фрагменты камней, наличие которых совпадает с направлением цоколя стены (карта 2).

Камни цоколя находятся на всем протяжении ее залегания на глубине неполного штыка лопаты, т. е. не более 17–20 см от современной поверхности дна лимана-озера. Первоначально было запланировано закладывать малые шурфы через каждые 10 м. Однако не всегда удалось соблюсти это расстояние ввиду особенностей камней и расположения самого цоколя, однако по камням мы смогли установить, что каменный цоколь продолжается в восточном направлении.

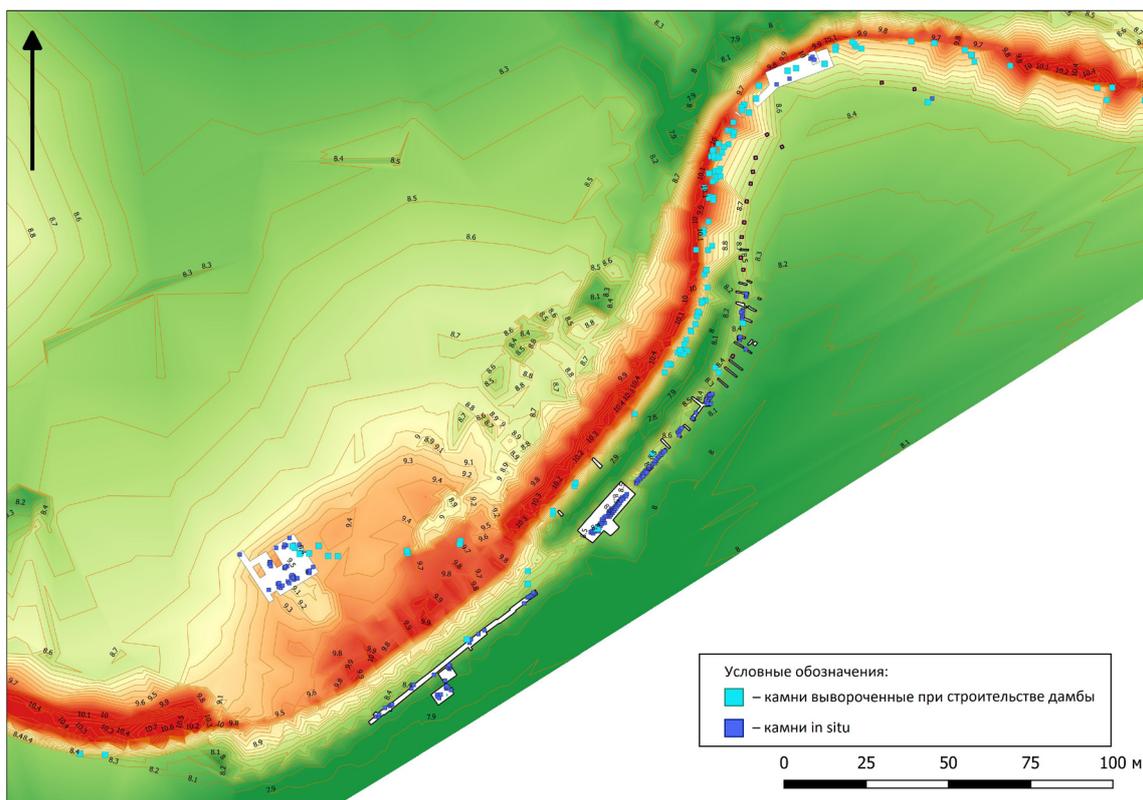
Цоколь, сложенный из одного ряда каменной-блоков, был полностью вскрыт в Раскопе 4 на длину 20 м. Здесь был вскрыт культурный слой на всю его глубину. Остальная протяженность цоколя нуждается в полноценном исследовании. Благодаря закладке длинного шурфа было установлено наличие регулярной каменной кладки цоколя стены еще на 30 м. Путем закладки остальных шурфов было установлено, что цоколь стены идет вдоль побережья восточной бухты еще 139 м.

При составлении тахеометрического плана оказалось, что ряд каменных блоков, зафиксированных нами при снятии дамбы в восточной бухте в 2015 г., смыкается с камнями цоколя, образуя единую цепь. В целом

² Работы по Раскопу 1 проводились в 2015 г.

Фото 1. Башанта-1-2018. Продолжение каменной кладки за пределами Раскопа 4 с восточной стороны. Вид сверху. Фото [Photo 1. Bashanta-I. 2018. Eastern extension of the stone wall beyond dig 4. Top view. Photo]

Карта 2. Башанта-I-2018. Общий план расположение раскопа 4, разведочных шурфов и каменных блоков, вывороченных при строительстве дамбы

[Map 2. Bashanta-I. 2018. General plan of dig 4 with shovel test pits and stone block extracted during dam construction works]

удалось проследить расположение регулярной каменной кладки цоколя стены на 189 м (карта 2).

Пока не выявлены данные о материале, высоте, назначении самой стены. По данным Раскопа 4¹, можно утверждать только то, что вершина этой стены была перекрыта черепицей в виде керамидов (плоские с внешними бортиками) и калиптеров (полуцилиндрические без бортиков). Последние перекрывали бортики двух соседних керамидов. Судя по расположению массовых находок амфорного боя с южной стороны стены, нами обнаружен цоколь северной стены поселения. Это, в свою очередь, означает, что остальные стены, если они огораживали замкнутое пространство, находятся в глубине озера-лимана.

В Раскопе 4 были обнаружены также остатки трех объектов в виде скопления камней, которые мы условно назвали Тандыр 1–3, так как внешний абрис всех трех объектов имел округлую форму, все три

объекта имели слой прокала как на камнях, так и в грунте под слоем камней, а также среди камней в большом количестве были обнаружены конкреции обожженной глины.

Объект Тандыр 1 (фото 2)

Объект располагался в квадратах А8 и В7. При снятии слоя земли были обнаружены камни, лежавшие в виде плотного скопления довольно аморфной формы. При дальнейшей зачистке была выявлена округлая форма объекта. Диаметр объекта — 1,7–1,8 м. Многие камни были розовыми внутри, что показывало: они испытали длительное и массивное воздействие огня. Камни представляют собой в большинстве фрагменты без определенной формы, только несколько из них имели более или менее прямоугольную форму. Размеры их примерно одинаковы, т. е. подбирались камни определенных размеров — 15–20 см. Мощность слоя камней варьирует в пределах 25 см. Камни расположены в один неровный слой, вероятнее всего, они составляли цоколь печи, покрытый глиняной обмазкой.

¹ Работы по Раскопу 4 проводились в 2018 г.

Фото 2. Башанта-1-2018. Раскоп 4. Уровень 1. Тандыр 1. Вид с северо-запада. Фото
 [Photo 2. Bashanta-1. 2018. Dig 4. Level 1. Tandoor 1. View from northwest. Photo]

Поэтому не было необходимости складывать камни так, чтобы верхняя поверхность была ровной. При зачистке краев объекта прослеживался последовательный слой прокала мощностью 4–5 см, ярко-красного цвета, выше которого проходил такой же последовательный слой прокала, такой же мощности, но бледно-желтого цвета. Наиболее хорошо эти слои прокала прослеживались с восточной и южной сторон объекта Тандыр 1. Среди камней объекта Тандыр 1 и вокруг него были найдены 11 фрагментов черепицы (№ 155–159), один фрагмент стенки амфоры.

Объект Тандыр 2 (рис. 3)

У южной стены раскопа в квадрате С4 были обнаружены сначала четыре камня, лежащие параллельно друг другу, под косым углом к стене, частично уходя в нее. Камни были одинаковой подквадратной формы с закругленными углами и почти одинаковыми размерами, варьирующими от 23–30 x 10–12 см. В южной стене была сделана прирезка в виде дополнительного квадрата D4 к раскопу с южной стороны, чтобы проследить дальнейшее расположение камней. В прирезке были зачищены остальные

камни объекта Тандыр 2, образующие так же, как и объект Тандыр 1, скопление камней, положенных в виде платформы округлой формы. Диаметр объекта Тандыр 2 составлял 1,9–2,1 м. Камни имеют такие же небольшие размеры, как и камни объекта Тандыр 1, и варьируют между значениями 25–40 см. На камнях также прослеживались следы прокала. Слой прокала земли — как под камнями, так и среди камней — прослеживался более четко с южной стороны.

Среди камней и вокруг объекта был обнаружен в значительном количестве амфорный бой. В целом было взято 129 пунктов замеров на тахеометр, среди них были не только единичные экземпляры, но и скопления керамики. В результате из этих пунктов насчитывается 176 фрагментов керамики. Как уже было отмечено выше, в это число не вошли находки из двух скоплений керамики, обозначенных как комплекс 1 и 2, в которых в общей сложности зафиксирован 91 фрагмент керамики (№ 86–89; № 90–93). Комплекс 1 был расположен северо-западнее объекта Тандыр 2 в 20 см от него, а Комплекс 2 был выделен среди камней объекта с южной стороны.

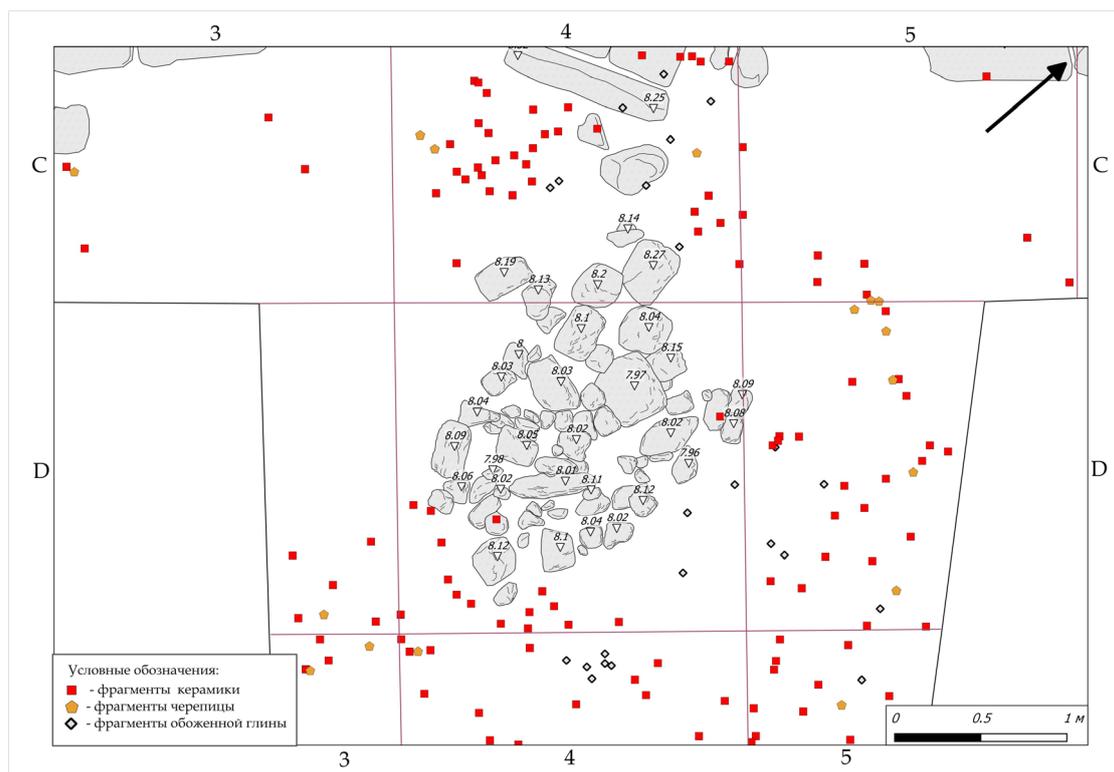

Рис. 3. Башанта-I-2018. Раскоп 4. Тандыр 2. План

[Fig. 3. Bashanta-I. 2018. Dig 4. Tandoor 2. Plan]

Дальнейшая зачистка показала, что фрагменты керамики идут сплошным слоем, как если бы они служили забутовкой или были набросаны как подстилка под ноги. Поэтому выделение в комплексы не оправдало себя, но обозначения остались. Непосредственно среди камней было найдено 17 фрагментов стенок амфор (81; 83 и 84), один фрагмент амфорного горла. Находки, выделенные в Комплекс 2, находились с южной стороны среди камней объекта Тандыр 2. В него входили 70 фрагментов стенок амфор, 3 ручки амфорные, 1 фрагмент черепицы и гладкий серый камень подпрямоугольной формы, почти плоский. По параметрам похож на точильный камень. Ребра камня заглажены до округлости, один край неровный, размеры: 15,5 x 6 см, толщина — 3,6 см.

К многочисленным находкам относятся также мелкие фракции обожженной до красного цвета глины. Они располагались на всех уровнях зачистки среди камней и вокруг объекта Тандыр 2. Многочисленность и полная прожженность глины этих глиняных конкреций до ровного красного цвета позволяет предположить, что они являются

остатками глиняных стен печи (тандыра).

Объект был первоначально обнаружен по слою прокала в форме полукруга, занимающего площадь 50–70 см с севера на юг и 150 см с запада на восток. Прокал мощностью до 30 см уходил под камни кладки с восточной и западной сторон.

Затем при зачистке выяснилось, что в пространстве, ограниченном полукругом прокала, в расположении каменных блоков кладки имеется сбой. Сбой этот выразился в том, что в этом месте вместо очередных плоско расположенных камней кладки была расположена с южного края плита, поставленная на ребро длинной стороной, размерами 92 x 42 x 15 см.

Параллельно этой плите с северной стороны на расстоянии 90 см был поставлен каменный блок размерами 98 x 22 x 22 см, подквадратной формы в разрезе. Поставленная на ребро плита и квадратный в сечении блок камня были ориентированы длинными сторонами по линии СЗЗ–ЮВВ, т. е. они были расположены не «по ходу» кладки, а как бы с разворотом на юг. После выборки земли между этими двумя камнями выяснилось,

что пространство между ними образует печную поддувную камеру, поскольку как стены, так и дно этого пространства не имели следов воздействия огня. Дно камеры было выложено двумя плоскими плитами, положенными плашмя.

Плита, положенная в глубине, была размерами 90 x 50 см, вторая плита, прилегающая к первой плите длинной стороной, имела размеры 90 x 40 см. В результате дно поддувала печи имело форму квадрата со сторонами 90 см. Перед входом в поддувную камеру была сложена из семи мелких камней своего рода полукруглая площадка. Надо полагать, вход в саму печь так же, как и поддувная камера, был направлен на юг от линии каменной кладки, что позволяло закладывать топливо и регулировать доступ воздуха с внутренней стороны стены.

Объект Тандыр 3 (рис. 4)

Судя по тому, что линия прокала проходит под камнями кладки, объект Тандыр 3 был частью стены и функционировал одновременно с ней, т. е. он был встроен в стену.

При зачистке камней объекта Тандыр 3 были найдены и зафиксированы на тахеометр 1 фрагмент черепицы и 13 фрагментов керамики. На всех уровнях зачистки встречались конкреции обожженной глины, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что основная конструкция объекта Тандыр 3 была построена из глины. А это предположение в свою очередь позволяет полагать, что сама стена была построена также из глины на каменном цоколе.

Внешний диаметр объекта Тандыр 3 составлял 240–270 см. Внешний диаметр определялся от края прокала на северной стороне кладки до края прокала на южной стороне. На северной стороне линия прокала была шириной не более 50 см, но на южную сторону каменной кладки объект Тандыр 3 выдвигался как минимум на 1 м.

С южной стороны объекта Тандыр 3 в узком пространстве между двумя объектами Тандыр 3 и Тандыр 2 было зафиксировано 15 пунктов с фрагментами керамики и 3 фрагмента черепицы. Подобная плотность находок продолжалась далее на юг в сторону объекта Тандыр 2.

В квадратах С4, D3–5 вокруг объекта Тандыр 2 было найдено 13 фрагментов черепицы и 93 фрагмента керамики. Грунт на южном краю квадрата С4 был уже влаж-

ным, а с южной стороны квадрата D4 он был уже топким и поэтому не получилось сделать ровными квадраты D3 и D5, так как местами проступала вода. Но выбранная часть грунта подсыхала очень быстро на солнце. В любом случае прирезка из одного полного квадрата D4 и двух неполных D3 и D5 показала, что в южную сторону, вглубь лимана-озера количество находок возрастает. Значит, наиболее обжитая часть поселения находится под илом лимана-озера.

Печи-тандыры известны с эпохи ранней бронзы в южных регионах Евразии: на Кавказе и в Средней Азии, где они до сих пор широко используются для приготовления пищи [Тер-Мартirosов 1975: 117–132]. Выявленные на городище *Башанта-1* основания тандырных печей отличаются большим диаметром, чем обычные тандыры. Этот момент наталкивает на предположение, что, скорее всего, они использовались для обогрева помещений или для приготовления пищи многочисленному коллективу людей, например военному подразделению.

Заключение

Расположение стены необычно, так как она совпадает с прямо оформленным краем мыса и полукруглым абрисом восточной бухты лимана-озера Чапаевское (Цаган-нур), из чего сделан вывод, что край северного берега лимана образовался по абрису некогда стоявшей стены городища, руины которой послужили препятствием для дальнейшего растекания лимана. Все находки расположены с южной стороны стены, указывая, что крепость целиком располагалась на месте, занятом ныне озером-лиманом. С северной стороны стены в Раскопе 4 почва была плотнее и смешанной с красноватой глиной, это вызвало предположение, что стена выше каменного цоколя была глинобитной. Вполне возможно, что за время существования лимана разрушенная глинобитная часть была размыта и растворена солеными водами лимана.

Изучение пока еще небольшого участка каменного цоколя стены на городище *Башанта-1* важно тем, что теперь памятник можно отнести к типу 2 укрепленных городищ Хазарского каганата [Афанасьев 2016: 41–72].

При этом приходится признать, что форма и способ строительства стены на *Ба-*

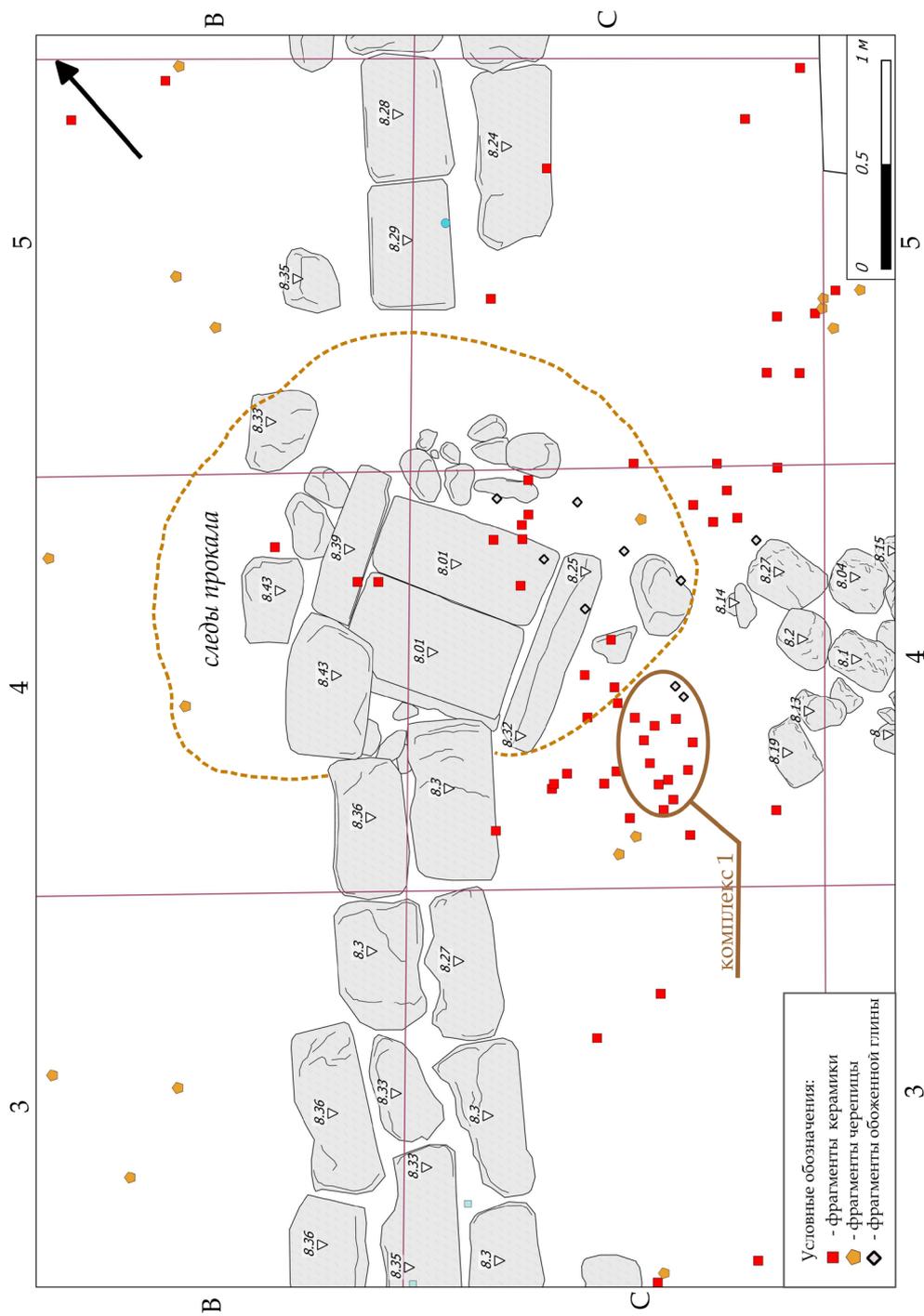

Рис. 4. Башанта-1-2018. Раскоп 4. Объект Тандор 3. План
 [Fig. 4. Bashanta-1. 2018. Dig 4. Tandoor 3. Plan]

шанте-I отличается от остальных хазарских крепостей строгой геометрической формы, построенных в рамках позднеантичной — ранневизантийской традиций. Изогнутая в виде гофры глинобитная северная стена указывает на связи с более южными среднеазиатскими строительными традициями. На территории современной Каракалпакии, южного Казахстана и востока Туркменистана, определяемого как область Туран, в среднем течении р. Сырдарьи известны многочисленные глинобитные крепости-кала, большинство которых было основано в античности или первых веках нашей эры, но

функционировали они вплоть до позднего средневековья.

В описании этих крепостей-кала используется термин «гофра» для обозначения глинобитных стен закругленных форм [Толстов 1948: 115–119; Negus Cleary 2015: 116–169]. Б. М. Вайнберг на основании письменных источников и прекрасного знания археологических памятников считает, что именно в этих краях, вокруг городища Кердер произошла консолидация хазар, основная часть которых ушла впоследствии в северо-западном направлении в восточноевропейские степи [Вайнберг 1999: 285–292].

Источники

- Очир-Горяева 2016 — Очир-Горяева М. А. Отчет об археологических исследованиях городища *Башанта* и разведках в его окрестностях в 2015 г. Элиста; Казань, 2016 // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 114. 112 л.
- Очир-Горяева 2017 — Очир-Горяева М. А. Отчет об археологических исследованиях городища *Башанта-II* и разведках в его окрестностях в 2016 г. Элиста; Казань, 2017 //

Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 117. 26 л.

- Очир-Горяева 2019 — Очир-Горяева М. А. Отчет об археологических раскопках на поселении *Башанта-I* (ОЛ 1626) и археологических разведках в его окрестностях (ОЛ 1645) в Городовиковском районе Республики Калмыкия в 2018 г. Элиста; Казань, 2019 // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 120. 86 л.

Sources

- Ochir-Goryaeva M. A. Hillfort of Bashanta II: 2016 Archaeological Investigation and Reconnaissance (Surroundings) Report. Elista, Kazan, 2017. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archives. Coll. 14. Cat. 2. File 114. 112 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Hillfort of Bashanta: 2015 Archaeological Investigation and Reconnaissance (Surroundings) Report. Elista, Kazan,

2016. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archives. Coll. 14. Cat. 2. File 117. 26 p. (In Russ.)

- Ochir-Goryaeva M. A. Settlement of Bashanta-I (Gorodovikovskiy District, Republic of Kalmykia, Russia): 2018 Archaeological Excavation and Reconnaissance (Surroundings) Report. Elista, Kazan, 2019. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archives. Coll. 14. Cat. 2. File 120. 86 p. (In Russ.)

Литература

- Артамонов 1962 — Артамонов М. А. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- Афанасьев 2016 — Афанасьев Г. Е. О территории Хазарского каганата и хазарского «домена» в IX веке // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6 / отв. ред. А. З. Винников. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. С. 41–72.
- Вайнберг 1999 — Вайнберг Б. М. Этногеография Турана с древности. VII в до н. э. – VIII в. н. э. М.: Вост. лит., 1999. 359 с.
- Васильев, Зиливинская 2008 — Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда (г. Суздаль,

20–25 октября 2008 г.). Т. II. М.: Наука, 2008. С. 224–226.

- Котеньков, Тимофеев, Соловьев 2020 — Котеньков С. А., Соловьёв Д. С., Тимофеев А. А. Археологические исследования на бугре *Семибугры-I* в Камызякском районе Астраханской области в 2019 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Сборник научных статей. Вып. XXVI. Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2020. С. 72–76.

- Ляпушкин 1958 — Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I (Материалы и исследования по археологии СССР. № 62). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 85–150.

- Плетнева 1995 — Плетнёва С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. IV. Симферополь: Таврия, 1995. С. 271–369.
- Очир-Горяева и др. 2017 — Очир-Горяева М. А., Ситдииков А. Г., Кекеев Э. А., Тэрбайр Нага, Буратаев Е. Г. Первые результаты археологических раскопок на поселении эпохи раннего средневековья *Башанта-II* // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2017. № 3 (3). С. 12–55. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-12-55
- Семенов, Ларенок 1999 — Семенов А. И., Ларенок П. А. Саркел, Саркел, еще Саркел // *Донская археология*. 1999. № 3–4. С. 25–33.
- Суханов 2017 — Суханов Е. В. Амфоры городища *Башанта-II* // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2017. № 3. С. 56–76. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-56-76
- Суханов 2018 — Суханов Е. В. Амфоры нижнедонских поселений *Башанта-I* и *Башанта-II* (предварительные результаты) // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2018. № 4. С. 115–122. DOI: 10.22162/2581-6503-2018-4-8-115-122
- Тер-Мартirosов 1975 — Тер-Мартirosов Ф. И. Античные печи из раскопок Арташата // *Вестник общественных наук*. Ереван, 1975. № 7. С. 117–132.
- Толстов 1948 — Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 359 с.
- Флеров 1995 — Флёров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. IV. Симферополь: Таврия, 1995. С. 441–516.
- Флеров 2001 — Флёров В. С. «Семикаракорь» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // *Российская археология*. № 2. 2001. С. 56–70.
- Флеров 2017 — Флеров В. С. О первых публикациях местонахождения Башанта. Неизвестная византийская миссия в Хазарию // *Хазарский альманах*. 2017. Т. 15 / ред.: О. Б. Бубенок, В. Я. Петрухин. С. 281–295.
- Negus Cleary 2015 — Negus Cleary M. Kalas and kurgans. Some Considerations on late Iron Age Pastoralism within the Central Asian Oasis of Chorasmia // *The Ecology of Pastoralism*. Edited by P. Nick Kardulias. 2015. University Press of Colorado, Boulder: University Press of Colorado, 2015. Pp. 116–169.
- Lyapushkin I. I. Saltovo-Mayaki monuments of the Don River Valley. In: *Transactions of the Volga-Don Archaeological Expedition*. Vol. I (Soviet Archaeology. Materials and Studies. No. 62). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. Pp. 85–150. (In Russ.)
- Negus Cleary M. Kalas and kurgans: Some considerations on late Iron Age pastoralism within the Central Asian oasis of Chorasmia. In: Kardulias P. N. (ed.) *The Ecology of Pastoralism*. Boulder: University Press of Colorado, 2015. Pp. 116–169. (In Eng.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Sitdikov A. G., Kekeev E. A., Naga T., Burataev E. G. Early medieval settlement of Bashanta-II: first results of archaeological excavations. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2017. No. 3 (3). Pp. 12–55. (In Russ.) DOI 10.22162/2587-6503-2017-3-3-12-55
- Pletneva S. A. Right-bank Tsimlyansk hillfort: Excavations of 1958–1959. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 1995. No. IV. Pp. 271–369. (In Russ.)
- Semenov A. I., Larenok P. A. Sarkel, Sarkel, and Sarkel. *Donskaya arkheologiya*. 1999. No. 3–4. Pp. 25–33. (In Russ.)
- Sukhanov E. V. Amphorae from Bashanta-II hillfort. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center*

References

- Afanasiev G. E. 9th-century territory of the Khazar Khaganate and Khazar ‘domain’ revisited. In: Vinnikov A. Z. (ed.) *Collected Papers of Divnogorye Nature Reserve Museum*. Vol. 6. Voronezh: Nauchnaya Kniga, 2016. Pp. 41–72. (In Russ.)
- Artamonov M. A. *Khazar History*. Leningrad: State Hermitage Museum, 1962. 523 p. (In Russ.)
- Flerov V. S. About the first publications of locations of Bashanta. Unknown Byzantine mission to Khazaria? In: Bubenok O. B., Petrukhin V. Ya. (eds.) *Khazar Almanac*. 2017. Vol. 15. Pp. 281–295. (In Russ.)
- Flerov V. S. Right-bank Tsimlyansk hillfort: excavations of 1987–1988 and 1990 revisited. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 1995. No. IV. Pp. 441–516. (In Russ.)
- Flerov V. S. Semikarakory — the fortress of Khazarian kaganate on the Lower Don. *Russian Archaeology*. 2001. No. 2. Pp. 56–70. (In Russ.)
- Kotenkov S. A., Solovyov D. S., Timofeev A. A. The hill of Semibugry-I (Kamyzyak District, Astrakhan Oblast: Archaeological surveys of 2019 revisited. In: *Preserving and Exploring Cultural Heritage of Altai Krai*. Collected scholarly papers. Vol. XXVI. Barnaul: Altai State University, 2020. Pp. 72–76. (In Russ.)

- of the RAS*. 2017. No. 3. Pp. 56–76. (In Russ.) DOI 10.22162/2587-6503-2017-3-3-56-76
- Sukhanov E. V. Amphorae from the Lower Don settlements of Bashanta-I and Bashanta-II: preliminary results of investigation. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2018. No. 4. Pp. 115–122. (In Russ.) DOI: 10.22162/2581-6503-2018-4-8-115-122
- Ter-Martirosov F. I. Ancient stoves from excavations of Artashat. *Vestnik obshchestvennykh nauk* (Yerevan). 1975. No. 7. Pp. 117–132. (In Russ.)
- Tolstov S. P. Ancient Khwarazm: A Historical and Archaeological Study. Moscow: Moscow State University, 1948. 359 p. (In Russ.)
- Vasilyev D. V., Zilivinskaya E. D. Localizing Atil: Samosdelka hillfort in the Volga Delta. In: Second (Eighteenth) National Congress of Archaeologists. Transactions (Suzdal; October 20–25, 2008). Moscow: Nauka, 2008. Vol. II. Pp. 224–226. (In Russ.)
- Weinberg B. M. Ethnogeography of Turan from Earliest Times, 7th Century BCE – 8th Century CE. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. 359 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 1, pp. 122–131, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-26

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-122-131

Частотность употребления показателей множественного числа существительных в калмыцком языке (в сравнении с монгольским и бурятским)

Анна Владимировна Мазарчук¹

¹ Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков переулок, 199053 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Мазарчук А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье обсуждается частота употребления показателей множественного числа существительных в калмыцком, бурятском и халха-монгольском языке. *Цель* исследования — выявить, насколько данный параметр отличается в разных монгольских языках (при том, что во всех перечисленных идиомах употребление маркера плюралиса считается факультативным), для дальнейшего изучения влияния окружающих языков на монгольские. *Материалы и методы.* Исследование проведено в два этапа: сначала на небольшом количестве текстов («микрорпусе» — 10 115 словоупотреблений), затем на Калмыцком (800 000 словоупотреблений) и Бурятском (2 200 000 словоупотреблений) корпусах, находящихся в открытом доступе в сети интернет. Использовался метод подсчета и сравнения полученных числовых данных. *Результаты.* Микрорпусы показывают, что маркеры плюралиса в калмыцком языке употребляются чуть реже, чем в бурятском (в калмыцком — в среднем на каждом 21-м слове; в бурятском — на каждом 18-м). «Большие» же корпуса показывают, что в калмыцком показатели множественного числа используются почти в два раза чаще, чем в бурятском (в калмыцком — на каждом 16-м; в бурятском — на каждом 36-м). Получить данные о частотности употребления маркеров плюралиса в современном монгольском языке из большого корпуса пока что технически невозможно (в монгольском микрорпусе показатели множественного числа встречаются в среднем на каждом 64-ом слове). Тем не менее числовые данные подтверждают, что и в калмыцком, и в бурятском языках маркеры плюралиса употребляются чаще, чем в монгольском. *Выводы.* Автор предполагает, что примерно в XVII в. или позднее в монгольском языке по какой-то причине мог начаться процесс сокращения частоты употребления маркеров плюралиса (есть данные, опубликованные Дж. Стритом, что в среднемонгольском языке — XIII–XVI вв. — они употреблялись в четыре раза чаще, чем в современном халха-монгольском языке). Скорее всего, этот процесс не успел коснуться бурятского

и калмыцкого языков, поскольку эти языки, отделившись от генетически родственного окружения, вероятно, в результате влияния русского языка в какой-то мере «законсервировали» рассматриваемую черту (частое употребление показателей множественного числа), причем бурятский язык еще и развил способность присоединять маркеры плюралиса к прилагательным, не субстантивируя последние.

Ключевые слова: монгольские языки, современный монгольский язык, среднемонгольский язык, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, множественное число, морфология, языковые контакты, частотность, корпусные исследования

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Взаимодействие языков в поликультурном пространстве на материале монгольских языков: сравнительный анализ калмыцкого языка, языка ойратов Монголии и бурятского языка» (проект № 19-512-44006, номер госрегистрации: АААА-А19-119080790033-3).

Для цитирования: Мазарчук А. В. Частотность употребления показателей множественного числа существительных в калмыцком языке (в сравнении с монгольским и бурятским) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 122–131. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-122-131

Frequency Use of Plurality Markers in Kalmyk Nouns (With Comparative Insights into Mongolian and Buryat)

Anna V. Mazarchuk¹

¹ Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov Lane, St. Petersburg 199053, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Mazarchuk A. V., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with the frequency use of nominal plurality markers in Kalmyk with comparative insights into Khalkha Mongolian and Buryat. *Goals.* The study aims at clarifying how different the parameter is in the Mongolic languages (given that in all the analyzed idioms the use of the plural is considered optional) for further understanding of how alterable the latter are in contacts with other languages. *Materials and methods.* The research includes two stages: 1) analysis of a ‘microcorpus’ (10.115 word tokens), 2) analysis of online Kalmyk and Buryat corpora (800.000 and 2.200.000 word tokens, respectively). The work employs methods of calculation and comparative research. *Results.* The ‘microcorpus’ study shows that plurality markers in Kalmyk discourse are used somewhat less frequently than in Buryat (each twenty first and eighteenth lexemes, respectively). Whereas the ‘big’ corpora study shows that plurality markers in Kalmyk are used twice as frequently as in Buryat. Unfortunately, currently it is technically impossible to extract relevant data from the ‘big’ Mongolian corpus. Nevertheless, the available data prove that plurality markers both in Kalmyk and Buryat are used more frequently than in modern Mongolian. *Conclusion.* The paper suggests that around the 17th century or later there must have been a decrease in the use of plurality markers by Mongolian speakers (according to J. Street, in Middle Mongolian — i.e. in the 13th-16th centuries AD — plurality markers were four times as frequent). Probably, this phenomenon had not affected Kalmyk and Buryat that would be detached from genetically close surrounding to experience influence of Russian, which resulted in that these languages witnessed a ‘conservation’ of their original feature of comparatively frequent use of nominal plurality markers.

Keywords: Mongolic languages, modern Mongolian, Middle Mongolian, Khalkha, Buryat, Kalmyk, plurality, morphology, language contacts, frequency, corpora studies

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR and Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia, project no. 19-512-44006 (АААА-А19-119080790033-3) ‘Language Contacts in Multicultural Environment (Mongolic Languages): Comparative Insights into Kalmyk, Oirat (Mongolia) and Buryat’.

For citation: Mazarchuk A. V. Frequency Use of Plurality Markers in Kalmyk Nouns (With Comparative Insights into Mongolian and Buryat). *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 122–131. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-122-131

1. Введение

Существуют некоторые общие для всех монгольских языков тенденции, которые, однако, в разной степени проявляются в каждом из них. Так, считается, что показатели множественного числа существительного в монгольских языках употребляются факультативно, но почему-то в каких-то из них маркеры плюралиса встречаются чаще, а в каких-то — реже. Дж. Стрит отмечал, что в среднемонгольском языке, если судить по дошедшим до нас письменным памятникам, показатели множественного числа использовались в четыре раза чаще, чем в современном халха-монгольском языке [Street 1990: 374].

Автору данной статьи всегда бросалось в глаза явно большее количество маркеров плюралиса в современных бурятских текстах, чем в монгольских, в связи с чем было проведено небольшое пилотное исследование на микрокорпусах бурятских и монгольских газетных текстов (около 10 000 словоупотреблений в каждом), и оказалось, что в современной бурятской публицистике показатели множественного числа существительных встречаются в 3,5 раза чаще, чем в монгольской [Мазарчук 2020: 664] (маркеры плюралиса при прилагательных¹ — отличительная черта бурятского языка — и местоимениях не рассматривались). Полученный результат сразу вызвал следующий вопрос: какова роль русского языка в сохранении этой черты бурятского языка?

Для того чтобы приблизиться к ответу

¹ Имеются в виду прилагательные, которые не субстантивируются в результате присоединения маркера плюралиса (в отличие от тех, которые субстантивируются, присоединяя к себе, например, суффикс собирательности *-шуул*²):

Бур. *томоууд*, *гоёнууд* *хото* *городууд*
томо-нууд, *гоё-нууд*
 большой-PL красивый-PL
хото+город-ууд
 город-PL

‘большие, красивые города’ [БК].

на данный вопрос, показалось логичным привлечь материал еще одного монгольского языка, оказавшегося в «русском окружении», — калмыцкого.

Следует сразу признать, что какие бы числовые результаты мы ни получили для калмыцкого, они не могут однозначно указывать на абсолютную роль русского языка в поддержании частотности употребления маркеров плюралиса при существительных. Тем не менее калмыцкий материал было необходимо исследовать хотя бы для полноты картины.

2. Материалы и методы исследования

На этот раз исследование проводилось в два этапа: сначала был вручную обработан такой же по объему, как в предыдущем пилотном исследовании, микрокорпус газетных текстов на калмыцком языке. Источником материала послужила интернет-версия газеты «Хальмг үнн» [Хальмг үнн]. В микрокорпус вошли статьи о политике, культуре, истории, спорте, изданные за июнь-август 2020 года²; общее количество словоупотреблений — 10 155.

Далее было проведено сравнение числовых результатов, выдаваемых «большими» корпусами бурятского [БК] и калмыцкого [КНК] языков³. Эти корпусы разные по объему (более 2 млн 200 тыс. словоупотреблений в первом и около 800 тыс. словоупотреблений во втором), поэтому сравнивались не абсолютные цифры, а высчитывались проценты и пропорции.

В разных работах, в которых говорится о множественном числе в калмыцком языке

² Период, непосредственно предшествовавший началу пилотного исследования.

³ Провести исследование на материале Монгольского корпуса [МК], к сожалению, не удалось, так как в его общедоступной версии по какой-то причине не работает поиск форм множественного числа существительных, в то время как падежные формы, если не указывать число, выдаются.

ке, списки маркеров плюралиса могут отличаться. Так, например, в [Bläsing 2003: 235] указаны форманты *-с*, *-д*, *-уд²*, *-муд²*, *-нр*, а также показатели множественного числа со значением собирательности — *-чуд²* и *-тн*. Последний (*-тн*) восходит к суффиксу совместного падежа *-та²*, поэтому в первую очередь он передает значение обладания. Сочетания с показателем *-тн* лексикализовались. Вероятно, по этой причине в русскоязычных описаниях морфологии калмыцкого языка (например, [ГКЯ 1983: 98] или [Пюрбеев 1997: 78]) он указывается не среди маркеров плюралиса, а в числе словообразовательных суффиксов [ГКЯ 1983: 85–86]. В настоящем исследовании суффикс *-тн* при подсчете частотности употребления показателей множественного числа не учитывался.

В калмыцком языке возможны комбинации двух показателей плюралиса — например, *дүүрмүд* ‘младшие братья’ [Bläsing 2003: 235]. Случаи двойного употребления суффиксов множественного числа считались отдельно.

3. Частотность калмыцких маркеров плюралиса в микрокорпусе¹

3.1. -нр

В собранном вручную микрокорпусе калмыцких газетных статей показатель *-нр* встречается 104 раза в сочетании со следующими лексемами:

1. *арһлач* ‘бизнесмен’ — 9 (5 номинативных словоформ (*арһлачнр*), 1 аккузативная (*арһлачнриг*), 1 гетинивная (*арһлачнрин*), 1 социативная (*арһлачнрла*), 1 дативная (*арһлачнрт*));
2. *артист* ‘артист’ — 3 (все три словоформы в номинативе — *артистнр*);
3. *ач* ‘племянник’ — 1 (NOM — *ачнр*);
5. *билгтэ* ‘талантливый’ — 1 (NOM — *билгтнр*);
6. *бичэч* ‘писатель’ — 4 (2 — NOM (*бичэчнр*), 1 — GEN (*бичэчнрин*), 1 — DAT (*бичэчнрт*));
7. *бүрдәһэч* ‘основатель’ — 1 (GEN — *бүрдәһэчнрин*);
8. *гшич* ‘гость’ — 2 (1 — ACC (*гшичнриг*), 1 — GEN (*гшичнрин*));
9. *гоминданови* ‘гоминьдановец’ — 1 (NOM — *гоминдановиңр*);
10. *дәэч* ‘воин’ — 1 (ASSOC-POSS — *дәэчнртәһән*);
11. *дишлэч* ‘победитель’ — 4 (1 — NOM (*дишлэчнр*), 2 — GEN (*дишлэчнрин*), 1 — ACC (*дишлэчнриг*));
12. *дипломант* ‘дипломант’ — 2 (1 — NOM (*дипломантнр*), 1 — DAT (*дипломантнрт*));
13. *дү* ‘младший брат/сестра’ — 1 (ASSOC-POSS — *дүүнртәһән*);
14. *жэолач* ‘водитель’ — 4 (2 — NOM (*жэолачнр*), 1 — GEN (*жэолачнрин*), 1 — DAT (*жэолачнрт*));
15. *залата* ‘обладающий кисточкой’ (в *улан залатнр* ‘с красной кисточкой [на шапке]’ (эпитет)) — 1 (NOM);
16. *келтэ* ‘владеющий языком’ (в *моңһл келтнрин* ‘говорящих по-монгольски’) — 1 (GEN);
17. *көдләч* ‘работник’ — 9 (7 — NOM (*көдләчнр*), 1 — GEN (*көдләчнрин*), 1 — DAT (*көдләчнрт*));
18. *лауреат* ‘лауреат’ — 1 (DAT — *лауреатнрт*);
19. *мөрч* ‘коневод’ — 2 (1 — NOM (*мөрчнр*), 1 — GEN (*мөрчнрин*));
20. *номта* ‘ученый’ — 2 (1 — NOM (*номтнр*), 1 — COM (*номтнрла*));
21. *һаңнач* ‘сварщик’ — 2 (оба NOM — *һаңначнр*);
22. *һардач* ‘руководитель’ — 2 (оба NOM — *һардачнр*);
23. *орһаач* ‘участник’ — 1 (GEN — *орһаачнрин*);
24. *оюта* ‘студент’ — 2 (1 — NOM (*оютнр*), 1 — GEN (*оютнрин*));
25. *өвк* ‘предок’ — 9 (2 — NOM (*өвкнр*), 1 — POSS (*өвкнрән*), 1 — ABL (*өвкнрәс*), 2 — GEN (*өвкнрин*), 3 — GEN-3POSS (*өвкнриннь*));
26. *өөрд* ‘ойраты’ — 1 (NOM — *өөрднр*);
27. *седкүлч* ‘журналист’ — 2 (1 — NOM (*седкүлчнр*), 1 — GEN (*седкүлчнрин*));
28. *сурһульч* ‘школьник’ — 1 (NOM — *сурһульчнр*);
29. *толһач* ‘руководитель’ — 1 (ASSOC-POSS — *толһачнртаһән*);
30. *тосхач* ‘строитель’ — 4 (3 — NOM (*тосхачнр*), 1 — GEN (*тосхачнрин*));

¹ Все словоформы, приведенные в качестве примеров в данном разделе, взяты из статей [Хальмг үнн], вышедших с 01.06.2020 по 31.08.2020. Контекст, в котором употреблены данные словоформы, можно найти, введя искомую словоформу в поле «Поиск» на сайте [Хальмг үнн].

31. *умиач* ‘читатель’ — 9 (1 — NOM (*умиачнр*), 1 — ACC (*умиачнриг*), 4 — GEN (*умиачнрин*), 1 — GEN-3POSS (*умиачнриннь*), 2 — DAT (*умиачнрт*));
32. *үүлдэч* ‘деятель’ — 1 (NOM — *үүлдэчнр*);
33. *харвач* ‘лучник’ — 1 (NOM — *харвачнр*);
34. *шүлгч* ‘поэт’ — 3 (2 — NOM (*шүлгчнр*), 1 — DAT (*шүлгчнрт*));
35. *эвдэч* ‘нарушитель’ — 1 (ACC — *эвдэчнриг*);
36. *эдлэч* ‘потребитель’ — 4 (2 — ACC (*эдлэчнриг*), 1 — GEN (*эдлэчнрин*), 1 — DAT (*эдлэчнриг*));
37. *элч* ‘посол’ — 2 (1 — NOM (*элчнр*), 1 — GEN (*элчнрин*));
38. *эрдмч* ‘специалист’ — 1 (NOM — *эрдмчнр*).

Кроме того, маркер плюралиса *-нр* используется в так называемых «парных словах», причем он может как оформлять весь комплекс парного слова (*эк-эцнр* ‘родители (отцы и матери)’, *ах-дүүнр* ‘братья и сестры’), так и каждое слово комплекса по отдельности (*ээжнр-аавнр* ‘мамы и папы’, *ахнр-дүүнриннь* ‘их старших и младших братьев и сестер’). Всего таких употреблений маркера *нр* в микрокорпусе 7 (включены при подсчете в общее количество употреблений — 104).

В микрокорпусе три раза встретилось имя собственное (топоним), содержащее суффикс *-нр* — название поселка *Көтчнр* (букв. ‘личные слуги’). При подсчете эти употребления не были включены в общее количество употреблений форманта *-нр*, поскольку имена собственные — по умолчанию — застывшие, лексикализованные единицы. Однако тот факт, что маркеры плюралиса входят даже в имена собственные, можно считать одной из черт, характеризующих высокую частотность употребления показателей множественного числа в языке.

Как видно, данный показатель множественного числа употребляется с существительными, обозначающими профессии и род занятий (многие из которых образованы с помощью суффиксов *-ч* и *-т*), с терминами родства и т. п. Судя по изученным языковым материалам, в калмыцком языке показатель *-нр* используется более широко, чем в бурятском и монгольском языках.

3.2. -муд²

Показатель *-муд²* в микрокорпусе встречается 116 раз в сочетании с лексемами:

1. *баг* ‘команда’ — 1 (GEN — *багмудын*);
2. *бюджет* ‘бюджет’ — 1 (ABL — *бюджетмүдэс*);
3. *ветеран* ‘ветеран’ — 1 (NOM — *ветеранмүд*);
4. *гер* ‘дом’ — 20 (11 — NOM (*гермүд*), 2 — GEN (*гермүдин*), 4 — ACC (*гермүдиг*), 2 — ABL (*гермүдэс*), 1 — DAT (*гермүдт*));
5. *дегтр* ‘книга’ — 2 (1 — ACC (*дегтрмүдиг*), 1 — 3POSS (*дегтрмүднь*));
6. *дүр* ‘образ’ — 3 (2 — NOM (*дүрмүд*), 1 — ACC (*дүрмүдиг*));
7. *жсил* ‘год’ — 11 (2 — NOM (*жсилмүд*), 1 — GEN (*жсилмүдин*), 7 — DAT (*жсилмүдт*), 1 — DAT-POSS (*жсилмүдтән*));
8. *заавр* ‘указание’ — 1 (NOM — *зааврмүд*);
9. *заквр* ‘наказ’ — 1 (POSS — *закврмүдан*);
10. *зокал* ‘правило’ — 2 (1 — NOM (*зокалмүд*), 1 — ACC (*зокалмүдиг*));
11. *зокьял* ‘произведение’ — 1 (GEN — *зокьялмүдын*);
12. *йовдл* ‘поступок’ — 5 (3 — NOM (*йовдлмүд*), 1 — ACC (*йовдлмүдиг*), 1 — ABL (*йовдлмүдас*));
13. *кегдл* ‘изделие’ — 3 (2 — NOM (*кегдлмүд*), 1 — 3POSS (*кегдлмүднь*));
14. *келвр* ‘рассказ’ — 1 (ACC — *келврмүдиг*);
15. *керг-үүлдвр* ‘предприятие’ — 5 (3 — NOM (*керг-үүлдврмүд*), 2 — GEN (*керг-үүлдврмүдин*));
16. *курьер* ‘курьер’ — 1 (NOM — *курьермүд*);
17. *неквр* ‘требование’ — 3 (1 — NOM (*некврмүд*), 1 — ACC (*некврмүдиг*), 1 — COM (*некврмүдлэ*));
18. *өдр* ‘день’ — 3 (1 — GEN (*өдрмүдин*), 2 — DAT (*өдрмүдт*));
19. *өрк-бүл* ‘семья’ — 7 (5 — NOM (*өрк-бүлмүд*), 1 — GEN (*өрк-бүлмүдин*), 1 — DAT (*өрк-бүлмүдт*));
20. *панр* ‘фонарь’ — 1 (NOM — *панрмүд*);
21. *патыр* ‘квартира’ — 1 (NOM — *патырмүд*);
22. *предприять* ‘предприятие’ — 1 (NOM — *предприятьмүдт*);
23. *пристав* ‘пристав’ — 3 (2 — NOM (*приставмүд*), 1 — DAT (*приставмүдт*));
24. *проектор* ‘проектор’ — 1 (GEN — *проектормүдын*);

25. *регион* 'регион' — 2 (1 — ABL (*регионмудас*), 1 — DAT (*регионмудт*));
26. *сад* 'детский сад' — 1 (GEN — *садмудын*);
27. *сар* 'месяц' — 1 (NOM — *сармуд*);
28. *светофор* 'светофор' — 3 (все NOM — *светоформуд*);
29. *сеть* 'сеть' — 1 (ACC — *сетьмүдиг*);
30. *сквер* 'сквер' — 1 (GEN — *сквермүдин*);
31. *скульптур* 'скульптур' — 1 (GEN — *скульптурмүдин*);
32. *сольвр* 'изменения' — 1 (NOM — *сольврмуд*);
33. *сурвр* 'вопрос' — 1 (DAT — *сурврмудт*);
34. *суудл* 'сиденье' — 1 (DAT — *суудлмуд*);
35. *терз* 'окно' — 3 (1 — NOM (*терзмүд*), 1 — ACC (*терзмүдиг*), 1 — 3POSS (*терзмүднь*));
36. *төр* 'проблема' — 6 (3 — NOM (*төрмүд*), 2 — INSTR (*төрмүдэр*), 1 — ACC (*төрмүдиг*));
37. *тренажер* 'тренажер' — 1 (NOM — *тренажермуд*);
38. *тротуар* 'тротуар' — 1 (NOM — *тротуармуд*);
39. *үг* 'слово' — 5 (1 — NOM (*үгмүд*), 1 — GEN (*үгмүдин*), 1 — ACC (*үгмүдиг*), 1 — INSTR (*үгмүдэр*), 1 — 3POSS (*үгмүднь*));
40. *үүдэвр* 'произведение' — 4 (2 — NOM (*үүдэврмүдинь*), 1 — ACC (*үүдэврмүдиг*), 1 — ACC-3POSS (*үүдэврмүдинь*));
41. *фермер* 'фермер' — 1 (NOM — *фермермүд*);
42. *хош* 'загон' — 1 (NOM — *хошмуд*);
43. *школ* 'школа' — 1 (GEN — *школмудын*);
44. *эксперт* 'эксперт' — 1 (NOM — *экспертмүд*).

Два словоупотребления лексикализованной едининцы *цогц-махмуд* 'организм' (в формах POSS и INSTR-POSS) не учитывались.

3.3. -чүд²

Показатель -чүд² в микрокорпусе встретился наименьшее количество раз по сравнению с остальными показателями плюралиса существительных — 17:

1. *бахчуд* 'молодежь' (< *бах* 'малый') — 7 (4 — NOM, 1 — ACC (*бахчудыг*), 2 — DAT-POSS (*бахчудтан*));
2. *моңһлчуд* 'монголы' (< *моңһл* 'монгольский') — 8 (5 — NOM, 3 — GEN (*моңһлчудын*));
3. *сээчүд* 'знать' (< *сэн* 'хороший') — 2 (1 — NOM, 1 — GEN (*сээчүдин*)).

3.4. -с

Довольно частотным оказался маркер плюралиса -с — 111 употреблений, во многих случаях с заимствованными из русского языка словами:

1. *бүрдэц* 'организация' — 4 (1 — NOM (*бүрдэцс*), 1 — GEN (*бүрдэцсин*), 1 — ACC (*бүрдэцсиг*), 1 — DAT (*бүрдэцст*));
2. *грампластинк* 'грампластинка' — 1 (NOM — *грампластинкс*);
3. *зэңг* 'весть' — 11 (все NOM — *зэңгс*);
4. *компань* 'компания' — 2 (1 — NOM (*компаньс*), 1 — DAT (*компаньст*));
5. *котельн* 'котельная' — 3 (2 — NOM (*котельнс*), 1 — DAT (*котельнст*));
6. *күцэмжэ* 'успех' — 1 (GEN — *күцэмжэсин*);
7. *лавк* 'лавка' — 1 (NOM — *лавкс*);
8. *марһан* 'конкурс' — 1 (DAT — *марһаст*);
9. *номинац* 'номинация' — 1 (DAT — *номинацст*);
10. *объект* 'объект' — 11 (7 — NOM (*объектс*), 3 — GEN (*объектсин*), 1 — DAT (*объектст*));
11. *организац* 'организация' — 4 (2 — NOM (*организацс*), 1 — ACC (*организацсиг*), 1 — DAT (*организацст*));
12. *орм* 'место' — 5 (1 — NOM (*ормс*), 1 — GEN (*ормсин*), 1 — ACC (*ормсиг*), 2 — DAT (*ормст*));
13. *парк* 'парк' — 1 (GEN — *парксин*);
14. *станц* 'станция' — 1 (GEN — *станцсин*);
15. *статья* 'статья' — 1 (NOM — *статьяс*);
16. *технологий* 'технология' — 1 (NOM — *технологийс*);
17. *төсв* 'проект' — 5 (4 — NOM (*төсвс*), 1 — ACC (*төсвсиг*));
18. *турва* 'труба' — 3 (2 — NOM (*турвас*), 2 — ACC (*турвасиг*), 1 — INSTR (*турвасар*));
19. *туужэ* 'история' — 1 (NOM — *туужэс*);
20. *уульнц* 'улица' — 5 (1 — GEN (*уульнцсин*), 4 — DAT (*уульнцст*));
21. *участк* 'участок' — 2 (1 — NOM (*участкс*), 1 — GEN (*участксин*));
22. *учреждень* 'учреждение' — 3 (2 — NOM (*учрежденьс*), 1 — GEN (*учрежденьсин*));
23. *хаалһ* 'дорога' — 33 (19 — NOM (*хаалһсиг*), 7 — GEN (*хаалһсин*), 1 — ACC (*хаалһсиг*), 6 — DAT (*хаалһст*));

24. *харһлт* ‘встреча’ — 1 (NOM — *харһлтс*);
25. *хашиа* ‘забор’ — 4 (все NOM — *хашиас*);
26. *цецгэ* ‘цветок’ — 2 (оба NOM — *цецгэс*);
27. *экспедиц* ‘экспедиция’ — 1 (DAT — *экспедицт*).

3.5. -д и -уд²

В микрокорпусе встретилось комбинированное использование маркеров плюралиса -д и -уд² (38 употреблений). Наиболее частотное слово с комбинацией маркеров плюралиса -дуд² — *бичкдуд* ‘дети, детвора’ < *бичкн* ‘маленький’ — 32 словоупотребления: 9 — NOM, 18 — GEN (*бичкдудин*), 2 — ACC (*бичкдудиг*), 2 — POSS (*бичкдудэн*), 1 — ASSOC-POSS (*бичкдудтэһэн*). Его синоним *урдуд* ‘дети, потомство’ (*урн* ‘ребенок’) встречается только один раз, в номинативной форме.

Также в собранных текстах нашлось пять употреблений лексемы *эздуд* ‘хозяйева’: 2 — GEN (*эздудин*), 2 — DAT-POSS (*эздудтнь*), 2 — ABL-POSS (*эздудаснь*).

По отдельности -д и -уд² в микрокорпусе употребляются с намного большим количеством лексем.

Маркер плюралиса -д — 49 употреблений со следующими лексемами (заменяет конечный -н):

1. *ду* ‘песни’ — 4 (2 — NOM (*дуд*), 2 — GEN (*дуудын*));
2. *көвүн* ‘мальчик’ — 2 (1 — POSS (*көвүдэн*), 1 — 3POSS (*көвүднь*));
3. *көгшин* ‘старик’ — 3 (2 — NOM (*көгшид*), 1 — GEN (*көгшидин*));
4. *күүкн* ‘девочка’ (> *күүкд* ‘дети’) — 11 (1 — NOM, 1 — ABL-POSS (*күүкдэсн*), 1 — NEG (*күүкд уга*), 3 — POSS (*күүкдэн*), 2 — 3POSS (*күүкднь*), 2 — DAT-POSS (*күүкдтэн*), 1 — ASSOC-POSS (*күүкдтэһэн*));
5. *микрорайон* ‘микрорайон’ — 5 (3 — GEN (*микрорайодын*), 2 — DAT (*микрорайодт*));
6. *модн* ‘дерево’ — 4 (3 — NOM (*модд*), 1 — GEN (*моддын*));
7. *нерн* ‘имя’ — 1 (NOM — *нерд*);
8. *район* ‘район’ — 3 (2 — GEN (*райодын*), 1 — DAT (*райодт*));
9. *селэн* ‘село’ — 9 (2 — NOM (*селэд*), 3 — GEN (*селэдин*), 3 — DAT (*селэдт*), 1 — DIR (*селэдүр*));
10. *сувсн* ‘жемчужина’ — 1 (ACC-3POSS — *сувсдын*);

11. *урн* ‘ребенок’ — 2 (1 — 3POSS (*урднь*), 1 — DAT-POSS (*урдтэн*));
12. *хамтхасн* ‘лист’ — 1 (NOM — *хамтхасд*);
13. *хээсн* ‘котел’ — 1 (NOM — *хээсд*);
14. *хунну* ‘гунны’ — 1 (NOM — *хуннуд*);
15. *шовун* ‘птица’ — 1 (GEN — *шовудын*).

Маркер плюралиса -уд² — 40 употреблений с лексемами:

1. *белг* ‘подарок’ — 2 (1 — NOM (*белгүд*), 1 — POSS (*белгүдэн*));
2. *бичг* ‘письмо’ — 4 (3 — NOM (*бичгүд*), 1 — DAT-3POSS (*бичгүдтнь*));
3. *бүтэл* ‘творение’ — 1 (NOM — *бүтэлүд*);
4. *ээмг* ‘племя’ — 1 (NOM — *ээмгүд*);
5. *зург* ‘картинка’ — 2 (1 — NOM (*зургүд*), 1 — DAT (*зургүдт*));
6. *керг* ‘дело’ — 2 (1 — NOM (*кергүд*), 1 — GEN (*кергүдин*));
7. *орн-нутг* ‘страна’ — 5 (1 — NOM (*орн-нутгүд*), 1 — GEN (*орн-нутгүдин*), 3 — DAT (*орн-нутгүдт*));
8. *талвң* ‘площадка’ — 2 (обе NOM — *талвңгүд*);
9. *темдг* ‘знак’ — 9 (8 — NOM (*темдгүд*), 1 — INSTR (*темдгүдэр*));
10. *ур-иньг* ‘друг’ — 2 (1 — GEN-3POSS (*ур-иньгүдиннь*), 1 — ACC-3POSS (*ур-иньгүдинь*));
11. *хальмг* ‘калмык, калмыцкий’ — 5 (4 — NOM (*хальмгүд*), 1 — GEN (*хальмгүдын*));
12. *цецг* ‘цветок’ — 1 (NOM — *цецгүд*);
13. *шүлг* ‘стихотворение’ — 3 (1 — GEN (*шүлгүдин*), 1 — ACC (*шүлгүдиг*), 1 — 3POSS (*шүлгүднь*));
14. *эд* ‘имущество, вещь’ — 1 (DAT-3POSS — *эдүдтнь*).

4. Сравнение результатов

Если считать общее количество употреблений маркеров плюралиса в микрокорпусе калмыцких газетных текстов, то получается, что на 10 115 всех словоупотреблений приходится в общем 473 употреблений показателей множественного числа существительных. Получается, что в отобранных калмыцких текстах маркер плюралиса встречается в каждом 21-м слове.

Для сравнения, в халха-монгольском микрокорпусе было насчитано 156 маркеров плюралиса на 10 032 словоупотребле-

ния (в среднем — в каждом 64-м слове), а в бурятском — 565 маркеров¹ на 10 261 сло-
воупотребление (в среднем — на каждом 18-м слове) [Мазарчук 2020: 664].

Таблица 1. Количество показателей плюралиса в микрокорпусах
[Table 1. Number of plurality markers in ‘microcorpora’]

	Халха-монгольский		Бурятский		Калмыцкий	
		-(н)ууд ²	77	-(н)ууд ²	354	-уд ² + -муд ² + (-д + -уд ²)
	-чууд ²	2	-шуул ²	6	-чуд ²	17
	нар	13	-нар ³	35	-нр	104
	-д	62	-д	170	-д	49
	-с	2	—	—	-с	109
Всего	156		565		473	
Средняя частотность	в каждом 64-м слове		в каждом 18-м слове		в каждом 21-м слове	

Таким образом, если опираться на данные, полученные в результате ручной обработки микрокорпуса, то получается, что в калмыцком языке показатели множественного числа существительных употребляются в целом примерно почти так же часто, как в бурятском. Различается только распределение количества употреблений между разными маркерами: так, например, в калмыцком языке формант *-нр* оказался намного более частотным, чем в бурятском, а суффикс *-с*, отсутствующий в бурятском и очень редкий в халха-монгольском языке, стоит на втором месте по частотности после *-уд²* и его вариантов².

«Большие» корпуса выдают следующие цифры:

1. Бурятский — подкорпус прессы 2000–2021 годов издания³ составляет 0,72 % от общего объема корпуса. Соответственно, это примерно 15 840 словоупотреблений. Поиск выдал 462 вхождения при введении параметров «существительное» и «множественное число» (при таком запросе отображаются все падежные и посессивные фор-

мы). Таким образом, в «большом» корпусе маркеры плюралиса встречаются в среднем на каждом 34-м слове (ср. в микрокорпусе — на каждом 18-м).

2. Калмыцкий — подкорпус прессы 2000–2021 годов издания составляет 58,57 % от общего объема корпуса, т. е. около 468 560 словоупотреблений. На этот объем приходится 29 958 существительных во множественном числе. Получается, что в среднем показатели множественного числа оформляют каждое 16-е слово (ср. в микрокорпусе — каждое 21-е).

Как видно, данные, полученные для бурятского языка на материале большого корпуса и микрокорпуса, разнятся очень сильно. С одной стороны, большего доверия, заслуживают результаты, выдаваемые более объемными корпусами, так как поиск ведется на большем количестве материала. С другой стороны, при работе с большими корпусами не следует забывать о возможных технических сбоях, оказывающих влияние на выдачу результатов поиска.

Микрокорпусы показывают, что маркеры плюралиса в калмыцком языке употребляются чуть реже, чем в бурятском. Большие — что в калмыцком почти в два раза чаще, чем в бурятском.

Получить данные о частотности употребления маркеров плюралиса в современном монгольском языке из большого корпуса пока что технически невозможно.

5. Возможная интерпретация данных

На основании изученных материалов, удалось выяснить, что в калмыцком язы-

¹ В [Мазарчук 2020: 664] ошибочно указаны числа 157 и 559 вместо 156 и 565.

² Имеется в виду общее количество употреблений форманта *-уд²*, его алломорфа *-муд²* и комбинации *-д + -уд²*.

³ Данный подкорпус был выбран, так как он соответствует по стилю речи и тематике работанным вручную микрокорпусам. Тексты, изданные до 2000 г., не были включены в подборку, так как автора в этом исследовании интересует нынешнее состояние языка.

ке маркеры плюралиса употребляются как минимум в 3–4 раза чаще, чем в монгольском.

О ситуации в бурятском языке мы уже не можем говорить с прежней уверенностью. По данным «большого» бурятского корпуса, показатели множественного числа существительных в бурятском употребляются примерно в 2 раза (а не в 3,5, как это было в микрокорпусе) чаще, чем в монгольском.

Тем не менее полученные числовые данные подтвердили общее интуитивное впечатление о более высокой частотности рассматриваемых формантов в калмыцком и бурятском языке по сравнению с монгольским.

Калмыки и российские буряты оказались в устойчивом русском языковом окружении примерно с XVII в. Возможно, в это время или позднее начался процесс уменьшения частотности употребления маркеров плюралиса, который почему-то имел место в монгольском языке. По-видимому, он не успел коснуться бурятского и калмыцкого языков, поскольку эти языки, отделившись от генетически родственного окружения,

вероятно, в результате влияния русского языка в какой-то мере «законсервировали» рассматриваемую в данной статье черту (частое употребление показателей множественного числа), причем бурятский язык еще и развил способность присоединять маркеры плюралиса к прилагательным, не субстантивируя последние.

Дальнейшим вопросом для изучения может стать причина начала процесса снижения частотности употребления маркеров плюралиса в монгольском языке, а также динамика этого процесса на протяжении XVII–XXI вв. Очевидно, что имело место некоторое упрощение языковой системы — и в этом нет ничего уникально монгольского: стоит вспомнить постепенную замену двойственного числа множественным в русском языке, вытеснение показателя *shall* показателем *will* в английском и великое множество других примеров. Однако если нам удастся выяснить, почему множественное число стало маркироваться в монгольском всё реже и реже, нам, возможно, удастся сделать какие-то новые выводы об устройстве и внутренней логике развития монгольского языка.

Сокращения

Бур. — бурятский язык; ZPOSS — показатель личного притяжания 3-го лица; ACC — аккузатив; ASSOC — ассоциатив (совместный падеж, показатель *-ma²*); COM — комитатив (соединительный па-

деж, показатель *-la²*); DAT — датив-локатив; DIR — директив (направительный падеж); GEN — генитив; INSTR — инструменталис; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — субъектное притяжание.

Источники

БК — Бурятский корпус [электронный ресурс] // Buryat Corpus. URL: <http://buryat.web-corpora.net/> (дата обращения: 11.05.2021).
КНК — Калмыцкий национальный корпус [электронный ресурс] // Kalmyk National Corpus. URL: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus> (дата обращения: 11.05.2021).
МК — Монгольский корпус [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения: 11.05.2021).
Хальмг үнн — Интернет-газета «Хальмг үнн» [электронный ресурс] // URL: <http://halmgyinn.ru/> (дата обращения: 07.03.2021).

Sources

Buryat National Corpus. Available at: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: May 11, 2021). (In Bur.)
Kalmyk National Corpus. Available at: http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/index.php?interface_language=ru (accessed: May 11, 2021). (In Kalm.)
Mongolian National Corpus. Available at: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: May 11, 2021). (In Mong.)
Khalmg Ünn (online newspaper). Available at: <http://halmgyinn.ru/> (accessed: March 7, 2021). (In Kalm.)

Литература

- ГКЯ 1983 — Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Мазарчук 2020 — Мазарчук А. В. Использование показателей множественного числа в современных халха-монгольском и бурятском языках // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 660–667. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-660-667
- Пюрбеев 1997 — Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкий язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / ред.: В. Н. Ярцева, В. М. Солнцев, Н. И. Толстой. М.: Индрик, 1997. С. 73–86.
- Bläsing 2003 — Bläsing U. Kalmuck // The Mongolic Languages / ed. by Juha Janhunen. London and New York: Routledge, 2003. Pp. 229–247.
- Street 1990 — Street J. Nominal Plural Formations in the *Secret History* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus XLIV (3). 1990. Pp. 345–379.

References

- Bläsing U. Kalmuck. In: Janhunen J. (ed.) The Mongolic Languages. London and New York: Routledge, 2003. Pp. 229–247. (In Eng.)
- Mazarchuk A. V. The use of nominal plurality markers in modern Khalkha Mongolian and Buryat. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 660–667. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-660-667
- Pyurbееv G. Ts. Kalmyk language. In: Yartseva V. N., Solntsev V. M., Tolstoy N. I. (eds.) Languages of the World: Mongolic and Tungus-Manchu Ones, Japanese and Korean. Moscow: Indrik, 1997. Pp. 73–86. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. (ed.) Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1983. 335 p. (In Russ.)
- Street J. Nominal plural formations in the *Secret History*. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1990. Vol. XLIV. No. 3. Pp. 345–379. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 1, pp. 132–143, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.51

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-132-143

Долгие гласные в якутских книгах середины XIX в.: ошибки или отражение тонких просодических противопоставлений, которые ранее не привлекали внимание ученых?

К 200-летию издания первой книги «Сокращённого катехизиса...» на якутском языке.

Юлия Викторовна Норманская^{1,2}, Ульяна Николаевна Легусина²

¹ Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул. Александра Солженицина, 109004 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, главный научный сотрудник

² Институт языкознания РАН (д. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor@mail.ru

³ Институт языкознания РАН (д. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0001-5072-3248. E-mail: ulegusina@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Норманская Ю. В., Легусина У. Н., 2022

Аннотация. *Введение.* В двух первых книгах на якутском языке — «Деяния и послания апостолов» (1858) и «Краткая грамматика якутского языка» Д. Хитрова (1858) — присутствует знак лонги, обычно обозначающий долготу гласного, над краткими гласными. *Целью исследования* было попытаться установить правила постановки этого знака и выяснить, стоит ли за ним какая-либо фонетическая реальность, сохранившаяся в современных якутских диалектах. *Материалы и методы.* На первом этапе анализа было установлено, что в рассматриваемых книгах лонга появляется только в формах односложных основ. Поэтому была проведена сплошная роспись всех форм односложных основ тюркского происхождения и для каждой лексемы была посчитана статистика ее употреблений с лонгой и без лонги. Эти данные были сопоставлены в экспериментально-фонетической программе Praat с результатами анализа произнесений начальных форм односложных лексем в современных якутских говорах. *Результаты.* Было

выявлено, что у ряда носителей современных диалектов в неначальных формах односложных слов гласный первого слога выделен по долготе и интенсивности по сравнению с гласным второго слога, на который обычно падает ударение в литературном якутском языке. Это выделение присутствует нерегулярно так же, как и в первых книгах. Наиболее часто как в первых книгах, так и в современных диалектах просодически (лонгой в графике) выделены *ы*, *э*, *аа*, *уу* в первом слоге неначальных форм односложных слов. *Выводы.* Неожиданный набор гласных (*ы*, *э* обычно достаточно краткие) и позиция появления долготы и интенсивности на гласном первого слога, подтвержденные данными четырех независимых источников (двух книг и двух современных говором), показывают, что благодаря анализу первых книг на якутском языке удастся выявить ранее неопisanную просодическую особенность якутских диалектов, которая нуждается в дальнейшем комплексном описании.

Ключевые слова: якутские диалекты, первые книги, экспериментальная фонетика, долгота гласных

Для цитирования: Норманская Ю. В., Легусина У. Н. Долгие гласные в якутских книгах середины XIX в.: ошибки или отражение тонких просодических противопоставлений, которые ранее не привлекали внимание ученых? // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 132–143. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-132-143

Long Vowels in Mid-19th Century Yakut Books: Errors or Reflections of Minor Prosodic Oppositions Overlooked by Researchers?

Celebrating the 200th anniversary of The Abridged Catechism — an earliest Yakut-language book

Julia V. Normanskaja^{1,2}, Ulyana N. Legusina²

¹ Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25, Aleksandr Solzhenitsyn St., 109004 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

² Institute of Linguistics of the RAS (1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)
Leading Research Associate
 0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor@mail.ru

³ Institute of Linguistics of the RAS (1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0001-5072-3248. E-mail: ulegusina@iling.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Normanskaja J. V., Legusina U. N., 2022

Abstract. *Introduction.* The first two Yakut-language books — Acts and Epistles of the Apostles (1858) and D. Khitrov’s Brief Grammar of the Yakut Language (1858) — contain occasional macrons (acute accents) over short vowels usually employed to mark extended vowel length. *Goals.* This study aims to identify rules to have determined the use of this diacritic and reveal if there be any phonetic reality behind it traceable in modern Yakut dialects. *Materials and methods.* The first stage of analysis shows that in the examined books the diacritic appears only above various forms of monosyllabic stems. Therefore, a complete list of all forms of Turkic monosyllabic stems has been compiled, and each lexeme statistically counted and analyzed for frequency use — with and without such diacritic. These collected data were compared to those on the pronunciation analysis of non-initial forms of monosyllabic lexemes in modern Yakut dialects obtained through the experimental phonetic software package Praat. *Results.* The work discovers that in non-initial forms of monosyllabic words some speakers of modern Yakut dialects tend to increase length and intensity of the vowel in the first syllable as compared to vowel sounds in the second one usually stressed in standard Yakut.

This emphasis is as sporadic as is attested by the earliest books examined. Parameters for this increase in length and intensity of first-syllable vowels vary across dialects. In modern Yakut dialects (and in the editions), *ы*, *э*, *aa*, *yy* in the first syllable of non-initial forms of monosyllabic words are most frequently marked prosodically. *Conclusions.* This rather unexpected set of vowels (*ы* and *э* are usually quite short) and the increase in length and intensity of the first-syllable vowel confirmed by the data collected from four independent sources (two books and two modern dialects) show that the insights into earliest Yakut-language books make it possible to identify a previously undescribed prosodic feature of Yakut dialects which deserves further comprehensive study.

Keywords: Yakut dialects, first books, experimental phonetics, vowel length

For citation: Normanskaja J. V., Legusina U. N. Long Vowels in Mid-19th Century Yakut Books: Errors or Reflections of Minor Prosodic Oppositions Overlooked by Researchers? *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 132–143. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-132-143

Введение

В XX в. первые книги на якутском языке мало привлекали внимание лингвистов. В книге [Убрятова 1945] дана периодизация изучения якутского языка, и период XIX в. относится к «вспашке поля, ... когда исследованием языка занимались, в большей части, любители» [Убрятова 1945: 3]. Она перечисляет 13 книг, изданных на якутском языке до революции: 1) Букварь для якутов: Издание Православного миссионерского общества (Казань, 1895); 2) Книга Бытия (М., 1856); 3) Деяние Св. Апостолов (М., 1856); 4) Евангелие (М., 1858); 5) Божественная литургия Иоанна Златоуста и Требник (М., 1858); 6) Канонник (Казань, 1893); 7) Краткий Катехизис (на русском и якутском языках) (СПб., 1844); 8) Сокращенный Катехизис для обучения юношества (2-е изд.; Иркутск, 1821); 9) Поучения о православной Христианской вере, с переводом на якутский язык (Казань, 1891); 10) Краткая священная история (на русском и якутском языках) (Якутск, 1866); 11) Указание пути в Царствие Небесное и поучения (М., 1858); 12) Часослов и Псалтырь (М., 1858) [Убрятова 1945: 5].

В своем исследовании Е. И. Убрятова упоминает также 13-ю книгу: Д. Хитров. Краткая грамматика якутского языка (М., 1858). В статье «Якутский язык» в Большой советской энциклопедии Е. И. Убрятова также указывает, что письменность на якутском языке появилась только с 1922 г. [Убрятова 1945: 3].

Но в конце XX в., когда стало возможным изучать деятельность миссионеров в Якутии, стало известно, что, начиная с

1819 г., времени издания первой книги «Сокращенный Катехизис на якутском языке», созданной священником Олекминской Спасской церкви иереем Георгием Яковлевым Поповым, до 1917 г. было опубликовано не менее 127 разных книг тиражом от 200 до 1 200 экз., см. подробнее об истории создания этих книг в [Гуляева 2004].

Среди них 18 различных словарей большого объема, насчитывающих до 1 280 страниц, ср. [Пекарский 1899–1916], 7 букварей, 7 грамматик (см. подробнее в Приложении). Таким образом, становится ясно, что письменность на якутском языке имеет уже 200-летнюю историю. Но встает вопрос о качестве переводов, точности записи в этих книгах, поскольку в ряде случаев они отличаются от современного литературного якутского языка. Ранее такие отличия считались признаками несовершенства записи, сделанной «любителями языка» [Убрятова 1945: 5].

Как показывают наши исследования других памятников этого периода, переводы, изданные во второй половине XIX в. Переводческой комиссией при Братстве св. Гурия Казанского, были подготовлены на высоком научном уровне, и их системные отличия от современных литературных языков связаны, в первую очередь, с тем, что они были написаны на диалектах соответствующих языков, ср. описания графофонетических и морфологических систем ряда памятников на кириллице на татарском [Нуриева 2015; Нуриева 2017; Норманская, Нуриева 2018], башкирском [Норманская, Каримова, Эжба 2017; Эжба, Норманская, Каримова 2019], казахском [Шаймердинова 2016; Дыбо, Норманская 2016] языках.

Конечно, анализ особенностей 126 книг на якутском языке, из которых пока в Якутской национальной библиотеке найдено 46 изданий (они помечены звездочками в Приложении к статье), — это большая задача, которая стоит перед тюркологами. Первым шагом в этом направлении была монография [Stachowski 1995], в которой создан конкорданс Четвероевангелия на якутском языке, изданном в 1898 г., и описаны лексические особенности этого текста.

Цель исследования

Насколько нам известно, ранее не было опубликовано работ, посвященных анализу графики первых якутских книг. В целом, как было сказано выше, они имеют ряд отличий от современного литературного якутского языка, причем они варьируются от издания к изданию, что, возможно, связано с тем, какой диалект лег в основу той или иной книги, в какой местности она была составлена. Например, епископ Дионисий (Хитров) в период создания «Краткой грамматики на якутском языке» (М., 1858) жил в г. Якутске, а протоиерей Евсевий Протопопов, создатель книг «Деяния и послания апостолов» (М., 1858), «Евангелия от Матфея» (М., 1858), был из г. Охотска.

В книгах этих двух авторов есть ряд графических различий, которые могли быть связаны с разными диалектами переводчиков. Но комплексное исследование этого вопроса, описание языка каждой книги представляется отдельной задачей, в настоящей статье мы бы хотели остановиться лишь на одной черте, различающей языки этих книг между собой с одной стороны и от современного литературного языка — с другой. Эта особенность, наличие лонги, знака долготы, не только над долгими, но и над краткими гласными, бросается в глаза сразу при обращении к книгам «Краткая грамматика на якутском языке», «Деяния и послания апостолов».

Как будет показано в таблицах, частота ее встречаемости над разными гласными несколько варьируется в рассматриваемых книгах. В обеих книгах в первом слоге лонга над гласным может появляться в двух позициях: 1) если в современном якутском литературном языке представлен в соответствующем слове дифтонг, 2) если основа слова односложная, поскольку было от-

мечено, что якутский регулярно сохраняет рефлекс пратюркской долготы только в односложных словах, ср. [Рясянен 1955; Stachowski 1993: 42–45].

Отличие же от современного литературного якутского языка в обеих книгах заключается в отражении кратких и долгих гласных в односложных основах. В ряде случаев отсутствует знак лонги над гласным, который соответствует современному якутскому литературному и пратюркскому долготу, в других лонга появляется над гласным, который в литературном якутском и пратюркском является кратким. При этом в [Хитров 1858] не так много примеров употребления одной и той же словоформы, и в ней мы не выявили внутренних противоречий, когда одна и та же форма употребляется как с лонгой, так и без нее. А в «Деяниях и посланиях апостолов» таких противоречивых случаев достаточно много, см. ниже в таблицах 1–3, было установлено, что наличие vs. отсутствие лонги не может быть объяснено позицией в слове. В связи с этим мы сочли целесообразным проанализировать статистику употребления лонги в рассматриваемых книгах для каждого существительного исконно тюркского происхождения с односложной основой.

Материал и методы

Ниже в таблицах 1–4 мы представим статистическую информацию об употреблении знака лонги в односложных именах существительных с первичной долготой или краткостью гласного, в рассмотрение не включены случаи, когда долгий гласный возник вторично, например, в слове уу 'вода' < ПТю **sib*¹.

Анализ употребления лонги в существительных с дифтонгами и вторичной долготой и в глаголах² — это тема будущих исследований. В настоящей статье анализ был

¹ Здесь и далее ПТю формы цитируются по [EDAL 2003].

² Пилотный анализ употребления лонги в глаголах показывает, что в «Краткой грамматике якутского языка» лонга представлена во всех формах только одного глагола *bār* 'быть' < ПТю **bār*, но количество односложных глаголов нерепрезентативное. В [Деяния и послания апостолов 1858] глаголы весьма многочисленны и нуждаются в отдельном изучении.

проведен для всех односложных исконно [слания апостолов 1858](#)] (таблицы 1–3) и тюркских существительных с первичной «Краткой грамматики на якутском языке» долготой или краткостью в [[Деяния и по-](#) (таблица 4).

Таблица 1. Статистические данные по употреблению лонги в формах односложных слов с КРАТКИМ гласным в первом слоге в [[Деяния и послания апостолов 1858](#)]

[Table 1. Statistical data on the use of the extended vowel length diacritic in forms of monosyllabic words with a SHORT vowel in the first syllable. Acts and Epistles of the Apostles, 1858]

	без лонги	с лонгой
<i>a</i>	86%	4%
<i>ас</i> 'волосы'	9 (100 %)	0 (0 %)
<i>ас</i> 'еда'	20 (80 %)	5 (20 %)
<i>ат</i> 'лошадь'	3 (100 %)	0 (0 %)
<i>бас</i> 'голова'	52 (75 %)	17 (25 %)
<i>мас</i> 'дерево'	4 (31 %)	9 (69 %)
<i>сах</i> 'время'	1 (100 %)	0 (0 %)
<i>тас</i> 'наружный'	27 (100 %)	0 (0 %)
<i>ы</i>	67 %	33 %
<i>дьыл</i> 'год'	9 (41 %)	13 (59 %)
<i>сыл</i> 'год'	7 (70 %)	3 (30 %)
<i>сыт</i> 'запах'	3 (75 %)	1 (25 %)
<i>тыл</i> 'язык'	42 (16 %)	225 (84 %)
<i>ый</i> 'месяц'	6 (100 %)	0 (0 %)
<i>ыт</i> 'собака'	1 (100 %)	0 (0 %)
<i>у</i>	99,95 %	0,05 %
<i>кул</i> 'раб'	26 (100 %)	0 (0 %)
<i>тус</i> 'сторона'	500 (99,8 %)	1 (0,2 %)
<i>мун</i> 'горе'	6 (100 %)	0 (0 %)
<i>бу</i> 'этот'	346 (100 %)	0 (0 %)
<i>о</i>	65 %	35 %
<i>дьол</i> 'счастье'	11 (85 %)	2 (15 %)
<i>дьон</i> 'народ'	51 (41 %)	73 (59 %)
<i>ол</i> 'тог'	420 (99,8 %)	1 (0,2 %)
<i>от</i> 'травя'	4 (67 %)	2 (33 %)
<i>хос</i> 'вторичный'	3 (100 %)	0 (0 %)
<i>чох</i> 'уголья'	0 (0 %)	1 (100 %)
<i>э</i>	68 %	32%
<i>бэрт</i> 'отличный'	16 (73 %)	6 (27 %)
<i>сэп</i> 'орудие'	7 (87 %)	1 (13 %)
<i>тэнг</i> 'равный'	5 (100 %)	0 (0 %)
<i>эн</i> 'ты'	86 (100 %)	0 (0 %)
<i>эр</i> 'муж'	41 (69 %)	18 (31 %)
<i>эт</i> 'плоть'	25 (12 %)	185 (88 %)
<i>кэм</i> 'время'	18 (33 %)	37 (67 %)
<i>и</i>	96 %	4 %
<i>дьинг</i> 'достоверно'	3 (100 %)	0 (0 %)
<i>ил</i> 'мир'	3 (100 %)	0 (0 %)
<i>им</i> 'сумерки'	3 (100 %)	0 (0 %)
<i>ис</i> 'внутри'	112 (100 %)	0 (0 %)
<i>ким</i> 'кто'	186 (100 %)	0 (0 %)
<i>мин</i> 'я'	727 (100 %)	0 (0 %)

<i>син</i> ‘почти’	19 (100 %)	0 (0 %)
<i>сир</i> ‘земля’	101 (68 %)	48 (32 %)
ө	100 %	0 %
<i>бөх</i> ‘мусор’	1 (100 %)	0 (0 %)
<i>өй</i> ‘ум’	52 (100 %)	0 (0 %)
<i>өр</i> ‘долго’	20 (100 %)	0 (0 %)
<i>өс</i> ‘злоба’	28 (100 %)	0 (0 %)
<i>сөп</i> ‘правильный’	75 (100 %)	0 (0 %)
ү	86 %	14 %
<i>күл</i> ‘зола’	2 (100 %)	0 (0 %)
<i>күн</i> ‘день’	105 (56 %)	82 (44 %)
<i>үл</i> ‘сокровище’	12 (92 %)	1 (8 %)
<i>үс</i> ‘три’	36 (97 %)	1 (3 %)

Таблица 2. Статистические данные по употреблению лонги в формах односложных слов с ДОЛ-ГИМ гласным в первом слоге в [Деяния и послания апостолов 1858]

[Table 2. Statistical data on the use of the extended vowel length diacritic in forms of monosyllabic words with a LONG vowel in the first syllable. Acts and Epistles of the Apostles, 1858]

	без лонги	с лонгой
аа	43 %	57 %
<i>аал</i> ‘корабль’	11 (36 %)	21 (64 %)
<i>аан</i> ‘дверь’	82 (89 %)	10 (11 %)
<i>аат</i> ‘имя’	2 (2 %)	111 (98 %)
<i>баай</i> ‘богатый’	33 (100 %)	0 (0 %)
<i>баар</i> ‘есть’	218 (62 %)	131 (38 %)
<i>баас</i> ‘рана’	1 (11 %)	8 (89 %)
<i>саас</i> ‘год’	6 (50 %)	6 (50 %)
<i>саат</i> ‘стыд’	21 (48 %)	23 (52 %)
<i>таас</i> ‘камень’	6 (26 %)	17 (74 %)
<i>хаан</i> ‘кровь’	4 (7 %)	51 (93 %)
ыы	80 %	20 %
<i>быыс</i> ‘перегородка’	1 (100 %)	0 (0 %)
<i>кыыл</i> ‘зверь’	4 (80 %)	1 (20 %)
<i>кыыс</i> ‘девушка’	7 (69 %)	4 (31 %)
<i>сыыс</i> ‘сор’	1 (100 %)	0 (0 %)
<i>тыын</i> ‘дух, жизнь’	181 (52 %)	167 (48 %)
уу	52 %	48 %
<i>уу</i> ‘вода’	2 (6 %)	33 (94 %)
<i>уус</i> ‘мастер’	2 (50 %)	2 (50 %)
<i>уус</i> ‘род’	4 (100 %)	0 (0 %)
оо	100 %	0 %
<i>моой</i> ‘шея’	1 (100 %)	0 (0 %)
ии	95,5 %	4,5 %
<i>биир</i> ‘один’	206 (91 %)	20 (9 %)
<i>иин</i> ‘яма’	1 (100 %)	0 (0 %)
үү	65 %	35 %
<i>дьүүл</i> ‘суд’	59 (78 %)	17 (22 %)
<i>күүс</i> ‘сила’	47 (44 %)	60 (56 %)
<i>сүүс</i> ‘сто’	9 (100 %)	0 (0 %)
<i>түү</i> ‘мех’	0 (0 %)	1 (100 %)
<i>түүл</i> ‘сон’	2 (100 %)	0 (0 %)
<i>түүн</i> ‘ночь’	27 (93 %)	2 (7 %)
<i>үүт</i> ‘молоко’	2 (40 %)	3 (60 %)

Таблица 3. Процентное соотношение использование лонги в формах односложных слов в [Деяния и послания апостолов 1858]

[Table 3. Use of the extended vowel length diacritic in forms of monosyllabic words, in percentage terms. Acts and Epistles of the Apostles, 1858]

	без лонги	с лонгой		без лонги	с лонгой
<i>a</i>	86 %	4 %	<i>aa</i>	43 %	57 %
<i>ы</i>	67 %	33 %	<i>ыы</i>	80 %	20 %
<i>y</i>	99,95 %	0,05 %	<i>yy</i>	52 %	48 %
<i>o</i>	65 %	35 %	<i>oo</i>	100 %	0 %
<i>э</i>	68 %	32 %	<i>ээ</i>		
<i>и</i>	96 %	4 %	<i>ии</i>	95,5 %	4,5 %
<i>ө</i>	100 %	0 %	<i>өө</i>		
<i>ү</i>	86 %	14 %	<i>үү</i>	65 %	35 %

Из таблицы 3 видно, что односложные слова с краткими гласными *ы*, *o*, *э* в первом слоге более чем в **30 %** случаев употребляются с лонгой, еще в **14 %** случаев с лонгой употребляются однослоги с гласным *ү* в первом слоге. Слова с краткими гласными *a*, *y*, *и*, *ө* с лонгой практически не

употребляются.

Односложные слова с долгими гласными *a*, *y* употребляются с лонгой примерно в **50%** случаев, слова с *үү* употребляются с лонгой в **35 %**, с *ыы* в **20 %** случаев. Слова с *o*, *и* долгими с лонгой практически не употребляются.

Таблица 4. Статистика употребления лонги в односложных основах в «Краткой грамматике на якутском языке»

[Table 4. Statistics of the use of the extended vowel length diacritic in monosyllabic stems. A Brief Grammar of the Yakut Language]

Исконно долгая гласная			Исконно краткая гласная		
Слово	Начальная форма	Неначальная форма	Слово	Начальная форма	Неначальная форма
<i>аат</i> 'имя'	100 %	100 %	<i>бас</i> 'голова'	100 %	100 %
<i>хаан</i> 'кровь'	0 %	100 %			
<i>кыыл</i> 'зверь'	0 %	100 %	<i>кыс</i> 'дочь'	100 %	100 %
			<i>тыл</i> 'слово'	100 %	100 %
<i>тиис</i> 'зуб'	100 %	100 %	<i>бил</i> 'таймень'	0 %	100 %
<i>үүн</i> 'узда'	0 %	0 %			
<i>куус</i> 'сила'	0 %	0 %			
<i>түүл</i> 'сон'	0 %	0 %			
			<i>сор</i> 'несчастье'	0 %	100 %

Итак, можно видеть, что в «Краткой грамматике на якутском языке» в неначальной форме все односложные существительные приобретают лонгу над гласным первого слога за исключением слов с *үү*. Количество неначальных форм для каждого слова — более 60. При этом в начальной форме, которая для каждого слова зафиксирована только 1 раз, употребление лонги в настоящее время не вполне ясно. В [Деяния

и послания апостолов 1858] видно, что лонга употребляется в начальных формах очень редко, иногда у тех односложных слов, которые имеют в лит. як. *aa*, *э*, *ы*, *ыы*.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод, что, с одной стороны, детали статистики употребления лонги в грамматике епископа Дионисия (Хитрова), созданной в Якутске, и в переводе «Деяний и посланий апостолов», сделанном охот-

ским проиереом Евсеем Протопоповым, несколько различались. Возможно, что эти отличия связаны с разными диалектами.

С другой стороны, в обеих книгах представлена одна и та же тенденция: употребление лонги в неначальных формах односложных слов не только с долгой, но и с краткой гласной. Какая же просодическая реальность могла стоять за этим фактом? Предположение о том, что с помощью лонги помечалась долгота гласного, который был в то время представлен в этих диалектах, представляется крайне маловероятным, поскольку якутский язык — один из двух современных тюркских языков, который сохраняет пратюркское первичное противопоставление по долготе — краткости в наиболее близком к первоначальному виде, см. [Stachowski 1993; Дыбо 2015] и подробную библиографию в этих работах.

Фонетические основания оппозиции по долготе-краткости установлены в результате экспериментального исследования, проведенного Н. Д. Дьячковским на материале литературного языка [Дьячковский 1971: 136–165], которое показало, что собственная долгота кратких узких гласных существенно меньше, чем кратких широких; а фонологически долгие широкие и узкие гласные несущественно отличаются по долготе. Долгие широкие длиннее кратких широких примерно в 1,7 раза, а долгие узкие кратких узких — в 2,3 раза.

При этом мы находим в литературе [Дьячковский 1971: 28–36] указания о том, что в других ранних фиксациях якутского, например в [Böhtlingk 1951; Пекарский 1899–1916], тоже есть существенные отличия в отражении долготы гласных от современного литературного языка.

Полевые исследования якутских диалектологов как будто подтверждают высокую территориальную вариативность гласных по долготе. По мнению якутских ученых, при диалектных колебаниях употребление вариантов с долгими гласными более характерно для северо-западной диалектной

группы, а вариантов с краткими гласными — для северо-восточной. В [Барашков 1985: 112–113] отмечено «появление долготы в говорах якутов северных районов в словах, в которых долгота отсутствует в якутском литературном языке», в основном для северо-западных районов. Ср. также [Воронкин 1999: 52]: «Широкое употребление слов с долгими гласными отмечено в изолированном Есейском говоре... Оно умеренно характерно для всей северо-западной группы говоров якутского языка... Это явление также заметно в вилуйской диалектной зоне». Для северо-восточной же зоны — для отдельных говоров — «характерно употребление вариантов с кратким гласным» [Воронкин 1999: 70].

Центральная диалектная группа в этом плане показывает варианты и с долгими, и с краткими гласными [Иванов 1993: 130]. К сожалению, в фонетический вопросник Диалектологического атласа якутского языка [ДАЯЯ 2004] вопросы о соотношении долгот корневых гласных по различным говорам не включены. Насколько нам известно, в работах якутских ученых также отсутствует экспериментально-фонетический анализ произношения диалектных слов.

Н. В. Малышева и ее студенты из Северо-восточного федерального университета любезно провели опрос по подготовленному нами списку односложных слов, которые встречались в первых книгах. Были собраны 20 образцов произнесения односложных слов в начальных и неначальных формах из всех диалектных зон Якутии. Было установлено, что во всех регионах за исключением мест проживания носителей центрального диалекта, встречаются пожилые носители, которые в неначальных формах однослогов выделяют первый слог. В качестве примеров в таблицах подробно рассмотрим способы выделения первого слога в косвенных падежах односложных слов, собранных в аудиословарях, записанных от носителей из г. Вилуйска [Словарь. Вилуйск 2021] и с. Верхоянска [Словарь. Верхоянск 2021].

Таблица 5. Результаты анализа неначальных форм однослогов вилюйского диалекта (г. Вилюйск) в экспериментально-фонетической программе Praat

[Table 5. Non-initial forms of monosyllabic words in Vilyuysk (town of Vilyuysk) Yakut. Results of analysis in Praat software package]

Слово	Неначальная форма	Слово	Неначальная форма
<i>аал</i> 'корабль' выделен 1-й слог	Д1 0,28 И1 63,88 Д2 0,13 И2 63,56	<i>ас</i> 'еда' выделен 2-й слог	Д1 0,09 И1 64.40 Д2 0,15 И2 65.85
<i>аан</i> 'дверь' выделен 1-й слог	Д1 0,27 И1 64.03 Д2 0,11 И2 63.88	<i>ас</i> 'волос' выделен 2-й слог	Д1 0,08 И1 63.79 Д2 0,11 И2 64.52
<i>аат</i> 'имя' выделен 1-й слог	Д1 0,24 И1 63.78 Д2 0,10 И2 62.29	<i>бас</i> 'голова' выделен 2-й слог	Д1 0,08 И1 66.41 Д2 0,09 И2 70,86
<i>баас</i> 'рана' выделен 1-й слог	Д1 0,21 И1 64.68 Д2 0,12 И2 60.79	<i>ат</i> 'лошадь' выделен 2-й слог	Д1 0,07 И1 65.63 Д2 0,11 И2 68.44
<i>саас</i> 'возраст' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,21 И1 64.16 Д2 0,20 И2 65.33	<i>сыл</i> 'год' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,09 И1 77,84 Д2 0,14 И2 68,53
<i>таас</i> 'камень' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,22 И1 63.13 Д2 0,14 И2 64.37	<i>тыл</i> 'язык' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,09 И1 73,22 Д2 0,16 И2 69.66
<i>хаан</i> 'кровь' выделен 1-й слог	Д1 0,20 И1 63.08 Д2 0,17 И2 63.33	<i>кэм</i> 'время' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,14 И1 67.73 Д1 0,10 И2 70.17
<i>саат</i> 'стыд' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,18 И1 61.05 Д2 0,17 И2 67.51	<i>эр</i> 'мужчина' выделен 2-й слог	Д1 0,11 И1 71.88 Д2 0,17 И2 70.89
<i>баай</i> 'богатый' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,15 И1 64.99 Д2 0,12 И2 67.32	<i>эт</i> 'мясо' выделен 1-й слог	Д1 0,20 И1 69.27 Д2 0,19 И2 67.51
<i>кыыл</i> 'зверь' выделен 1-ый слог	Д1 0,15 И1 68.63 Д2 0,14 И2 66.49	<i>бэрт</i> 'отличный' выделен 1-й слог	Д1 0,19 И1 68.99 Д2 0,13 И2 69.75
<i>ый</i> 'месяц' выделен 1-й слог	Д1 0,14 И1 68.66 Д2 0,11 И2 65.58	<i>дьол</i> 'счастье' выделен 1-й слог	Д1 0,20 И1 72.06 Д2 0,15 И2 69.27
<i>кыыс</i> 'девушка' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,18 И1 64.68 Д2 0,12 И2 66.80	<i>дьон</i> 'народ' выделен 1-й слог	Д1 0,14 И1 71.26 Д2 0,12 И2 66.94
<i>тыын</i> 'дух' выделен 1-й слог	Д1 0,15 И1 69.50 Д2 0,15 И2 67.19	<i>от</i> 'трава' выделен 2-й слог	Д1 0,11 И1 66,22 Д2 0,11 И2 70.18
<i>уус</i> 'мастер' выделен 1-й слог	Д1 0,21 И1 65.01 Д2 0,11 И2 69.04	<i>сир</i> 'земля' выделен 2-й слог	Д1 0,09 И2 71.53 Д2 0,19 И2 72.31
<i>биир</i> 'один' выделен 1-й слог	Д1 0,21 И1 72.11 Д2 0,15 И2 72.03	<i>ис</i> 'живот' выделен 2-й слог	Д1 0,11 И1 65.92 Д2 0,14 И2 69.08
<i>дьүүл</i> 'суд' выделен 1-й слог	Д1 0,26 И1 70.60 Д2 0,12 И2 68.11	<i>кун</i> 'солнце' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,14 И1 70.67 Д2 0,21 И2 68.20
<i>куус</i> 'сила' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,19 И1 66.19 Д2 0,12 И2 67.02	<i>ун</i> 'имущество' выделен 2-й слог	Д1 0,08 И1 66.64 Д2 0,15 И2 66.88
<i>уут</i> 'молоко' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,19 И1 69.04 Д2 0,21 И2 68.64	<i>ус</i> 'три' выделен 2-й слог	Д1 0,08 И1 64.23 Д1 0,14 И2 67.42
<i>сүүс</i> 'сто' выделен 2-й слог	Д1 0,14 И1 67.78 Д2 0,16 И2 69.88	<i>өй</i> 'ум' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,14 И1 73.20 Д2 0,15 И2 70.40
<i>туун</i> 'ночь' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,15 И1 69.65 Д2 0,20 И2 67.52	<i>өс</i> 'зло' выделен 2-й слог	Д1 0,08 И1 68.13 Д2 0,12 И2 74.80

Видно, что наиболее часто с лонгой употребляются слова с краткими *э*, *ы* и с длинными *уу*, *ыы*, *аа* в первом слоге.

Таблица 6. Результаты анализа неначальных форм однослогов северо-восточного диалекта (с. Верхоянск) в экспериментально-фонетической программе Praat

[Table 6. Non-initial forms of monosyllabic words in northeastern (village of Verkhoyansk) Yakut. Results of analysis in Praat software package]

Слово	Неначальная форма	Слово	Неначальная форма
<i>аал</i> 'корабль' выделен 1-й слог	Д1 0,33 И1 69.38 Д2 0,19 И2 65.36	<i>ас</i> 'еда' выделен 2-й слог	Д1 0,10 И1 75.23 Д2 0,10 И2 76.38
<i>аан</i> 'дверь' выделен 1-й слог	Д1 0,33 И1 70.64 Д2 0,14 И2 70.66	<i>ас</i> 'волос' выделен 1-й слог	Д1 0,12 И1 75.24 Д2 0,12 И2 73.22
<i>аат</i> 'имя' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,34 И1 68.43 Д2 0,16 И2 69.23	<i>бас</i> 'голова' выделен 1-й слог	Д1 0,12 И1 76.64 Д2 0,12 И2 73.68
<i>баас</i> 'рана' выделен 1-й слог	Д1 0,29, И1 69.13 Д2 0,12 И2 68.60	<i>ат</i> 'лошадь' выделен 1-й слог	Д1 0,17 И1 74.29 Д2 0,12 И2 73.14
<i>саас</i> 'возраст' выделен 1-й слог	Д1 0,26 И1 72.60 Д2 0,10 И2 68.36	<i>сыл</i> 'год' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,10 И1 72.28 Д2 0,11 И2 74.63
<i>таас</i> 'камень' выделены 1-й слог	Д1 0,31 И1 74.14 Д2 0,13 И2 67.49	<i>тыл</i> 'язык' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,14 И1 73.03 Д2 0,13 И2 74.32
<i>хаан</i> 'кровь' выделен 1-й слог	Д1 0,26 И1 69.54 Д2 0,10 И2 66.34	<i>кэм</i> 'время' выделен 2-й слог	Д1 0,11 И1 73.32 Д2 0,13 И2 75.56
<i>баай</i> 'богатый' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,21 И1 75.25 Д2 0,18 И2 66.97	<i>эр</i> 'мужчина' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,11 И1 73.02 Д2 0,12 И2 72.53
<i>кыыл</i> 'зверь' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,33 И1 68.83 Д2 0,19 И2 69.99	<i>эт</i> 'мясо' выделен 1-й слог	Д1 0,11 И1 72.13 Д2 0,07 И2 72.86
<i>ыый</i> 'месяц' выделен 2-й слог	Д1 0,16 И1 68.69 Д2 0,17 И2 68.81	<i>бэрт</i> 'отличный' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,11 И1 75.06 Д2 0,12 И2 74.31
<i>кыыс</i> 'девушка' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,28 И1 66.17 Д2 0,15 И2 72.17	<i>дьол</i> 'счастье' выделен 1-й слог	Д1 0,10 И1 74.69 Д2 0,06 И2 74.38
<i>уус</i> 'мастер' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,25 И1 69.48 Д2 0,18 И2 75.54	<i>от</i> 'трава' выделен 2-й слог	Д1 0,15 И1 74.53 Д2 0,15 И2 75.74
<i>биир</i> 'один' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,23 И1 72.51 Д2 0,20 И2 73.40	<i>сир</i> 'земля' выделен 2-й слог	Д1 0,09 И1 72.77 Д2 0,12 И2 75.90
<i>дьүүл</i> 'суд' выделен 2-й слог	Д1 0,15 И1 71.57 Д2 0,16 И2 74.87	<i>ис</i> 'живот' выделен 2-й слог	Д1 0,09 И1 70.07 Д2 0,11 И2 74.95
<i>куус</i> 'сила' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,25 И1 69.05 Д2 0,18 И2 74.02	<i>кун</i> 'солнце' выделен 2-й слог	Д1 0,09 И1 73.21 Д2 0,13 И2 75.38
<i>уут</i> 'молоко' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,23 И1 69.60 Д2 0,17 И2 76.77	<i>ун</i> 'имущество' выделен 2-й слог	Д1 0,10 И1 74.02 Д2 0,14 И2 74.62
		<i>ус</i> 'три' выделен 2-й слог	Д1 0,10 И1 70.27 Д2 0,13 И2 73.19
		<i>өй</i> 'ум' выделены 1-й слог	Д1 0,22 И1 75.95 Д2 0,19 И2 73.69
		<i>өс</i> 'зло' выделены 1-й и 2-й слоги	Д1 0,13 И1 73.98 Д2 0,13 И2 73.38

Из таблицы видно, что первый слог выделен в большинстве неначальных форм однослогов с *э*, *ы*, *а* и с долгими гласными.

Заключение

Как в [Деяния и послания апостолов 1858], так и в современных диалектах присутствует тенденция выделения первого слога неначальных форм однослогов с по-

мощью длительности и интенсивности. Эта тенденция проявляется нерегулярно. Наиболее часто выделение присутствует для гласных первого слога: *э*, *ы*, *аа*, *уу*. Интересно, что эта статистическая особенность присутствует как в памятнике, так и в современных говорах, по данным экспериментально-фонетического анализа, и подтверждает

точность фиксации материала создателями «Деяний и посланий апостолов», которая в этом вопросе даже превосходила записи диалектологического словаря. Безусловно,

современные говоры нуждаются в дальнейшем исследовании с точки зрения этой особенности.

Источники

Словарь. Виллойск 2021 — Словарь односложных слов виллойского диалекта якутского языка [электронный ресурс] // Lingvodoc. Алтайские языки. Тюркские языки. Якутский язык. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4357/154/perspective/4357/155/view> (дата обращения: 12.12.2021).

Словарь. Верхоянск 2021 — Словарь односложных слов северо-восточного диалекта якутского языка (поселок Верхоянск) [электронный ресурс] // Lingvodoc. Алтайские языки. Тюркские языки. Якутский язык. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4357/7/perspective/4357/8/view> (дата обращения: 12.12.2021).

Литература

Барашков 1985 — *Барашков П. П.* Фонетические особенности говоров якутского языка. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1985. 188 с.

Воронкин 1999 — *Воронкин М. С.* Диалектная система языка саха. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма РАН, 1999. 197 с.

Гуляева 2004 — *Гуляева Е. П.* История книги в Якутии: 1812–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Якутск, 2004. 22 с.

ДАЯЯ 2004 — Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Ч. 1: Фонетика / отв. ред. И. Е. Алексеев, сост. С. А. Иванов. Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. фил., 2004. 124 с.

Деяния и послания апостолов 1858 — Деяния и послания апостолов. На якутском языке. М.: Московская Синодальная типография. 1858. 350 с.

Дыбо 2015 — *Дыбо А. В.* О «первичных» долготах в тюркских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1 (13). С. 5–20.

Дыбо, Норманская 2016 — *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4 (23). С. 138–152.

Дьячковский 1971 — *Дьячковский Н. Д.* Звуковой строй якутского языка. Часть 1. Вокализм. Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 192 с.

Иванов 1993 — *Иванов С. А.* Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с.

Sources

Northeastern (Verkhoyansk) Dialect of Yakut: A Dictionary of Monosyllabic Words. On: Lingvodoc. Altaic Languages. Turkic Languages. Yakut Language. Available at: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4357/7/perspective/4357/8/view> (accessed: December 12, 2021). (In Yak.)

Vilyuysk Dialect of Yakut: A Dictionary of Monosyllabic Words. On: Lingvodoc. Altaic Languages. Turkic Languages. Yakut Language. Available at: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4357/154/perspective/4357/155/view> (accessed: December 12, 2021). (In Yak.)

Норманская, Каримова, Эмба 2017 — *Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Эмба З. Н. В. В. Катаринский* — автор первой книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. 2017 № 2 (33) С. 46–52.

Норманская, Нуриева 2018 — *Норманская Ю. В., Нуриева Ф. Ш.* Диалектные особенности первых кириллических книг на татарском языке // Вопросы тюркской филологии: материалы Дмитриевских чтений, посвященных памяти Д. М. Насилова / отв. ред. М. М. Репенкова, Е. А. Оганова, О. Н. Каменева. М.: Изд-во МБА, 2018. С. 95–113.

Нуриева 2015 — *Нуриева Ф. Ш.* Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2015. № 2 (17). С. 67–73.

Нуриева 2017 — *Нуриева Ф. Ш.* Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века // Урало-алтайские исследования. 2017 № 3 (26). С. 161–173.

Пекарский 1899–1916 — Словарь якутского языка, составленный Э. К. Пекарским при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионова. Вып. 1–13. СПб.: Имп. Акад. наук, 1899–1916. 2145 с.

Рясянен 1955 — *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 221 с.

Убрятова 1945 — *Убрятова Е. И.* Очерк истории якутского языка. Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1945. 36 с.

Хитров 1858 — *Хитров Д.* Краткая грамматика якутского языка. М.: Синодальная типография, 1858. 137 с.

- Шаймердинова 2016 — *Шаймердинова Н. Г.* Анализ системы консонантизма в казахских памятниках конца XIX – начала XX вв. // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4. С. 128–137.
- Экба, Норманская, Каримова 2019 — *Экба З. Н., Норманская Ю. В., Каримова Р. Н.* Три диалекта в «Букваре для башкир» А. Г. Бессонова // Урало-алтайские исследования. 2019. № 2 (33). С. 101–111.
- Böhtlingk 1951 — *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, 1. Teil, Einleitung, Jakutischer Text // Тюркологический сборник. № 1. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. С. 80–84.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 2106 p.
- Stachowki 1995 — *Stachowki M.* Studien zum Wortschatz der jakutischen Übersetzung des Neuen Testaments. Kraków: Enigma Press, 1995. 63 p.
- Stachowski 1993 — *Stachowski M.* Geschichte des jakutischen Vokalismus. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1993. 208 p.
- Normanskaya Yu. V., Nurieva F. Sh. Dialectic features of the first Cyrillic books in the Tatar language. In: Repenkova M. M., Oganova E. A., Kameneva O. N., Vorobyova S. N. (eds.) Issues of Turkic Philology. Dmitriev Readings. Commemorating. D. Nasilov. Proceedings. Moscow: Moscow State University, 2018. Pp. 95–113. (In Russ.)
- Nurieva F. Sh. A linguistic monument of the Ser-gach Mishars' dialect: a confession text from the 19th century. *Ural-Altai Studies*. 2017. No. 3 (26). Pp. 161–173. (In Russ.)
- Nurieva F. Sh. The dialectal base of the books written in 'Christened Tatar' in the latter half of the 19th century. *Ural-Altai Studies*. 2015. No. 2 (17). Pp. 67–73. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. (comp.) A Dictionary of Yakut Compiled by E. K. Pekarsky in Closest Consultation with Ven. D. D. Popov and V. M. Ionov. Vols. 1–13. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1899–1916. 2145 p. (In Yak. and Russ.)
- Räsänen M. Turkic Languages: Materials in Historical Phonetics. Moscow: Foreign Languages Publ. House, 1955. 221 p. (In Russ.)
- Shaymerdinova N. G. Analysis of consonant system in the Kazakh written monuments of the late 19th and early 20th centuries. *Ural-Altai Studies*. 2016. No. 4. Pp. 128–137. (In Russ.)
- Stachowki M. Studien zum Wortschatz der jakutischen Übersetzung des Neuen Testaments. Kraków: Enigma Press, 1995. 63 p. (In Germ.)
- Stachowski M. Geschichte des jakutischen Vokalismus. Kraków: Jagiellonian University, 1993. 208 p. (In Germ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 2106 p. (In Eng.)
- Ubratova E. I. The Yakut Language: A Historical Essay. Yakutsk: Yakut ASSR Publ. House, 1945. 36 p. (In Russ.)
- Voronkin M. S. Sakha Dialect System. Novosibirsk: Nauka, 1999. 197 p. (In Russ.)
- Acts and Epistles of the Apostles in Yakut. Moscow: Most Holy Synod, 1858. 350 p. (In Yak.)
- Alekseev I. Ye., Ivanov S. A. A Dialect Atlas of Yakut. Yakutsk: Siberian Branch of RAS (Yakutsk), 2004. 124 p. (In Yak. and Russ.)
- Barashkov P. P. Phonetic Peculiarities of Yakut Dialects. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1985. 188 p. (In Russ.)
- Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, 1. Teil, Einleitung, Jakutischer Text. In: Turkological Collection. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1951. Pp. 80–84. (In Germ.)
- Dyachkovsky N. D. Yakut Phonetic System. Vol. 1: Vocalism. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 192 p. (In Russ.)
- Dybo A. V. On 'primary' lengths in Turkic languages. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2015. No. 1 (13). Pp. 5–20. (In Russ.)
- Dybo A. V., Normanskaja J. V. The first Cyrillic books in Kazakh as a base for studying the history of dialects and creating a literary standard. *Ural-Altai Studies*. 2016. No. 4 (23). Pp. 138–152. (In Russ.)
- Ekba Z. N., Normanskaya Yu. V., Karimova R. N. Three dialects in Alexander Bessonov's 'ABC Book for the Bashkirs'. *Ural-Altai Studies*. 2019. No. 2 (33). Pp. 101–111. (In Russ.)
- Gulyaeva E. P. History of the Book in Yakutia, 1812–1917. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Yakutsk, 2004. 22 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. The Central Cluster of Yakut Dialects: Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1993. 352 p. (In Russ.)
- Khitrov D. A Brief Grammar of the Yakut Language. Moscow: Most Holy Synod, 1858. 137 p. (In Russ.)
- Normanskaya Yu. V., Karimova R. N., Ekba Z. N., Is V. V. Katarinski the author of the first Cyrillic Bashkir-language book? *Ural-Altai Studies*. 2017. No. 2 (33). Pp. 46–52. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 1, pp. 144–157, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.141'42

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-144-157

Поговорки башкирского языка (проблема разграничения, анализ структуры)

Зиннур Амирович Сиразитдинов¹, Лилия Айсовна Бускунбаева²

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5619-5773. E-mail: sazin11@mail.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3495-3742. E-mail: buskl@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Дифференциация пословиц и поговорок, являясь междисциплинарной проблемой, остается одной из актуальных и не разрешенных до конца задач как в фольклористической, так и в языковедческой науках. Не только в башкирской и тюркской, но и отечественной и зарубежной науке в целом до сих пор не выработана единая точка зрения на проблему разграничения пословиц и поговорок. *Объектом исследования* в данной статье выступает пословично-поговорочный фонд башкирского языка. *Цель исследования* — анализ и выявление основных критериев разграничения пословиц от поговорок башкирского языка. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе изданных Институтом истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН томов башкирского фольклора и экспедиционных материалов. Общий объем исследованного на сегодняшний день пословично-поговорочного фонда составляет 12 197 единиц, в том числе 1 172 поговорки. Сплошному анализу подвергся весь обозначенный фонд паремий. В исследовании применялись методы семантического и контекстуального анализа, статистический метод. *Результаты.* В статье изучены и выявлены следующие критерии определения башкирских поговорок: синтаксическая структура в виде незаконченного или законченного предложения, пополняемость из речевого контекста, обобщение на уровне конкретной ситуации, буквальный план, возможность (необязательность) дидактичности. Разработанная авторами методика разграничения пословиц и поговорок на башкирском материале, опирающаяся на труды зарубежных, отечественных и башкирских ученых, позволила представить пословицы и поговорки в фольклорном корпусе отдельными базами данных. Анализ поговорок показывает значительное преобладание по

количеству синтаксически и семантически завершенных конструкций по сравнению с другими конструкциями.

Ключевые слова: башкирский язык, тюркские языки, пословица, поговорка, фольклор, корпус фольклора

Благодарность. Настоящее исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Создание корпуса диалектных текстов башкирского языка» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040710023-4).

Для цитирования: Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А. Поговорки башкирского языка (проблема разграничения, анализ структуры) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 144–157. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-144-157

Bashkir Proverbs and Sayings: The Problem of Differentiation, Analysis of Structural Patterns

Zinnur A. Sirazitdinov¹, Liliya A. Buskunbaeva²

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave, 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0001-5619-5773. E-mail: sazin11@mail.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0003-3495-3742. Email: buskl@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A., 2022

Abstract. *Introduction.* Being an interdisciplinary problem, differentiation between proverbs and sayings remains an urgent and unresolved issue in both folklore and linguistic studies. Not only Bashkir and Turkic — even national and foreign — scholars have failed to develop any single viewpoint on distinguishing between proverbs and sayings. The article deals with a corpus of Bashkir proverbs and sayings. *Goals.* The work aims at analyzing and identifying key criteria for distinguishing between proverbs and sayings within Bashkir discourse. *Materials and methods.* The study investigates Bashkir folklore narratives and expedition materials published by the Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of the RAS). The total number of proverbs and sayings studied to date is 12.197, of which 1.172 expressions are referred to as sayings (bywords). The entire collection of paroemias was subjected to continuous analysis. The research employs methods of semantic and contextual analysis, statistical method. *Results.* The article explores and identifies the following criteria for defining Bashkir sayings: a syntactically incomplete or complete sentence, semantic replenishment from speech contexts, generalization at the level of each specific situation, literal plan, a possibility (optional) of didacticism. The methodology developed by the authors for differentiating between proverbs and sayings in Bashkir folklore on the basis of works by foreign, Russian and Bashkir researchers makes it possible to present proverbs and sayings in separate databases within one folklore corpus. Analysis of sayings shows a significant quantitative predominance of syntactically and semantically complete constructs as compared to other structural patterns.

Keywords: Bashkir language, Turkic languages, proverb, saying, folklore, folklore corpus

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А17-117040710023-4 ‘Creating a Corpus of Bashkir Dialect Texts’.

For citation: Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A. Bashkir Proverbs and Sayings: The Problem of Differentiation, Analysis of Structural Patterns. *Oriental Studies*. 2022. 15(1): 144–157. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-144-157

I. Введение

В лаборатории лингвистики и информационных технологий Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (далее — УФИЦ РАН) ведется работа над корпусом башкирского фольклора на основе многотомного издания устного народного творчества башкирского народа и экспедиционных материалов, собранных сотрудниками отдела фольклористики [Бу-сунбаева и др. 2017].

Поговорки и пословицы являются одними из древнейших жанров устного народного творчества, в которых находят отражение жизненный опыт и житейская мудрость народа. Эти два типа паремий очень близки друг к другу, поскольку и поговорки, и пословицы обладают определенной семантикой, синтаксической структурой, идиоматичностью, экспрессивностью и являются устойчивыми обозначениями типовых ситуаций, выражают мировоззрение, содержат оценочный момент [Балова 1999: 4].

К сожалению, в башкирской филологической науке разграничение поговорок и пословиц до сих пор не являлось объектом самостоятельного исследования. Некоторые аспекты были затронуты в работах башкирских ученых [Амантай 1960; Мэргэн 1960; Нэзершина 1983; Хөсәйенов 2010; Ураксин 1975].

Из-за отсутствия специальных исследований башкирские фольклористы традиционно не разделяют эти два типа паремий. Первый опыт разграничения башкирских пословиц и поговорок осуществлен Ф. А. Надршиной в X томе «Башкирского народного творчества. Пословицы и поговорки» [БХИ 2006].

Однако критерии разграничения пословичных и поговорочных выражений, предложенные автором, не являются полными. Электронный банк паремий фольклорного корпуса башкирского языка как масштабное паремиологическое собрание должен дифференцированно представлять пользователям поговорочные и пословичные единицы.

В отечественной филологической науке пословицы и поговорки являются объектом исследований языковедов более полутора века. Однако не только вопрос о разграничении этих категорий, но и само определение этих терминов остаются до сих пор актуальными и далекими от завершения. Ряд авторов вообще отвергает правомерность существования поговорок как отдельного типа паремии [Кунин 1986: 301; Аничков 1992: 150].

Исследователи паремии отмечают, что в западноевропейской лингвистической школе русское слово «поговорка» не имеет точного эквивалента в этих языках. Классические и западноевропейские языки оперируют только понятиями «пословица» и «идиома» [Аничков 1992: 149; Хайруллина 2013: 176].

Большинство исследователей паремии, в том числе и на западноевропейских языках, все же считает правомерным существование терминов «пословица» и «поговорка» и предлагает свои определения, которые, по их мнению, могут разграничивать речевые фрагменты по этим двум категориям паремии [Райхштейн 1971: 40; Eismann, Grzybek 1994: 115]. Так, А. Д. Райхштейн, исследуя немецкие пословицы и поговорки, указывает, что появление конкретизаторов, выражающих частный смысл, помогает отличить поговорку от близких по структуре пословиц [Райхштейн 1971: 73].

В данной статье излагаются существующие в отечественной филологической науке определения поговорок и пословиц, обосновывается подход авторов статьи к разграничению этих двух типов башкирской паремии, выявляются структурные типы выделенных поговорок.

II. История вопроса

В отечественной и зарубежной науке до сих пор не выработана единая точка зрения на проблему разграничения пословиц и поговорок. В исследованиях по данной проблеме прослеживаются семантический и синтаксический критерии их дифференциации.

Семантический критерий

Наличие дидактического смысла

Основной функцией пословицы исследователями считается дидактическое содержание паремии. В русистике впервые оно было высказано в 1831 г. исследователем И. М. Снегиревым, который, наряду с такими характеристиками пословиц, как выражение коллективного опыта и распространенность, выделил и их дидактичность [Снегирев 1831: 3].

В. И. Даль первым добавил в определение пословицы такой основополагающий признак, как «обиняк» (иносказательность, образность) [Даль 1862: 18]. По В. И. Далю, пословица — это фрагмент речи, характеризующийся следующими свойствами: народность, образность, суждение, дидактичность. Поговорка же — фрагмент речи, отличающийся от пословицы отсутствием суждения и дидактичности [Даль 1862: 18].

Наличие в пословицах дидактического составляющего выдвигается как основной критерий в разграничении их от поговорок известными паремиологами [Рыбникова 1961; Бабкин 1964; Пермьяков 1988; Мокиенко 2005].

Так, А. М. Бабкин различие между ними находит в *назидательном* (курсив наш. — З. С., Л. Б.) характере. По мнению автора, в поговорке, представляющей собой иносказательное экспрессивно-эмоциональное выражение, отсутствуют нравственные правила и поучения [Бабкин 1964: 86].

Башкирские ученые Г. Б. Хусаинов, Ф. А. Надршина основное различие между башкирскими пословицами и поговорками также видят в дидактических составляющих пословиц [Хөсәйенов 2010: 186; Нәзершина 1983: 5].

Степень обобщенности значений

Ряд паремиологов подвергает критике критерий дидактичности. Так, ведущий современный паремиолог Л. Б. Савенкова считает, что каждая пословица или поговорка может иметь контекст дидактического характера [Савенкова 1999].

И пословицы, и поговорки выполняют функцию объяснения устройства мира, норм и правил поведения. Это является целью любого назидательного высказывания [Карасик 2002: 210–211], поэтому критика присутствия дидактичности только в пословицах выглядит правомерной.

О. Широкова, С. Г. Гаврин, Ю. П. Солодуб и Ф. Б. Альбрехт видят семантическую разницу в разной степени обобщенности значений пословиц и поговорок. Первые отражают наиболее общие закономерности действительности, вторые представляют обобщение на уровне конкретной ситуации [Гаврин 1958: 98; Солодуб, Альбрехт 2002: 195].

О. Широкова также относит к пословицам изречения, имеющие переносный смысл, а к поговоркам — изречения, не имеющие переносного смысла [Широкова 1931: 11].

Ф. А. Надршина, составитель нескольких академических изданий башкирских пословиц и поговорок, различие между пословицами и поговорками усматривает в том, что пословицы выражают обобщенное суждение, в то время как поговорки образно и переносно именуют конкретную ситуацию [Нәзершина 1983: 5].

Критерий по наличию / отсутствию семантической двуплановости

Ученые [Жуков 2000а: 9; Телия 1996: 30; Савенкова 1999; Молотков 1986: 16; Черданцева 1977: 146; Кораблева 2006: 62] считают основным критерием разграничения пословиц и поговорок наличие семантической двуплановости. По мнению А. И. Молоткова, пословица по своему смыслу всегда двупланова: обладает одновременно как прямым планом содержания высказывания, соответствующим значению слов, так и иносказательным. В то время как поговорка по своему содержанию всегда однопланова и передает только прямой смысл содержания высказывания [Молотков 1986: 16].

По мнению Л. Б. Савенковой, двуплановость пословиц обуславливается тем, что часть элементов пословицы наделена переносным значением, поговорки лишены переносного значения [Савенкова 1999].

В. Н. Телия наличие и отсутствие двуплановости объясняет следствием не внутриязыковых закономерностей, а условиями жанра — его притчевого характера [Телия 1996: 30].

Однако ряд авторов не соглашается с мнением об отсутствии образности и иносказательности поговорок [Аникин 1957: 15]. Другие исследователи, считающие, что существует немалое количество пословиц,

которые, несмотря на наличие у них образной структуры, выражают только прямой смысл и употребляются в прямом значении [Семененко 2005: 204].

Ряд исследователей считает, что образность является типичной лексико-семантической чертой и пословиц, и поговорок, но не является их обязательным атрибутом [Райхштейн 2004: 58; Иванова 2003: 61].

Синтаксический критерий

Устойчивость структуры пословиц отмечается многими исследователями как один из основных критериев разграничения пословиц и поговорок. Еще А. А. Потебня в своем определении поговорки акцентировал внимание на структурном различии пословиц и поговорок. По его мнению, пословицы представляют собой сложное сцепление лиц и действий, а поговорки — один из элементов этого сцепления [Потебня 1914: 108].

На реализацию пословицы в виде предложения или «сцепления» предложений указывал и И. Е. Аничков, а поговорки же, по мнению автора, не являются предложениями или являются неполными или короткими предложениями [Аничков 1964: 41].

На наличие грамматической завершенности у пословиц указывают следующие исследователи: [Шрамм 1954: 7; Тарланов 1999: 30; Ойноткинова 2012: 46]. Анализируя пословично-поговорочный материал алтайского языка, Н. Р. Ойноткинова приходит к выводу, что пословицы по своему композиционно-синтаксическому строению состоят из двухчастных и более параллелизмов, или сложных предложений [Ойноткинова 2012: 46].

Синтаксическую незавершенность и одночленность поговорок узбекского языка отмечает и М. М. Раджабова [Раджабова 2016: 163].

Башкирские исследователи также отмечают различие синтаксических структур пословиц и поговорок. Так, Г. Амантай характеризовал пословицы как народные изречения, выраженные в виде двух коротких рифмованных предложений [Амантай 1960: 157].

К. Мэргэн выделяет пословицу как изречение, формально представляющее собой завершенное предложение [Мэргэн 1960: 32].

С. А. Галин отмечает, что по формальному признаку пословицы имеют форму законченного суждения и в логико-грамматическом плане представляют собой предложение или фразу [Галин 1981: 12].

Тем не менее ряд исследователей не обнаруживает разницы между пословицами и поговорками в формальном оформлении. Так, В. П. Жуков считает, что как пословицы, так и поговорки составляют в «грамматическом отношении законченное предложение» [Жуков 2000а: 9].

Аналогичной точки зрения придерживаются Ю. П. Солодуб и Ф. Б. Альбрехт, определяющие эти паремии как «краткие и меткие народные изречения, имеющие структуру замкнутого предложения» [Солодуб, Альбрехт 2002: 193].

О существовании поговорок в форме простого предложения указывают также С. Г. Гаврин [Гаврин 1958: 31], В. А. Архангельский [Архангельский 1964: 166], А. М. Бабкин [Бабкин 1964: 30] и ряд других исследователей.

Ф. А. Надршина также считает, что башкирские поговорки, как и пословицы, часто имеют структуру предложения [Нэзершина 1983: 97]. Так, автор приводит в своей работе следующие примеры башкирской паремии в форме сложноподчиненных предложений: *Өйөң тар булһа ла күңелең киң булһын* 'Если даже дом тесен, пусть твоя душа будет широкой' и *Өйөм кысык булһа ла, күңелем киң* 'Дом мой хотя и тесен, зато душа широка'¹. Первый пример автор относит к пословице, а следующий — к поговорке [Нэзершина 1983: 5].

Специалист в области структурной паремиологии Г. Л. Пермяков предлагает различать пословицу и поговорку по признаку грамматической завершенности. По мнению автора, пословица — замкнутое предложение, состоящее из одних постоянных членов, поговорка же — незамкнутое предложение, пополняемое из речевого контекста [Пермяков 1988: 17].

Г. Л. Пермяков вводит понятие клишированности и считает пословицы полностью клишированными, употребляющимися в речи без изменения и дополнения. Поговорки же в речи принимают дополнительный член, при этом ученый считает, что и посло-

¹ Здесь и далее перевод авторов.

вицы, и поговорки обладают образной мотивировкой [Пермяков 1988: 17].

Ш. Х. Махмутов в разграничении пословиц и поговорок татарского языка также считает клишированность основным лингвистическим критерием [Махмутов 1995: 13].

Ряд специалистов отмечает ритмическое строение пословиц [Аникин 1957: 14; Кунин 1986: 300; Бабкин 1964: 25]. При этом исследователь башкирской паремии С. А. Галин отмечает, что в башкирской паремии ритмическую структуру могут иметь и пословицы, и поговорки [Галин 1981: 8].

Сложность разграничения пословиц и поговорок требует комплексного критерия, учитывающего и семантические, и синтаксические критерии. Эти два типа паремий тесно связаны и постоянно взаимодействуют на общей структурно-семантической платформе: пословицы переходят в поговорки и наоборот. Это дало основание Г. Л. Пермякову трактовать паремиологические типы как парадигматические формы с трансформацией внешних или внутренних структур [Пермяков 1988: 94].

Некоторые вопросы данного класса переходных пословично-поговорочных выражений русского языка, вызывающие труд-

ности в их классификации, рассмотрены в работах [Жуков 2000а; Жуков 2000б].

III. Материалы и методы

Анализ и разграничение пословично-поговорочных паремий осуществляется на основе изданных ИИЯЛ УФИЦ РАН томов башкирского фольклора [БХИ 1980; БХИ 2006] и экспедиционных материалов [ЭМ 2005; ЭМ 2006; ЭМ 2009; ЭМ 2011]. Общий объем исследованного на сегодняшний день пословично-поговорочного фонда составляет 12 197 единиц.

Изучив существующие взгляды исследователей на разграничение пословичных и поговорочных высказываний и осуществив анализ собранной башкирской паремии, считаем правомерным классификацию паремийных выражений на пословицы и поговорки. Не отрицая факта существования пословично-поговорочных выражений, которые включают одновременно свойства как пословиц, так и поговорок и могут классифицироваться двояко, нами выделены критерии, на основе которых проведено разграничение башкирской паремии на пословицы и поговорки. Эти критерии приведены в таблице 1.

Таблица 1. Критерии разграничения пословиц и поговорок
[Table 1. Criteria for distinguishing between proverbs and sayings]

Пословица	Поговорка
Всегда имеет форму предложения	Может иметь форму предложения
Является замкнутой (целиком клишированной)	Является незамкнутой, пополняемой из речевого контекста
Двуплановость: буквальный и переносный план	Одноплановость: буквальный план
Высокая степень обобщённости значения	Обобщение на уровне конкретной типизированной ситуации
Ярко выраженная назидательность	Может иметь дидактичность

Рассмотрим вышеперечисленные критерии при разграничении следующих паремических выражений:

- 1) *Әлеге лә баягы, шул болгаткыс таягы* букв. ‘Опять то же самое, та же палка мотовки’, соотв. ‘Опять двадцать пять’:
 - не имеет форму предложения;
 - не является полностью клишированным (встречаются конструкции с варьированием: *Әлеге лә баягы, шул Кәлимулла таягы* букв. ‘Опять то же самое, та же палка Калимуллы’, *Әлеге лә баягы, шул Шәкирийән*

таягы букв. ‘Опять то же самое, та же палка Шакирьяна’ и др.);

- конструкция представляет собой обобщение на уровне ситуации;
- отсутствует назидательность и дидактичность.

Следовательно, данное выражение относится к поговорке.

- 2) *Алтын бөртөкләп йыйыла* букв. ‘Золото собирается крупницами’:
 - имеет форму предложения;
 - является целиком клишированным;

– имеет буквальный смысл (золото собирается крупницами), переносный смысл (любой результат достигается постепенно, большим трудом).

Алтын бөртөкләп йыйыла тигәндәй, яйлап малдарын да шиәйтәләр ‘Как говорится, золото собирается крупницами, постепенно увеличивают поголовье скота’ [КБЯПБ. Л. Миңлебаева]:

– назидательность заключена в самой семантике выражения.

Следовательно, данное выражение относится к поговорке.

3) *Елдән килгән елгә китә* букв. ‘С ветром пришло, на ветер и пошло’:

– имеет форму предложения;

– не является клишированным. Так, в тексте *Елдән килгән — күберәк елгә китә ул. Бригадирзың был һүзәрә теге йыуан агайга нисек тәһсир иткәндер — уньһын әйтәп булмай* ‘Что с ветром пришло, в большинстве случаев на ветер и пошло. Нельзя сказать, как эти слова бригадира имели воздействие на того толстого дядю’ [КБЯПБ. Р. Фабдрахманов]. В данном примере наблюдается вставка конкретизатора *күберәк*;

– имеет обобщение на уровне ситуации: полученное легко без усилий, легко и уходит;

– имеет дидактическое значение.

По принятым нами критериям, это выражение относится к поговоркам.

IV. Типы и структуры башкирских паремиологических единиц

На основе представленных выше критериев разграничения поговорок и поговорок нами создаются две базы данных этих двух видов паремиологических единиц в корпусе фольклора башкирского языка [Бускунбаева и др. 2017]. На данном этапе нами разграничен и проанализирован материал поговорок.

1. Поговорки

Принятые нами критерии показывают, что к поговоркам относятся следующие паремиологические выражения.

1.1. *Синтаксически и семантически незавершенные конструкции*

Нами выделено 49 поговорок с такой синтаксической структурой. В этих конструкциях отсутствует предикативность: *Асык та тишек, тәһрә лә ишек* букв. ‘Открыто да дыряво, окно да дверь’, соотв. ‘Не-

бом покрыто, ветром огорожено’; *Баһым да күзем, аяғым да үзем* букв. ‘Голова моя да глаза, ноги да я сам’ (поговорка про холостяка); *Иске төймә, яңы тун* ‘Старая пуговица, новая шуба’, *Иске йөрәк, яңы дәрт* букв. ‘Старое сердце, новый задор’, *Әлеге лә баяғы, шул болгаткыс таяғы* букв. ‘Опять то же самое, та же палка мутовки’ и т. д. Они не обладают номинативностью, а являются маркерами ситуации. Используются в речи для краткой и экспрессивной передачи характеристики ситуации. Анализ корпусных проектов башкирского языка (прозы и публицистики) показывает, что в предложениях они включаются либо посредством слов *тип* ‘как; говоря’, *әйткәндәй* ‘как говорится; к слову’, *халык әйтмешләй* ‘как в народе говорится; как народ говорит’ или могут употребляться как вводные конструкции:

(1) *Бер йәшлектә, бер картлыкта тип, был карт төлкө киләндәргә күз һала түгелме?* ‘Как говорится, тряхнув стариной, не заглядывает ли этот старый лис на невесток?’ [КБЯПБ. Г. Мостафина].

(2) *Иске йөрәк, яңы дәрт тип, һаман күз төшмөш икән* ‘Как говорят, юношеский задор в зрелом возрасте, до сих пор испытываешь влюбленность’ [КБЯПБ. Х. Назар].

1.2. *Синтаксически незавершенные, семантически полные конструкции*

К этой группе мы относим поговорки, представляющие безглагольные, независимые от контекста предложения: *Азнаһына биһи йома* ‘Семь пятниц на неделе’, *Бары менән байрам* букв. ‘С тем, что есть праздник’, соотв. ‘Чем богаты, тем и рады; чем Бог послал’, *Бәлә өстөнә бәлә* букв. ‘За (одним) горем — (случается другое) горе’, *Иске күлдәккә яңы ямау* букв. ‘Новая заплатка на старом платье’, соотв. ‘Те же кафтаны, да не те карманы’, *Үзеңдеке — үзәктә, кешенеке — кештәктә* букв. ‘Свое — в центре, чужое — в ластовицах’, соотв. ‘Своя рубашка ближе к телу’, *Килән алама, кәйнә насар* букв. ‘Невестка плоха, свекровь — злодейка’, *Силәгенә күрә капкасы* букв. ‘По бадье и крышка’, соотв. ‘По Сеньке и шапка’, *Иске ауыздан яңы һүз* букв. ‘Новые слова из старых уст’ (выдавать общеизвестную истину за что-л. новое) и др. Выявлено всего 206 поговорок с такой структурой.

Эти конструкции отличаются от неполных предложений тем, что они обладают большей или меньшей степенью самостоя-

тельности вне контекста или ситуации. На отсутствие в предложении невербализованного сказуемого указывает собственный лексико-грамматический состав предложения [Бускунбаева 2008: 96]. Такие синтаксические конструкции позволяют сосредоточить внимание на второстепенных членах, находящихся под логическим ударением [Будагова 1982: 13; Махмудов 1978: 6].

Большинство исследователей относит их к эллиптическим предложениям [Виноградов 1972: 127; Шахматов 1941: 385; Сибагатов 1984: 137–139; Валгина 1991: 213]. В грамматике русского языка они рассматриваются как структурные варианты самостоятельных, двусоставных именных моделей предложений [СРЯ 1971: 339].

В башкирском языкознании такие синтаксические конструкции рассматриваются и как эллиптические предложения [Бускунбаева 2008: 96–101], и как предложения, имеющие неглагольное сказуемое [ГСБЛЯ 1981: 395; Кабирова 2010].

Эти паремические высказывания являются незамкнутыми, пополняемыми из речевого контекста. В художественной речи они часто выступают как органическая часть сложного предложения: *Иске ауыздан яңы һүз ишетеп ултырам, — тине ул, Рашиҙәнең күзенә тура карап* ‘Слышу новые слова из старых уст, — сказал он, глядя Рашиде прямо в глаза’ [КБЯП. М. Тажи]; *Бары менән байрам итеп, тыйнак йәшәргә, самалап атларға тура килә* ‘Приходится довольствоваться тем, что есть, жить скромно, ходить осторожно’ [КБЯП. Ә. Хәкимов]; *Беренсе көндән башлап бәлә өстөнә бәлә өстәлсәк, уны алдан ук белеп торам, — тине ул* ‘С первого же дня случится одно горе за другим, я об этом заранее знаю, — сказал он’ [КБЯП. Ә. Бикчәнтәев]. Как показывают примеры, при употреблении таких поговорок в речи, невербализованное глагольное сказуемое часто находит свое восполнение благодаря контексту.

1.3. Синтаксически и семантически завершенные конструкции

Таковыми являются поговорки, представляющие собой:

а) односоставные предложения: *Атын алдырғас, капкаһын бикләгән* букв. ‘После кражи лошади, запер ворота’, соотв. ‘После драки кулаками не машут’, *Ашаған табағына төкөргән* букв. ‘Плюнул в чашу,

из которой ел’, соотв. ‘Не плюй в колодец, пригодится воды напиться’, *Башын күк менән япкан* букв. ‘Крышу небом покрыл’, *Йоко биреп, кайғы алдым* букв. ‘Проспав, заполучил горе’, *Күзгә күренде, кулга теймәне* букв. ‘На глаза показалось, до рук не дошло’, соотв. ‘По усам текло, да в рот не попало’, *Күпте белһәң тиз картайырһың* ‘Много будешь знать, быстро состаришься’ и др. Нами выявлено 248 поговорок, имеющих структуру односоставного предложения.

В отличие от пословиц, схожих с поговорками по синтаксической структуре, последние не являются замкнутыми, в речи часто употребляются с конкретным субъектом. Например: *Артта калып һөйрәләп кайтырға яраткан ике класташ малай нишләптер был юлы алға төшөп алды. Береһе шул ашаған табағына төкөрөп күрһәткән сибәркәй, икенсеһе колға кеүек озон Динар инде* ‘Два одноклассника, любящие плестись домой позади всех, в этот раз ушли вперед. Один из них симпатяга, который плюет в чашу, из которой ест, второй долговязый Динар’ [КБЯП. Л. Мырзабаева].

Поговорки, выраженные односоставным предложением, в художественных текстах часто вставляются в речь персонажей, при этом глагольные предикаты принимают разные аффиксы лица:

(3) «Ниңә?» — *тип һорағайным, күп белһәң, тиз картайырһың, ти.* ‘На мой вопрос «Почему?», он ответил: «Много будешь знать, быстро состаришься»’ [КБЯП. М. Ғиләжев];

(4) *Ул, был хәленән тиз генә котолорға теләп, ике малайының сәстәренән һыпырзы. — Күп белһәгез, тиз картайырһығыз* ‘Он, желая освободиться от этого состояния, погладил по волосам двоих своих мальчиков’. — Много будете знать, быстро состаритесь’ [КБЯП. М. Ғиләжев];

(5) *Күпте белгән — тиз картайған. — Председатель шартлатып кабина ишеген япты* ‘Много знал — быстро состарился. — Председатель с шумом закрыл двери кабинета’ [КБЯП. Р. Низамов].

б) двусоставные предложения: *Донъя бер беззән генә калмаған* букв. ‘Всё проходит, нет ничего вечного’, *Елкәлә күз юк* букв. ‘На затылке нет глаз’, *Йәшерен таш төрән һындыра* букв. ‘Скрытая кочка телегу опрокидывает’, *Йүкә кайышты өзгән,*

Килен булып кем уськән букв. 'Никто не рождается невесткой', *Кәйләм үтмәһә, хәйләм үтәр* букв. 'Не получится с кайлом, получится хитростью', *Ишәк ишен тапкан* букв. 'Ишак нашел себе пару', *Көн узһын, сабата тузһын* букв. 'Лишь бы день прошел да лапти изнасились', соотв. 'Хоть пень колотить, лишь бы день проводить', *Булган эш булган, үкенеүзән узган* букв. 'Что сделано, то сделано, жалеть поздно', соотв. 'Сделанного не воротись', *Дошман алтмыш булһа, дустар етмеш* букв. 'Если врагов будет шестьдесят, то друзей будет семьдесят', *Дәрт бар — дарман юк* букв. 'Задору много, да мочи нет', соотв. 'Видит око, да зуб неймет' и др.

Основными признаками таких поговорок также являются незамкнутость и обобщение на уровне конкретной типизированной ситуации.

Данные поговорки могут включаться в состав предложения как целостные языковые единицы либо посредством слов *тип* 'как; говоря', *тигән* 'сказал', *тигәндәй* 'как говорится; к слову':

(6) *Галдатка ни кайза ла барыбер — уга көн узһын да сабата тузһын* букв. 'Солдату все равно где находиться, ему лишь бы день прошел да лапти изнасились' [КБЯП. М. Ямалетдинов];

(7) *Хезмәттәге күпселек «көн узһын, сабата тузһын» тигән принцип менән йәшиәй* 'Большинство служащих живет по принципу «Лишь бы день прошел да лапти изнасились»' [КБЯПб. И. Нурғәлиев].

Будучи незамкнутыми, члены синтаксической конструкции могут принимать различные аффиксы принадлежности и лица:

(8) *Ул кырыйзагы рәттә, арткы парта-ла ине, елкәмдә күзем бармы ни?* 'Он сидел в крайнем ряду, на последней парте. Разве у меня есть глаза на затылке?' [КБЯП. Г. Якупова].

В рассмотренном примере наблюдается изменение аффиксов лица и замена предиката *юк* на *бармы*.

В последующих примерах наблюдается изменение синтаксической структуры поговорки:

(9) *Үземдең шиғыр язырға дәрттем булһа ла, дарманым юк, ә әзер рифмаларзы әрәм итке килмәй* 'Несмотря на то, что у меня желание есть, да силы нет писать стихи, а готовые рифмы не хочет-

ся использовать понапрасну' [КБЯПб. М. Буракаева]. Поговорка *Дәрттем бар, дарманым юк* из сложносочиненного предложения трансформирована в сложноподчиненную структуру:

(10) *Үсмерзең дәрте бар, тик дарманыгына юк һымак* 'Кажется, что у юноши есть желание, только сил нет' [КБЯП. Р. Байбулатов]. Поговорка представлена в данном примере сложносочиненной союзной конструкцией.

Поговорки, имеющие подобную синтаксическую структуру, составляют большинство из общего числа, их выявлено всего 669 единиц.

V. Выводы

В статье изучены и выявлены следующие критерии определения башкирских поговорок: синтаксическая структура в виде незаконченного или законченного предложения, пополняемость из речевого контекста, обобщение на уровне конкретной ситуации, буквальность, возможность (необязательность) дидактичности.

На основе представленных критериев выделены 1 172 поговорки из имеющихся на данный момент 12 197 паремических выражений.

Анализ поговорок показывает, что из них 49 представлены синтаксически и семантически незавершенными конструкциями.

Авторами выделены 206 поговорок в виде синтаксически незавершенных, семантически полных предложений (эллиптические предложения). 917 поговорок являются синтаксически и семантически завершенными конструкциями, из них: а) односоставные предложения представляют 248 единиц; б) двусоставные предложения — 669 единиц.

Приведенные статистические данные подтверждают мнение той части паремистов, утверждающих о том, что формальное синтаксическое оформление не является основным критерием, претендующим на полноту при разграничении поговорок и пословиц. Более весомыми критериями при разрешении данной проблемы являются выявление клишированности, степени обобщенности значения и определение наличия / отсутствия семантической двуплановости этих паремистических единиц.

Основную трудность при разграничении поговорок и пословиц представляют конструкции в виде полных предложений (односоставные и двусоставные). В выявлении клишированности и обобщенности значения паремии надежным инструментом являются текстовые корпуса. В нашей работе мы опираемся на проекты прозаического и публицистического корпусов башкирского языка. Башкирские поговорки активно используются в художественных и публицистических текстах как своеобразное художественно-изобразительное средство.

Если пословицы, являясь клиширован-

ными, преимущественно включаются в тексты без каких-либо трансформаций, то поговорки претерпевают различного рода преобразования. Модификация может коснуться как лексического состава поговорок (включение, изменение или исключение того или иного слова в составе), так и структурного (замена словоизменяемых или формообразующих аффиксов и т. д.).

Разработанная методика выявления поговорочных выражений успешно используется в создании обособленной поговорочной базы фольклорного корпуса башкирского языка.

Источники

- КБЯП — Корпус башкирского языка. Проза [электронный ресурс] // Институт истории языка и литературы УФИЦ РАН. URL: <http://212.193.134.139/bashkorp/bashkorp> (дата обращения: 11.07.2021–25.09.2021).
- КБЯПб — Корпус башкирского языка. Публицистика [электронный ресурс] // Институт истории языка и литературы УФИЦ РАН. URL: <http://212.193.134.139/bashkorp/korpuspub> (дата обращения: 11.07.2021–25.09.2021).

Литература

- Амантай 1960 — *Амантай Г.* Найланма эсэрзэр (= Избранные произведения). Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1960. 180 с. (На башк. яз.)
- Аникин 1957 — *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
- Аничков 1964 — *Аничков И. Е.* Идиоматика идиом и фразеологизмов // Проблемы фразеологии: исследования и материалы. М.; Л.: Наука, 1964. С. 37–69.
- Аничков 1992 — *Аничков И. Е.* Идиоматика и семантика (Заметки, представленные А. Мейе, 1927) // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 140–150.
- Архангельский 1964 — *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского унта, 1964. 315 с.
- Бабкин 1964 — *Бабкин А. М.* Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.; Л.: Наука, 1964. 76 с.
- Балова 1999 — *Балова И. М.* Синтаксис кабардинских пословиц и поговорок: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1999. 293 с.
- БХИ 2006 — Башкорт халык ижады. 10-сы том: Мәкәлдәр һәм әйтемдәр (= Башкирское на-

Sources

- Bashkir National Corpus. Publicism. Copyright of the Institute of History, Language and History; Ufa Federal Research Centre of the RAS. Available at: <http://212.193.134.139/bashkorp/korpuspub> (accessed: July 11, 2021 to September 25, 2021). (In Bash.)
- Bashkir National Corpus. Prose. Copyright of the Institute of History, Language and History; Ufa Federal Research Centre of the RAS. Available at: <http://212.193.134.139/bashkorp/bashkorp> (accessed: July 11, 2021 to September 25, 2021). (In Bash.)
- родное творчество. Т. 10: Пословицы и поговорки). 1-се китап / яу. мөх. З. Ф. Ураксин, төз. Ф.А. Нәзершина, Уфа: Китап, 2006. 543 с. (На башк. яз.)
- БХИ 1980 — Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр (= Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки) / яу. мөх. К. Мәргән, төз. Ф. А. Нәзершина. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1980. 470 с. (На башк. яз.)
- Будагова 1982 — *Будагова З. И.* Азербайджанский язык. Баку: Элм, 1982. 140 с.
- Бускунбаева 2008 — *Бускунбаева Л. А.* Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке. Уфа: Гилем, 2008. 114 с.
- Бускунбаева и др. 2017 — *Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А., Ишмухаметова А. Ш., Шамсутдинова Г. Г., Хусаинова Г. Р.* К проблеме создания корпуса текстов афористических жанров башкирского фольклора // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XVII Всеросс. научн. конф. с междунар. участием (г. Уфа, 1–2 июня 2017 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 60–63.
- Валгина 1991 — *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1991. 432 с.

- Виноградов 1972 — *Виноградов В. В.* Русский язык. М.: Наука, 1972. 354 с.
- Гаврин 1958 — *Гаврин С. Г.* К вопросу об отличии пословицы от поговорок в современном русском литературном языке // Ученые записки Пермского государственного педагогического института. Вып. 17. Пермь, 1958. С. 23–46.
- Галин 1981 — *Галин С. А.* Башкорт фольклорының афористик жанрлары (= Афористический жанр башкирского фольклора. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1981. 65 с. (на башк. яз.)
- ГСБЛЯ 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / под ред. А. А. Юлдашева. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Даль 1862 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1862. [4], XL, 1096 с.
- Жуков 2000а — *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд. М.: Русский язык, 2000. 544 с.
- Жуков 2000б — *Жуков К. А.* Пословично-поговорочные выражения в семантико-типологическом аспекте // Вестник Новгородского государственного университета. 2000. № 21. С. 61–65.
- Иванова 2003 — *Иванова Е. В.* Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): дисс. ... д-ра филол. наук. СПб, 2003. 416 с.
- Кабирова 2010 — *Кабирова Г. У.* Структурно-семантические особенности предложений с именным сказуемым в башкирском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 22 с.
- Карасик 2002 — *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Кораблева 2006 — *Кораблева И. О.* Семантические свойства фразеологизмов, выражающих чувство гнева // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: мат-лы I Междунар. науч. конф.: в 4 частях. Кемерово: Юнити, 2006. Ч. 2. С. 59–65.
- Кунин 1986 — *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
- Махмудов 1978 — *Махмудов Н. В.* Эллипсис в узбекском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1978. 17 с.
- Махмутов 1995 — *Махмутов Х. Ш.* Афористические жанры татарского фольклора: дисс. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. Казань, 1995. 76 с.
- Мэргэн 1960 — *Мэргэн К. (Киреев А. Н.)* Башкорт халык мәкәлдәре (= Башкирские народные пословицы). Уфа: Башкирск. кн. изд-во. 1960. 263 с. (На башк. яз.)
- Мокиенко 2005 — *Мокиенко В. М.* В глубь поговорок: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. 3-е изд. СПб.: Авалон; Азбука-классика, 2005. 256 с.
- Молотков 1986 — *Молотков А. И.* Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
- Нәзершина 1983 — *Нәзершина Ф. А.* Халык һүзе (= Слово народное). Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1983. 160 с. (На башк. яз.)
- Ойноткинова 2012 — *Ойноткинова Н. Р.* Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск: Наука, 2012. 354 с.
- Пермяков 1988 — *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
- Потебня 1914 — *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / изд. М. В. Потебни. Харьков: тип. «Мирный труд», 1914. 162 с.
- Раджабова 2016 — *Раджабова М. М.* О роли и месте пословиц и поговорок в системе языка // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. Худжанд, 2016. Вып. 3 (48) С. 163–168.
- Райхштейн 1971 — *Райхштейн А. Д.* Немецкие устойчивые фразы. Пособие по лексикологии немецкого языка. Л.: Просвещение, 1971. 184 с.
- Райхштейн 2004 — *Райхштейн А. Д.* Ohne Fleiss kein Preis. Немецкие устойчивые фразы. Пособие по лексикологии немецкого языка. М.: Менеджер, 2004. 240 с.
- Рыбникова 1961 — *Рыбникова М. А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 232 с.
- Савенкова 1999 — *Савенкова Л. Б.* Пословица, поговорка и поговорка как термины филологии // Мысли о русских поговорках [электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20100128063418/http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija.html> (дата обращения: 27.10.2021).
- Семенов 2005 — *Семенов Н. Н.* Проблемы лингвистического статуса пословиц и поговорок // Лингвистические и методические

- основы филологической подготовки учителя-словесника: сб. мат-лов междунар. науч.-метод. конф.: в 2 т. Т. 1. Старый Оскол: ТНТ, 2005. С. 201–208.
- Сибгатов 1984 — *Сибгатов Р. Г.* Теория предикативности (на материале татарского языка). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 207 с.
- Снегирев 1831 — *Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах. Ч. 1. М.: В Университетской типографии, 1831. 246 с.
- СРЯ 1971 — Современный русский язык / под ред. Д. Э. Розенталя. М.: Высшая школа, 1971. 512 с.
- Солодуб, Альбрехт 2002 — *Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка (сопоставительный аспект). М: Флинта, Наука, 2002. 258 с.
- Тарланов 1999 — *Тарланов З. К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: ПГУ, 1999. 447 с.
- Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. 284 с.
- Ураксин 1975 — *Ураксин З. Г.* Фразеология башкирского языка. М.: Наука, 1975. 192 с.
- Хайруллина 2013 — *Хайруллина Д. Д.* К вопросу о разграничении пословиц и поговорок (на примере английского, русского и татарского языков) // Альманах современной науки и образования, 2013. № 6 (73). С. 173–177.
- Хөсәйенов 2010 — *Хөсәйенов Ф. Б.* Өзәбиәт теорияһы (= Теория литературы). Уфа: Китап, 2010. 384 с. (На башк. яз.)
- Черданцева 1977 — *Черданцева Т. З.* Язык и его образы: очерки по итальянской фразеологии. М.: Изд-во ЛКИ, 1977. 168 с.
- Шахматов 1941 — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
- Широкова 1931 — *Широкова О.* Жизнь пословицы // Русский язык в школе. 1931. № 6–7. С. 7–15.
- Шрамм 1954 — *Шрамм А. Н.* Наблюдения над синтаксическим строением русских пословиц (Простое предложение): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954. 16 с.
- ЭМ 2005 — Экспедиционные материалы – 2005: Янаульский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Л. К. Сальманова, А. М. Хакимьянова, Ф. Ф. Гайсина, Г. Р. Якупова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 264 с.
- ЭМ 2006 — Экспедиционные материалы – 2006: Бураевский район / сост. Г. Р. Хусаинова Р. А. Султангареева, Г. М. Ахметшина, Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина, А. С. Сальманов. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2008. 240 с.
- ЭМ 2009 — Экспедиционные материалы – 2009: Бурзянский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, А. М. Хакимьянова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 208 с.
- ЭМ 2011 — Экспедиционные материалы – 2011: Учалинский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 156 с.
- Eismann, Grzybek 1994 — *Eismann W, Grzybek P.* Sprichwort, sprichwörtliche Redensart und Phraseologismus. Vom Mythos der Nicht-Trennbarkeit // Sprachbilder zwischen Theorie und Praxis. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1994. 89–132 p.

References

- Amantai G. Selected Works. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1960. 180 p. (In Bash.)
- Anichkov I. E. Idiomatics and semantics: The 1927 notes by A. Meillet revisited. *Voprosy Jazykoznanija*. 1992. No. 5. Pp. 140–150. (In Russ.)
- Anichkov I. E. Idiomatics of idioms and phraseological units. In: Issues of Phraseology. Collected studies and materials. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. Pp. 37–69. (In Russ.)
- Anikin V. P. Russian Proverbs, Sayings, Riddles, and Children's Folklore. Moscow: Uchpedgiz, 1957. 240 p. (In Russ.)
- Arkhangelsky V. L. Set Phrases in Modern Russian. Rostov-on-Don: Rostov State University, 1964. 315 p. (In Russ.)
- Babkin A. M. Lexicographic Advancement of Russian Phraseology. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. 76 p. (In Russ.)
- Balova I. M. Syntax of Kabardian Proverbs and Sayings. Cand. Sc. (philology) thesis. Nalchik, 1999. 293 p. (In Russ.)
- Budagova Z. I. Azerbaijani Language. Baku: Elm, 1982. 140 p. (In Russ.)
- Buskunbaeva L. A. Speech Compression Patterns with Parallels in Bashkir Discourse. Ufa: Gilem, 2008. 114 p. (In Russ.)
- Buskunbaeva L. A., Sirazitdinov Z. A., Ishmukhametova A. Sh., Shamsutdinova G. G., Khusainova G. R. Creating a corpus of Bashkir aphoristic folklore texts: The question approached. In: Topical Issues of Russia's Dialect Studies. Conference proceedings (Ufa;

- June 1–2, 2017). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2017. Pp. 60–63. (In Russ.)
- Cherdantseva T. Z. Language and Its Images: Essays on Italian Phraseology. Moscow: LKI, 1977. 168 p. (In Russ.)
- Dal V. I. The Sayings and Bywords of the Russian People. Collected proverbs, sayings, bywords, riddles, beliefs, etc. Moscow: Imperial Society of History and Antiquities (Moscow University), 1862. [4], XL, 1096 p. Available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003565716?page=7&rotate=0&theme=white (accessed: September 19, 2021). (In Russ.)
- Eismann W, Grzybek P. Sprichwort, sprichwörtliche Redensart und Phraseologismus. Vom Mythos der Nicht-Trennbarkeit. In: Sprachbilder zwischen Theorie und Praxis. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1994. Pp. 89–132. (In Germ.)
- Galin S. A. Bashkir Folklore: The Aphoristic Genre. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1981. 65 p. (In Bash.)
- Gavrin S. G. Differences between proverbs and sayings in modern standard Russian revisited. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 1958. Vol. 17. Pp. 23–46. (In Russ.)
- Ivanova E. V. Proverbial Conceptualization of the World: A Case Study of English and Russian Proverbs. Dr. Sc. (philology) thesis. St. Petersburg, 2003. 416 p. (In Russ.)
- Kabirova G. U. Bashkir Sentences with Nominal Predicates: Structural and Semantic Features Analyzed. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ufa, 2010. 22 p. (In Russ.)
- Karasik V. I. The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russ.)
- Khairullina D. D. Differentiating between proverbs and sayings: A comparative insight into English, Russian and Tatar. *Almanac of Modern Science and Education*. 2013. No. 6 (73). Pp. 173–177. (In Russ.)
- Khusainov G. B. Theory of Literature. Ufa: Kitap, 2010. 384 p. (In Bash.)
- Khusainova G. R. et al. (comps.) Burayevsky District (Republic of Bashkortostan, Russia): Expedition Materials – 2006. Ufa: Methodology Research and Training Center (Bashkortostan Ministry of Education), 2008. 240 p. (In Bash. and Russ.)
- Khusainova G. R. et al. (comps.) Yanaulsky District (Republic of Bashkortostan, Russia): Expedition Materials. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2009. 264 p. (In Bash. and Russ.)
- Khusainova G. R., Yuldybaeva G. V. (comps.) Uchalinsky District (Republic of Bashkortostan, Russia): Expedition Materials – 2011. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2012. 156 p. (In Bash. and Russ.)
- Khusainova G. R., Yuldybaeva G. V., Khakimyanova A. M. (comps.) Burzyansky District (Republic of Bashkortostan, Russia): Expedition Materials – 2009. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2011. 208 p. (In Bash. and Russ.)
- Korableva I. O. Phraseological units that express anger: Semantic features reviewed. In: The Changing Russia. New Paradigms and Solutions in Linguistics. Conference proceedings. In 4 vols. Kemerovo: Yuniti, 2006. Vol. 2. Pp. 59–65. (In Russ.)
- Kunin A. V. Modern English Phraseology: A Coursebook. Moscow: Vysshaya Shkola, 1986. 336 p. (In Russ.)
- Makhmudov N. V. Ellipsis in Uzbek. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Tashkent, 1978. 17 p. (In Russ.)
- Makhmutov Kh. Sh. Aphoristic Genres of Tatar Folklore. Dr. Sc. (philology) thesis. Kazan, 1995. 76 p. (In Russ.)
- Märgän K. (Kireev A. N.) Bashkir Proverbs. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1960. 263 p. (In Bash.)
- Mokienko V. M. An Insight into Proverb: Narratives about Origins of Bywords and Metaphors. 3rd ed. St. Petersburg: Avalon; Azbuka-Klassika, 2005. 256 p. (In Russ.)
- Molotkov A. I. Russian Phraseological Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1986. 543 p. (In Russ.)
- Nadrshina F. A. (comp.) Bashkir Folklore. Proverbs and Sayings. A. Kireev (ed). Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1980. 472 p. (In Bash.)
- Nadrshina F. A. (comp.) Bashkir Folklore. Vol. 10: Proverbs and Sayings. Ufa: Kitap, 2006. 544 p. (In Bash.)
- Nadrshina F. A. The Folk Word. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1983. 160 p. (In Bash.)
- Oynotkinova N. R. Altaian Proverbs and Sayings: Genre Poetics and Pragmatics. Novosibirsk: Nauka, 2012. 354 p. (In Russ.)
- Permyakov G. L. Foundations of Structural Paremiology. Moscow: Nauka, 1988. 236 p. (In Russ.)
- Potebnya A. A. Excerpts from Lectures on Theoretical Linguistics: Fable, Proverb, Saying. M. Potebnya (ed.). Kharkov: Mirnyi Trud, 1914. 162 p. (In Russ.)

- Radzhabova M. M. The role and place of proverbs and sayings in the system of the language. *Scientific Notes of the Gafurov Khujand State University. Humanities*. 2016. No. 3 (48). Pp. 163–168. (In Russ.)
- Reichstein A. D. German Set Phrases: A Coursebook in German Lexicology. Leningrad: Prosveshchenie, 1971. 184 p. (In Russ.)
- Reichstein A. D. Ohne Fleiss kein Preis: German Set Phrases. A coursebook in German lexicology. Moscow: Manager, 2004. 240 p. (In Russ.)
- Rosenthal D. E. (ed.) Contemporary Russian. Moscow: Vysshaya Shkola, 1971. 512 p. (In Russ.)
- Rybnikova M. A. Russian Proverbs and Sayings. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. 232 p. (In Russ.)
- Savenkova L. B. Proverb, saying and paroemia as linguistic terms. In: Thoughts about Russian Paroemias. Available at: <https://web.archive.org/web/20100128063418/http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija.html> (accessed: October 27, 2021). (In Russ.)
- Schramm A. N. Observations over Syntactic Structures of Russian Proverbs: Simple Sentence. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1954. 16 p. (In Russ.)
- Semenenko N. N. Proverbs and sayings: Problems of linguistic status. In: Linguistic and Methodological Essentials of Training a Language Teacher. Conference proceedings. In 2 vols. Stary Oskol: TNT, 2005. Vol. 1. Pp. 201–208. (In Russ.)
- Shakhmatov A. A. Russian Syntax. Leningrad: Uchpedgiz, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Shirokova O. Life of proverb. *Russkiy yazyk v shkole*. 1931. No. 6–7. Pp. 7–15. (In Russ.)
- Sibagatov R. G. Theory of Predicativity: A Case Study of the Tatar Language. Saratov: Saratov State University, 1984. 207 p. (In Russ.)
- Snegirev I. M. Russians in Their Proverbs. Vol. 1. Moscow: Imperial Moscow University, 1831. 246 p. (In Russ.)
- Solodub Yu. P., Albrecht F. B. Modern Russian Lexicon and Phraseology: A Comparative Aspect. Moscow: Flinta, Nauka, 2002. 258 p. (In Russ.)
- Tarlanov Z. K. Russian Proverbs: Syntax and Poetics. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1999. 447 p. (In Russ.)
- Teliya V. N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury, 1996. 284 p. (In Russ.)
- Uraksin Z. G. Bashkir Phraseology. Moscow: Nauka, 1975. 192 p. (In Russ.)
- Valgina N. S. Syntax of Modern Standard Russian. Moscow: Vysshaya Shkola, 1991. 432 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. Russian Language. Moscow: Nauka, 1972. 354 p. (In Russ.)
- Yuldashev A. A. (ed.) Grammar of Modern Standard Bashkir. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Zhukov K. A. Proverbs and sayings in semantic and typological perspectives. *Vestnik of Novgorod State University*. 2000. No. 21. Pp. 61–65. (In Russ.)
- Zhukov V. P. A Dictionary of Russian Proverbs and Sayings. 7th ed. Moscow: Russkiy Yazyk, 2000. 544 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 1, pp. 158–168, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.581/81.112.2/140.8
 DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-158-168

Этимология иероглифа 佛 и рецепция буддизма в Китае

Анастасия Геннадьевна Люлина^{1,2}

¹ Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, доцент

² Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 научный сотрудник
 0000-0003-0634-8844. E-mail: alyulina88@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022
 © Люлина А. Г., 2022

Аннотация. *Введение.* Исследование этимологии китайского иероглифа 佛 (fó) показывает, что важными факторами его использования для перевода понятия «Будда» с санскрита из индийских сутр является не только фонетика, но и морфология самого иероглифа, а также его интерпретация в древних китайских текстах. *Цель статьи* — этимологический анализ иероглифа 佛 с выделением ранних значений на основе примеров из текстов классических философских сочинений, что позволит выявить причины закрепления 佛 в переводах в отличие от созвучных лексем (как 浮). Обращение к историко-культурному фону, особенностям распространения учения Будды и зарождения китайского переводоведения позволило подчеркнуть влияние этих процессов на происхождение нового значения 佛. *Источниковую базу* исследования составили китайские этимологические и толковые словари, сводные электронные языковые базы и тексты китайских исторических сочинений, а также материалы, представленные в трудах историков-лингвистов. *Результаты.* Знак 佛 встречался в даосской и конфуцианской литературе задолго до распространения буддизма в Китае. Его этимологический и семантический анализ, интерпретация ряда значений, встречающихся в текстах философских сочинений, позволили показать истоки нового значения иероглифа 佛 «Будда» и его использования в переводах. История развития простой фоноидеогаммы 佛 затрагивает когнитивный аспект лингворегиональных исследований и отражает сложный процесс адаптации буддийского учения в Китае, а также становления китайского переводоведения в условиях межкультурного взаимодействия Индии, Китая и государств Тохаристана в первых веках н. э.

Ключевые слова: китайские иероглифы, 佛, буддизм, Будда, логограмма, этимология, тексты, переводы

Благодарность. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Люлина А. Г. Этимология иероглифа 佛 и рецепция буддизма в Китае // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 1. С. 158–168. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-158-168

Etymology of the Character 佛 and Reception of Buddhism in China

Anastasiya G. Lyulina^{1,2}

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

² Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 104031 Moscow, Russian Federation) Research Associate

 0000-0003-0634-8844. E-mail: alyulina88@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Lyulina A. G., 2022

Abstract. *Introduction.* The etymology of the Chinese character 佛 (fó) shows that not only phonetics but also morphology of the character proper, as well as its interpretation in ancient Chinese texts, serve important factors of its use to translate the concept of 'Buddha' from Sanskrit Indian sutras. *Goals.* Etymological analysis of the hieroglyph 佛 with identification of early meanings based on citations from classical philosophical writings will reveal reasons for the primary use of the character 佛 in translations, in contrast to other assonant lexemes (e.g., 浮). Insights into historical and cultural backgrounds, peculiarities of the dissemination of Buddha's teachings and beginnings of Chinese translation studies prove instrumental in emphasizing the influence of these processes on subsequent development of the new meaning. *Materials.* The study analyzes Chinese etymological and explanatory dictionaries, language databases and Chinese historical texts, as well as materials presented in works of linguists and historians. *Results.* The sign 佛 had been used in Taoist and Confucian literature long before the arrival of Buddhism in China. Its etymological and semantic analyses, interpretations of main meanings discovered in philosophical texts make it possible to show origins of the new meaning of the hieroglyph 佛 'Buddha' and its use in translations. The history of development of the pictophonetic 佛 involves a cognitive aspect of linguoregional studies and reflects the complex process of Buddhist teachings adaptation in China, as well as the formation of Chinese translation studies in the context of interaction between India, China and domains of Tokharistan (Xiyu states) in the earliest centuries AD.

Keywords: Chinese characters, 佛, Buddhism, Buddha, logogram, etymology, texts, translations

Acknowledgements. The reported study was funded by Peoples' Friendship University of Russia Strategic Academic Leadership Program.

For citation: Lyulina A. G. Etymology of the Character 佛 and Reception of Buddhism in China. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 158–168. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-158-168

Введение

В притче ханьского Мин-ди, которая изложена в «Хоу ханьшу», говорится, что император увидел во сне «золотого человека», которого называли Буддой 佛:

《后汉书·西域传》：「西方有神，名曰佛，其形长丈六尺而黄金色」 [Fan Ye].

‘«Поздняя история династии Хань. Описание Западных земель»: На Западе есть божество по имени Будда, его образ золотистого цвета, высотой в два человеческих роста» (здесь и далее перевод мой. — А. Г.).

Сон стал предтечей знакомства китайского народа с буддийским учением и последующего перевода священных сутр. Понятия «Будда», «буддизм» и производные определения на китайском языке обозначаются иероглифом 佛 (fó). При переводе специальных терминов и имен с других языков на китайский часто используется метод подбора транскрипции по схожести звучания. Так, в этимологических словарях указано, что значение иероглифа 佛 «Будда» происходит от санскритских понятий बुद्ध (buddha 'Будда', 'просветленный'),

बोधि (bodhi ‘просветление, как состояние ума’), а также बोधती (bódhati ‘просыпаться, пробуждаться’) [Fo zi].

Корень «budh» в этих модификациях соотносится с ранними вариантами диалектного произношения иероглифа 佛 как “bət” (классич. старокит.), “phət” (среднекит.), “phüt” (мандарин.), “put” (сямэньск.) и др. [Иероглиф «фо»].

Однако в китайском языке существует большое количество омофонов, в связи с чем важно выделять факторы закрепления определенного иероглифического знака в переводе из всего ряда созвучных лексем. Например, иероглифы 帙、袂、荆 также имели варианты произношения “phət” и “phüt” [Иероглиф «фо»], однако не применялись для перевода понятия «Будда» с санскрита, так как их лексические значения далеки от указанных.

Ряд омофонов в отдельных случаях использовался вместо 佛: 勃 (bó), 悖 (bó), 菩 (pú), 浮 (fú). Слова из ряда 佛 – 勃 – 悖 ранее использовались в языке для обозначения «сопротивления, противоречия, нарушения порядка» [Fo zi].

Слова из ряда 佛 – 菩 – 浮 имеют общий смысл, связанный с сознанием, постижением, пробуждением и семантически более близки «budh». Слова 浮屠, 浮圖 упоминаются в «Хоу Ханьшу» и «Вэйшу» в значении «Будда», слово 菩薩 (púsà) означает «бодхисаттва», а 菩提 (pútí) — «совершенное постижение», «прозрение» [Fo zi].

Несмотря на фонетическую и смысловую близость этих понятий в китайских переводах буддийских сутр слово «Будда» закрепилось в виде 佛. Распространенным объяснением использования 佛 в этом значении является также его структурный разбор на простые логограммы: 弗 «не» + 人 «человек» = 佛 «не человек». Эта версия коррелирует с общим представлением Будды Шакьямуни как божества, но представляется довольно поверхностной. Морфологические и семантические характеристики имеют большое значение, но в данном случае необходимо провести более глубокий анализ и проследить этимологию иероглифа во всем комплексе значений. Для исследования этой проблемы необходимо ответить на следующие вопросы: использовался ли этот иероглиф в китайском языке до перевода буддийских текстов в Китае в

1 в. н. э. (и в каких значениях); учитывались ли при переводе другие иероглифы, близкие фонетически и семантически к исходным санскритским понятиям; каковы факторы закрепления иероглифа 佛 в переводах буддийских текстов для понятия «Будда» на начальном этапе рецепции буддизма в Китае в условиях господства классической философии.

Источники и историография

Работа основана на сведениях из китайских этимологических словарей «Шовэнь цзецзы» [Fo hanzhi], «Канси цзыдянь» [Иероглиф «Будда»] международной этимологической базы данных С. А. Старостина «Вавилонская башня» [Иероглиф «фо»], данных из китайских прикладных баз иероглифов и текстов [Shiyong; Fo zi].

Основой лингвистического анализа иероглифа 佛 послужили переводы фрагментов древних китайских философских сочинений «Хоу Ханьшу», «Вэйшу», «Ши цзин», «Дао дэ цзин» и др. [Fan Ye; Wei Shou; Shijing; Lao Zi].

Сведения о первых буддийских монахах-переводчиках в Китае и в целом об истории перевода сутр с санскрита содержатся в памятнике буддийской историографии V–VI вв. «Гао сэн чжуань» 高僧傳 (‘Жизнеописание достойных монахов’) [Gaoseng zhuan].

В качестве вспомогательного материала привлечены работы китайских [Ji 2008; Su 2012; Ma 2001], западных [Zurcher 2013; Mather 1992] и российских исследователей в области лингвистики, истории перевода, китайской философии и буддологии [Готлиб 2019; Янгутов, Орбодоева 2018; Горчинов 2007].

Большое исследование китайского лингвиста и историка Цзи Сяньлинь [Ji 2008] позволило проследить этапы перевода санскритского «budh» с учетом его множественной фонетической трансформации в регионе Западного края, через который это понятие пришло в центральный Китай. Отдельно нужно отметить старое, но очень ценное издание — учебник П. П. Шмидта «Опыт мандаринской грамматики» [Шмидт 1915], где отмечены различные диалектические изменения в фонетике китайского языка в исторической перспективе и общие закономерности развития лексики, полезные для данной работы.

Этимология иероглифа 佛

Крайне сложно определить, в каких источниках и когда именно появился иероглиф 佛, однако можно проследить варианты его производных, «новых» значений. «Новые иероглифы» в китайском языке условно определяются двумя категориями — видоизмененные знаки (转注字), которые появлялись в результате изменения старого знака для выделения нового значения (например, иероглифы 老 и 考, 女 и 母 и др.), и заимствованные (假借字), которые образовались путем метонимии или же замены значения и чтения иероглифа. Например, иероглиф 长 (cháng) ‘длинный’, (zhǎng) ‘старший, расти’ [Шмидт 1915: 58–60].

Рассматриваемый иероглиф 佛 скорее относится ко второй категории¹, так как он использовался в китайских классических сочинениях еще до появления буддийских текстов в Китае. Таким образом, речь идет не о происхождении иероглифа, а о происхождении нового значения известного иероглифа².

В составе иероглифа 佛 выделяются морфограмма-детерминатив 人 (rén) ‘человек’ и простая логограмма-фонема 弗 (fú). Сейчас в большинстве подобных по структуре иероглифов китайского языка логограмма-фонема не рассматривается как значимая часть, однако применительно к древнему периоду развития языка она также может иметь отношение к смысловому содержанию всего знака. 人 не имеет не связанных с человеком значений, поэтому рассмотрим только две группы определений — для фонемы 弗 и иероглифа 佛, встречающихся в китайских источниках.

Рассмотрим следующие значения логограммы 弗:

¹ Для иероглифа 佛 имеются и другие, устаревшие, варианты написания (佛、髻), которые со временем приобрели упрощенный вид [Иероглиф «Будда»].

² Подобная ситуация наблюдается с иероглифом 梵 ‘санскрит, санскритская письменность’ (梵文), который в этом значении появился в толковых словарях (Шовэнь цзецзы) только к IV в. в ходе перевода буддийской литературы, однако встречался в китайских текстах ранее как одна из форм 芑. Использование этого иероглифа также объясняется фонетической близостью к индийскому слову brahmā [Yang 1998: 158–159; Nattier 2008: 41].

1) ‘колчан со стрелами’, ‘перевязанные стрелы’ (в пиктограммах 甲骨文) [Готлиб 2019: 86];

2) заимствованный знак в качестве служебного отрицания в древнекитайских текстах, в том числе даосских:

《道德经》：「知者弗言,言者弗知」(第五十六章) ‘«Дао дэ цзин»: Знающий не разглагольствует, разглагольствующий не знает’ [Lao Zi].

Здесь также важно указать значение 弗 по П. П. Шмидту: «слияние наречия 不 бу ‘не’ и личного местоимения 之 чжи ‘ее’, ‘его’» [Шмидт 1915: 23].

3) очищение, освобождение (духовное и физическое) — в конфуцианских текстах:

《诗经·大雅·生民》：「生民如何,克禋克祀,以弗无子」 ‘«Ши цзин. Великие оды. О происхождении народа»: Как порожден был народ наш? Могла Цзянь Юань, зная обычай, для жертвы принести свою дань, чтобы бесплодие **минуло** ее?’ [Shijing; Ши цзин].

郑玄·注：「弗之言祓也……以祓除其无子之疾,而得其福也」 ‘Чжэн Сюань. «Комментарий»: Слова **отрицания** избавляют от скверны... Чтобы освободить от недуга бездетности и принести счастье’ [Fo zi].

В этом контексте «очищение» духовное и физическое предполагается как «избавление» через «отказ, отрицание».

4) бурный, яростный (поэтич.):

《诗经·小雅·蓼莪》：「南山律律,飘风弗弗」 ‘«Ши цзин. Малые оды. Кувшинки-цветы / Скорбь по умершим родителям»: Громадами южные горы стоят, но ветер меж ними **свирип и жесток**’ [Shijing; Ши цзин].

Далее рассмотрим значения иероглифа 佛:

1) неясный (невидимый), неосязаемый, непознаваемый (непостижимый):

«佛, 見不審也。从人, 弗聲» [Fo han-zi].

2) как будто, словно (в составе 仿佛):

《文选·司马相如·长门赋》：「时仿佛以物类兮, 象积石之将将」 ‘Вэнь сюань. Сыма Сянжу. «Там, где длинны ворота»: Время **напоминает** вещи, перекаывая [в своем течении] бьющиеся друг о друга камни’ [Xiao Tong].

3) против (佛于), в контексте «неприятя», «противоречия»:

《文選·東方朔〈非有先生論〉》：「夫談者有悖於目而佛於耳」‘Вэнь сюань. Дунфан Шо «Очерк о господине Никто»: Слова мужа разнятся с тем, что предстает взору, и претят тому, что слышат уши» [Xiao Tong].

4) принимать участие, помогать, поддерживать:

《詩·周頌·敬之》：「佛時仔肩，示我顯德行！」‘Ши цзин. Гимны дома Чжоу. Обращение царя к советникам»: Тяжесть умерьте для нас, что на плечи легла, и покажите нам доблести светлой дела» [Shijing; Ши цзин].

Этот отрывок можно интерпретировать как призыв *помогать* правителю *нести* тяжелое *бремя* управления, демонстрируя при этом добродетельные качества. Посредством своих знаний и опыта привести состояние дел в равновесие.

Все четыре приведенных значения парно (1–2, 3–4) и вместе связаны ключевой характеристикой мировосприятия человека, его сознания и ощущения. Это важные понятия и в конфуцианском, и в даосском учении, близкие по своей функции к 觉 (jué) («чувственность» как сознание, «созерцание»), встречающееся в сочетаниях 自觉 (самопознание), 正觉 (прозрение), 觉悟 (пробуждение сознания), 觉他 (помощь, просвещение других).

Для сравнения обратимся к ранним значениям знака 浮 (fú), также используемого для обозначения Будды:

《詩·小雅·菁菁者莪》：「載沉載浮」‘Ши цзин. Малые оды. Густые поляны»: Нырнет и всплывет [челн] над гребнями волн» [Ши цзин].

《文選·樛海賦》：「浮天无岸」‘Вэнь сюань. Му Хуа. О море»: **Колышется** безбрежная водная гладь» [Xiao Tong].

《礼记·坊记》：「故君子与其使食浮于人也，宁使人浮于食。」‘Ли цзи. О дамбах»: Совершенный человек **ставит** людей **выше** своего содержания, а не иначе» [Dai Sheng].

Этот знак в основном использовался с описательной целью показать движения в воде, а именно появление (выныривание) на поверхность, что обусловлено ключевой графемой 水 (shuǐ) ‘вода’; в переносном значении — «ставить выше, ценить». Знак 浮 имел произношение bhu (классич. древнекит.) или bhaw (постклассич. среднекит.)

[Иероглиф «фо»]. Вероятно, перевод слова «Будда» как 浮屠 был обусловлен фонетической транслитерацией¹. Для обозначения «учения Будды Шакьямуни» еще употреблялся иероглиф 释 (shì) из его родового имени на китайском 释迦牟尼 (shìjiāmóuní). В «Чжоушу» и «Бэйши» говорится о полемике между последователями учений Будды 释 и Лаоцзы 老:

周书·卷五·武帝纪上：「戊辰，帝御大德殿，集百僚、道士、沙门等讨论释老义。」‘Чжоу шу. Том 5. Летопись деяний императора У-ди. Часть I»: На 5-й год 60-летнего цикла император повелел собрать во дворце Дадэ (Великой добродетели) чиновников, последователей даосизма, буддийских монахов и иных лиц для дискуссии о «долге» в **буддизме и даосизме**» [Linghu].

北史·卷四十三·邢昺传：「美风仪，博涉经史，善谈释老，雅好文咏。」‘Бэй ши. Том 43. Жизнеописание Син Луаня»: Прекрасен обликом и поведением. Великолепно разбирается в канонических и исторических сочинениях. С пониманием рассуждает о **Будде и Лао-цзы**. Любитель поэзии и прозы» [Li Yanshou].

Ранние переводы

Началом развития теории перевода в Китае считается унификация первых переводов священных писаний в начале нашей эры. Среди историков нет единогласия в вопросе о том, какая буддийская сутра и когда именно была переведена с санскрита на китайский язык. По одной из версий первым был «Канон Будды» 浮屠经 (Futu jing) еще во 2 г. до н. э., по другой версии это была «Сутра в сорока двух главах» 佛说四十二章经 (Fóshuō sìshíèr zhāng jīng), переведенная Кашьяпа-Матангой в 67 г. н. э. [Gao 2009: 12–14; Foshuo], а также упоминается первый письменный перевод 明度五十校计经 (Mingdu wushi xiaoji jing), переведенный Ань Шигао в 148 г. [Ma 2001: 67].

В одном мнения ученых сходятся: ранние переводы не могли быть профессиональными, а скорее представляли собой вольный адаптированный пересказ основных положений исходного сочинения. При

¹ Интересно, что священное дерево Джамбу, под которым по преданию прозрел Будда, на китайском языке выглядит как 阎浮 (yánfú) и включает иероглиф 浮 [БКРС].

переводе и интерпретации буддийских сутр на китайский язык монахи-миссионеры опирались на помощь местных адептов, в основном использовали те термины, которые были хорошо известны из актуальных философских учений в Китае [Zurcher 2013: 28].

Разные переводчики могли одновременно руководствоваться разными традициями и методами, поэтому сложно проследить переход к замене одних терминов другими. Разделение переводов на «старые» и «новые» может быть только условным, тем более что большая часть ранних переводов просто не сохранилась [Nattier 2008: 7–8].

Первым и наиболее удачным методом перевода считается подбор значений «гэ-и» (格义) Ань Шигао, которого придерживался и буддийский монах Кумаражива (350–409) [Gaoseng zhuan: juan 4]. Эта традиция заключалась в подборе парных числовых списков терминов, соответствующих друг другу по своему значению. Например, будд. «махабхута» (четыре великих элемента), приравнивались к китайским «пяти элементам», у-син (五行) [История перевода 1999: 266–267].

Для «нечисловых» понятий также подбирались синонимичные слова. Так, «Будда» и «буддизм» сопоставлялись с даосскими эквивалентами 觉-自觉-成道者. Например, в тексте «Махапаринирвана-сутры» (大般涅槃经) [Da boniepan jing]:

云何为佛？佛者名觉，既自觉悟，复能觉他。‘Что есть «Будда»? Будда значит «пробудившийся», он прозрел сам, теперь может просветить других’.

Важно отдельно подчеркнуть отождествление и последовательную связь понятий 佛 – 觉 – 自觉悟 – 觉他, которая была показана на этапе этимологического разбора иероглифа 佛.

Первые переводы и их унификация сопровождалась весьма сложным процессом адаптации буддизма на китайской почве. Учение Будды столкнулось в Китае со многими трудностями, непониманием или неприятием основополагающих идей, таких как монашество, сансара и нирвана, десакрализованность космоса [Торчинов 2007: 269].

Особенное сопротивление буддизм встретил со стороны конфуцианцев, которые определили его как «учение, которое отрицает государя и подданных, отца и де-

тей...» [Бо-лу 1907]. Однако идея «пробуждения» и «освобождения» через практику отказа — отрицания, преодоления легко прижилась на почве китайской классической мысли. Со временем рецепция буддизма привела к появлению новых самобытных направлений и в целом уникального синкретизма.

Переводческая традиция в Китае также с течением времени изменялась, совершенствовалась. Появлялись новые требования к переводу, оговаривались допустимые отклонения от оригинала и трудности. Дао Ань (释道安, 312–385) выделил «пять потерь» 五失本 и «три трудности» 三不易). Следуя его концепции, далее монах Сюань Цзан (玄奘 602–664) внес некоторые коррективы, обобщил и унифицировал методологию перевода на основе транскрибирования санскритских слов. Он пытался сочетать буквальный и смысловой перевод. Так, появилась отдельная категория «пять видов непереводаемых понятий» (五种不翻), для которых подбирались подходящая транскрипция на китайском языке. Они перечислены в санскрито-китайском глоссарии сунского монаха Фа Юня: тайные понятия, например, «дхарани» (толони); многозначные слова, например, «бхагаван»; слова, обозначающие то, что отсутствует в Китае, например, дерево Джамбу; традиционно непереводаемые понятия, например, «ану-бодхи», которое со времен Кашьяпы существует в санскритском звучании; слова, порождающие положительную энергию, например, «праджня» (божэ) произносится с почтением, а «мудрость» (чжихуэй) воспринимается слишком поверхностно [Fa Yun].

Иероглифический знак 佛, как показал его этимологический анализ, объединяет два вида перевода — фонетическую транслитерацию и смысловой перевод. Морфологически и семантически он близок к санскритскому «buddh», поэтому со временем он заменил, казалось бы, более близкий по звучанию 浮屠 (fútú). В текстах V–VII вв. мы видим разграничение слов 佛陀 и 浮屠 и переход к закреплению иероглифа 佛 для слова «Будда»:

《后汉书·卷四十二·光武十王传·楚王英传》：「晚节更喜黄老，学为浮屠斋戒祭祀。」 ‘Хоу Хань шу. Том 42. Биографии десяти князей при Гуань-ди. Жизнеописание князя Ин из царства Чу»: На

закате жизни стал сторонником даосизма [Хуан-Лао], изучал **буддийские** ритуалы воздержания и жертвоприношения' [Fan Ye].

《魏書·釋老志》：「浮屠正號曰佛陀，佛陀與浮圖聲相近，皆西方言，其來轉為二音。」
 «Вэй шу. Трактат о буддизме и даосизме»: Ортодоксальное название **учения Будды**, которое подразумевается под словом «футу», обозначают «фото». Слово «фото» близко по звучанию к «футу». Здесь проявляются западные диалекты, в связи с которыми и возникло два разных прочтения' [Wei Shou].

《隋書·西域列傳》：「于闐西五百里有比摩寺，云是老子化胡成佛之所。」
] «Суй шу. Жизнеописания знаменитых людей Западных земель»: В пятистах ли к западу от Юйтяня (Хотана) располагается монастырь Бимосы. Говорят, что именно здесь Лаоцзы просвещал варваров и стал **буддой**' [Wei Zheng].

Согласно версии Цзи Сяньлинь (季羨林), изменения в произношении и переводе санскритских слов «Будда, буддизм» связаны с географическими особенностями проникновения буддийских текстов в Китай не напрямую из Индии, а через Тохаристан [Ji 2008: 32–37]. Предполагаемый путь перевода выглядит так: санскрит – язык государства Куча – язык Яньци (Карашар), уйгурский язык, тохарский – китайский. При этом фонетически перевод изменялся следующим образом: buddh – pud – but – fu/fo. Это обусловило влияние западных диалектов на процесс унификации переводческой традиции. Если говорить о текстовом переводе, то на основе изложенного этимологического анализа и истории происхождения нового значения иероглифа 佛 можно обозначить следующую закономерность: Buddha – > 觉---成道者---浮图---佛陀.

Заключение

Проведенный разбор и сопоставление значений иероглифа 佛 в древних китайских текстах позволяет сделать следующие

выводы. Важным фактором использования 佛 для передачи значения санскритского слова «Будда» является морфология и семантика самого иероглифа, встречавшегося в более ранних источниках. Выделены такие категории и параллели значений, как «невидимый, непостижимый», «похожий, подобный», что связано с чувствами, сознанием человека; «отрицание, неприятие, отказ» — как способ постижения себя и сути вещей; и наконец, «Соучастие, помощь» — как осознание необходимости привнести в мир учение. Эти лексические категории коррелируют с основными идеями буддизма и отражают сложную историю его распространения и адаптации в Китае, а также особенности формирования переводческой традиции.

Иероглиф 佛 — довольно простой и узнаваемый знак, «удобный» для распространения и популяризации буддийского учения среди народа, так как графически передает основную мысль. Однако этимологически он довольно сложен и многослоен, отражает культурно-исторические особенности рецепции буддизма в Китае. Исследованный комплекс значений иероглифа 佛 и его составных частей позволяет увидеть более широкую картину, а точнее проследить процесс перехода к новым религиозным и философским положениям, сыгравшим важную роль в формировании китайской цивилизации. Сначала мы видим в иероглифе 佛 образ человека, за спиной которого колчан со стрелами, а затем монаха, который несёт перевязанные скрижали с буддийскими писаниями.

Сокращения

Будд. — буддийский; древнекит. — древнекитайский язык; классич. — классический китайский язык; мандарин. — мандаринское наречие; постклассич. —

постклассический китайский язык; старокит. — старокитайский язык; среднекит. — среднекитайское наречие; сямэньск. — сямэньское наречие.

Источники и литература

- Бо-лу 1907 — Хуан Бо-лу. Сборник мнений для уяснения истины. Цзи шо цюань чжэнь [электронный ресурс] // Текст воспроизведен по: Китайский пантеон: сборник Музея по антропологии и этнографии. Вып. VI / автор-сост. П. С. Попов; пер. П. С. Попова. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1907. 88 с. + 10 табл. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Chuan_Bo_lu/pred1.htm (дата обращения: 10.12.2021).
- БКРС — Большой китайско-русский словарь / под ред. И. М. Ошанина. В 4 т. М.: Наука, 1983–1984. [электронный ресурс] // Китай и китайский язык для профессионалов и любителей. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 10.12.2021).
- Готлиб 2019 — Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М.: ИД «ВКН», 2019. 312 с.
- Иероглиф «Будда» — Иероглиф «Будда» [электронный ресурс] // *Zaixian Kangxi zidian* (= Иероглифический словарь Канси онлайн). URL: <http://tool.httpcn.com/Html/KangXi/21/PWAZKOCQUYILFUYB.shtml> (дата обращения: 03.11.2021) (На кит. яз.)
- Иероглиф «фо» — Проект «Вавилонская башня» [электронный ресурс] // Проект Старлинг: СУБД для работы с лингвистическими базами данных. Китайские иероглифы. URL: https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=%5Cdata%5Cchina%5Cbigchina&first=1&off=&text_character=%E4%BD%9B& (дата обращения: 03.12.2021).
- История перевода 1999 — История перевода буддийских текстов в Китае // Введение в буддизм / ред.-сост. В. И. Рудой. СПб.: Лань, 1999. С. 266–285.
- Торчинов 2007 — Торчинов Е. А. Буддизм. Основные школы, направления и сутры // Духовная культура Китая. Мифология. Религия. М.: Вост. лит., 2007. С. 268–283.
- Ши цзин — Ши цзин: Книга песен и гимнов / пер. с кит. и коммент. А. А. Штукина. М.: Художественная литература, 1987 [электронный ресурс] // Миры Игоря Бурдонова. Китай. URL: http://burdonov.ru/SHI_ZIN/ShiJing/RUS/#shijing3 (дата обращения: 07.10.2021).
- Шмидт 1915 — Шмидт П. П. Опыт мандаринской грамматики. Уч. пособ. Владивосток: Известия Восточного университета, 1915. 482 с.
- Янгутов, Орбодоева 2018 — Янгутов Л. Е., Орбодоева М. В. Перевод буддийских текстов и становление социальных принципов буддизма в Китае [электронный ресурс] // Философская мысль. 2018. № 1. С. 1–7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25120 (дата обращения: 05.10.2021).
- Da boniepan jing — Da boniepan jing, juan 18 (= Махапаринирвана-сутра, том 18) [электронный ресурс] // *Xinlang foxue*. URL: <http://fo.sina.com.cn/o/2013-03-06/15057639.shtml> (дата обращения 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Dai Sheng — *Dai Sheng*. Li ji. Fangji (= Ли цзи. О дамбах / сост. Дай Шэн) [электронный ресурс] // *Hanchengwang* / портал китайской культуры. URL: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/UYKOILKO/CQAZPWKOKOKO.shtml> (дата обращения: 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Fan Ye — *Fan Ye*. Hou hanshu. Xiyu zhuan (= Фань Е. Поздняя история династии Хань. Описание Западных земель) [электронный ресурс] // *Hanchengwang* / портал китайской культуры. URL: <http://guoxue.httpcn.com/book/houhanshu/> (дата обращения: 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Fa Yun — Fa Yun (Song). Fanyi ming yiji. 7 juan (= Фа Юнь (Сун). Санскрито-китайский глоссарий. Часть 7) [электронный ресурс] // *Hanchengwang* / портал китайской культуры. URL: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/TBUYUYUY/CQKOPWUYILXV.shtml> (дата обращения: 11.12.2021). (На кит. яз.)
- Fo hanzi — *Shuowen jiezi fu jianzi* / Xu Xuan xiaoding (= Происхождение китайских иероглифов / ред. и коммент. Сюй Сюань). Beijing: Zhonghua shuju, 2004. URL: <http://www.shuowen.org> (дата обращения: 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Foshuo — *Foshuo sishi'er zhang jing* (= Сутра в сорока двух главах) [электронный ресурс] // *Hanchengwang* / портал китайской культуры. URL: <http://guoxue.httpcn.com/book/05f714261dd845009652ef9c6e4ed6/> (дата обращения 24.06.2021). (На кит. яз.)
- Fo zi — Fo zi [электронный ресурс] // *Nanyu duo gongneng ziku* (= Знак 佛 // Многофункциональная база китайских знаков). URL: <https://humanum.arts.cuhk.edu.hk/Lexis/leximf/search.php?word=%E4%BD%9B> (дата обращения: 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Gao 2009 — *Gao Huali*. Zhongwai fanyi jianzhi (= Гао Хуали. Краткая история перевода в Китае и за рубежом). Hangzhou: Zhijiang daxue chubanshe, 2009. 363 p. (На кит. яз.)
- Gaoseng zhuan — *Gaoseng zhuan* (= Жизнеописание достойных монахов) [элек-

- тронный ресурс] // Hanchengwang. URL: <http://guoxue.httpcn.com/book/be18a5e-b183e4592872e92e41e6d7286/> (дата обращения: 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Ji 2008 — *Ji Xianlin*. Fo (= Ци Сяньлин. Буддизм). Beijing: Huayi chubanshe, 2008. 308 p.
- Ji Fu, Kong Zi — *Ji Fu, Kong Zi*. Shijing (= Ци Фу, Конфуций. Ши цзин, Книга стихов и песен) [электронный ресурс] // Hanchengwang / портал китайской культуры. URL: http://guoxue.httpcn.com/book/shijing/#25_shijing (дата обращения: 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Lao Zi — *Lao Zi*. Dao de jing. 56 zhang (= Лао Цзы. Дао дэ цзин. Гл. 56) [электронный ресурс] // Hanchengwang. URL: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/MECQCQIL/CQTBAZX-VAZCQ.shtml> (дата обращения: 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Linghu — *Linghu Defen*. Zhoushu. Juan 5. Wudi jishang (= Линху Дэфэнь. Чжоу шу. Том 5. Летопись деяний императора У-ди) [электронный ресурс] // Hanchengwang / портал китайской культуры. URL: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/CQRNTBXV/KOXVXVILKO.shtml> (дата обращения: 11.12.2021). (На кит. яз.)
- Li Yanshou — *Li Yanshou*. Beishi. Juan 43. Xing Luan zhuan (= Ли Яньшоу. Бэй ши. Том 43. Жизнеописание Син Луаня) [электронный ресурс] // Hanchengwang / портал китайской культуры. URL: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/CQPWAZRN/КОМЕРПМЕТВ.shtml> (дата обращения: 05.10.2021). (На кит. яз.)
- Mather 1992 — *Mather Richard B*. Chinese and Indian Perceptions of Each Other Between the First and Seventh Centuries // *Journal of the American Oriental Society*. No. 1. 1992. Pp. 1–8. (На англ. яз.)
- Ma 2001 — *Ma Zuyi*. History of Translation in China // *An Encyclopedia of Translation* / Eds. Chan Sin-wai, David E. Pollard. Hong Kong: Chinese University Press, 2001. 375 p. (На англ. яз.)
- Nattier 2008 — *Nattier Jan*. A guide to the earliest Chinese Buddhist translations. Text from the Eastern Han and Three Kingdoms Periods. То-кю: IRIAB, 2008. 204 p. (На англ. яз.)
- Shijing — *Shijing*: Classic of Poetry [электронный ресурс] // Hanchengwang. / портал китайской культуры. URL: http://guoxue.httpcn.com/book/shijing/#25_shijing (дата обращения: 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Shiyong — *Shiyong gongju chaxun* (= Прикладная база китайских иероглифов и текстов) [электронный ресурс] // Hanchengwang / портал китайской культуры. URL: <http://tool.httpcn.com/> (дата обращения 06.10.2021). (На кит. яз.)
- Su 2012 — *Su Binjie*. “Buddha” yiwei 佛 zi suyuan (= Су Биньцзе. Истоки перевода слова «Будда» иероглифом 佛) [электронный ресурс] // *Jin Tian*, Vol. 12. 2012. URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=f4e41a8e383098c9e-912400475f955a5&site=xueshu_se (дата обращения: 18.12.2021). (На кит. яз.)
- Xiao Tong — *Xiao Tong*. Wen xuan (= Сяо Тун. Избранные сочинения) [электронный ресурс] // Hanchengwang / портал китайской культуры. URL: <http://guoxue.httpcn.com/book/b45d8df32f344d308a0d6c7d2b9261fb/> (дата обращения: 10.12.2021). (На кит. яз.)
- Wei Shou — *Wei Shou*. Weishu. Shilaoji (= Вэй Шоу. Вэйшу. Трактат о буддизме и даосизме) [электронный ресурс] // Hanchengwang / портал китайской культуры. URL: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/CQPWCQUY/KOMERNUYPW.shtml> (дата обращения: 18.12.2021) (На кит. яз.)
- Wei Zheng — *Wei Zheng*. Suishu. Xiyu liezhuan (= Вэй Чжэн. Суй шу. Жизнеописания знаменитых людей Западных земель) [электронный ресурс] // Hanchengwang / портал китайской культуры. URL: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/CQRNMEAZ/KORNCQAZXV.shtml> (дата обращения: 11.12.2021). (На кит. яз.)
- Yang 1998 — *Yang Jidong*. Replacing hu with fan: A Change in the Chinese Perception of Buddhism during the Medieval Period // *Journal of the International Association of Buddhist Studies (JIABS)*. Vol. 21. No. 1, 1998. Pp. 157–170. (На англ. яз.)
- Zurcher 2013 — *Zurcher Erik*. Late Han Vernacular Elements in the Earliest Buddhist Translations // *Buddhism in China* / Ed. Jonathan A. Silk. Leiden-Boston: Brill, 2013. Pp. 27–62. (На англ. яз.)

References

- Applied Database of Chinese Characters and Texts. Available at: <http://tool.httpcn.com/> (accessed: October 6, 2021). (In Chin.)
- Buddhist translation history in China. In: Ruddy V. I. (ed., comp.) *An Introduction to Buddhism*. St. Petersburg: Lan, 1999. Pp. 266–285. (In Russ.)

- Dai Sheng (comp.) The Rites. (Chapter) about Dams. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httppcn.com/html/book/UYKOILKO/CQAZP-WKOKOKO.shtml> (accessed: December 10, 2021). (In Chin.)
- Fa Yun (Song). Sanskrit-Chinese Glossary. Juan 7. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httppcn.com/html/book/TBUYUYUY/CQKOPWUYILXV.shtml> (accessed: December 11, 2021). (In Chin.)
- Fan Ye. Book of the Later Han. Chapter on the Western Regions. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httppcn.com/book/houhanshu/> (accessed: December 10, 2021). (In Chin.)
- Gao Huali. A Brief History of Translation in China and Abroad. Hangzhou: Zhijiang daxue chubanshe, 2009. 363 p. (In Chin.)
- Gotlib O. M. Fundamentals of Chinese Grammarology. Moscow: VKN, 2019. 312 p. (In Russ.)
- Hieroglyph ‘Buddha’. On: Kangxi Dictionary Online. Available at: <http://tool.httppcn.com/Html/KangXi/21/PWAZKOCQUYILFUYS.shtml> (accessed: November 3, 2021). (In Chin.)
- Hieroglyph ‘Fo’. On: The Tower of Babel. An International Etymological Database Project. Available at: https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=%5Cdata%5Cchina%5Cbigchina&first=1&off=&text_character=%E4%BD%9B& (accessed: December 3, 2021). (In Chin.)
- Hieroglyph 佛. On: Multifunctional Chinese Character Database. Available at: <https://humanum.arts.cuhk.edu.hk/Lexis/lexi-mf/search.php?word=%E4%BD%9B> (accessed: December 10, 2021). (In Chin.)
- Huang Bo-lu. A Collection of Opinions to Clarify the Truth. In: Popov P. S. (comp., transl.) The Pantheon of China. Collected Papers by the Museum of Anthropology and Ethnography (Imperial Academy of Sciences). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1907. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Chuan_Bo_lu/pred1.htm (accessed: December 10, 2021). (In Russ.)
- Ji Xianlin. Buddhism. Beijing: Huayi chubanshe, 2008. 308 p. (In Chin.)
- Laozi. Tao Te Ching. Chapter 56. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httppcn.com/html/book/MEC-QCQIL/CQTBAZXVAZCQ.shtml> (accessed: December 10, 2021). (In Chin.)
- Li Yanshou. History of the Northern Dynasties. Juan 43: Biography of Xing Luan. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httppcn.com/html/book/CQP-WAZRN/KOMEPMETB.shtml> (accessed: October 5, 2021). (In Chin.)
- Linghu Defen. Book of Zhou. Juan 5: Wudi Emperor’s Deeds. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httppcn.com/html/book/CQRNTBXV/KOXVX-VILKO.shtml> (accessed: December 11, 2021). (In Chin.)
- Ma Zuyi. History of translation in China. In: Chan Sin-wai, Pollard D. E. (eds.) An Encyclopedia of Translation. Hong Kong: Chinese University Press, 2001. 375 p. (In Eng.)
- Mahāparinirvāṇa Sūtra. Juan 18. On: Xinlang foxue. Available at: <http://fo.sina.com.cn/o/2013-03-06/15057639.shtml> (accessed: December 10, 2021). (In Chin.)
- Mather R. B. Chinese and Indian perceptions of each other between the first and seventh centuries. *Journal of the American Oriental Society*. 1992. No.1. Pp. 1–8. (In Eng.)
- Memoirs (Biographies) of Eminent Monks. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httppcn.com/book/be18a5eb183e4592872e92e41e6d7286/> (accessed: December 10, 2021). (In Chin.)
- Nattier J. A Guide to the Earliest Chinese Buddhist Translations. Text from the Eastern Han and Three Kingdoms Periods. Tokyo: IRIAB, 2008. 204 p. (In Eng.)
- Oshanin I. M. (ed.) Unabridged Chinese-Russian Dictionary. In 4 vols. Moscow: Nauka, 1983–1984. On: China and Chinese Language for Professionals and Amateurs. Available at: <https://bkrs.info/> (accessed: December 10, 2021). (In Russ. and Chin.)
- Schmidt P. P. A Grammar of Mandarin Chinese. Coursebook. Vladivostok: Izvestiya Vostochnogo Universiteta, 1915. 482 p. (In Russ.)
- Shijing: Classic of Poetry. A. Shtukin (transl., comment.). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1987. Available at: http://burdonov.ru/SHI_ZIN/ShiJing/RUS/#shijing3 (accessed: October 7, 2021). (In Russ.)
- Shijing: Classic of Poetry. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: http://guoxue.httppcn.com/book/shijing/#25_shijing (accessed: December 10, 2021). (In Chin.)
- Su Binjie. Translating the word ‘Buddha’ with the hieroglyph 佛: Origins reviewed. *Jin Tian*. 2012. Vol. 12. Available at: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=f4e41a8e383098c9e912400475f955a5&site=xueshu_se (accessed: December 18, 2021). (In Chin.)

- Sutra of Forty Two Chapters. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httpcn.com/book/05f714261dd-845009652ef9c6ece4ed6/> (accessed: June 24, 2021). (In Chin.)
- Torchinov E. A. Buddhism. Main sects, trends, and sutras. In: *Spiritual Culture of China. Mythology. Religion*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. Pp. 268–283. (In Russ.)
- Wei Shou. Book of Wei. Treatise on Buddhism and Taoism. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/CQPWCQUY/KOMER-NUYPW.shtml> (accessed: December 18, 2021). (In Chin.)
- Wei Zheng. Book of Sui. Biographies of Famous People from the Western Lands. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/CQRNMEAZ/KORNCQAZXV.shtml> (accessed: December 11, 2021). (In Chin.)
- Xiao Tong. Selected Works. On: Hanchengwang (Chinese Studies Collection). Available at: <http://guoxue.httpcn.com/book/b45d8df32f-344d308a0d6c7d2b9261fb/> (accessed: December 10, 2021). (In Chin.)
- Xu Xuan (ed.) *Discussing Writing and Explaining Characters*. Beijing: Zhonghua shuju, 2004. Available at: <http://www.shuowen.org> (accessed: December 10, 2021). (In Chin.)
- Yang Jidong. Replacing *hu* with *fan*: A change in the Chinese perception of Buddhism during the medieval period. *Journal of the International Association of Buddhist Studies (JIABS)*. 1998. Vol. 21. No. 1. Pp. 157–170. (In Eng.)
- Yangutov L. E., Orbodoeva M. V. Translation of Buddhist texts and shaping of Buddhist social principles in China. *Filosofskaya mys'l'*. 2018. No. 1. Pp. 1–7. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25120 (accessed: October 5, 2021). (In Russ.)
- Zurcher E. Late Han vernacular elements in the earliest Buddhist translations. In: Silk J. A. (ed.) *Buddhism in China*. Leiden-Boston: Brill, 2013. Pp. 27–62. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 1, pp. 169–178, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-169-178

Мотив родственной вражды в фольклоре северных селькупов

Ольга Борисовна Степанова¹

¹ Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН (д. 3, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0002-2130-2695. E-mail: stepanova67@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Степанова О. Б., 2022

Аннотация. В селькупских сказках бросается в глаза одна странная вещь: главный герой и его противник, как правило, являются родственниками. Герой с положительной характеристикой убивает родственника, называемого чёртом, и/или его близких — дочерей и мать, все это совершается с особой жестокостью. Черт обычно умерщвляет родителей положительного героя, что не является помехой для женитьбы этого героя на дочери черта. Если вспомнить, что фольклор отражает определённую историческую действительность, стадийные представления народа об устройстве общества и его морали, встаёт вопрос, почему у селькупов прошлого существовали такие этические нормы и чем они объяснялись. Целью исследования ставилось рассмотреть мотив родственной вражды в фольклоре северных селькупов, в задачи исследования входило выявление и объяснение сюжетов селькупского фольклора, в которых родственники выступают противоборствующими сторонами. Основными методами исследования были семантический анализ (и его аналоги — абстрагирование и прочтение метафор), комплексный подход, типологический и исторический методы, моделирование и теоретизация. Теоретическую базу, на которой проверялась исследовательская логика, составили концепции А. Геннепа, К. Леви-Стросса и А. М. Золотарева. В результате исследования были сделаны следующие выводы: в прошлом селькупы имели дуальную социальную организацию, весь народ делился на две фратрии, две экзогамные половины, члены которых заключали между собой брачные союзы. Война, ведомая сказочными героями, подчёркивает разделение народа на две части и указывает на «пропасть», лежащую между половинами народа. В селькупском мотиве родственной вражды мораль стоит на втором плане, смысл мотива — языком метафор описывать модель, эталон общественного устройства, социальной организации селькупов на определённом историческом этапе.

Ключевые слова: селькупы, фольклор, мотив родственной вражды, социальное устройство

Для цитирования: Степанова О. Б. Мотив родственной вражды в фольклоре северных селькупов // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 1. С. 169–178. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-169-178

Folklore of Northern Selkups: The Motif of Familial Hostility Analyzed

Olga B. Stepanova¹

¹ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (3, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-2130-2695. E-mail: stepanova67@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Stepanova O. B., 2022

Abstract. *Introduction.* One specific feature to distinguish Selkup folktales is that the main character and his opponent are usually relatives. So, a positive character kills a relative of his (referred to as devil) and/or the latter's relatives — daughters and mother, and all that done with particular cruelty. The devil usually kills the positive character's parents, which is not a hindrance to the marriage of the hero to a daughter of the devil. As is known, folklore reflects a certain historical reality, stage-by-stage ideas of an ethnos about structure of society and its morality. And the question is why Selkups of the past had had such ethical norms, and how they had been explained. *Goals.* The study seeks to explore the motif of familial hostility in folklore of the northern Selkups, and the research objectives include identification and explanation of Selkup folklore plots where relatives act as opposing parties. *Methods.* The main research methods are semantic analysis (and its analogues — abstraction and reading of metaphors), integrated approach, typological and historical methods, modeling and theorizing. The theoretical basis of research logic is compiled from the concepts by K. Levi-Strauss, A. M. Zolotarev, and A. Gennep. *Results.* The study concludes that in the past Selkups had a dual social organization, the whole ethnos having been divided into two phratries, two exogamous halves for their members to enter into marriage unions. The war waged by folktale heroes emphasizes the division of the people into two parts and delineates the 'abyss' that lies between the halves of one ethnic community. In the Selkup motif of familial hostility morality goes second. The motif is to describe — through the language of metaphors — the model of standard social structure, social organization of the Selkups at a certain historical stage.

Keywords: Selkups, folklore, motive of kindred enmity, social structure

For citation: Stepanova O. B. Folklore of Northern Selkups: The Motif of Familial Hostility Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 169–178. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-169-178

Введение

Научный интерес к традиционной духовной культуре малых народностей Севера не утихал никогда. Однако сегодня исследование вопросов традиционного мировоззрения коренных северян стало особенно актуально. В условиях индустриального развития Арктики, влекущего размывание и утрату традиций, у северных народов начался осознанный процесс сопротивления культурной унификации, выражающийся в этнической консолидации, обращении к своему культурному наследию и поиске новых форм этничности.

Фольклор — основа индигенности любого народа. Фольклорные тексты сохраняют забытые фрагменты традиционной

культуры и возвращают народу его историю. В данном исследовании на материалах селькупского фольклора рассматриваются отношения родственной вражды и связанные с ней общественные этические нормы.

Анализ фольклорного материала вывел исследование на проблему селькупской социальной организации, которая остается пока малоизученной. Посвященные этой теме статьи Е. Д. Прокофьевой и Г. И. Пелих [Прокофьева 1952; Пелих 1963], как о них писала З. П. Соколова, «схематичны и противоречивы» [Соколова 1970: 142].

Материалы и методы

Мотив родственной вражды в селькупском фольклоре до сих пор никем не

изучался. Настоящее исследование проводилось на основе текстов североселькупского фольклора, опубликованных учеными [Прокофьев 1935; Казакевич 1998; Тучкова, Хелимский 2010; Кузнецова и др. 1993; Прокофьева 1952; Степанова 2012; Степанова 2017; Степанова 2018], и фольклорных материалов, собранных автором во время экспедиционных поездок к северным селькупам в 2014 и 2015 гг. [ПМА 2014; ПМА 2015].

Материал селькупского обряда оживления шаманских принадлежностей, описывающего общественное устройство селькупов в метафорах, схожих с фольклорными, был взят из статьи «Церемония оживления бубна у остяко-самоедов» [Прокофьев 1930].

В числе основных методов, применяемых в исследовании, нужно назвать метод семантического/семиотического анализа (с использованием этого метода создавалась содержательная интерпретация, выявлялся символический, внутренний смысл объектов; в филологии аналогом этому методу служат абстрагирование и прочтение метафор), системный/комплексный подход (помимо материалов фольклора к работе привлекалось описание обряда оживления бубна), сравнительный и типологический методы (с их помощью обнаруживались объекты с одинаковыми семантическими признаками), исторический метод, моделирование, теоретизация и т. д.

Выводы автора нашли своё обоснование в теориях классиков мировой антропологии: концепции бинарных оппозиций К. Леви-Стросса [Lévi-Strauss 1964; Lévi-Strauss 1967; Lévi-Strauss 1968; Lévi-Strauss 1971], согласно которой функцию мышления на любых этапах истории человечества составляет описание мира с помощью пар противоположных признаков и символов¹; теории А. М. Золотарёва [Золотарев 1964], доказывающей, что социальным и культурно-историческим контекстом архаических мифологических систем служит дуалистическая организация общества, а также ис-

¹ Теория бинарных оппозиций К. Леви-Стросса, а также структурализм в целом неоднократно подвергались сомнению (например: [Dundes 1997: 39–50]). В исследовании автор апеллирует только к тем положениям теории К. Леви-Стросса, в которых видит подтверждения своим выводам.

следования семантики обрядов «перехода», проведённом А. Геннепом [Genep 1960].

Мотив родственной вражды

В фольклорных текстах современный человек, как правило, видит смыслы, которые изначально, в момент создания, в них не вкладывались. Однако анализ темы автор хочет начать, оттолкнувшись именно от расхожего понимания фольклора, от того содержания, которое видится нам с позиции нашего современного образования, воспитания, привычных критериев морали и нравственности, диктуемых обществом и средой, в которой мы живём, и уже от выявленных поверхностных смыслов перейти к научному толкованию сюжетов, что облегчит автору задачу «объяснить», а читателю — задачу «понять».

Враждебные действия героев составляют фабулу большинства текстов селькупского фольклора, и среди этого большинства преобладают тексты с мотивом родственной вражды. На первый взгляд, вражда между родственниками вопросов не вызывает — она объясняется вполне естественными и всем понятными причинами. Например, в сказке о великане-камнеде лежащая на поверхности причина родственного противостояния — месть. Великан-камнед убивает мужа женщины и берет её в жены. Женщина спасает сына, оставляя в люльке под деревом в лесу, его выкармливают лесные звери. Сын вырастает и с помощью матери убивает великана [Казакевич 1998: 209–210].

В аналогичном сюжете обидчиком выступает людоед *Пюнокос*, у них с женой рождается дочь. Выросший в лесу сын женщины убивает *Пюнокосу* и его дочь и воскрешает своего отца [Тучкова, Хелимский 2010: 47–49]. Мечь в этом сюжете кажется вполне справедливой, вот только дочь *Пюнокоса* немного жаль — в чем она заслужила быть убитой, не говорится.

Так же «законно» выглядит месть сына за судьбу своей матери в сказках о *Нэтэнке* и *Томнэнке* — идеальной женщине и её антипode женщине-лягушке (в некоторых вариантах сказки *Нэтэнка* и *Томнэнка* — невестки). *Томнэнка* ворует у *Нэтэнки* младенца-сына, подменяя его своей дочерью. *Томнэнка* воспитывает сына *Нэтэнки*, *Нэтэнка* — дочь *Томнэнки*, последние две

героини за неимением в семье добытчика голодают. Дочь заботится о *Нэтэнке*: варит еду, шьёт, убирает. Когда дети вырастают, обман вскрывается. Сын возвращается к родной матери, а *Томнэнку* с её кровной дочерью он убивает.

В другом варианте сказки *Томнэнка* воурет у *Нэтэнки* сына и отдаёт его мамонту, а *Нэтэнке* подбрасывает щенка. Муж уходит от *Нэтэнки*. Сука помогает *Нэтэнке* найти выросшего сына. Муж *Томнэнки* убивает жену, узнав о ее преступлениях [Степанова 2012: 7–8; Кузнецова и др. 1993: 49].

В первом варианте сказки опять явно «хромает» мораль — неясно, зачем сын убил девушку, неродную дочь *Нэтэнки*, которая была работающей, заботливой и тоже хлебнула немало горя из-за действий своей родной матери.

В третьем тексте о *Томнэнке* и *Нэтэнке*, имеющемся в распоряжении автора (варианты имен героинь в нем звучат как *Томдага* и *Нэтанка*), называется другая этическая причина, вызывающая родственную вражду, — неприспособленность жены или невестки к домашней работе. Женщина и лягушка соревнуются, кто лучше шьёт. *Нэтанка* все шьёт хорошо: шубу, лыжи, бокари. *Томдага* все клеит рыбным клеем. Когда их мужья уходят на охоту, «у первого мужа все целое, у мужа *Томдаги* все порвалось». Муж *Томдаги* выгоняет ее из дома, отправляя обратно к родителям [Степанова 2012: 25].

Схожий мотив имеется в ряде других сказок, в частности в сказке «Брат и сестра» [ПМА 2008: Л. 54], где брат и сестра у соседей нашли брату жену, а сестре — мужа. Жена брата оказалась ленивой, и он вернул её обратно родителям со словами: «Ленивая ваша дочь. Спать любит. От работы бежит. Назад берите. Как жили с ней, так и живите, а мне не нужна такая хозяйка». Соседи обиделись, стали решать, что с сестрой обидчика делать, расставаться с ней им было жалко — шьёт, готовит хорошо, не ленивая. Сестра почувствовала неладное, уж больно долго совет держат. А тут ещё ребятишки по стойбищу бегают, разговоры ведут между собой: «Я её пальчики съем. — А я печенью полакомлюсь. — Мне и косточек её хватит». Поняла сестра, что убить её хотят, а потом в большом котле сварить. Вышла из чума незаметно. Соседи бросились за ней в погоню и погибли.

В названных сказках легко выявляются вполне понятные причины родственной вражды — повинность одной родни в жизненных несчастьях другой, крупный обман и изгнание женщин из семьи за невыполнение домашней работы. Однако причины убийства ни в чем не повинных девушек — дочерей отрицательных героев остаются неясными, что вызывает необходимость взглянуть на сюжеты под другим углом и подчеркнуть в них общие особенности. Особенности эти будут следующими: герои каждой сказки связаны родственными узами и разделены сюжетной линией на два «лагеря» — «хороших»/положительных и «плохих»/отрицательных; убивают не только безвинных девушек, находящихся в кровном родстве с отрицательными персонажами, но также расправляются с «плохими» невестками/женами, имеющими явные провинности. Карательные действия в отношении женщин осуществляют молодые мужчины — их сводные или двоюродные братья, племянники по мужу или мужья. Текст сказки «Брат и сестра» показывает, что «хорошие» персонажи могут оказываться в таком же положении, что и отрицательные, и что за спинами молодых мужчин, наказывающих женщин, стоит группа поддержки — их родительская семья. Также сказка выявляет соседский характер принятых в обществе брачно-родственных связей.

Сказки об Ичи

В продолжение исследования следует расширить объем анализируемого материала и рассмотреть тексты фольклорного цикла, посвящённого борьбе героя *Ичи* (*Ичикечики*), «простого селькупа», «защитника народа» со злым чёртом (*лозом*). Нужно отметить, что *Ича* в селькупском фольклоре занимает позицию героя-трикстера, и большая часть того, что он делает, имеет законодательное, постулирующее значение.

В сказках о противостоянии *Ичи* и чёрта есть сказки добродушные и смешные, например, о том, как *Ича* обменял у черта берестяную малицу на меховую [ПМА 2008: Л. 39, 59], прогнал его со своей земли [ПМА 2008: Л. 59, 60; ПМА 2014: Л. 21, 22], отнял у него запор [Кузнецова и др. 1993: 62].

Однако основной сюжет текстов этого цикла [Прокофьев 1935: 101–103; Селькупские сказки 1951: 135–139; Кузнецова

и др. 1993: 54–57, 67–60; и др.] не столь безобиден. В начале сюжета *Ича* отправляется рыбачить и попадает в вязкую ловушку черта, черт приносит *Ичу* в мешке домой, оставляет его запертым или связанным на попечение дочерей, а сам уходит. *Ича* обманывает девушек и, когда те его освобождают, убивает их, варит в котле, вырезает органы, насаживает на палочки и расставляет на дороге, по которой черт возвращается домой. Сделав это, *Ича* залезает на лиственницу. Вернувшийся домой черт обнаруживает мёртвых дочерей, ищет *Ичу*, находит его на дереве и пытается дерево срубить. *Ича* предлагает черту лечь под дерево, распялить палочками рот и глаза и, когда тот соглашается, засыпает ему туда золу или песок, слезает с дерева и убивает черта. Рубить дерево черту «помогают» разные животные, унося его топор, но есть варианты сюжета и без животных.

Во втором варианте этого же сюжета черт устраивает *Ичикечику* ловушку в расщелине дерева и зажимает его руки. *Ичикечика* освобождается с помощью зайца, лисы, росомахи и медведя, ловит черта в петлю, привязывая его на вершину лиственницы, убивает дочерей черта и залезает на дерево. Черт рубит дерево, *Ичикечика* обманывает и убивает черта [ПМА 2014: Л. 25, 27].

Сюжет, который начинается с зажимания руки героя в расщелине дерева, повторяется в сказке, записанной Г. Н. Прокофьевым [Прокофьев 1935: 101–103], героем в ней выступает *Йомпа* — субститут *Ичи*.

При первом взгляде на данный сказочный сюжет понятно, зачем *Ича* убивает черта: черт — «плохой парень», отрицательный персонаж, он напал первым и желает ичиной смерти. Но снова не находит объяснения жестокая расправа *Ичи* с невинными дочерьми черта.

Интерпретация сюжета становится еще интересней, когда оказывается, что *Ича* и черт — соседи и родственники. Во всех текстах черт ласково называет *Ичу* «внучек» («кэца»), «птенчик», «пташка», «кукши птенец» или «зайчонок», а *Ича* обращается к черту: «дед», «дедушка» («ильча»). *Ича* и черт «живут рядом», они «знакомы», «каждый день встречаются», по-соседски помогают друг другу в хозяйственных работах, иногда угощают друг друга своей добычей и вместе едят [Прокофьев 1935: 101–103].

В одной из сказок цикла прямым текстом говорится, что «*Ичикечика* и черт породнились»: «Черт взял в зятя *Ичикечику*. Сколько можно враждовать. Внук уже. Но черту неймётся. Хочет он *Ичикечику* извести втихаря. Пойдёт в лес, поставит ловушку (*чакоши*) на крупного зверя. На ичину лыжню. Сидит, ждёт. *Ичикечика* вечером идёт, проверяет лыжным посохом дорогу. Ловушки на посохе и захлопываются. Черт думает: «Как тебя пронесло?». Использовал все варианты. После такого отношения к себе *Ичикечика* в долгу не остаётся и обухом топора убивает мать черта — живущую под землёй древнюю старуху. Чтобы черт не понял, кто виноват в её смерти, он забивает рот старухи позвоночниками от юколы [ПМА 2014: Л. 27–28].

То есть *Ича* и черт — «хороший и плохой парни», непримиримые враги и родственники, зять и тесть. Их родство подтверждается также фрагментом основного сюжета, в котором *Ича*, перед тем как убить девушек, мастерит им ложки для еды, сажая к себе на колени. В селькупском фольклоре каждое действие символично: если девушка сидит на коленях молодого мужчины, это служит знаком их интимной связи. *Ича* убивает девушек, которых успел взять в жены.

Мотив женитьбы героя на дочерях своего врага

Мотив сожительства (женитьбы) положительного героя с дочерьми своего врага-черта-лоза широко представлен в селькупском фольклоре и вне цикла «*Ича* и черт». В сказке «Охотник и лозы» охотник — младший сын — соревнуется с лозом в волшебном мастерстве. Оказавшись в чуме лоза и пользуясь гостеприимством хозяина и его дочери, он остаётся у них жить, с дочерью лоза он вступает в интимные отношения (что следует из фразы «прошёл охотник в сторону, где сидела дочь лоза, и сел на постель»), выполняет обязанности зятя — ходит на охоту, добывает для семьи пропитание, но при этом они с тестем остаются врагами: охотник убивает живущую отдельно мать лоза, огромную седую старуху (вместо подушки у неё лежит камень — старуха является могущественным духом), и представляет её смерть так, будто она рыбьими костями подавилась. Потом они с лозом сражаются, и охотник убивает лоза. По-

могают ему в этом хозяйские собаки, «ставшие его собаками». Затем охотник сжигает чум *лоза* вместе с его дочерью [Степанова 2017: 50–54].

В тексте про безносого и безухого помощников охотник отрубает руку старику с бородой до земли, воровавшему мясо в его доме, идёт по кровавому следу, определяет, что тот живёт под землёй, и тоже спускается под землю. За излечение руки старик отдаёт охотнику в жены двух своих дочерей [ПМА 2014: Л. 28–30].

Текст «Про великана-людоеда» рассказывает, как охотник забрёл в чум великана-людоеда, дочь людоеда накормила его и рассказала, как победить отца. Великан вернулся и съел охотника целиком, не разжёвывая. Охотник разрезал живот великана изнутри и вышел на волю. Великан погиб, а охотник женился на его дочери [Степанова 2018: 19–20].

Маркынча, герой одноименной сказки (сын медведя и младшей дочери царя), после долгих странствий оказывается в подземелье, в доме старухи-*лоза*, воровавшей у него и его товарищей хлеб. В результате этого приключения он находит себе жену [Тучкова, Хелимский 2010: 110–115].

В сказке «Синички» брат с сестрой — синички жили вместе в чуме, рыбачили. «Синичка-сестра ленивая была. Брат просит: сделай это, сшей то, никакого толку. Говорит: „Замуж тебя отдам за великана *Пюнакысы* в соседнее угодье“. Та давай плакать: „Не отдавай меня за великана“. Но брат-синичка пошёл договариваться» [ПМА 2015: Л. 8–9].

Один из вариантов известной сказки о непослушных детях заканчивается сюжетом, в котором медведь-*лоз*, съевший непослушных детей и жену охотника, услышав его плач, послал свою дочь готовить ему еду (равно выдал замуж за охотника). «Однажды охотник спрятал поварёшку-лопатку, которой в котле еду размешивают. Она искала — не нашла и тогда размешала еду в котле лапой, обварила лапу и убежала домой. Охотники по следам её побежали и дошли до берлоги, собак с собой взяли. „Выходи, ты наших детей съел“, — кричат медведю... Вышел он, охотник его тега пырнул, а затем и его дочку» [Степанова 2012: 12–13] и т. д.

Таким образом, женитьба героя на дочери врага — черта (в человеческом или зверином образе), великана, людоеда и т. д. — в общем, «плохого парня», является для селькупского фольклора нормой. Далеко не все молодые пары, соединившись, живут «долго и счастливо»: после женитьбы герой часто убивает свою молодую жену, причем настолько часто, что это действие следует считать законом жанра. Сюжет с гибелью новоиспеченных жен, определенно, очень древний, хотя бы потому, что трудно понимаем, и потому, что селькупский фольклор в целом сохранил очень архаичные черты. Концовка же «жить долго и счастливо» нам привычна и понятна, аналогичные финалы имеются почти во всех современных адаптированных сказках, из чего можно заключить, что они были добавлены в древний селькупский сюжет о вступлении героев в брачные отношения в более позднее время.

Объяснение смерти невинных девушек и стариков

Закономерность убийства молодых жен в рассматриваемом сюжете позволяет дать объяснение смерти невинных девушек: девушки перед смертью тоже выходили замуж/сожительствовавали с убиавшим их героем. В некоторых текстах, где погибают девушки, на их скоротечное замужество содержатся намеки (когда, например, *Ича*, перед тем как убить дочерей черта, сажает их себе на колени), в других на него указывает факт убийства: замужество маркируется смертью. То есть невинные девушки и молодые жены в селькупском фольклоре составляют одну категорию героев.

Как правило, девушка погибает от рук своего жениха/мужа, но умертвить ее может и другой мужчина из семьи ее мужа или ее родной семьи, например, собственный отец¹, хотя тексты, где девушку

¹ По сюжету одной из сказок, *Ича* во время промысла попадает в чум, где застаёт девушку — одну, без родителей. Девушка поит его чаем, и он уходит. Вернувшийся отец отрезает девушке уши и бросает её умирать на чумовище. *Ича* спасает девушку от черта-старика, растоптав его своими оленями, приживляет ей уши обратно и женится на ней. Затем они, не держа обид, находят родителей девушки и остаются жить рядом с ними [Кузнецова и др. 1993: 53–54]. Отрезание отцом ушей дочери служит метафорой ее смерти.

умерщвляет отец, в селькупском фольклоре редки и являются, скорее, исключением из правил.

Объяснение смерти девушек и молодых женщин, сделанное на селькупском материале, подтверждается теорией изучавшего обряды перехода А. Геннепа [Genep 1960]. А. Геннепом было впервые выявлено, что в архаических обществах замужество девушки представлялось ее символической смертью в отцовской семье и таким же символическим возрождением в семье мужа.

Согласно теории А. Геннепа, «смерть» девушек наступала во время прохождения ими обряда инициации — испытания на предмет готовности к замужней жизни. В селькупских сказках много внимания уделяется женским способностям выполнять домашнюю работу. Молодые жены героев погибают не сразу по выходе замуж, а спустя какое-то время: до дня своей смерти они живут с мужем, варят еду, шьют, ухаживают за свекровью. В этот период девушки, очевидно, и проходят тот самый обряд инициации.

Не все молодые женщины справляются с домашней работой хорошо, ленивых и криворуких жен мужа бросают или отдают обратно в родительскую семью. Есть два варианта трактовки этого действия: в первом варианте сказка транслирует определенную мораль, постулирует, какой надлежит быть молодой жене. Во втором варианте это действие создает отрицательную характеристику женщинам «чужого» рода и служит метафорой описания враждебных отношений двух брачующихся родов.

В результате военных действий между враждующими родами погибают родственники с разных сторон, вслед за невестами принимают смерть старики — родители молодых и совсем древние бабушки¹.

Смерть стариков служит метафорой смены поколений, рождения новой жизни. Однако главная идея расправ со старшим поколением и всех прочих враждебных дей-

¹ Старухи — чёртовы матери — очень «древние», «огромные», живут под землёй, обладают волшебными способностями: у одной из них вместо подушки камень, вторая имеет волшебную перину и т. д. По всем признакам они — образы духа высокого ранга, духа-предка рода, фратрии или народа.

ствий между членами двух родов другая: через категорическое противопоставление, разделение и вражду обозначить две родовые группы, связанные брачно-родственными узами и отразить «правильную» дуальную модель социального устройства.

О фратриальном устройстве селькупского общества и его отражении в фольклоре

Доказательства того, что еще сто лет назад селькупы действительно имели фратриальное (экзогамное) общественное устройство, и браки заключались только между молодыми людьми из противоположных фратрий, были собраны советскими исследователями Г. Н. и Е. Д. Прокофьевыми, в частности они содержатся в описании церемонии оживления бубна, сделанном Г. Н. Прокофьевым [Прокофьев 1930]².

На церемонию, которая устраивалась два раза в год — весной и осенью, — съезжались все члены племени, две «половины народа». Одна половина, как пишет Г. Н. Прокофьев, была представлена «группой зятьёв» («людей *Ия/Ичи*»), вторая — «группой тестей». В описании ритуала группы «зятьёв» и «тестей» разделены и противопоставлены: у каждой из них своя мифическая дорога, по которой идут их шаманы; в финальный момент церемонии группа «зятьёв» делает поворот по солнцу, а группа «тестей» — против солнца (поворот против солнца в представлениях селькупов маркируется отрицательным знаком и указывает на связь с миром духов). В конце мистического путешествия перед жилищем общего предка всего племени старухи *Илынтель кот*а пути «зятьёв» и «тестей» сливаются.

В отражении фратриального экзогамного устройства селькупского общества фольклор и обряд используют один общий способ, а именно, противопоставляют и разделяют «половины» народа, маркируют их разными знаками — положительным и отрицательным. Нужно отметить, что знак, которым наделяется та или иная фратрия,

² «Церемония оживления бубна у остяко-самоедов» Г. Н. Прокофьева легла в основу статьи Е. Д. Прокофьевой «К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия)» [Прокофьева 1952].

непостоянен, он меняется в зависимости от того, кто представляет фратрию в данный конкретный момент — «зять» или «тесть». Отрицательный знак она будет иметь, если находится на позиции «тестей».

Деление общества на две половины фольклор объясняет через враждебность одной группы родственников другой. Для нас облик противоборствующих героев кажется гиперболизированным, жестокость вражды — неоправданной, но на самом деле это все просто коды, через которые фольклор описывает представления народа об устройстве общества. «Структурализм К. Леви-Стросса возводит такой способ отражения действительности к дуализму человеческого мышления [Lévi-Strauss 1964; Lévi-Strauss 1967; Lévi-Strauss 1968; Lévi-Strauss 1971].

В дополнение к объяснению мотива родственной вражды можно предположить, что в глубококом прошлом две половины народа были разными народами, жившими по соседству. Они, как это водится, вели перманентные войны за уголья, скот, женщин, роднились «военным» способом — брали себе в жены женщин побежденного [Степанова 2017: 45–47], затем, постепенно, стали вступать в мирные браки, один народ ассимилировал другого, образовались фратрии, и память о соседских войнах стала питать фратриальную вражду героев фольклора.

Заключение

Мотив родственной вражды в селькупском фольклоре описывает экзогамную модель общественного устройства, разделение селькупского народа на фратрии. Главная мораль, норма общественного поведения, которую он транслирует новым поколениям — при создании семьи брать себе пару только из членов противоположной фратрии.

Фольклор постулирует разделение народа на брачующиеся половины через метафору вражды/войны, которую ведут между собой сказочные герои-родственники, принадлежащие к фратриям «зятьев» и «тестей». Жестокость войны, не щадящая ни невинных девушек, ни их родителей, ни старух — духов-предков рода — фольклорный прием, подчеркивающий радикальность фратриального деления. Разделительный смысл не-

сет также описание представителей разных фратрий с помощью пар противоположных символов: «хороший» — «плохой»¹, «свой» — «чужой», «трудолюбивый» — «ленивый», «мастер» — «неумеха», «простой селькуп» — «черт», «умный» — «глупый» и т. д.

Положительными характеристиками наделяются, как правило, представители фратрии «зятьев». Статус фратрий переменен, он зависит от того, кто их представляет в каждом конкретном случае — «зять» (жених, муж) или «тесть». Разделяя народ на половины, фольклор в то же время объединяет его в одно целое (всякое противопоставление объединяет): связывает членов противоположных половин брачно-родственными отношениями²; смысл разделения и вражды — сделать брачные отношения народа «правильными».

Убийство мужчинами-«зятьями» свежеиспеченных жен из фратрии «тестей» акцентирует разделение народа на две брачные половины, но в еще большей степени служит реализации другой древней человеческой идеи — представления о том, что, выходя замуж, девушка умирает в родительской семье и возрождается в семье мужа. Перед смертью молодые жены проходят обряд инициации: мужья или свекры со свекровьями испытывают невесток на предмет трудолюбия и умения вести домашнее хозяйство. Фольклор содержит предписания молодым девушкам не быть ленивыми, уметь готовить, шить одежду, убирать и ухаживать за свекровью, в чем видится единственная понятная в современных реалиях мораль.

¹ Считается, что пара противоположных символов «хороший» — «плохой» не принадлежит к бинарным оппозициям, а принадлежит к относительным понятиям, однако симпатия сказки всегда находится на стороне «своего» — умного, ловкого, сильного, умелого «простого селькупа», он описывается хорошим, а «чужой» — плохим, поэтому автор не понимает, почему пара «хороший» — «плохой» не должна стоять в этом ряду.

² Если разделение общества на половины и описание героев с помощью пар противоположных символов укладываются в теорию К. Леви-Стросса, то слияние народа в одно целое — «это уже совсем другая история».

Полевые материалы автора

- ПМА 2008 — Материалы экспедиционной поездки в Красноселькупский район Тюменской области Ямало-Ненецкого автономного округа (июнь-июль 2008 г.) // Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. К-1. Оп. 2. № 1870.
- ПМА 2014 — Материалы экспедиции в Туруханский район Красноярского края (сентябрь 2014 г.) // Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. К-1. Оп. 2. № 2247.
- ПМА 2015 — Материалы экспедиции в Пуровский и Красноселькупский районы Ямало-Ненецкого АО (июнь 2015 г.) // Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. К-1. Оп. 2. № 2270.

Литература

- Золотарёв 1964 — *Золотарёв А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
- Казакевич 1998 — *Казакевич О. А.* Фольклорная традиция северных селькупов сегодня // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 205–212.
- Кузнецова и др. 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Селькупские тексты // Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М.: МГУ, 1993. С. 44–88.
- Пелих 1963 — *Пелих Г. И.* К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов (2-я половина XIX в) // Труды Томского государственного университета. Т. 165. Томск: ТГУ, 1963. С. 137–148.
- Прокофьев 1930 — *Прокофьев Г. Н.* Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия Ленинградского государственного университета. Т. II. Л.: ЛГУ, 1930. С. 365–373.
- Прокофьев 1935 — *Прокофьев Г. Н.* Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Ч. 1. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1935. 131 с.
- Прокофьева 1952 — *Прокофьева Е. Д.* К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 18. М.; Л.: Наука, 1952. С. 88–107.
- Селькупские сказки 1951 — Селькупские сказки // Сказки народов Севера. М.; Л.: Художественная литература, 1951. С. 135–139.

Author's Field Data

- Krasnoselkupsky District (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Tyumen Oblast, Russia), June–July 2008: Expedition materials. At: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), Archives. Coll. K-I. Cat. 2. File no. 1870. (In Russ.)
- Purovsky and Krasnoselkupsky Districts (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Tyumen Oblast, Russia), June 2015: Expedition materials. At: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), Archives. Coll. K-I. Cat. 2. File no. 2270. (In Russ.)
- Turukhansky District (Krasnoyarsk Krai, Russia), September 2014: Expedition materials. At: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), Archives. Coll. K-I. Cat. 2. File no. 2247. (In Russ.)

- Соколова 1970 — *Соколова З. П.* Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири XVII – начало XX в. М.: Наука, 1970. С. 103–154.
- Степанова 2012 — *Степанова О. Б.* Фольклор северных селькупов: полевые сборы 2004, 2005 и 2008 гг. Часть I // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 5–31.
- Степанова 2017 — *Степанова О. Б.* Фольклор северных селькупов (полевые сборы 2004, 2005, 2008 гг.). Часть II // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 17. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 37–67.
- Степанова 2018 — *Степанова О. Б.* Фольклор северных селькупов: полевые сборы 2012 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 18. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 6–23.
- Тучкова, Хелимский 2010 — *Тучкова Н. А., Хелимский Е. А.* О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку. Hamburg: Institut Finnougristik/Uralistik der Universität, 2010. 136 с.
- Dundes 1997 — *Dundes A.* Binary Opposition in Myth: The Propp / Levi-Strauss Debate in Retrospect. Western Folklore. 1997. No. 56. Pp. 39–50.
- Gennep 1960 — *Gennep A. van.* The rites of passage. London and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1960. 198 p.
- Lévi-Strauss 1964 — *Lévi-Strauss C.* Mythologiques. Vol. I. Paris: Plon, 1964. 399 p.
- Lévi-Strauss 1967 — *Lévi-Strauss C.* Mythologiques. Vol. II. Paris: Plon, 1967. 448 p.

- Lévi-Strauss 1968 — *Lévi-Strauss C. Mythologiques*. Vol. III. Paris: Plon, 1968. 464 p.
- Lévi-Strauss 1971 — *Lévi-Strauss C. Mythologiques*. Vol. IV. Paris: Plon, 1971. 784 p.

References

- Dundes A. Binary opposition in myth: The Propp/Levi-Strauss debate in retrospect. *Western Folklore*. 1997. No. 56. Pp. 39–50. (In Eng.)
- Gennep A. van. The rites of passage. London and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1960. 198 p. (In Eng.)
- Kazakevich O. A. Contemporary folklore tradition of Northern Selkups. In: Siberia through Millennia. Symposium proceedings. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 1998. Vol. 2. Pp. 205–212. (In Russ.)
- Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu., Khelimsky E. A. Selkup texts. In: Essays on Selkup. Tazovsky Dialect. Moscow: Moscow State University, 1993. Vol. 2. Pp. 44–88. (In Russ.)
- Lévi-Strauss C. *Mythologiques*. Paris: Plon, 1964. Vol. I. 399 p. (In Fr.)
- Lévi-Strauss C. *Mythologiques*. Paris: Plon, 1967. Vol. II. 448 p. (In Fr.)
- Lévi-Strauss C. *Mythologiques*. Paris: Plon, 1968. Vol. III. 464 p. (In Fr.)
- Lévi-Strauss C. *Mythologiques*. Paris: Plon, 1971. Vol. IV. 784 p. (In Fr.)
- Pelikh G. I. Narym Selkups, mid-to-late 19th c.: Clan and tribal system revisited. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1963. Vol. 165. Pp. 137–148. (In Russ.)
- Prokofiev G. N. Selkup (Ostyak-Samoyed) Language. Selkup Grammar. Leningrad: Institute of Peoples of the North (All-Union Central Executive Committee), 1935. Vol. 1. 131 p. (In Russ.)
- Prokofiev G. N. Vitalizing a buben: The Ostyak-Samoyed ceremony reviewed. *Izvestiya Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1930. Vol. II. Pp. 365–373. (In Russ.)
- Prokofieva E. D. Selkup social structure revisited: clan and phratry. In: Collected Papers on Siberian Ethnography. Transactions of the Institute of Ethnography (USSR Academy of Sciences). Vol. 18. Moscow; Leningrad: Nauka, 1952. Pp. 88–107. (In Russ.)
- Selkup folktales. In: Peoples of the North and Their Folktales. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1951. Pp. 135–139. (In Russ.)
- Sokolova Z. P. Ob Ugrians and Selkups: Social structure revisited. In: Social System of North Siberian Peoples, 17th – Early 20th Centuries. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 103–154. (In Russ.)
- Stepanova O. B. Folklore of Northern Selkups: Field data, 2004, 2005 and 2008. Part I. In: Field Research Materials by Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS). St. Petersburg: Kunstkamera (RAS), 2012. Vol. 12. Pp. 5–31. (In Russ.)
- Stepanova O. B. Folklore of Northern Selkups: Field data, 2004, 2005, 2008. Part II. In: Field Research Materials by Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS). St. Petersburg: Kunstkamera (RAS), 2017. Vol. 17. Pp. 37–67. (In Russ.)
- Stepanova O. B. Folklore of Northern Selkups: Field data, 2012. In: Field Research Materials by Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS). St. Petersburg: Kunstkamera (RAS), 2018. Vol. 18. Pp. 6–23. (In Russ.)
- Tuchkova N. A., Khelimsky E. A. Über die selkupischen Sprachmaterialien von Angelina I. Kuz'mina (Revisiting Selkup Language Materials Collected by Angelina I. Kuzmina). Hamburg: Institut Finnougistik/Uralistik der Universität Hamburg, 2010. 136 p. (In Russ. and Germ.)
- Zolotarev A. M. Clan System and Primitive Mythologies. Moscow: Nauka, 1964. 328 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2022. Т. 15. № 1

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 15.04.2022.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 20,9.
Тираж 100 экз. Заказ 03-22.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Соучредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»
(Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, д. 71)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

